

ГЕРМАНИЗАЦІЯ

БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАВШЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

ВСТРАНОУДИНАВШЕГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРОШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. С. БАЛАШЕВА.

Казанскій университетъ, Восточныя и Западныя славяне, т. 2, № 20 - 1

1876.

Perwolf, J.
//

Илл.

ГЕРМАНИЗАЦІЯ БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEBA.

Еваторинскій каналъ, между Вознесенскихъ и Маріинскихъ мостовъ, д. № 90—1.

1876.

Гос. Публ. Библ.
С. П. Петербургъ

ИРК 08м-12329.

Памяти Гуклома.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Введение	1
Славянская колонизация полабско-балтийских земель	24
I. Залабские Славяне	34
1. Славяне люнебургские	39
2. Славяне в Старой Маркѣ	66
II. Брижане и Стодоране	76
III. Ратары	101
IV. Украинцы	104
V. Любушская земля	109
VI. Новая Марка	113
VII. Вагры	119
VIII. Полабляне и западные Бодричи	129
IX. Бодричи и западные Лютичи	146
X. Рана	180
XI. Поморяне	212
Слѣды славянства в нижнепѣмскомъ народонаселеніи	256
Заключение	260

Nunc vero, quia Deus duci nostro et ceteris principibus salutem et victoriam large contribuit, Sclavi usquequaque protriti atque propulsi sunt; et venerunt adducti de finibus Oceani populi fortes et innumera-biles, et obtinuerunt terminos Sclavorum, et aedifica-verunt civitates et ecclesias, et increverunt divitiis super omnem aestimationem.

Helmoldi Chron. Slav. I. c. 88.

Въ средней Европѣ совершается уже больше чѣмъ тысячу лѣтъ важный и интересный процессъ: въ ней происходитъ борьба двухъ великихъ племенъ арійскихъ, *нѣмецкаго* и *славянскаго*, борьба упорная, составляющая такъ сказать жизненный вопросъ того и другого племени. Завязалась она въ незапамятныя времена, еще съ самаго начала исторіи обоихъ племенъ, и продолжается до сихъ поръ, такимъ именно образомъ, что племя нѣмецкое подвигается все больше и больше *на востокъ въ ущербъ племени славянскому*. Славяне, сталкиваясь и сражаясь съ нѣмцами, въ борьбѣ погибають или поглощаются побѣдоноснымъ элементомъ нѣмецкимъ.

Еще семь столѣтій слишкомъ тому назадъ всѣ земли на правомъ берегу Лабы—теперь корень могучей германской имперіи—были населены почти исключительно племенемъ славянскимъ, а нѣмецкій элементъ былъ тутъ лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Во второй половинѣ XII вѣка падаетъ независимость полабскихъ и балтійскихъ Славянъ окончательно: на развалинахъ славянскихъ возникаютъ новыя государственныя тѣла, либо чисто нѣмецкія либо оиѣмченныя славянскія. Славянскій элементъ мало по малу уступаетъ передъ наступающимъ элементомъ нѣмецкимъ, и наконецъ исчезаетъ совсѣмъ.

Прослѣдить этотъ постепенный процессъ германизациі у балтійскихъ Славянъ—вотъ цѣль этой книги. *Балтійскими-же Славя-*

нами называется *Бодричей*, *Велетовъ* или *Лютичей*, и *Поморянъ*, т. е. тѣхъ Славянъ, которые жили въ земляхъ прибалтійскихъ, полабскихъ и поодрянскихъ, начиная съ Травны, Бѣлины, Ильменавы и Оры далеко на востокъ за Персанту, на югъ-же за Гаволу и до Варты и Нотеци ¹⁾).

Вся исторія балтійскихъ Славянъ—одна только трагедія. Едва они заняли свои земли, завязывается упорная борьба между ними и ихъ западными сосѣдами, вѣковыми врагами Славянъ, Германцами, Нѣмцами и Скандинавами. Къ племенной враждѣ присоединяется вражда религіозная. Славяне упорно держатся вѣры своихъ отцовъ, и не соглашаются никоимъ образомъ замѣнить ее новой вѣрой, христіанствомъ. Это понятно. Кто же является апостолами Христова ученія? Нѣмецкіе епископы и священники, окруженные полками ратниковъ, въ одной рукѣ держатъ крестъ, а въ другой мечъ; они заставляютъ Славянъ отказываться отъ Святовита, чтобъ преклониться передъ святымъ Витомъ и платить подать епископамъ — бископовницу; вооруженные помощники тѣхъ апостоловъ лишаютъ Славянъ свободы, налагаютъ на нихъ другую подать, герцогу—войводницу. Не мудрено, что Славяне всѣми силами стараются прогнать этихъ непрошенныхъ гостей, которые однако не перестаютъ навязываться. „Нѣмцы добиваются славы и обширнаго господства, Славяне же сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства“—такъ характеризуетъ эту борьбу уже въ X вѣкѣ одинъ нѣмецкій-же монахъ.

Но Славяне не отстояли своей свободы и самостоятельности, и подпали подъ власть жаждущихъ славы и господства Нѣмцевъ.

Посмотримъ на оба воюющіе лагеря. Нѣмцы выступаютъ противъ своихъ враговъ подъ предводительствомъ своихъ императоровъ-королей, окруженныхъ герцогами, маркграфами, епископами. Съ другой стороны наѣзжаютъ на балтійскихъ Славянъ хищные короли датскіе. Обоиими германскими племенами руководить одна сосредоточенная власть, ихъ короли направляютъ силы подвластныхъ своихъ народовъ, своихъ государствъ, на одну цѣль, порабощеніе Славянъ-язычниковъ. Что-же дѣлаетъ другая сторона, Славяне? У нихъ не прекращаются внутреннія распри, драки, междоусобицы, нигдѣ не возникаетъ сильное государство, которое

¹⁾ Восточные Поморяне не входятъ въ наше изслѣдованіе; они, примкнувъ къ Польшѣ, не подверглись такой германизаци, какъ Поморяне западные.

было-бы въ состояніи поднять борьбу съ сосредоточенными Нѣмцами и Датчанами. Въмѣсто того видимъ, какъ то или другое племя славянское одно съ своими силами нападаетъ на Нѣмцевъ; если и соединяется нѣсколько племень въ одно цѣлое, и дѣйствуютъ сообща, то это не длится долго, и какъ скоро виновникъ такого союза, сильный князь, сходитъ со сцены, возобновляется старая славянская разрозненность. Мало того. По славянскому обычаю, племена балтійскихъ Славянъ ненавидятъ другъ друга до такой степени, что они не только живутъ въ непрерывныхъ дракахъ, но даже помогаютъ нѣмецкимъ наѣздникамъ другъ противъ друга. Если христіанскіе Поляки и Чехи, во имя христіанства забывъ чувство одноплеменности, идутъ на помощь Нѣмцамъ противъ Бодричей и Лютичей, то это еще понятно; вѣдь въ средніе вѣка суть всей духовной жизни была религія, поглощая всѣ остальные чувства и стремленія человѣчества. Но что же сказать, если видимъ, какъ языческіе Бодричи изъ слѣпой ненависти къ Лютичамъ спѣшать Нѣмцамъ на помощь противъ этихъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, единовѣрцевъ и соплеменниковъ? Что-же сказать, если даже племена Лютичей неистово воюютъ другъ съ другомъ и наконецъ призываютъ на помощь Нѣмцевъ? Польскій князь Болеславъ задумываетъ великолѣпный планъ соединить всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государство, начинаетъ съ успѣхомъ борьбу съ римско-нѣмецкой имперіей, грозитъ Нѣмцевъ на повалъ. Можно-бы было ожидать, что всѣ западные Славяне съ восторгомъ сгруппируются около сильнаго своего князя соплеменника, что они всѣ подъ его побѣдоносными знаменами пойдутъ на вѣковаго своего врага. Но — увы, на дѣлѣ выходитъ иначе. Чехи предпочитая общимъ интересамъ славянскимъ свою династію Премысловичей, съ помощью Нѣмцевъ прогоняютъ Болеслава изъ Праги; Лютичи сами подстрекаютъ нѣмецкаго короля Генриха противъ Болеслава, и охотно примыкаютъ къ нѣмецкому войску, и ихъ богъ Сварожичъ идетъ дружелюбно рука объ руку съ патрономъ Саксовъ, св. Маврикіемъ, такъ что этотъ неестественный союзъ возмущаетъ даже одного нѣмецкаго мисіонера.

При такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ ослѣпленіи западныхъ Славянъ нельзя удивляться, что они наконецъ падаютъ въ неравную борьбѣ. На ихъ могилахъ водружаютъ Нѣмцы побѣдители крестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и свое знамя — знамя нѣмецкой народности.

Земли между нижней Одрой и Лабой являются въ вѣкъ V-го вѣка востѣ Р. К. заселенными многочисленными племенами славянскими. Северо-западный уголъ занимали *Бодричи* или *Ободричи* (Вагры, Полабине, Бодричи, Варны и др. ¹⁾), на востокъ и на югъ отъ нихъ жили *Велети* или *Лютити* (Ране, Хикаве, Чрезъиляне, Ратаре, Украине, Брижале, Стодоряне и др.), за Одрой—*Поморяне*.

Эти три главныхъ племени балтійскихъ Славянъ составляли часть того національнаго цѣлаго, которое простиралось отъ балтійскаго моря на югъ черезъ земли лабскія, одрянскія и вислянскія до Карпаты, и которое—по примѣру перваго лѣтонисца русскаго—можно назвать отраслью *ляхско-славянскою*: „Словѣни пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзи Лютити (им. Лютити), или Мазовшане, или Поморяне.“ Это національное единство ляхскихъ Славянъ помнятъ въ Польшѣ еще въ XIII вѣкѣ, оно видно между прочими и въ ихъ языкѣ; характеристическій знакъ ихъ языка—полное господство носовыхъ звуковъ (ж, љ), которыхъ въ языкѣ южныхъ и восточныхъ сосѣдей Ляховъ, отрасли полябско—сербской, чешской и русской или совсѣмъ не достаетъ, или они составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе ²⁾.

Ляховъ раздѣлила исторія на двѣ половины. Восточная ихъ половина, племена жившія на верхней Одрѣ и по Вислѣ, Славяне, Хорваты, Поляне, Мазовшане и восточные Поморяне, сгруппировались около князей племени *Полянъ*, и составили съ теченіемъ времени одно національное и политическое цѣлое, народъ *польскій*, *Польшу*. Между тѣмъ западные Ляхи такого національнаго и политическаго единства не достигли; у нихъ упрочилось племенно, раздробленіе, а не образовалось національное и политическое единство.

Главнымъ содержаніемъ исторіи балтійскихъ Славянъ — это, какъ уже сказано, непрерывная упорная борьба съ племенемъ германскимъ, съ Норманами, Датчанами и Нѣмцами. Первые, отдѣленные отъ Славянъ моремъ, не могли, конечно, дѣйствовать такъ,

¹⁾ Въ исторической наукѣ принято предлагаемое Шафарикомъ названіе *Бодричи*, и мы за неизмѣнимъ другого—его здѣсь тоже употребляемъ; но кажется, въ названіи «Ободричи» скрывается другое названіе, въ родѣ Ободричей т. е. жителей «объ Одрѣ».

²⁾ Знаками ж и љ означаемъ въ этой книгѣ звуки переданныя въ латинскихъ памятникахъ черезъ an, en, in, un и пр., польск. a, e.

какъ Нѣмцы, сухопутные сосѣди Славянъ по всей лабской линіи. Столеновенія Нормановъ и Славянъ носятъ характеръ морскихъ разбоевъ; то Норманы нападаютъ на балтійское поморье славянское, то опять балтійскіе Славяне опустошаютъ страны датскія и скандинавскія. Болѣе опасными врагами Славянъ сдѣлались Норманы, особенно же Датчане, какъ христіанскіе союзники своихъ соплеменниковъ Нѣмцевъ.

Постоянныя племенные войны между полабскими Нѣмцами, именно Саксами, и Славянами приняли—послѣ крещенія Саксовъ—другой характеръ: къ борьбѣ племенной присоединилась борьба религіозная, и побѣдитель и креститель Саксовъ, король Франковъ, въ послѣдствіи императоръ римскій, Карлъ, направляетъ силы всѣхъ подвластныхъ себѣ нѣмецкихъ племенъ противъ всѣхъ западныхъ Славянъ. Воинственные Велеты покоряются Карлу, а въ его войскѣ находятся вѣрные его союзники противъ своихъ соплеменниковъ, Бодричи, эти „наши Славяне“, какъ ихъ честили сами Нѣмцы. Карлъ и его преемники распоряжаются въ странахъ балтійскихъ Славянъ, своихъ данниковъ; Карлъ назначаетъ бодричскихъ Дражка и Славоміра великими князьями славянскими, а Людовикъ рѣшаетъ вопросъ о занятіи княжескихъ столовъ у Бодричей и у Лютичей. Къ такому вмѣшательству побуждали нѣмецкаго государя сами недовольные своими князьями Славяне.

Раздѣленіемъ великой державы Франковъ Славяне не сумѣли воспользоваться; они отказываются отъ дани, постоянно воюютъ съ новымъ своимъ сосѣдомъ, королемъ нѣмецкимъ—но всѣ ихъ военныя дѣйствія страдаютъ недостаткомъ обдуманнаго плана, ограничиваясь сраженіями отдѣльныхъ племенъ съ Нѣмцами. Упавшее въ славянскихъ странахъ нѣмецкое владычество возобновлено уже въ первой половинѣ X-го вѣка; герцогъ Саксовъ, Генрихъ, избранный въ короли нѣмецкіе, взялся энергически за покореніе Славянъ; завоевана земля стодорская, поражены Лютичи, именно Ратары, и Бодричи. Образъ дѣйствій Генриха относительно Славянъ продолжалъ и его сынъ и преемникъ нѣмецкій король и римскій императоръ *Оттонъ*. Нѣмецкое владычество у тѣхъ Славянъ упрочено пбленіемъ нѣсколькихъ десятковъ князей, рядомъ побѣдъ, и наконецъ устройствомъ особыхъ военныхъ укреплень, маркъ. Въ числѣ послѣднихъ была одна на нижней Лабѣ, въ Саксоніи противъ Бодричей, другая же, такъ называемая Сѣверная—управляемая извѣстнымъ Славяноубійцей Герономъ — учреждена

противъ Лютичей. Всѣ эти племена отъ Лабы до Одры сдѣлались данниками короля и императора. Рядомъ съ этими свѣтскими порядками водворилось у Славянъ и новое устройство церковное; вѣдь пораженные Славяне — по мѣткому замѣчанію одного лѣтописца— „обѣщали добровольно королю дань, а богу христіанство“. До половины X-го вѣка основаны въ ихъ земляхъ три епископіи, въ *Альденбургѣ* для Бодричей и сѣверныхъ Лютичей, и въ *Гавельбергѣ* и *Бранденбургѣ* для остальныхъ Лютичей; первая подчинена гамбургскому, двѣ другія магдебургскому архіепископамъ. Христіанство пускало впрочемъ очень слабыя корни въ странахъ славянскихъ, и его зачатки скоро исчезли въ новомъ, повсемѣстномъ движеніи Славянъ.

Въ 983 году возникло всеобщее возстаніе балтійско-полабскихъ Славянъ, которое кончилось прогнаніемъ Нѣмцевъ за Лабу и истребленіемъ христіанства у Лютичей; только Бодричи остались въ нѣкоторой зависимости отъ Нѣмцевъ. Нѣмецкое владычество на правомъ берегу Лабы у Лютичей совсѣмъ исчезло, власть маркграфа Сѣверной Марки туда не простиралась, епископы гавельбергскій и бранденбургскій скитались въ сосѣднихъ странахъ нѣмецкихъ.

Въ началѣ XI вѣка, казалось, что и на долю западныхъ Славянъ достанется то, что у нѣмецкихъ племенъ было уже нѣсколько вѣковъ, то-есть, образованіе сильнаго государства. Польскій князь Болеславъ поднимаетъ мысли Сама, моравскаго Святополка и чешскихъ Болеславовъ, и начинаетъ собирать племена ляхскія въ одно политическое цѣлое. Въ составъ новаго великаго государства западославянскаго входятъ, кромя Полянъ и Мазовшанъ, и Поморяне, Славяне, карпатскіе Хорваты, Мораване и Словаки. Но у Болеслава есть болѣе обширный планъ; онъ стремится дальше на западъ, отнимаетъ у Нѣмцевъ земли полабскихъ Сербовъ до Лабы, и, наконецъ, садится и на чешскій княжескій столъ въ Прагѣ. Большая часть западныхъ Славянъ вошла въ составъ новаго основаннаго польскимъ Пястовичемъ государства опаснаго сосѣда Германіи. Къ встревоженнымъ Нѣмцамъ явились неожиданно союзники изъ рядовъ самихъ Славянъ. Старинные враги Поляковъ, Лютичи, опасаясь усиленія Болеслава, вдругъ приблизились къ королю нѣмецкому, и изъ заклятыхъ враговъ сдѣлались лучшими его друзьями. Съ другой стороны и Чехи отрываются отъ Болеслава. Такимъ образомъ король нѣмецкій, въ союзѣ съ Лютичами и Чехами, начинаетъ упорную войну съ Болеславомъ, которая кончается

неблагополучно для Германіи; но не удался и планъ польскаго князя,—создать изъ всѣхъ западныхъ Славянъ одно политическое тѣло. Со смертью Болеслава эта опасность исчезла для Германіи совсѣмъ.

Въ половинѣ XI вѣка зарождалось у Бодричей болѣе сильное государство. Князь *Годескалькъ*, сдѣлавшись изъ врага Нѣмцевъ и христіанства ихъ другомъ и усерднымъ христіаниномъ, соединилъ подъ свою власть всѣ бодричскія и нѣкоторыя лютичскія племена. Вскорѣ наступившая у Бодричей анти-христіанская и анти-нѣмецкая реакція уничтожила съ помощью Лютичей новые порядки, и возстановила старинную вѣру отцовъ, но мысль о болѣе сильномъ государствѣ осталась. Наслѣдство Годескальта принялъ ранскій князь *Крутъ*. Впрочемъ, балтійскіе Славяне опять не сумѣли воспользоваться тогдашнимъ смутнымъ временемъ въ Германіи, да когда самъ король Генрихъ IV старался возбудить Лютичей противъ старинныхъ ихъ враговъ, Саксовъ, обѣщая имъ ихъ землю, то тѣ Славяне въ отвѣтъ нѣмецкому королю сказали, что у нихъ своей земли достаточно, и что они довольны, если могутъ защищать ея границы. Національное и языческое государство Крута скоро смѣнено государствомъ хотя наружно христіанскимъ и опирающимся на Нѣмцевъ; убійца и преемникъ Крута, *Генрихъ Годескальковичъ*, съ помощью Нѣмцевъ сломилъ сопротивленіе балтійскихъ Славянъ и распространилъ границы отъ Вагрии далеко на востокъ за Одру; Бодричи, сѣверные Лютичи и западные Поморяне входили въ составъ государства этого „славянскаго короля“. Со смертью Генриха (ок. 1119 г.) распалось и его государство; только бодричскія земли остались его сыновьямъ; Лютичи и Поморяне— между тѣмъ соединенные въ одно политическое цѣлое — должны были признать верховную власть польскаго князя.

Поморяне, достигнувъ по смерти Болеслава Храбраго самостоятельности, защищали ее противъ Польши цѣлое столѣтіе; съ другой стороны имъ пришлось бороться и съ норманскими викингами, безпрестанно наѣзжавшими на славянское поморье; не даромъ получилъ одинъ шведскій ярль прозвище „убійцы Славянъ (*Vinda myrdir*)“. Въ Поморьѣ, при устьѣ Одры, именно въ *Волинѣ*, водворились еще въ X вѣкѣ норманскіе викинги, которые не мало повліяли и на развитіе морскихъ разбоевъ у балтійскихъ Славянъ. Въ началѣ XII вѣка польскому князю Болеславу удалось, наконецъ, покорить Поморянъ и сдѣлать ихъ своими данниками, и

такимъ образомъ распространить польское владичество глубоко на западъ до рѣки Пѣны и озера морицкаго; ибо и восточные Лютичи около того времени вошли въ составъ поморскаго княжества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Поморяне и соединенные съ ними Лютичи приняли крещеніе, — изъ рукъ Оттона бамбергскаго, — и такимъ образомъ отняли у Нѣмцевъ и у Датчанъ поводъ къ войнамъ подъ предлогомъ религіи.

Не такъ было у Бодричей и у западныхъ и южныхъ Лютичей. У Бодричей старинная вѣра отцовъ восторжествовала еще на короткое время, при князьяхъ *Прибиславъ* и *Никлотъ*, и оба князя пробовали продолжать борьбу съ наступающими Нѣмцами. Но скоро долженъ былъ Прибиславъ покориться; его княжество, обнимавшее земли западныхъ Бодричей (Полабянъ и Вагровъ) присоединено къ Саксоніи. Дольше держался Никлотъ. Первый крестовый походъ Нѣмцевъ и Датчанъ противъ него былъ неуспѣшенъ, но на другой разъ этотъ храбрый защитникъ старины погибъ (1160 г.); Никлотовичи покорились и сдѣлались васалами герцога саксонскаго. Напрасно они еще разъ пытались освободиться отъ нѣмецкаго владительства; возстаніе Славянъ кончилось тѣмъ, что оставшіяся въ живыхъ Никлотовичъ *Прибиславъ* крестился, покорился герцогу и получилъ отъ него почти всю отчину, то-есть земли восточныхъ Бодричей и нѣкоторыхъ смежныхъ племенъ лютичскихъ.

Между тѣмъ и южные Лютичи подпали подъ владичество Нѣмцевъ; марекграфъ Альбрехтъ Медвѣдъ завоевалъ землю Брижанъ и приобрѣлъ землю Сторорянъ, и упрочилъ здѣсь—въ *маркѣ бренденбургской*—свое владичество (1157 г.). Оставалась еще Рана. Семь походовъ долженъ былъ предпринять датскій король противъ Ранъ, и только съ помощью князей бодричскаго и поморскихъ удалось, наконецъ, покорить это послѣднее убѣжище старины (1168 г.); Ране приняли крещеніе, и князь ранскій сдѣлался васаломъ короля датскаго.

Такимъ образомъ всѣ Бодричи, Лютичи и западные Поморяне подпали подъ непосредственное или посредственное владичество Нѣмцевъ, отчасти и Датчанъ.

Балтійскіе Славяне поселились въ своихъ земляхъ — равнымъ образомъ какъ и ближайшіе ихъ соплеменники, остальные западные Славяне — родами, т. е. союзами болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ, семействъ или *мижъ*; родъ жилъ сообща въ своемъ

имѣни — *одынтъ*, подѣ выбираемымъ начальникомъ, старостой, жупаномъ, княземъ. Со временемъ родовой бытъ исчезъ, и родъ замѣнила община, т. е. совокупность людей соединенныхъ уже не кровными связями; но отъ стариннаго родоваго быта остались и въ послѣдствіи нѣкоторые слѣды. На него указываетъ множество мѣстныхъ названій съ патропимическимъ окончаніемъ; такъ напр. названія селъ Славиборичи, Лобковичи, Гостирадичи, — первоначально означаютъ потомковъ, родъ Славибора, Лобка, Гостирада, но потомъ вообще общину, вступившую на мѣсто рода, но съ сохраненіемъ его имени. Остатки родоваго быта — также извѣстныя балтійскимъ Славянамъ названія староста (сторістъ), жупанъ и князь, первоначально названія родоначальниковъ, принявшія потомъ другое значеніе, именно сельскаго старосты, жупана-вельможи, князя-вельможи и князя-государя. Въ знатныхъ родахъ общее владѣніе имѣніемъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ; еще въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ цѣлыя роды, владѣвшіе сообща имѣніемъ, напр. родъ Тѣшимѣричей, который состоялъ изъ нѣсколькихъ двоюродныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей и другихъ родственниковъ, и др.

Нѣсколько родовъ составляло *племя*, т. е. болѣе обширное цѣлое, общественное и политическое. Представителемъ племени былъ *князь* — *кнмъзь*, лицо возвысившееся какимъ бы то ни было образомъ надъ остальными родоначальниками, и часто сдѣлавшее свое достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Князь былъ верховнымъ судьей и войводой (вождемъ) своего племени или народа. Такихъ мелкихъ князей у балтійскихъ Славянъ было много. У *Велетовъ* въ самомъ началѣ ихъ исторіи — кромѣ мелкихъ князей — является и великій князь; великокняжеское достоинство было въ одномъ родѣ, но зависѣло отъ воли народа; народъ выбиралъ великаго князя по своему усмотрѣнію, обыкновенно старшаго въ родѣ, но иногда и младшаго, болѣе способнаго. Въ X вѣкѣ, однако, княжеская власть у Велетовъ упадаетъ; князья отступаютъ на задній планъ, а вся власть переходитъ къ самому народу, который на своихъ сходкахъ рѣшаетъ общественныя дѣла. Только подѣ конецъ существованія Лютичей являются опять князья; такъ было именно у южныхъ племенъ брижанско-стодорскихъ. У *Бодричей*, кромѣ мелкихъ племенныхъ князей, былъ тоже великій князь; княжеская власть развилась здѣсь въ значительной степени, и бодричскіе князья попытались даже основать сильное государство по примѣру сосѣднихъ Нѣмцевъ и Датчанъ, какъ напр. Годескалькъ, Крутъ,

Генрихъ Годескальковичъ. У Поморянъ и соединенныхъ съ ними восточныхъ Лютичей тоже образовалась центральная власть въ лицѣ князя; поморскія общины пользовались значительнымъ самоуправленіемъ. Ранскому князю придавала особое значеніе находящаяся на островѣ святыня бога Сватовита.

Балтійскіе Славяне являются въ самомъ началѣ своей исторіи раздѣленными на высшія и низшія сословія. Первое мѣсто въ государственной и общественной жизни занимала шляхта, знать, — которая называлась вѣроятно *князьями*, — богатые землевладѣльцы, — дѣдичи, совѣтники, сановники и должностныя лица князя-государя. Остальное народонаселеніе жило въ городахъ и селахъ, не отличаясь, впрочемъ, въ юридическомъ отношеніи другъ отъ друга. Городъ или *гардъ* балтійскихъ Славянъ былъ первоначально укрѣпленное, огороженное мѣсто, мѣстопробываніе княжескихъ чиновниковъ, жреца, и — въ случаѣ войны — убѣжище окрестнаго народа; подъ гардомъ было иногда открытое *пригардіе* или *подгардіе* (позже *викъ*), населенное ремесленниками, торговцами и проч. Важными городами балтійскихъ Славянъ были Старгардъ, Любекъ, Дыминъ, Волянъ, Щетинъ, Колобергъ и др. Города были главными мѣстами торговли внутренней и внѣшней; въ Волянъ прибывали купцы нѣмецкіе и русскіе. Въ *весахъ* (селахъ) жили *смарды* (*смерды*), поселяне подъ своими *старостами*; поселяне были люди лично свободные, — въ Поморьѣ они имѣли право носить копьѣ, — но обремененные разными тяжелыми работами относительно государства и князя; они были подвержены круговой порука, должны были нести всеобщую воинскую повинность, или какъ это называлось, „ополченіе славянскаго народа“, строить и поправлять города, дороги, мосты, платить подать (вѣроятно *порадне*, т. е. подать по ралу) съ поземельной собственности, деньгами и натурой (*осепъ*, *восопъ*) и разныя пошлины, угощать и кормить путешествующаго и охотящагося князя и его чиновниковъ (*гоститва*, *наръзь*), доставлять имъ подводы (*преводъ*) и другія разныя удобства, вообще — нести многочисленныя повинности по „праву славянскому“. Славяне какъ данники имперіи римской, платили подать деньгами и натурой императорамъ, герцогамъ-войводамъ (*войводницю*), маркграфамъ, графамъ; Поморяне были въ некоторое время данниками польскихъ князей. Наконецъ, — послѣ введенія христіанства, — обязаны были платить и епископамъ-бископамъ или общую тогда десятину, или

особую славянскую, такъ-называемую *бископовницу* (бископницу), натурой и деньгами.

Кромѣ лично свободнаго народонаселенія были и люди несвободные, *невольники*, *рабы*, считавшіеся имуществомъ своихъ господъ. Рабы были большею частью плѣнники, и непрерывныя, упорныя войны въ странахъ балтійскихъ и полабскихъ доставляли Славянамъ рабовъ нѣмецкихъ, датскихъ и славянскихъ; ибо и между собою воюющіе Славяне бросали своихъ плѣнниковъ въ тяжкую неволю. Съ другой стороны многочисленныя плѣнники славянскіе наполняли базары Германіи и остальной западной Европы, такъ что тутъ названіе „Славянинъ“ приняло даже значеніе „склава“ — раба. Кромѣ плѣнниковъ попадали въ неволю, на „подачу“, и неоплатные должники.

Средоточіемъ племени было укрѣпленное мѣсто, *гардъ* (городъ); если племя было побольше, то и у него было больше городовъ. Къ гарду принадлежалъ извѣстный округъ, извѣстная земля. Городъ былъ для окрестнаго народонаселенія средоточіемъ судебно-административнымъ, военнымъ и религіознымъ. Въ городѣ жилъ князь или его намѣстникъ (вастелянъ) и другіе должностныя лица; въ немъ была корчма, куда вносились подати, храмъ; въ городъ собирался народъ на сходки, на храмовыя праздники, и стекался въ случаѣ опасности; повинность постройки, починки и защиты города лежала на окрестныхъ жителяхъ. На этомъ городовомъ устройствѣ основывался — послѣ возникновенія болѣе обширныхъ политическихъ цѣлхъ, государство — государственный строй у балтійскихъ Славянъ. Въ этомъ строѣ не малое участіе принималъ и самъ народъ, преимущественно его высшія сословія — шляхта. Народъ сходился на *снemaхъ* или *сеймахъ*, *опцахъ* (вѣчахъ), — такъ назывались, вѣроятно, эти общія сходки по примѣру Чеховъ, Сербовъ и Поляковъ, — и на нихъ, вмѣстѣ съ княземъ (у Лютичей же нѣкоторое время и безъ князя) совѣщался и рѣшалъ публичныя дѣла, о войнѣ и мирѣ, разныя судебныя дѣла, и пр.

Религія балтійскихъ Славянъ, — изъ-за которой они такъ упорно боролись, — основывалась, какъ и у остальныхъ Славянъ, на обожаніи природныхъ силъ. Но такъ какъ у балтійскихъ Славянъ старинныя вѣрованія сохранились до самаго паденія славянской независимости, то они успѣли развиться въ болѣе полную систему; природныя силы превратились въ божества, чтимыя въ видѣ кумировъ. Балтійскіе Славяне чтили одного наивысшаго бога, *Сварога* (т. е.

небо), отъ котораго происходили всѣ остальные боги, именно *Сварожичъ*, т. е. сынъ Сварога, солнце, носившее имя *Свѣтовитъ*, т. е. святой свѣтъ, *Бѣлбогъ*, бѣлый, свѣтлый богъ, *Триглавъ*, богъ трехглавый. Такъ какъ у балтійскихъ Славянъ война стала на первомъ планѣ, то и Свѣтовитъ, или—какъ у нѣкоторыхъ балтійскихъ Славянъ назывался — *Яровитъ*, принялъ характеръ бога войны; мирныя же занятія поручены *Радигостю*. Со временемъ развилось представленіе и о противоположномъ Бѣлбогу божествѣ, *Чернобогъ*, зломъ богъ. Кажется, балтійскіе Славяне знали и другаго Сварожича, огонь, именно небесный, молнію, *Перуна* или *Перена*. Кромѣ этихъ главныхъ божествъ было множество частныхъ, мѣстныхъ боговъ; сохранились и остатки стихійнаго поклоненія священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, источникамъ. Богослуженіемъ завѣдывало особое сословіе жрецовъ въ многочисленныхъ храмахъ; главные храмы были въ Радигощѣ, Арконѣ и Щетинѣ.

Съ паденіемъ самостоятельности и старинной религіи славянской, произошелъ рѣшительный переворотъ въ дальнѣйшемъ развитіи балтійско-полабскихъ странъ. Германскій элементъ и христіанство восторжествовали въ странахъ по Лабѣ, Одрѣ и балтійскому морю: западныя Бодричи, Вагры и Полабяне, южныя Лютичи, Брижане и Стодоряне, подпали подъ непосредственную власть нѣмецкихъ господъ, герцога саксонскаго и маркграфа бранденбургскаго; князья восточныхъ Бодричей и сѣверовосточныхъ Лютичей, равнымъ образомъ и князья ранскій и поморскій, сдѣлались васалами герцога саксонскаго и короля датскаго. Маркграфы бранденбургскіе распространяли съ успѣхомъ предѣлы своихъ владѣній на востокъ, перешагнули наконецъ и Одру, и ворвались, такъ сказать, клиномъ среди Поморья и Польши, оторвавъ отъ нихъ много пограничныхъ земель.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XII вѣка, вѣковая борьба между Нѣмцами и западными Славянами, осѣдлыми между Лабой и Одрой, кончилась въ пользу первыхъ: вся сѣверозападная половина великаго западо-славянскаго племени Ляховъ очутилась либо подъ непосредственнымъ владѣтельствомъ Нѣмцевъ, либо въ зависимости отъ вѣковаго, непримиримаго врага. Другая, юговосточная половина Ляховъ на верхней Одрѣ, по Вартѣ и по Вислѣ, сгруппировавшаяся около племени Полянъ въ Польшу,—не была уже

въ состояніи защитить своихъ сѣверозападныхъ братьевъ: время Болеслава Храбраго пропало навсегда.

Повсемѣстное введеніе *христіанства* сломало упорство балтійскихъ Славянъ. Христіанъ Славянъ уже не побуждала къ отчаянной борьбѣ святая станица — знамя ихъ національнаго божества Свѣтовита; они покорились кресту, подобно тому, какъ это сдѣлали нѣсколько столѣтій назадъ ихъ враги, Саксы и Норманы. Общая религія связала бывшихъ поклонниковъ Водена или Одина и Сварожича Свѣтовита въ одно духовное общество; по этой религіи они сдѣлались, или должны были сдѣлаться, братьями, любящими другъ друга.

Водвореніе христіанства въ балтійскихъ странахъ, повело за собой роковое для славянской народности послѣдствіе, именно *нѣмецкую колонизацію*, постепенное возвышеніе *элемента нѣмецкаго*, а упадокъ и наконецъ *ибель* — *славянскаго*.

Земли полабско-балтійскія были покрыты множествомъ лѣсовъ, озеръ и болотъ, и по этимъ физическимъ причинамъ не могли быть, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, густо заселены. Вслѣдствіе же безпрестанныхъ упорныхъ войнъ, особенно XII вѣка, земли эти значительно пострадали относительно обработанной почвы и народонаселенія. Много селъ и полей опустѣло, много людей погибло.

Новые господа полабско-балтійскихъ земель, Нѣмцы, духовные и свѣтскіе, стали въ нихъ вводить новые порядки. Съ нѣмецкимъ господиномъ прибыли его *васалы*, нѣмецкіе рыцари и князья, и получали въ новыхъ его владѣніяхъ земли, города и села, въ лены, по которымъ и стали называться. Въ ряды этихъ нѣмецкихъ дворянъ-васаловъ, вступила и оставшаяся въ тѣхъ земляхъ шляхта славянская; она принимала свои земли отъ государя въ лены, она принимала по этимъ своимъ ленамъ и свои названія, фамиліи. Такимъ образомъ, славянская шляхта съ теченіемъ времени расплылась въ массѣ нѣмецкой, отъ которой приняла наконецъ и языкъ. *Духовенство*, бѣлое и черное, съ самаго начала было нѣмецкое; лица славянскаго происхожденія были рѣдкимъ исключеніемъ. То же самое было и въ новыхъ *городахъ*, т. е. общинахъ, изъятыхъ изъ подъ земскаго права и пользующихся своимъ городскимъ правомъ. Такіе новые города (Чехи и Поляки ихъ называли *мѣста*, т. е. по нѣмецки *stadt, stätte*), возникали обыкновенно на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ; городъ (т. е. укрѣпленное мѣсто, замокъ) и открытое подгородіе соединены и расширены. Иногда

возникать городъ на мѣстѣ села, или наконецъ основанъ совсѣмъ вновь. Оттого нѣкоторые города продолжали называться по старому, по славянски, а другіе получили новыя, нѣмецкія названія. Въ такіе города приглашены мѣщане изъ разныхъ странъ, близких и далекихъ городовъ и сель, и имъ пожаловано или оставлено ихъ нѣмецкое городское право, которымъ они пользовались въ своей бывшей родинѣ. Городское право, распространившееся въ полабско-балтійскихъ странахъ, было именно право городовъ Любека, Магдебурга и Бранденбурга. Мѣщане были почти исключительно Нѣмцы, особенно Саксы; мѣщане славянскаго происхожденія составляютъ необыкновенно рѣдкое исключеніе. Если въ старыхъ городахъ оставалось славянское населеніе, то имъ отводились были, какъ и жидамъ, особые кварталы, улицы (platea Slavogum, Wendenstrasse), или подгородныя предмѣстья, называемыя *кметъ* (kietz) или *омъ*; ихъ жители подлежали суду княжескому, а не городскому.

Такъ было во всѣхъ славянскихъ земляхъ находившихся подъ непосредственнымъ господствомъ Нѣмцевъ, именно въ западно-бодрическихъ странахъ, въ владѣніяхъ герцога саксонскаго и его графовъ (гольштейнскаго, ратиборскаго, зѣбринскаго, данненбургскаго) и въ южныхъ лютичскихъ странахъ Брижанъ и Стодоранъ, во владѣніяхъ маркграфа бранденбургскаго, по обоимъ берегамъ Лабы, по Гаволѣ и Одрѣ.

Такое же положеніе дѣлъ было однако и въ сѣверовосточной половинѣ балтійской Славяницыны, въ земляхъ восточныхъ Бодричей и Лютичей, Ранъ и Поморанъ, гдѣ остались свои славянскіе князья Никлотовичи, Крутоичи и Вартислакичи. Всѣ эти княжескія *династїи*, мекленбургская, ранская и номорская, прикнупъ къ Германіи, съ удивительной легкостью поддались нѣмецкому вліянію; эти старинные роды славянскіе черезъ три повогнїа оуѣмечились до такой степени, что стали относиться враждебно къ своимъ подданнымъ славянскимъ, предпочитая имъ новыхъ пришельцовъ нѣмецкихъ. Такихъ пришельцовъ прибывало во владѣнія этихъ князей все больше и больше. Нѣмецкіе дворяне изъ далекихъ и близкихъ странъ, приходили ко двору тѣхъ сѣверославянскихъ князей, и получали отъ нихъ земли въ лены. Примѣръ германизирующагося двора и все усиливавшаяся масса нѣмецкихъ дворянъ-васаловъ, не остался безъ вліянія и на славянскую шляхту; она дѣлалась васалами князя, принимала ко своимъ имѣніямъ и

ленамъ новыя названія, фамиліи, и наконецъ, приняла и нѣмецкій языкъ. „Славянинъ“ въ рядахъ балтійской шляхты былъ въ концѣ XIII вѣка уже рѣдкимъ исключеніемъ. *Духовенство* въ тѣхъ странахъ было тоже почти исключительно нѣмецкое. Новые *юрודה* наполнялись нѣмцами, призываемыми князьями ради финансовыхъ выгодъ, а Славянамъ отводились хызы или вики.

Такимъ образомъ, со времени покоренія и крещенія полабско-балтійскихъ Славянъ, нѣмецкій элементъ мало по малу присвоилъ себѣ всѣ ихъ высшія и среднія сословія, не только во владѣніяхъ саксонскихъ Вельфовъ и бранденбургскихъ Асканцевъ, но и въ княжествахъ славянскихъ родовъ, мекленбургскихъ Никлотовичей, ранскихъ Крутовичей и поморскихъ Вартиславичей. Въ половинѣ XIII вѣка всѣ эти три старинные роды славянскіе, и большинство оставшейся въ балтійскихъ странахъ славянской шляхты—можно считать уже онѣмеченными.

Рядомъ съ приливомъ нѣмецкаго дворянства, мѣщанства и духовенства, рядомъ съ германизацией высшихъ сословій, княжескихъ родовъ и шляхты, съ устраиваніемъ нѣмецкихъ капитуловъ, монастырей и городовъ, шло громадное переселеніе крестьянъ нѣмецкихъ, особенно саксонскихъ, отчасти и нидерландскихъ, происходила стараніемъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, особенно же монастырей, *нѣмецкая колонизація* славянскихъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ *германизація славянскаго сельскаго населенія*. Все это происходило наравнѣ и одновременно въ владѣніяхъ саксонско-бранденбургскихъ и въ княжествахъ балтійско-славянскихъ.

Нѣмецкая колонизація относилась во первыхъ къ незанятымъ, незаселеннымъ землямъ, особенно къ лѣсистой и болотистой почвѣ, которую надо было расчистить и высушить, и къ опустѣлымъ селамъ. Во вторыхъ, нѣмецкимъ колонистамъ отводились заселенныя уже мѣста, славянскія села и принадлежащіе къ нимъ поземельные участки. Такая колонизація производилась экспроприаціей коренныхъ жителей, за извѣстное вознагражденіе или даже безъ вознагражденія. Часть поземельной собственности принадлежавшей селу и самое село заняли новые колонисты, а славянскіе крестьяне должны были построить себѣ вблизи новое село; это новое село сохранило древнее названіе, но отличалось отъ „нѣмецкаго“ или „великаго“ прозвищемъ „славянское“ или „малое“. Иногда Славяне должны были уступать всѣ поля, и занимались въ своемъ селѣ (хызѣ) рыбацкимъ промысломъ; недостатокъ поземельной собствен-

ности, полей, не рѣдко — черта славянскаго села. Славяне тоже оставались въ своемъ селѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами, иногда съ такимъ ограниченіемъ, что новая славянская колонизація воспрещалась; стало быть въ такомъ случаѣ, Славяне обречены были къ вымиранью. Наконецъ, встрѣчаются примѣры, что славянское населеніе заставляемо было уступать совсѣмъ свое село новымъ колонистамъ, или было просто прогоняемо. Разумѣется, что такія перемены, такое предпочтеніе чужого нѣмецкаго элемента и пренебреганіе мѣстнаго славянскаго населенія, возбуждало въ послѣднемъ вражду противъ новыхъ пришельцовъ, и повело ихъ къ столкновеніямъ; еще въ первой половинѣ XIII вѣка въ княжествѣ ранскомъ опасаются прогнанія нѣмецкихъ колонистовъ вытѣсненными Славянами, и одинъ епископъ звѣринскій жалуется, что онъ не въ состояніи вновь заселить село, по поводу наѣздовъ прогнанныхъ оттуда Славянъ.

Сама колонизація производилась такимъ образомъ, что землевладѣльцы продавали земли или селенія опытному въ колонизаціи челоуѣку; тотъ обязывался построить или преобразовать село, заселить его новыми колонистами или оставить прежнихъ жителей на извѣстныхъ условіяхъ; послѣ извѣстнаго срока возвращалось такимъ образомъ устроенное село владѣльцу. Основатель получалъ наслѣдственную должность сельскаго старосты, судьи или шульца, предсѣдателя сельскаго суда, извѣстную поземельную собственность и извѣстные доходы; крестьяне, наслѣдственные арендаторы, платили господину извѣстный оброкъ, деньгами и натурой. Такимъ образомъ устраивались селенія по праву нѣмецкому (*jure teutonico*), подлѣ существовавшихъ уже селеній по старому праву славянскому (*jure slavico*). Рядомъ съ такой нѣмецкой колонизаціей происходила и славянская колонизація. Заселяющимъ свои имѣнія, именно монастырямъ, прямо позволялось заселять ихъ Нѣмцами, Датчанами или Славянами; такіе колонисты жили по своему обычаю и праву, нѣмецкому, датскому или славянскому; только въ смѣшанныхъ селахъ, т. е. гдѣ жило также меньшинство другой народности, встрѣчаются постановленія, чтобъ такое меньшинство приноровлялось къ большинству. Славяне не были исключены даже изъ колонизаціи на правѣ нѣмецкомъ; колонизаторъ принималъ наравнѣ съ нѣмецкими колонистами и славянъ, которые были въ состояніи исполнять требуемыя нѣмцамъ правомъ обязанности; встрѣчаются даже шульца Славяне. Наконецъ, Нѣмцы и Славяне

въ полабско-балтійскихъ земляхъ уравнины были именно такимъ образомъ, что и славянскимъ селамъ пожаловано нѣмецкое право. Послѣдніе слѣды славянскаго права въ тѣхъ странахъ исчезаютъ въ началѣ XIV вѣка.

Вмѣстѣ со всѣми этими переменными сельскихъ отношеній происходила постепенная *германизация славянскаго народонаселенія*.

Главнымъ двигателемъ вѣковой упорной борьбы между Нѣмцами и балтійскими Славянами былъ, кромѣ національнаго антагонизма, религиозный фанатизмъ; религія стояла на первомъ, а національность на второмъ планѣ; во имя религіи помогаютъ даже христіанскіе Чехи и Поляки Нѣмцамъ противъ языческихъ своихъ соплеменниковъ. Какъ только исчезъ этотъ главный факторъ непримиримой вражды между Нѣмцами и Славянами, какъ только у послѣднихъ христіанство восторжествовало, то измѣнились и отношенія между обоими племенами. Славяне явились съ своимъ мягкимъ, податливымъ характеромъ подлѣ твердыхъ, неуступчивыхъ Нѣмцевъ, и болѣе сильный элементъ сталъ присвоивать себѣ, поглощать элементъ болѣе слабый.

Если славянское племя вообще отличается значительной долей податливости чужимъ вліяніямъ, подражательностью чужеземцинѣ или „чужебѣсіемъ“, какъ выражался одинъ славистъ XVII вѣка то эта черта является въ особенной силѣ у балтійскихъ Ляховъ, которыхъ уже нѣмецкій лѣтописецъ XII вѣка, Гельмольдъ, называетъ „племенемъ всегда непостояннымъ и подвижнымъ“ (*genus vagum semper et mobile*). Какъ только пала преграда отдѣлявшая Нѣмцевъ и Славянъ, т. е. религія, то послѣдніе, такъ сказать, торопятся воспользоваться новыми отношеніями и применить къ нѣмечинѣ. Кто же велѣлъ славянскимъ династіямъ Никлотовичей, Крутовичей и Вартиславичей онѣмечиться такъ рано? Вѣдь уже внуки Никлота, Тетислава, Казимира и ихъ сподвижниковъ—этихъ храбрыхъ защитниковъ славянской старины,—принимаютъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе обычаи, поддерживаютъ нѣмецкую колонизацію своихъ земель, и вообще благопріятствуютъ распространенію нѣмецкаго элемента въ ущербъ славянскому. Финансовыя соображенія, т. е. увеличеніе доходовъ княжеской казны вслѣдствіе нѣмецкой колонизаціи, не могли бы произвести такого рѣшительнаго переворота въ славянскихъ князьяхъ, еслибъ у нихъ не было той необузданной славянской страсти къ новизнамъ. Такая же склонность къ чужеземцинѣ замѣтна и въ славянской шляхтѣ и въ на-

родной массѣ. Последняя, со второй половины XIII вѣка была окружена со всѣхъ сторонъ Нѣмцами; господа, герцоги, князья, маркграфы, графы, дворяне, высшіе и низшіе, епископы, каноники, монахи и другіе священники, мѣщане—всѣ были Нѣмцы или оиѣмеченные Славяне; около славянскаго сельскаго народонаселенія возникало все больше и больше нѣмецкихъ сель, да нѣмецкіе шульцы и колонисты поселялись и среди славянскаго населенія. Славянскій простолудинъ слышалъ въ городѣ, въ замкѣ, въ церкви и школѣ, отъ своихъ учителей-священниковъ, наконецъ и отъ своихъ сожителей-крестьянъ, только нѣмецкій говоръ. Нѣмецкій языкъ сталъ все больше и больше вліять на славянское нарѣчіе, которое, будучи достояніемъ одного только простаго народа, не сдѣлалось, подобно языкамъ латинскому и нѣмецкому, литературнымъ языкомъ. Нѣмецкое вліяніе коснулось во первыхъ формальной, лексикальной стороны славянскаго языка, который принялъ множество чужихъ словъ; дальше оно коснулось и матеріальной стороны языка, его граматическаго и синтаксическаго строя, такъ что подъ конецъ славянскій языкъ представлялъ какую-то изувѣченную, безобразную массу, пропитанную насевозъ нѣмецкимъ духомъ. На родномъ языкѣ говорили по большей части старики, а молодежь стала его забывать и предпочитать языкъ своихъ господъ и учителей.

Наглядный примѣръ такой германизации, такого упадка и гибели славянскаго языка и его постепенной замѣны нѣмецкимъ — представляетъ самый западный уголокъ полабско-балтійской Славянщины, на лѣвомъ берегу нижней Лабы, гдѣ въ степяхъ и лѣсахъ люнебургскихъ сохранились Славяне до самаго начала XVIII вѣка, довольно не смѣшанные; даже до сихъ поръ потомки этихъ Славянъ гордо называютъ себя „Вендами“ и не охотно смѣшиваются съ окрестными „Нѣмцами“ ¹⁾. Тоже самое происходило несомнѣнно и въ остальныхъ странахъ балтійской Славянщины, тѣмъ скорѣе, что эта Славянщина была прорѣзана многочисленными нѣмецкими колоніями. Какъ быстро оиѣмечились всѣ эти Славяне, видно изъ того, что кончина послѣднихъ двухъ людей, говорившихъ на Равѣ по славянски, записана даже въ ранско-поморскихъ лѣтописяхъ: такимъ необыкновеннымъ явленіемъ были здѣсь говорящіе по славянски люди въ началѣ XV вѣка!

Процессъ германизации массы полабско-балтійскихъ Славянъ начавшійся съ половины XIII-го вѣка, продолжался въ теченіи

¹⁾ Подробный очеркъ этой германизации люнебургскихъ Славянъ см. ниже.

XIV-го и кончился въ XV-мъ; въ концѣ XIV-го и въ первой половинѣ XV-го вѣка встрѣчаются между Лабой и Одрой уже очень немногіе Славяне въ нѣкоторыхъ предмѣстьяхъ и рыбацкихъ селахъ. Только на нижней Лабѣ Славяне сохранились, какъ уже сказано, дольше: въ юго-западномъ уголѣ Мекленбурга до начала XVI-го, а за Лабой въ Люнебургѣ до начала XVIII-го вѣка; наконецъ уцѣлѣли жалкіе остатки поморскихъ Славянъ, Словинцы и Кашубы, проживая въ самомъ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней Помераніи свои послѣдніе дни. Они, наравнѣ съ другими племенами лянскихъ Славянъ, включенными въ составъ Германіи, Слэзанами, Полянами, Поморянами и Мазурами, исчезаютъ подъ давленіемъ нѣмецко-прусской администраціи, школы и церкви и колонизаціи. Происходящій теперь въ восточныхъ окраинахъ Германіи процессъ германизаціи объясняетъ такой же процессъ происходившій, подъ давленіемъ господствующихъ сословій, нѣсколько столѣтій тому назадъ между Лабой и Одрой ¹⁾.

Перевороту происшедшему въ полабско-балтійской Славянщинѣ въ теченіи одного столѣтія (1200—1300), способствовали и тѣ важныя обстоятельства, что тѣ Славяне не выработали высшей самостоятельной *образованности*, что они рано лишились *политической независимости*, и что у нихъ не образовалось *большое сильное государство*. Нѣмцы всѣхъ сословій прибывающіе въ полабско-балтійскія страны въ значительномъ количествѣ, не могли исчезнуть въ массѣ славянской, не могли къ ней приноровиться; Славянъ было относительно мало, и степень ихъ образованности, ихъ культура не была такая, чтобъ она присвоила себѣ чужой элементъ нѣмецкій, какъ это случилось напр. въ романскихъ странахъ съ германскими варварами. Напротивъ, Нѣмцы прибывали на востокъ съ той европейской цивилизаціей, какъ она развилась въ западной Европѣ на основаніи древнеримской образованности и христіанства. Эту же римско-христіанскую культуру Славяне—по извѣстнымъ причинамъ—упорно отвергали, а между тѣмъ сами не выработали собственной, равносильной культуры, которая бы могла съ успѣхомъ бороться съ новой культурой. Балтійскіе Славяне конечно не были дивари; земледѣіе, торговля, разныя ремесла, военное дѣло и пр. у нихъ процвѣтали не меньше, чѣмъ въ сѣверной Германіи, такъ что это поражало самихъ нѣмецкихъ мисіоне-

¹⁾ Срв. Beheim-Schwarzhach: Hohenzollernsche colonisationen (Leipzig 1874).

ровъ. Языческіе Славяне нисколько не стояли ниже языческихъ Нѣмцевъ; тѣ и другіе были только относительно, въ сравненіи съ болѣе образованными странами романскими „варвары“. Нѣмцы, принявъ крещеніе раньше чѣмъ Славяне, раньше и вошли въ кругъ тогдашняго образованнаго міра, между тѣмъ какъ Славяне продолжали жить по старому; высшая духовная сторона ихъ культуры была слабѣ принесенной къ нимъ Нѣмцами римско-христіанской образованности, и слѣдовательно должна была уступить послѣдней. Балтійскіе Славяне покорились римско-христіанской культурѣ, какъ это сдѣлали раньше и всѣ Германцы и остальные Славяне. Нѣмцы были относительно западныхъ Славянъ только ближайшіе представители этой христіанско-европейской цивилизаціи, а не ея виновники или изобрѣтатели, и слѣдовательно не могли и распространять между западными Славянами какой-то особой нѣмецкой культуры.

Что принятіе христіанско-римской образованности посредствомъ Нѣмцевъ, и принятіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учрежденій Славянами не всегда влекло за собой гибель послѣднихъ, видно лучше всего у ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ полабско-балтійскихъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ. И эти Славяне вошли въ кругъ римско-христіанской цивилизаціи, приняли многіе нѣмецкіе порядки, а всетаки не онѣмечились. И въ Чехіи и въ Польшѣ нѣмецкій элементъ сильно распространился при дворѣ княжескомъ, въ духовенствѣ, въ городахъ и селахъ; нѣмецкое право водворилось въ городахъ и селахъ, ленное право между шляхтой (въ Чехіи); многіе Премысловичи и Пястовичи (силезскіе) благопріятствовали нѣмецкимъ порядкамъ, чешскій король Вячеславъ и силезскій князь Генрихъ „der milde furste“ блестятъ на нѣмецкомъ Парнасѣ. Но не смотря на это сильное вліяніе и распространеніе нѣмецкаго элемента у Чеховъ и Поляковъ, оба эти западославянскіе народы не онѣмечились (кромѣ нижнихъ Слѣзанъ), а остались Славянами. У обоихъ рано образовались не мимолетно, а на продолжительное время сильныя независимыя государства. Притязанія Нѣмцевъ на Польшу рано прекратились; если чешскій государь и вступилъ въ извѣстную зависимость отъ римско-нѣмецкаго императора—короля, то эта зависимость нисколько не мѣшала его суверенитету. Политическая независимость поддерживала у Чеховъ и Поляковъ національное сознаніе, національную гордость. Главный представитель и участ-

никъ государственной жизни чешской и польской, *шляхта*, вовсе не пошла по слѣдамъ шляхты бодричской, лютичской и поморской. Польская шляхта вообще мало поддавалась нѣмецкому влиянію; чешская шляхта принимала разные нѣмецкіе обычаи, гербы, фамиліи и пр., дѣлалась васалами своего короля — но она не онѣмечилась, а защищала свою національность противъ внѣшнихъ и внутреннихъ Нѣмцевъ мечемъ и перомъ; земское право польское и чешское не уступило нѣмецкому, а продолжало господствовать и развиваться, благодаря дѣятельности польской и чешской шляхты на вѣчахъ и снемахъ. Раннее образованіе сильныхъ государствъ и принятіе римско-христіанской цивилизаціи, политическая независимость и прорастающая изъ того сила національнаго сознанія — вотъ что спасло Поляковъ и Чеховъ отъ судьбы полабско-балтійскихъ Славянъ.

Большая половина этихъ Славянъ, западныя Бодричи и южныя Лютичи, подпали рано, въ XII вѣкѣ, подъ непосредственную власть чужеземцевъ и вѣвовыхъ національныхъ враговъ, и тѣмъ самымъ обречены были на неминуемую гибель. Народъ, который лишень политической независимости, который не имѣетъ участія въ своемъ управленіи и не можетъ уже надѣяться добиться такого участія, — такой народъ уже пропасть, и его гибель составляетъ только вопросъ времени. Въ такомъ положеніи были Славяне подпавшіе подъ власть саксонскую и бранденбургскую. Но въ такомъ же самомъ положеніи очутились вскорѣ и другіе балтійскіе Славяне, восточныя Бодричи, сѣверныя Лютичи и Поморяне, какъ только онѣмечились у нихъ господствующія сословія, князья и шляхта. И онѣмечились они, какъ уже сказано, скоро. Малыя княжества мекленбургскія и ранское и поморское остались и малыми, и въ зависимости отъ Германіи и Даніи, а не образовали одного политическаго цѣлаго, одного государства. Князья поморскіе, которые еще по смерти Никлота давали убѣжище его сыновьямъ, сами скоро должны были применить къ Германіи, кромѣ того уступить нѣкоторыя западныя и южныя земли мекленбургскимъ князьямъ и бранденбургскимъ маркграфамъ. Этому отчужденію поморскихъ князей Польша уже помѣшать не могла, и зависимость Поморья отъ Польши скоро прекратилась. Уже сынъ покорителя княжества поморско-лютичскаго, Болеслава III, Болеславъ IV, долженъ былъ самъ покориться императору римско-нѣмецкому на польской землѣ, и его преемникамъ не удалось даже сохранить цѣлость отчины

Пястовичей. Когда же Польша окрѣпла, то водвореніе польскаго вліянія въ онѣмеченномъ западномъ Поморьѣ было невозможно; съ трудомъ возобновлено польское господство въ одномъ только восточномъ Поморьѣ. Сѣверовосточные Бодричи и Лютичи и Поморяне, раздробленные на малыя княжества, неподдерживаемые Польшей, скоро пошли по слѣдамъ своихъ западныхъ и южныхъ братьевъ въ владѣніяхъ саксонскихъ и бранденбургскихъ, и онѣмечились. Этотъ процессъ германизаціи можно, какъ уже выше сказано, считать конченнымъ въ XIV вѣкѣ; уцѣлѣвшіе тогда еще остатки Славянъ доживали только свое время.

Таково, по нашему мнѣнію, развитіе событій въ полабско-балтійскихъ земляхъ съ конца XII до XIV вѣка. Онѣмеченіе этихъ странъ поражаетъ лишь быстроту, съ какою оно совершилось, а самый фактъ по себѣ не удивителенъ. Нѣтъ никакой надобности приписывать быстрое онѣмеченіе разнымъ болѣе и менѣе невѣроятнымъ причинамъ. Къ таковымъ принадлежитъ именно теорія о нѣмецкихъ подданныхъ и славянскихъ господахъ въ земляхъ между Лабой и Одрой; простой народъ будто бы остался съ незапамятныхъ временъ нѣмецкимъ, покоренъ позже завоевательными Славянами, и находился въ подданствѣ славянскихъ князей и шляхты; господствующее сословіе будто бы придало тѣмъ странамъ и ихъ исторіи славянскій характеръ, выдумало даже разныя географическія названія на своемъ официальномъ славянскомъ языкѣ, и пр. Когда же залабскіе Нѣмцы покорили тѣ страны и высшія сословія прогнаны или онѣмечились, то нѣмецкій элементъ будто опять всплылъ на верхъ и вскорѣ придалъ тѣмъ странамъ нѣмецкій характеръ. Такимъ образомъ объясняется, правда, весь процессъ германизаціи очень просто и легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легкомысленно. Эта теорія не основывается на положительныхъ современныхъ извѣстіяхъ, которыя упорно молчатъ о какихъ-то нѣмецкихъ подданныхъ и славянскихъ господахъ у Бодричей, Лютичей и Поморянъ; напротивъ, всѣ эти современные извѣстія, лѣтописи и грамоты, знаютъ въ полабско-балтійскихъ земляхъ до XII вѣка однихъ только Славянъ, князей, шляхту и простой народъ. Теорія о „нѣмецкихъ подданныхъ“ и „славянскихъ господахъ“, о „германскихъ“ и „славянскихъ“ Лютичахъ оказалась неосновательной и не принялась въ исторической наукѣ ¹⁾.

¹⁾ Эту теорію защищали особенно Фабриціусъ и Гизебрехтъ. Срв. при-

Не менѣе неосновательно мнѣніе о повальномъ изгнаніи и даже истребленіи Славянъ Нѣмцами побѣдителями. При громадной нѣмецкой колонизаціи полабско-балтійскихъ странъ, поддерживаемой не только господами нѣмецкими но и славянскими, случались нѣкоторыя несправедливости, напр. славянскіе поселяне должны были часто уступать новымъ колонистамъ. Но повальное изгнаніе славянскихъ подданныхъ изъ не очень густо заселенныхъ странъ не могло нисколько лежать въ интересахъ господъ даже нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ. Нѣмецкая колонизація въ селахъ и городахъ приносила господамъ больше доходовъ; но не всегда и не вездѣ можно было производить такую колонизацію, а надо было довольствоваться доходами отъ Славянъ. Нѣмецкіе или онѣмеченные господа, конечно, предпочитали нѣмецкихъ колонистовъ, руководясь не только финансовыми видами, но также національными симпатіями, но національныя антипатіи не повели еще къ пренебреженію славянскими колонистами. Мнѣніе о повальномъ изгнаніи Славянъ Нѣмцами не соотвѣтствуетъ исторической истинѣ.

Национальный антагонизмъ между Нѣмцами и Славянами завязался сильнѣе всего въ городахъ, съ самаго начала почти исключительно нѣмецкихъ. Но и здѣсь встрѣчаются хотя изрѣдка отдѣльныя лица славянскаго происхожденія въ рядахъ мѣщанъ, да и въ цехахъ разныхъ ремесленниковъ; прямо, по закону, Славяне съ начала еще не исключались изъ городского сословія, какъ видно изъ разныхъ статутовъ городскихъ и цеховыхъ XIII и XIV вѣковъ ¹⁾. Только съ XV вѣка встрѣчаются прямые постановленія, исключющія Славянъ изъ права мѣщанскаго и изъ почетныхъ цеховъ. Очень можетъ быть, что на такія строгія мѣры повліяло и гуситское движеніе по поводу своего анти-нѣмецкаго и панславистскаго направленія. Не забудемъ, что гуситское движеніе разомъ сломало почти двухсотлѣтній перевѣсъ нѣмецкаго элемента въ чешскихъ городахъ, явно проповѣдывало соединеніе Чехіи съ великимъ государствомъ восточно-славянскимъ, съ Польшей и соединенной съ ней Литвой и Русью, и нанесло страшный погромъ всей Германіи. Понятно, что Нѣмцы еще сильнѣе возненавидѣли

мѣщанія Козегартена въ Codex diplom. Pomeraniae p. 316, и статью Болла въ Jahrbücher für meklenburg. geschichte IX.

¹⁾ На сколько знаемъ, только англійскіе купцы (krämer) исключаются уже въ XIV в. (1330 г.) изъ своей среды Славянъ, но наравнѣ съ ними и Датчанъ и Шотландцевъ.

Чеховъ—еретиковъ и вообще всѣхъ Славянъ, и, можетъ быть, выразили эту свою ненависть и формально, въ городскихъ и цеховыхъ статутахъ ¹⁾).

Исслѣдовать подробнѣе эту борьбу элементовъ нѣмецкаго и славянскаго между Лабой и Одрой,—вотъ цѣль нашей книги. Сначала мы разсмотримъ первоначальную колонизацію этихъ странъ Славянами, а потомъ прослѣдимъ постепенное распространение элемента нѣмецкаго и исчезновеніе славянскаго, начиная съ лѣваго берега средней и нижней Лавы и кончая западнымъ Поморьемъ—на правомъ берегу Одры, въ владѣніяхъ герцоговъ саксонскихъ, маркграфовъ бранденбургскихъ, князей мекленбургскихъ, ранскихъ и поморскихъ.

Славянская колонизація полабско-балтійскихъ земель.

Земли, лежація на востокъ отъ средней и нижней Лавы, представляютъ обширную низменность покрытую до сихъ поръ множествомъ водъ, рѣкъ, озеръ, луговъ и болотъ. Такихъ водъ, озеръ и болотъ было прежде гораздо больше. Такъ напр. земля стодорская, окруженная съ трехъ сторонъ рѣкой Гаволой, во время славянскаго владычества была почти на половину покрыта болотами, топями, „лугами“ — какъ это слово сохранилось до сихъ поръ (Rhin — Luch, Havel — Luch); и не даромъ названа земля на югъ отъ Гаволы между Плоной и Нутой „Сука“. Кромѣ болотъ и озеръ эти страны были покрыты дремучими лѣсами; такъ напр. черезъ пограничный лѣсъ между Польшей и Поморьемъ надо было идти шесть дней, черезъ лѣса между устьемъ Гаволы и морицкимъ озеромъ—пять дней. Все это составляло для

¹⁾ Тоже самое явленіе замѣтно и въ Чехіи. Такъ въ собраніи правъ пражскихъ ок. 1425 г. первая статья исключаетъ Нѣнца, который не знаетъ по чешски, изъ должности бурмистра; хрудимскіе мѣстники исключаютъ въ 1455 г. Нѣнцевъ изъ своего цеха, и пр.—Статутъ города Zeulenroda (въ такъ назыв. Voigtland на границѣ чешской) 1438 г. запрещаетъ принимать въ мѣщане Чеховъ наравнѣ съ людьми опальными, бѣжавшими и незаконно родившимися (sie sollen in keiner weise wissens einnehmen zu bürgern *pötmisch*, *echtisch* u. verlossen leuth, auch die entronnen oder unerlich geboren sind. Köhler: Volksglaube im Voigtlande 23, André: Wend. wanderungen 9).—Чехи и Поляки не рѣдко жалуются на гибель своихъ полабско-балтійскихъ соплеменниковъ. Срв. нашу книгу Славянская взаимность, стр. 198—204.

Славянь естественную защиту ихъ страны; такъ напр. обширное болото въ землѣ Чрезпѣвлянъ представляло датскому войску въ его походѣ огромныя затрудненія ¹⁾.

Приведемъ здѣсь названія хотя нѣсколькихъ рѣкъ, озеръ и пр. въ странахъ балтійскихъ Славянь, какъ мы ихъ выбрали—какъ попало—изъ разныхъ памятниковъ до XIV вѣка. Главныя рѣки были *Лаба* (правильнѣе *Лабье*) и *Одра*. Дальше были Травна, Свѣтныя, Бѣлина, Лабница, Трутава, Вокеница, Стубница, Радигость, Суда, Эльба, Степница, Гавола, Доса, Струмина, Плона, Нута, Сирѣва, Укра, Пѣна, Доленца, Требола, Ревница (Ровитница), Варнава, Невели, Плона, Ина, Медуя, Рѣка, Персанта, Сушица, Студеница, Брезница, Терстеница, Капеница, Рыбница, Злоница, Суха рѣка, Чарна Струга, и пр. *Озера и болота*: Долгое, Доленское, Востровица, Смольница, Свѣтъ, Клещно, Карпано, Мирчино, Ёвина, Дѣбье, Морица, Старица, Верхутица, Плесо, Глинки, Лѣки, и пр. *Горы, лѣса, пустыни, поля* и пр.: Желѣзный, Медвѣдь, Боринскій, Клещъ, Сосница, Сосно, Хойно, Лыса гора, Бродогоры, Вольшигоры, Голешовъ, Скарбешовъ, Вездѣдь, Вѣжій доль, Стража, Баба, Горки, Князь дѣброва, и пр.

Какъ вообще колонизація идетъ по водамъ, по морю, озерамъ и рѣкамъ, такъ было и у балтійскихъ Славянь. На направление славянской колонизаціи по водамъ съ востока на западъ указываютъ названія: *Чрезпѣвляне*, жители чрезъ т. е. за рѣкой Пѣной, на ея лѣвомъ, западномъ берегу; *Заръче* (*Zarze, cis aquam*), часть той же чрезпѣвской земли на лѣвомъ, западномъ берегу Невели; *Задельбѣе* (*Sadelbande*), земля между Лабой, Бѣлиной и Дельбѣдой, на западномъ берегу послѣдней рѣки. Многія племена балтійско-полабскія назвались по водамъ, берега которыхъ заняли, *Поморяне*—племя поселившееся по морю балтійскому, *Укряне*—по Укрѣ, *Доленчани*—по Доленцѣ, *Чрезпѣвляне*—чрезъ Пѣну, *Моричани*—по озеру морицкому, *Дошани*—по Досѣ, *Гаволяне*—по Гаволѣ, *Сирѣвляне*—по Сирѣвѣ, *Полабяне*—по Лабѣ, *Мезеръче*—между рѣками Пѣной и Доленцой, *Заръче*, *Задельбѣе* и пр. Другія племена назывались по мѣстоположенію, по качест-

¹⁾ Срв. карту старой стодорской земли въ Fidicin: Die territorien der mark Brandenburg, III, карту стодорской и окрестныхъ земель въ Klöden: Entstehung der städte Berlin u. Kölln, карту Рана и записки земли въ Fabricius: Urkunden zur gesch. v. Rügen, I., и пр. О чрезпѣвскомъ болотѣ см. Saxonia Hist. Dan. (ed. Müller) p. 884.

вамъ почвы и пр. *Брижане* или *Брежно*—жители береговъ средней Лабы и моря, *Лншане* и *Лншичи*—жители лѣсовъ, *Древяне* или *Дравяне*—жители древъ или дравъ (деревъ), *Глимяне*—жители почвы глинистой, *Блонн*—жители блонъ (болонь), *Острожна* (Вострожна),—жители „острога“ т. е. полуострова, и пр. Иногда племя называлось по своему городу: *Волянн*, *Узнонн*, *Хижане*, по разнымъ качествамъ и случайностямъ: *Велети* (волоты, исполины), *Лютичи* (лютые), *Ваурн* (отважные), *Ратарн* (воины, ратники), *Варнн* (вороны), *Оуснн*, *Вепрево*, *Турно*, *Турн*, *Раронн* (соколы), т. е. если считать послѣднее названіе славянскимъ, а не датскимъ. Нѣкоторыя названія—темнаго происхожденія, наприм. *Руяна* или *Рана*, *Стодоряне*.

Жилища балтійскихъ Славянъ были, мѣсто огороженное—*гардъ* (городъ), и мѣсто открытое—*весь* или *вась* (село). Эти жилища назывались очень разнообразно.

Къ древнѣйшимъ селеніямъ надо причислить селенія, которыя имѣютъ названія съ патронимическимъ окончаніемъ—*ичи* или *овичи*, у западныхъ Славянъ—*ичи*,—*иче* ¹⁾). Бояновичи напр. означаетъ потомковъ, родъ Бояна, и потомъ ихъ усадьбу, село. Такія *родовыя названія* суть напр.: Барновичи, Босковичи, Бузичи, Вершевичи, Врещевичи, Гостирадичи, Драговичи, Житеничи, Лобковичи, Любановичи, Малешичи, Миличичи, Мировичи, Миротичи, Мыследаржичи, Обеличи, Попеловичи, Прибеничи, Радимичи, Радошевичи, Ратиборичи, Славиборичи, Славошичи, Сладковичи, Спасовичи, Страхотичи, Тѣходаржичи, Хиничи, Хоричи, Чарниковичи, Чеховичи и пр.

¹⁾ Надо замѣтить, что первоначальная форма окончанія—*ичи* встрѣчается только въ древнѣйшихъ памятникахъ до X—XI вѣка: Pelinizi, Dudizi, Nioletizi, Zemizi, Malizi, Bidrizi, Bosici; позже съ XII вѣка встрѣчается уже обыкновенная и у остальныхъ западныхъ Славянъ форма—*иче*: Redewize, Vylmenitze, Dumasseuitze, Gusteraditze, Slaubrize, Bozice, или просто—*ичи*: Slautiz, Boianewiz, Zelizlauiz, Mireuiz, Merotiz, Zarnekeviz. Послѣднія формы—собственно род. пад. мн. ч., который принимается у Нѣмцевъ вмѣсто имен. падежа; такъ напр. названія чешскихъ селеній Чимелице, Мировице, Миротице—Нѣмцы въ Чехіи передавали въ Czimelitz, Mirowitz, Mirotitz. Тоже самое явленіе замѣтно и въ другихъ мѣстныхъ названіяхъ: Cowal, Ratey, Dusnic, Clodram, Prizwalk, Dulap, Sakeraп—это род. пад. отъ Ковале, Ратае, Душники, Клодрѣбы, Преставола, Доляны, Загораны. Такъ и теперь Нѣмцы въ Чехіи называютъ селенія Душники, Ратае, Доляны—Duschnik, Rattay, Dolap.—Приведенныя названія передаемъ ради удобства въ русской формѣ.

Названія по мѣстамъ—это прилагательныя имена, напр. Доброгощь—городъ или вообще селеніе Доброгостя, Премыславъ—г. Премыслава, Кленовъ—г. Клена. Такія названія суть: Быдгощь, Гориславъ, Бериславъ, Прѣславъ, Даргомышль, Радомышль, Вацлавъ, Весмірь, Тѣшимірь, Доморазъ, Прибигнѣвъ, Пархимъ, Пархень, Радимъ, Хотимъ, Даргунъ, Страдунъ, Хотунъ, Утинъ, Добинъ, Любинъ, Борѣтинъ, Варгѣтинъ, Славѣтинъ, Радиминъ, Туровъ, Малаховъ, Хотѣшовъ, Краковъ, Челаковъ, Гроновъ, Чеховъ, Сербовъ, Хомутовъ, Гоголево, Сезимово, Голешево и пр.

Названія по мѣстоположенію и по разнымъ качествамъ почвы: Лѣшане ¹⁾, Доляне, Борки, Лугъ, Подлуги, Лазы, Дяболѣгъ, Брезелѣгъ, Ямно, Подольскъ, Низовъ, Гардъ, Гардець, Подгардіе, Старгардъ, Новгардъ, Бѣлгардъ, Брезегардъ, Бродъ, Колобергъ, Устье, Востровъ, Отокъ, Розтоки, Предѣлъ, Мокряны, Мокряница, Сухавица, Дуповъ, Уѣздъ, Рыбница, Просѣкъ, Пасѣва, Осѣкъ, Присѣка, Вриски (верески), Брезно, Дябѣ, Хойно, Сосница, Вербно, Дяброва, Вуковъ, Камень, Кременъ, Гора, Древичъ, Холмъ, Верховъ, Полица, Глина, Иловъ, Порѣчье, Заезерье, Верхъезерье, Теплица, Слановъ, Рудница, Крушвица и пр.

Названія по занятіямъ, качествамъ и пр. жителей, часто назвавшіяся прозвища: Ратае, Копиники, Пецники, Душники, Рудники, Рыбаки, Свины, Ковале, Добряны, Селюбы, Витолубы, Радолюбы, Черногловы, Турогловы, Репигловы, Лушигловы, Бѣлокуры, Чарновѣсы, Велевѣсы, Толстовѣсы, Подъягловы, Конетопы, и пр.

Названія по разнымъ случайностямъ: Поздиволь (—ки), Престолюки, Свины, Чапле, Коцурь, Туры, Зябрискъ, Гоголе, Гаварны (поль. Gawrony), Медвѣди, Голѣбки, Ворье (Верье), Еленье, Козловъ, Вепрево, Княжно, Книгина, Бабки, Тупадлы, Клодрѣбы, Дыминъ, Щегинъ, Стрѣла, Вапысь (Опушь), Лопата, Топорище, Клобучево, Корыто, Прилѣтъ, Могиллинъ, Халупы, Грибовъ, Смоловъ, Столпы, Костригъ, Торговъ, и пр.

¹⁾ Названіе этой лютичко-поморской земли (въ нын. зап. Помераніи) пишется обыкновенно provincia Levaue (1136), Levaal (1178, 1184), нынѣ Levaal, т. е. Лѣшане, Лѣсане, жители лѣсовъ, какъ Поляне ж. поляи, Доляне ж. доловъ, Лучане ж. лукъ (луговъ). Въ трехъ грамотахъ (1177, 1179, 1195) встрѣчается форма: in provincia Levaas; это старинный предл. пад. «въ Лѣшасъ, Лѣсасъ», который сохранился и въ древнечешскихъ формахъ Тервовасъ, Лучасъ, Долясъ, Полясъ и пр. отъ: Тервоване (—ы), Лучане, Доляне, Поляне и пр. Срв. исследование Шварика и Палацкаго въ Ält. denkmäler der böhm. sprache 200, Sebrané spisy III. 577, Radhost II. 202.

Любопытны названія *мифологическаго* происхожденія. Таковы на пр. Бѣлбогъ, село (позже монастырь) въ Поморьѣ, Чартово на Лабѣ у Магдебурга, Лютобогъ на Узноимѣ, Радигощъ, городъ, села и рѣка у Лютичей и Бодричей, ¹⁾ Перунъ, села у Лютичей и Вагровъ, Ютробогъ городъ и рѣка у Стодорянъ, земля Витова т. е. Свѣтовита (*insula Archenpensis quae dicitur Vitova*), Свѣтогора, Свѣтогардъ, Божій камнъ (*Buskam*), Свѣтн камнъ (*Swantekam*) — все на Ранѣ, Свѣтостровъ близъ Раны, въ землѣ Хижанъ и Доленчанъ, Божьеполе, село у Доленчанъ, Свѣтоустье на Волынѣ, Свѣте, село у Стодорянъ и на Ранѣ, Свѣтына, рѣка въ Вагрии, и пр. Сюда надо отнести и названія въ родѣ Требница, Требетово, Требичь, Требожезь, и пр., т. е. мѣста, гдѣ приносили, жгли требы, жертвы.

Наконецъ нѣкоторыя названія указываютъ на *выходцевъ* изъ другихъ племенъ; такъ напр. находимъ землю сусельскую и село Сербино въ Вагрии, село Морачане въ разныхъ странахъ лютичскихъ, село Коледичи въ землѣ Морачанъ, села Драване и Варновъ въ землѣ Брижанъ, село Шкудичи за Лабой (у Арнебурга), села Сербище въ Укрѣ и за Лабой, село Карваты ²⁾ въ землѣ Полабянъ, и пр.

Чтобы составить себѣ хоть поверхностное понятіе о богатой географической номенклатурѣ славянской въ балтійскихъ странахъ, приведемъ — изъ грамотъ XII—XIII вѣковъ — примѣры подробнаго описанія трехъ поземельныхъ участковъ у Поморянъ, Лютичей и Бодричей.

Въ *Поморьѣ* на правомъ берегу Одры, около колбаскаго монастыря, были въ первой половинѣ XIII вѣка (ок. 1240) села Рѣковъ, Рептовъ, Смердница, Дѣбье, Трибузь, Сулиславъ или Желиславъ, Глина, Пясечна, Грибна, Кленсково, Гардена, Волгинъ, Высокъ, Хлѣбово, Бѣлица, Прилѣвъ, Лѣсково, Стривелево, Собарскъ, Бродъ, Требинъ, Доброполе, Варшинъ, Сѣточина, Кучиново, Бруникъ, Должовъ, Обрыта (по нѣм. Шѣнфельдъ), и нѣмецкое село

¹⁾ Чартово, Радигощъ и под. названія впрочемъ могутъ быть взяты и отъ лицъ.

²⁾ *Karwete* ок. 1230 г., нын. *Karft*. Изъ этого названія видно, что балтійскіе Славяне называли Хорватовъ такъ, какъ и Поляки, т. е. *Карваты*. Эту форму знаютъ Длугощъ, Кохановскій, Вѣльскій, Блажовскій и др., и она встрѣчается въ Польшѣ отчасти до сихъ поръ, напр. въ названіи фамиліи *Кравадній*.

Кругъ; Вольшигоры (Wolsigore), холмы Бродогоры, поле Ряшовъ у рѣки Плонъ, рѣчки, озера и болота Тыва, Тывица, Чарна Струга, Жерница, лѣсъ Боринскій.

Въ *чрезътиской землѣ* около Даргуни пожалованы во второй половинѣ XII вѣка (ок. 1174 г.) разныя земли даргунскому монастырю, границы которыхъ описываются подробно. Были здѣсь ручьи Рокитница, Буска, Рудницъ, Гутке поле, дорога „пѣть во Гутке поле“ (via—in slavico dicitur pant wo Guthkepole), болото „глубокій лугъ“ (palus—slavice dicitur glambike loug), большой дубъ „велий дѣбъ“ (magna quercus—а sua magnitudine nomen accepit wili damb), могилы предковъ „тригорки“ (tumuli, sepulcra—slavice dicuntur trigorke), болото „долгий лугъ“ (palus—slavice dicitur dalge loug), озерко „дѣбнѣ“ (stagnum—slavice dicitur dambnio), холмецъ „могила“ (cumulus—slavice vocatur mogela), болото „широкий лугъ“ (palus—slavice dicitur seruco loug), дубъ означенный крестомъ „княжья граница“ (signum—slavice dicitur knezegraniza), сожженный дубъ недалеко отъ одной „могила“. Эти названія даргунскихъ урочищъ были извѣстны, хотя по преданію, еще въ половинѣ XIII вѣка (1248 г.).

Границы *бодричской землѣ бутъшовской* по лѣвому берегу Варнавы напротивъ устья Невели, означаются въ 1232 г. слѣдующимъ образомъ: озеро Варинское, рѣчка Тепница, ручей Студеный, болото Голенскіе луги (Guolenzke lugi), Живановъ лѣсъ (Sywanof laz), рѣчка Рострѣбовница, озеро Душинское, ручей Душница, озеро Бѣльчъ, село Предѣлъ между Язвинами и Вановыми могилами (Wanowe mogili)¹⁾, Махначій и Терстиный лугъ (Machnaci, Trez-

¹⁾ Здѣсь сохранилось по всей вѣроятности славянское названіе извѣстныхъ до сихъ поръ въ сѣверной Германіи Hünengräber. Ванъ—Hüne=Славянинъ (Шафарика Slov. Starož. 270); въ Мекленбургѣ слово *slaw* (по свидѣтельству Музеуса) до сихъ поръ означаетъ большаго человѣка. «Вановы могилы» подходятъ къ русскимъ вологовкамъ, Вологовой могила, т. е. могила исполина, велета (Шафарикъ 877). Преданія объ исполинахъ сохранились до сихъ поръ у остатковъ балтійскихъ Славянъ, Словинцевъ и Кашубовъ, у которыхъ исполинъ называется *столежъ, столимъ, столмъ, столмажъ*. Со словомъ Ванъ (Славянинъ)=Hüne (исполинъ) срв. названіе Славянъ *Венеты, Анты, Вятичи* (скандинав. и чуд. *Ваны*), дргерм. *ent* (исполинъ, Шафарикъ 462), древнеполь. *вѣтшіи* (więtszy, теперь większy, чеш. *větší*, дррусск. *вѣтшіи*). Вановы могилы называются въ другихъ памятникахъ XII—XIII вѣковъ: *antiquorum sepulcra* (въ *чрезътиской землѣ* 1174), *tumuli paganorum*, *tumulus gigantis* (въ Поморьѣ у Колбаса 1186, 1234), *sepulchrum Slavorum* (въ Укрѣ 1258).

stini lug), Мирево, гѣсъ Лягъ (Lang), Поглови, рѣки Варнава и Невеля, ручей Парменица и озеро Пармено, болото Бѣлево, озеро Газно, рѣчка Липовсевница, озеро Лѣжничье, Долгіе луги (Dolge lugi), Tetlambi (?), Водровый гѣсъ или лазъ (Wodrowi laz).

Такихъ примѣровъ можно привести очень много. Но и по выше приведеннымъ названіямъ селеній, водъ, горъ, урочищъ и пр. видно, какъ глубоко проникла славянская колонизація во всѣ земли побалтійскія, полабскія и поодрянскія. Вся географическая номенклатура — чисто славянская безъ всякой чужой примѣси, именно нѣмецкой. Въ древній періодъ исторіи балтійскихъ странъ, во время славянское, встрѣчаются нѣмецкія и датскія названія — рядомъ съ славянскими —, только для немногихъ мѣстъ лежащихъ близъ границъ Германіи и Давіи, какъ это бываетъ всюду на рубежахъ двухъ народностей. Нѣкоторыя названія Нѣмцы или перевели съ славянскаго, или ихъ исковеркали по своему, или наконецъ придумали другія. Такъ напр. городъ въ Вагрии *Старгардъ* назывался по нѣмецки *Aldenburg* (Aldenburg, slavica lingua Starigard, hoc est antiqua civitas dicitur), а по датски *Brandenhuse* (сама Вагрия — *Brammesii*); у другого города вагорскаго извѣстно только названіе нѣмецкое *Lutekenburg*, *Lutelinburg* т. е. малый городъ (нижненѣм. lütge, lütt, англ. little = малый), и датское *Liticha*. Такъ и городъ Бодричей извѣстенъ только подъ нѣм. названіемъ *Mikilinburg*, *Michelenburg*, *Meklenburg*, лат. *Magnopolis* (нѣм. michil, mikil = великій, magnus); Датчане называли его *Rerik*. Города *Щетинъ*, *Волынь* и *Камень* назывались по датски — *Bursteborg*, *Julin* (Jumne, Jumnet), *Steinborg*. Какъ назывались по славянски города *Гавельбергъ* и *Бранденбургъ*, неизвѣстно; польскій лѣтописецъ Богухвалъ называетъ послѣдній городъ *Сюрпельцъ*. Такія двойныя названія встрѣчаются особенно на лѣвомъ берегу Лабы, гдѣ уже очень рано жили Нѣмцы и Славяне совмѣстно; такъ напр. городъ *Wolmirstädt* — при устьѣ рѣки Оры (Уры) въ Лабу — называли Славяне Усть-Урье, *Salzwedel* — Лоздій, *Lüneburg* — Глинъ или Хлинъ, и пр. Рѣку *Эльбу* полабскіе Славяне называли и до сихъ поръ называютъ *Лабе* (neutr.); такъ ее называютъ Чехи, *Лобѣ* — лужицкіе Сербы, *Лабі* или *Лобі* (т. е. Лобѣ, какъ сліві = слово) называли ее и люнебургскіе Славяне; форма *Лабе* замѣтна и въ названіи племени Полабяне (*Polabi*, *Polabingi*). Названія *Гаволяне* (*Hevelli*, *Heveldun*) и *Руяна* были въ

употребленіи больше у Нѣмцевъ, между тѣмъ какъ Славяне употребляли формы *Стодоряне, Рана*.

Но все это — исключенія, которыя повторяются вездѣ на рубежѣ двухъ народностей, и соотвѣтствуютъ напр. такимъ же явленіямъ на границахъ племенъ романскихъ и германскихъ, гдѣ тоже встрѣчается двойная географическая номенклатура, напр. Liège-Lüttich, Aix-la-Chapelle — Aachen, Thionville-Diedenhofen, Grison-Graubünden, Bolzano-Bozen, и пр. ¹⁾.

Всѣ эти полабско-балтійскія племена, какъ бы они ни назывались по мѣстоположенію, качествамъ и пр. — носили общее названіе *Славянъ* или правильнѣе *Словѣнь, Словены*; Нѣмцы, Скандинавы, Англо-саксы и вообще германское племя называли ихъ древнѣйшимъ именемъ *Венды, Винды, Витиды*, ихъ страну *Вендландъ, Виндландъ, Виндаландъ* и пр.; пишучи по латински употребляли форму *Slavi, Sclavi, Slavia, Slavania* и пр., хотя и латинская форма *Vinedi, Venedi, Vinuli* и пр. не была необыкновенна. Сами же Славяне называли себя въ національномъ отношеніи всегда Славянами (*Slavi, gens slavica*), свой языкъ славянскимъ (*lingua slavica, quod slavice dicitur*), свои учрежденія славянскими (*ius slavicum, census Slavorum, mos-expeditio gentis slavicae*).

Это сознаніе своего славянскаго происхожденія сохранили и позднѣйшіе потомки балтійскихъ Славянъ до самой своей кончины, да отчасти и до сихъ поръ: вымирающіе уже остатки бодричскихъ Древлянъ и Глянянъ, жители люнебургскаго Вендланда, называли еще въ XVIII вѣкѣ свой языкъ „словенскимъ“ (слѣвенскіи), а остатки Поморянъ-Кашубовъ называютъ себя кое-гдѣ еще до сихъ поръ „Словинцами“, свой языкъ „словинскимъ“. Названіе „Славянъ“ и „Славянской земли“ (*Slavi, Slavia*) остались за жителями и странами балтійскими и въ послѣдствіи, когда они уже совсѣмъ опѣмечились. Такъ назывались именво всѣ балтійскія земли, начиная съ устья Травны и кончая устьемъ Лебы, т. е. владѣнія князей мекленбургскихъ, ранскихъ и поморскихъ. Сами эти князья

¹⁾ Выше приведенныя географ. названія собраны изъ разныхъ лѣтописей и дипломатарій сѣверовосточной Германіи — о которыхъ см. ниже —, и, на сколько возможно, сравнены съ названіями встрѣчающимися въ земляхъ остальныхъ западныхъ Славянъ, особенно польскихъ. О разнообразныхъ названіяхъ польскихъ мѣстъ срв. изслѣдованія Бодуэна (О древнепольск. языкѣ 87), Зелинскаго (Biblioteka Warszaw. 1872, III. 254), Войцеховскаго (Chrobacya I. 159).

называли себя князьями „славянскими“; такъ называютъ нѣмецкіе лѣтописцы напр. князей бодричскихъ Годескалька и Крута (princeps Slavogum), Генриха (Slavogum rex); такъ называли себя иногда и мекленбургскіе князья Никлотовичи: Николай (Slavogum princeps 1189), Генрихъ Боровинъ (Slavogum princeps 1219), и пр. Особенно же употребляли титулъ „князей славянскихъ“ поморскіе князья (princeps, dux Slavogum, hertogh der Wenden). „Славянскими“ назывались потомъ и новые города въ балтійскихъ странахъ, неимѣвшіе, разумѣется, уже ничего славянскаго въ себѣ (civitates Slaviae, wendische städte), Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Штральзундъ, Грейфсвальдъ. „Славянами“ — въ политическомъ смыслѣ — продолжаютъ называться жители „Славіи“, онѣмеченные потомки или наслѣдники природныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ и ихъ государи, „князья славянскіе“. Такъ напр. въ городѣ Любекѣ, хотя онъ собственно тоже считался лежащимъ въ славянской странѣ (castrum Lubece in Slavonia 1139 г.), и позже назывался городомъ „славянскимъ“, назывались „Славіей“ и „Славянами“ преимущественно земли на востокъ отъ Травны: „Славянинъ“ (Slavus) былъ въ Любекѣ подданный мекленбургскихъ князей, приводясь рядомъ съ Русскимъ, Норманомъ, Шведомъ и др. Въ Даніи — короли которой тоже назывались королями славянскими (rex Slavogum) — называются купцы плавающие въ балтійскія страны еще въ половинѣ XIII вѣка Vindlandsfare. Монета употребляемая въ тѣхъ странахъ называется въ средніе вѣка „славянской“ (moneta slavica, marcae slavicales, denarii slav., wendesche pennighe). Наконецъ и господствующее въ балтійскихъ странахъ земское право названо „славянскимъ“. Такъ напр. называлось право княжества ранскаго еще въ XVI вѣкѣ „wendisches recht und gebruck im fürstenthumb Ruigen“, хотя это право — нѣмецкое, равнымъ образомъ какъ и „право земли славянской“ (jus terrae Slaviae, 1312), т. е. мекленбургское. „Славянскимъ“ оно называется по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ назывались „славянскими“ балтійскіе князья, города, монеты и пр.

Если и всѣ балтійскіе Славяне назывались въ національномъ отношеніи „Славянами“ или правильнѣе „Словенами, Словинами“, то у нихъ встрѣчается и особая „земля словенская“. Она была именно въ восточной подосѣ поморской земли, по рѣкѣ Вепрѣ (Wipper), около нын. города *Schlawe*, который близкіе Словинцы-Кашубы до сихъ поръ называютъ *Словно*. Въ грамотахъ XII—XIII

вѣковъ этотъ городъ съ землей называется Slauna, Zlaune, Slawena, de Slavo, terra Zlauna, terra Zlawe, terra Zlowe; послѣднія двѣ формы „Славы“ и „Словы“ встрѣчаются именно въ одной грамотѣ 1289 года.¹⁾ Въ Словѣнѣ, равнымъ образомъ какъ и въ смежныхъ Бѣлгардѣ и Столпѣ, княжили, съ конца XII до первой трети XIII вѣка, Ратиборовичи, боковая линия поморскихъ князей. Такіе были Wartizlaus Zlaunіe (1186), Boguslaus et Dobrosława de Slauna (1200), domina de Zlaune (1220), Ratiborius princeps terrae Slaunensis (1223). Память Словѣнѣ сохранили и нѣкоторыя другія названія въ тѣхъ странахъ, напр. села Словенковъ (Zlouenkow 1240) у Колоберга, и Словинѣ (Słouin 1270—1277) у Рюгенвальде, озеро Словино (stagnum Słouino 1254) на Дравѣ. Наконецъ, остатки Славянъ въ нынѣшней Помераніи называютъ себя, какъ уже сказано, *Словинцами*, свой языкъ—*словинскимъ, словенскимъ*.

И такъ находимъ у балтійскихъ Славянъ землю, которая называлась по преимуществу „словенской“, равнымъ образомъ какъ у восточныхъ Славянъ, на Руси находимъ племя „Словѣнѣ“ около Новгорода, у южныхъ Славянъ—особую землю „словѣнскую“ въ сѣверовосточной Македоніи.

Географическія названія славянскаго происхожденія въ земляхъ полабско-балтійскихъ сохранились, не смотря на всѣ перемѣны и постоянное чужое вліяніе, болѣе или менѣе до нашего времени; они и представляютъ главный остатокъ обитавшихъ въ тѣхъ странахъ Славянъ. Интересно было бы собрать, при помощи подробныхъ картъ и словарей, всю эту славянскую географическую номенклатуру сѣверовосточной Германіи, и, на сколько возможно, возстановить настоящую славянскую форму каждаго названія. Чтобы достигъ того, надо прослѣдить всякое названіе во всѣхъ формахъ, какъ они встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ, и сравнить эти формы съ географической номенклатурой у остальныхъ Славянъ, именно западныхъ, во первыхъ, польскихъ, потомъ сербо-лужицкихъ и чешско-моравско-словенскихъ²⁾. Такимъ образомъ мы бы

¹⁾ Землю «Словы» искалъ еще Добровскій. (Шафарика Slov. Starož. 479).

²⁾ На нынѣшнія искаженные формы такихъ названій нельзя никоимъ образомъ положиться; такъ напр., по нынѣшнимъ названіямъ Schwan, Cöslin, Gadebusch, Ziesar, Gagerb, Patzig и пр., довольно трудно узнать, что это Живанъ, Кошалинъ (не Козалинъ), Хотѣбузь, Заезерье, Гаварны (т. е. вороны), Паски и пр. Такія искаженные формы нерѣдко приводятъ и къ ошибочнымъ заключеніямъ. Такъ напр., Гильердингъ думалъ, на основаніи названія го-

получили много матеріаловъ для знакомства съ языкомъ балтійскихъ Славянъ, не говоря уже объ исторической важности такой коллекціи. Между прочимъ, по собранной такимъ образомъ славянской географической номенклатурѣ, мы бы познакомились съ объемомъ первоначальной славянской колонизации и съ послѣдующей за ней колонизаціей нѣмецкой въ сѣверовосточной Германіи; нѣмецкую географическую номенклатуру позднѣйшихъ временъ не трудно отдѣлать отъ славянской.

Такого труда мы на этотъ разъ, по многимъ причинамъ, принять на себя не могли. Въ нашемъ очеркѣ славянской колонизации мы только попробовали указать на важность географическихъ названій для исторіи и этнографіи балтійскихъ Славянъ.

Полная картина первоначальной колонизации славянской и послѣдующей за ней колонизации нѣмецкой, значительно поспособствовала бы къ окончательному разрѣшенію вышеупомянутаго вопроса, о которомъ напрасно толковали нѣкоторые историки: были-ли до паденія славянской независимости, то есть до XII вѣка, въ сѣверовосточной Германіи „нѣмецкіе подданные“ и „славянскіе господа“. Уже изъ нашего коротенькаго очерка видно, что въ древній періодъ географическія названія до подробнѣйшихъ мелочей, чисто славянскія, которыхъ конечно не могли себѣ выдумать „славянскіе господа“ на своемъ „официальномъ“ языкѣ, а которыя жили между простымъ народомъ.

I.

Залабскіе Славяне.

Лѣтописецъ Гельмольдъ XII вѣка рассказываетъ, что еще во времена Оттоновъ, стало быть до начала XI вѣка, залабскія страны занимали Саксы, и только позже вытѣснены усилившимися Славянами ¹⁾. Но этотъ рассказъ позднѣйшаго лѣтописца противорѣчитъ другимъ, болѣе древнимъ свидѣтельствамъ, по которымъ мы видимъ Славянъ въ Залабѣ, т. е. между Лабой, Ильменавой и Орой, еще въ X вѣкѣ. Уже въ первой половинѣ X в. (937 г.) на западъ отъ Магдебурга въ бассейнѣ Оры было много селъ славянскихъ

рода Ziesar, что полабско-балтійскіе Славяне знали слово «цѣсарь» (царь); между тѣмъ оказывается, что болѣе древняя форма вовсе не Цисарь, а Заезрье.

¹⁾ Helmoldi Chron. Sclav., I. c. 88.

(Претапичи, Буковъ, Winidischenburch, т. е. городъ славянскій, Трабчичи, Бѣлниччи, Дудичи, Вельпухи, Всеборъ и др.), смѣшанныхъ съ нѣмецкими селами; эти Славяне, вмѣстѣ съ тамошними нѣмецкими поселянами, находились подъ вѣдомствомъ судьи (адвоката) архіепископа магдебургскаго. Нѣсколько лѣтъ спустя (956 г.), является земля Osterwalde (около Зальцведеля) подъ славянскимъ названіемъ *липанской* (marca Lipani), и въ ней, уже на западъ отъ рѣки Ясны, нѣсколько селъ съ славянскими названіями: Любинь, Клиничова, Kazina, Sebene, Tulci, Kribci. Подобно тому, смежная на сѣверѣ съ землей липанской, земля *Древань* (Drevani) носитъ это славянское названіе уже въ самомъ началѣ XI вѣка (1004 г.). По всей вѣроятности и названіе обширной земли лежавшей на востокъ отъ земли липанской и на юговостокъ отъ древанской, между Орой, Бесой и Лабой, Velka, Beleseim, Balsamia, regio Balsamogumf, славянское, можетъ быть *Бѣлая земля* (Бѣлая земля). И въ Балзамин уже въ X вѣкѣ и въ началѣ XI вѣка, встрѣчаемъ селенія съ славянскими названіями; нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ селъ (937 и 973 гг.) лежали на сѣверъ отъ Оры, именно: Mosan, Pelinizi, Dudizi, Uzobogo, Uelbuzi (Velbpuchi), Zelici. Въ Бѣлой землѣ были также: Валиславъ (Ualisleuo), Кленовіе, Вербно, Славотичи, Усть-Урье и др.

Какъ глубоко славянская колонизація проникла въ залабскія страны, доказываетъ, между прочимъ, множество сохранившихся *географическихъ названій* между Ильменавой, Орой и Лабой, названій городовъ, селъ, водъ, разныхъ урочищъ и пр. Мы встрѣчаемъ напр. названія указывающія на родовое происхожденіе (Радобичи, Кобеличи, Хиничи, Туричи), на происхожденіе отъ лицъ (Кленовъ, Чернинъ, Радомышль), на мѣстоположеніе (Зарѣчье, Пресѣвка, Востровъ, Предѣль, Восѣчье), на разныя качества и случайности (Тупадлы, Толстовъскы, Ковале); на лѣвомъ берегу нижней Лабы противъ земли Полабянъ, носитъ одно селеніе названіе Радигощъ ¹⁾. Еще въ началѣ XVIII вѣка, уже когда послѣдніе остатки залабскихъ Славянъ вымирали на нижней Яснѣ, одинъ славянскій крестьянинъ земли древанской, Іоаннъ Парумъ-Шульцъ, попробовалъ объяснить названія нѣкоторыхъ селъ и урочищъ; онъ хорошо понимаетъ напр. значеніе словъ Postweitz (huth, паствица), Kremin

¹⁾ Гильердингъ: Ист. балт. Славянъ (Сочиненія IV. 320 — 339); срав. также Павлинскаго Полаб. Славяне (165—169).

(kleine steins, камень), Müraneidsa (passe fuhre, мокраяница), Sopunsten (hinter den weg, за пѣтемъ), Nuwein (neuland, новина), Leitzeis (fuchs, лисица), Writin (spille, веретено), Pidjöhrl (hinter den berg, подгорье) и пр.

Кромѣ географическихъ названій, память Славянъ въ тѣхъ странахъ сохранилась и въ *постройкѣ многихъ селъ*, именно тѣхъ селъ, которыя построены въ формѣ подковы, съ однимъ только вѣздомъ; избы обращены на площадь, а за избами находятся хозяйственные строенія. По мнѣнію знатоковъ тамошнихъ странъ, такія села—происхожденія славянскаго, между тѣмъ какъ нѣмецкія села построены улицей. Такія подковообразныя постройки встрѣчаются особенно по нижней Яснѣ, гдѣ вообще славянскій элементъ сохранился дольше, до XVIII вѣка ¹⁾.

Залабскіе Славяне заняли свои жилища отчасти какъ мирные колонисты-земледѣльцы, равнымъ образомъ, какъ и ихъ южные соплеменники, полабскіе Сербы, которые распространились глубоко на западъ отъ Салы въ Тюрингію и Франконію, гдѣ они являютъ уже въ VIII вѣкѣ. Но не всегда Славяне переправлялись черезъ Лабу въ качествѣ мирныхъ земледѣльцевъ; иногда они являлись за Лабой и съ оружіемъ въ рукахъ. Уже въ половинѣ VIII вѣка (748 г.) прибываютъ къ рѣкѣ Бодѣ князья „суроваго племени Славянъ“ (duces gentis asperae Sclavorum) во главѣ стотысячной рати какъ союзники Франковъ противъ Саксовъ; это — вѣроятно князья Бодричей и Стодоранъ. Земля балзамская неразъ была театромъ войнъ между Славянами и Нѣмцами; припомнимъ завоеваніе Лютичами Валислави (930) и Вербна (1035), сраженія на рѣкѣ Тонгерѣ (983) и у Прислави (у Вербна 1056). Нападенія Славянъ за Лабу усилились особенно съ конца X и съ начала XI вѣка, когда нѣмецкое владычество надъ балтійскими Славянами сдѣлалось „слабой тѣнью“; Славяне распространились на лѣвый берегъ Лобы, такъ что противъ ихъ нападеній построена крѣпость даже на рѣкѣ Аллерѣ ²⁾. Въ такомъ смыслѣ надо понимать и вышеприведенный разговоръ лѣтописца XII вѣка о вытѣсненіи Саксовъ Славянами изъ Балзаміи. „Говорятъ“, пишетъ Гельмольдъ, „что эти страны населяли прежде, во время Оттоновъ, Саксы, но впо-

¹⁾ Подробно Jacobi: Slaven- u. Teutschthum in cultur- u. agrarhistor. studien, besonders aus Lüneburg u. Altenburg, p. 37—109.

²⁾ Pertz Monum., Script. IV. 761; Raumer Regesta hist. Brand. № 421.

слѣдствіи взяли верхъ Славяне, перебили Саксовъ и заняли эту землю". Вѣроятно къ этому же времени, т. е. къ началу XI вѣка, относится довольно темное извѣстіе о завоеваніи Балзаміи лютичскимъ княземъ Волкомъ. Балзамскіе князья вѣроятно признавали вполнѣдствіи верховную власть маркграфовъ Сѣверной Марки, и внукъ Волка, Вигбертъ, уступилъ свою отчину маркграфу Удону за вѣнныя гройдской земли въ полабской Сербіи (ок. 1070 г.). Эти „времена Славянъ“ помнили въ Маркѣ еще въ концѣ XII вѣка¹⁾.

Распространеніе Славянъ въ залабскія страны подало одному позднѣйшему лѣтописцу нѣмецкому XV вѣка поводъ къ баснѣ объ особомъ княжествѣ славянскомъ около Зальцведела (Wendische Marke); эти Славяне, называвшіеся по своимъ камышевымъ жилищамъ Rohr-Wenden, управлялись будто бы особыми князьями, и по смерти послѣдняго князя Аника (1113 г.), это княженіе досталось маркграфамъ Сѣверной Марки²⁾.

Наконецъ и земли между нижней Лабой и Ильменавой, были долготѣлнымъ театромъ войнъ между Саксами племени Бардовъ и Славянами, Бодричами и Лютичами; нападеніе послѣднихъ на землю Бардовъ въ 997 г., навѣрное не было первымъ и послѣднимъ. Слѣды оборонительныхъ линій Бардовъ и Славянъ находятя до сихъ поръ между Ильменавой и Лабой, равнымъ образомъ какъ остались и преданія о войнахъ залабскихъ Славянъ съ Нѣмцами въ памяти огнѣченныхъ люнебургскихъ „Вендовъ“³⁾.

Залабскіе Славяне однако не были исключительные жители

¹⁾ Annal. Pegav. (Vita Viperti, Pertz Monum., Script. XVI. 234). Срв. Giesebrecht Wend. geschichten II. 7, 64, 137, Quandt in Balt. studien 1868, 170. Въ 1191 г. графъ гарделегенскій Генрихъ утверждаетъ за монастыремъ лютерскимъ (въ Брауншвейгѣ) duos mansos in Folkfelde (между Гарделегенъ и Тангермунде), говоря, что эти гуы *a temporibus Slavorum* ecclesiae in Luttera attinuisse, verum per longinquitatem temporis, re in oblivionem deducta, ut fieri solet, a praedecessoribus nostris per ignorantiam detentos. (Riedel Cod. Brand. A. XVII. 436).

²⁾ Raumer Reg. hist. Brand. №s 614, 755. На неосновательность этого извѣстія указалъ уже Gercken: Versuch der ält. geschichte d. Slawen (Leipzig, 1771, p. 107).

³⁾ Raumer Reg. № 338, Jacobi: Slaven- u. Teutschthum 136, Hammerstein: Der Bardengau 33, 41; нижеприведенныя книги Ziehen-a и Hennings-a. Срв. Neues Lausitz. Magazin XXI. 254.

этихъ странъ; уже рано встрѣчаются здѣсь и нѣмецкія поселенія, какъ ниже увидимъ. Въ этихъ странахъ лежащихъ на рубежѣ элементовъ нѣмецкаго и славянскаго и подлежащихъ нѣмецкому господству, часто встрѣчаемъ вышеупомянутыя двойныя названія городовъ и селъ. Мы видѣли, что земля Osterwalde уже въ половинѣ X вѣка имѣла и другое, славянское названіе, *Литани*; славянское названіе села Кленовіе въ Балзаміи отличается отъ нѣмецкаго *Seuerouinkil* (in locis slavonice *Clenobie*, teutonice *S. nuncupatis*, 980); городъ *Welmirstädt* недалеко отъ впаденія Оры въ Лабу называли Славяне, по свидѣтельству Титмара, *Usture* (*urbs Walmerstidi slavonice vocata Usture, eo quod Ara .et Albis fluvij hic conveniunt*). Нѣкоторыя славянскія названія залабскихъ мѣстъ сохранились даже до XVIII вѣка, у остатковъ люнебургскихъ Славянъ. Городъ *Lüneburg* (стар. *Нлиуні*) назывался по славянски *Хлинъ* (Хланнъ) или *Глинъ* (Гланнъ), *Hitzacker*—*Лучковъ*, *Dannenberg*—*Видержъ*, *Bergen*—*Горска*, *Klenze*—*Клонска*, *Gartow*—*Гордско*, *Schnakenburg*—*Годій Гордъ*, *Seehausen*—*Вайорпальте*, *Arendsee*—*Властѣйско*, *Salzwedel*—*Лоздій*. Эта двойность названій сохранилась отчасти до сихъ поръ: село Верблицу (*Varbitz*) въ люнебургскомъ „Вендландѣ“ называютъ сосѣдніе „Саксы“—*Swartepule* (*Schwarzenpfuhl*, черная лужа).

Сожительство и антагонизмъ Славянъ и Нѣмцевъ въ саксонскихъ земляхъ по Лабѣ отразились тоже въ нижненѣмецкомъ законодательствѣ, въ правѣ саксонскомъ или такъ называемомъ *Sachsenspiegel*. По этому праву, судьи, если они судятъ какъ судьи королевскіе (*unter königsbann*), могутъ судить каждаго, Нѣмца и Славянина, подданнаго или свободнаго (*ordel solen sie vinden vastene over jewelken man, he si dütisch oder wendisch, oder egen oder fri*). Но если нѣтъ королевскаго пожалованья (*königsbann*), какъ это и было въ Бранденбургѣ и въ Лужицахъ, то нельзя судить Славянамъ Нѣмцевъ и Нѣмцамъ Славянъ (*ane die Wenet uppe'n Sassen, unde die Sasse uppe'n Wenet*). Поэтому, если Славянинъ поймаетъ Нѣмца на самомъ преступленіи, или наоборотъ, и передъ судомъ другъ противъ друга свидѣлствуютъ, то пусть обвиняемый перетерпитъ приговоръ по свидѣтельству истца, какъ будто разница національности уничтожила всякое право. (*Wert aver die Wenet oder die Sasse mit ungerichte gevangen, in der hanthafte dat, unde mit deme gerüchte vor gerichte gebracht, die Sasse tüget*

uppe'n Wenet, unde die Wenet uppe'n Sassen, unde mut ir jeweder des anderen ordel liden, die also gefangen werden ¹⁾.

1. Славяне люнебургскіе ²⁾.

Въ землѣ Саксовъ, въ позднѣйшемъ герцогствѣ люнебургскомъ, жили Славяне въ трехугольничѣ образуемомъ рѣками Лабой и Ильменавой и границей Старой Марки. Западная половина этого трехугольника между Ильменавой и лѣсомъ гордскимъ (Göhnde) сдѣлалась частью земли саксонскихъ Бардовъ (Bardengau); восточная — по нижней Яснѣ —, подвластная графамъ данненбургскимъ и люховскимъ, была заселена славянскими племенами *Древянь* и *Глимянь*, и называлась и называется до сихъ поръ „славянской землей“ (Wendland). Этотъ дуализмъ, если можно такъ выразиться, люнебургскихъ Славянъ хорошо обозначается еще въ половинѣ XIV вѣка (1340 г.), гдѣ „Славяне герцога люнебургскаго“ различаются отъ „Славянъ называемыхъ Древянами“ ((Slavi Drevene qui dicuntur et Slavi domini ducis de Luneborgh).

Барды, вмѣстѣ съ нордальбингскими Саксами, были главными участниками непрерывныхъ войнъ нѣмецко-славянскихъ на нижней Лабѣ; они помогли Бутѣ Годескальковичу противъ Крута, и погибли (omne gobur Bardorum) съ нимъ подъ городомъ Плоной въ Вагріи (1071 г.); они помогли другому Годескальковичу, Генриху, въ сраженіи на Смиловомъ полѣ (1093) противъ Бодричей и Лютичей. Эти походы Бардовъ въ глубь славянскихъ странъ были вѣроятно продолженіемъ такихъ же военныхъ дѣйствій въ Залабѣ, о которыхъ мы упоминали выше и на которыя указываетъ между прочимъ нападеніе Лютичей на землю Бардовъ (997 г.). Еще около половины XI вѣка городъ Люнебургъ считается лежащимъ на рубежѣ Саксовъ и Лютичей (in confinio Saxonum et Lu-

¹⁾ Sachsenspiegel III. artic. 69, § 2; 70, §§ 1, 2. (ed. Homeyer p. 244). Известно, что по Sachsenspiegel и король чешскій не имѣетъ права выбирать нѣмецкаго короля, такъ какъ онъ не Нѣмецъ—dat he nicht düdesch n'is.

²⁾ Sudendorf: Urkundenbuch zur geschichte der herzöge von Braunschweig u. Lüneburg u. ihrer lande (Hannover 1859—1872, 7 bde, грам. до 1394 г.), Lüneburger urkundenbuch (Celle, Hannover съ 1861 г.); меленбург. и бранденбург. дипломатарія; Hammerstein: Der Bardengau (Hannover 1869, содержитъ также много разныхъ памятниковъ).

tiogum). ¹⁾ Наконецъ побѣда осталась за нѣмецкими Саксами, которые мало по малу вытѣснили или огнѣмили тамошнихъ Славянъ. Старинная національная вражда между обоими племенами продолжала существовать и впоследствии, проявляясь не рѣдко въ разныхъ сторонахъ общественной жизни. Такъ напр. еще въ первой половинѣ XIV вѣка, когда въ землѣ Бардовъ было уже мало Славянъ, эти послѣдніе относились враждебно къ своимъ нѣмецкимъ сожителямъ; монастырь Медингенъ, лежавшій тогда на юго-востоку отъ города Люнебурга, страдалъ отъ нападеній разбойниковъ и ночныхъ поджоговъ Славянъ (praedonum invasionibus et nocturnis Slavogum incendiis), такъ что онъ вынужденъ былъ переселиться на западную сторону Ильменавы (1333). Этотъ національный антагонизмъ нашелъ себѣ и официальное выраженіе въ нѣкоторыхъ городахъ тѣхъ странъ. Такъ напр. дума города Люнебурга постановила въ 1409 г. не принимать впредь ни одного Славянина въ мѣщане (dat he nirmehr keinen wendischen mann to borgher nehmen wölle); только во второй половинѣ XVI вѣка (1570) дума и мѣщане сговорились снова дать Славянамъ мѣщанское право. Впрочемъ изъ цеховъ исключались Славяне въ Люнебургѣ еще въ XVII вѣкѣ (1676, 1680); одинъ чиновникъ и писатель того времени называетъ такой обычай „наглѣнымъ“ (absurd). Въ Люнебургѣ существовалъ особый цехъ славянскихъ булочниковъ (grobbacker), какъ было и въ другихъ балтійскихъ городахъ, напр. въ Ростокахъ, Бартѣ и Штральзундѣ, гдѣ были особые славянскіе мясники (Wendschlächter). Въ городѣ Ульценѣ дума еще въ 1619 г. строго запрещаетъ мѣщанамъ жениться на Славянкахъ; родившіеся отъ такихъ браковъ дѣти исключены были изъ всѣхъ должностей, и имъ не выдавались такъ называемые geburtsbriefe т. е. свидѣтельства законнаго рожденія. ²⁾

При движеніи Саксовъ на востокъ къ Лабѣ западскіе Славяне уступали и исчезали, оставляя однако между Ильменавой и Лабой до самаго XV вѣка отдѣльныхъ представителей своего племени въ городахъ и селахъ; можетъ быть, что и дворянскій родъ Pusteke (Пустекъ), упоминаемый уже въ первой половинѣ XIII вѣка,

¹⁾ Helmoldi Chron. Slav. I. с. 25, 26, 34; Lambertus Hersfeld. (Pertz Monum., Script. V. 200).

²⁾ Pfeffinger: Historie d. braunsch.-lüneburg. hauses I. 233, и книгъ Якоби (см. выше) и Геннингса (см. ниже).

былъ славянскаго происхожденія. Кромѣ того, слѣды славянскаго населенія въ тѣхъ странахъ замѣтны и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ; такъ напр. часть жителей не платили десятинъ, а опредѣленную плату, какъ было и въ другихъ странахъ балтійско-славянскихъ (бископовница), употребляли для обработки полей и какъ полевую мѣру славянское *рало* (*uncus, haken*) подлѣ болѣе тяжелаго нѣмецкаго *пуга* (*aratrum, pflug*) ¹⁾. Наконецъ слѣды славянскаго населенія сохранились и въ постройкѣ селъ, въ географическихъ названіяхъ, въ названіяхъ селъ и урочищъ, селъ съ прозвищами „Wendesche“ и „Dudesche“, Wenthusen, Wennekote, Wenetdorp, Wëndewisch, Wendeschfeld, Wendenkamp, Wendisches meer (т. е. see), и пр. А во второй половинѣ XIV вѣка мы встрѣчаемъ въ землѣ Bevensen — лежащей на югъ отъ Люнебурга между Ильменавой и гордскимъ лѣсомъ — одно учрежденіе подъ названіемъ „славянское право дѣдинника“ (*jus slavicum quod dedenick vocatur*) ²⁾. Разумѣется, что такихъ слѣдовъ больше по Лабѣ, около Вендланда; но не мало ихъ осталось также дальше на западѣ, по правому берегу Ильменавы.

Въ бардской землѣ Suderborg на верхней Ильменавѣ, уже на лѣвомъ ея берегу, было еще въ половинѣ XII вѣка 13 славянскихъ селъ (*villae slavicae*), отъ которыхъ однако не осталось слѣда. Въ земляхъ Ullessen (Олешно?), Bodendiek, Bevensen — на правомъ берегу верхней и средней Ильменавы — встрѣчаемъ до

¹⁾ *Uncus, slavicum aratrum perficitur duobus bubus et totidem equis*, объясняетъ летописецъ Гельмольдъ ок. 1170 года. Срв. слова польскихъ грамотъ 1257 и 1262 гг.: *aratrum parvum quod radlo dicitur, aratrum magnum quod pflug nominatur; unci qui polonice dicuntur radla*. Такъ было и у остатковъ люнебургскихъ Славянъ въ концѣ XVII вѣка; собиратель славянскаго глосарія Геннингъ объясняетъ: *radli* — *hacke*, *pflug* — *pflug*, *wirat* (ворать, пахать) — *hacken*, *ist dieses orts das land umzuackern mit zwei ohsen; plausit* (т. е. пахать) — *pflügen*, *woarona ljundi* — *gehacktes land, plawzeta ljundi* — *gepflügetes land, ratoy* — *ackermann, eigentlich einer der hackt*.

²⁾ Рыцари Шверинские владѣли въ 1354 г. селомъ Röbbelstorf cum molendino et cum *jure slavico, quod dedenick vocatur*. Подъ этимъ славянскимъ правомъ надо разумѣть вѣроятно право *дѣдинское*, наследственное владѣніе дѣдиной, вотчиной (*jus haereditarium*). Срв. слова чешской грамоты 1208 года: *praedium quod more terrae nostrae duo rustici possederant dedin jure*, т. е. на правѣ дѣдинъ, какъ *дѣдинъ* или *дѣдинники* (такъ назывались у Чеховъ наследственные владѣтели, вотчинники). По записанному у Пеефингера неможно искаженному слову *dedan* — *heritier* (дѣдъязъ? дѣдина?) видно, что люнебургскіе Славяне знали слово дѣдина, или другое въ томъ родѣ.

самаго XV вѣка цѣлыя славянскія села и дворы. Нѣмецкая колонизація славянскихъ селъ улесенскаго монастыря имѣлась въ виду уже въ XII вѣкѣ (si quae de sclavicis villis eidem ecclesiae pertinentibus a christianis cultae fuerint, decimas earum eidem ecclesiae permittimus). Около Вихманесборга на средней Ильменавѣ было въ половинѣ XII вѣка 20 славянскихъ селъ, и въ концѣ XIII вѣка (1296—1297) въ селѣ Nendorpe — между тѣмъ городомъ и лѣсомъ гордскимъ — имѣли люнебургскіе дворяне de Widdorpe право суда надъ шестью Славянами (advocacia VI Slavorum). Между Улесеномъ на верхней Ильменавѣ и Луховомъ и Востровомъ на Яскѣ встрѣчаются въ концѣ XIII вѣка (1289 г.) 23 села (семь изъ нихъ уже въ Древнякахъ), называемыхъ по нѣмецки (Kardestorpe, Saltendike, Scorstorpe etc.) и по славянски (Novente, Kolove, Konove, Dulan etc.), и въ нихъ „славянскія имѣнія (bona slavicalia)“, поземельные участки, съ которыхъ платились извѣстныя подати деньгами и натурой. Село Bollensen (срв. поль. Bołęcín) въ землѣ улесенской раздѣлялось въ 1393 г. на нѣмецкое (dudesch) и славянское (wendisch), и близкое поле носить извѣстное только у тамошнихъ (онѣмеченныхъ) Славянъ названіе priesing (см. ниже). Въ землѣ Bodendiek было въ половинѣ XIV вѣка (1341 г.) славянское село Тро (villa slavicalis), и въ XV вѣкѣ въ Полевѣ жили еще славянскіе крестьяне. Кромѣ того являются въ тѣхъ странахъ и отдѣльныя лица славянскаго происхожденія ¹⁾.

Больше слѣдовъ Славянщины сохранилось въ углу между нижней Ильменавой и Лабой и гордскимъ лѣсомъ, въ земляхъ Oldenbrugge (Modestorp, гдѣ городъ Люнебургъ), Dalenborg, Berscampe,

¹⁾ Praedium slavicum Scapevidele (1202); villa Scharnhop in bonis, in quibus nunc sedet Slavus nomine Thidericus (1307); curia in villa slavicali Tro, quam Bernardus filius Slabe quondam, Slavus, inhabitat (1341); in Lüder an dem houe dar nu Meyne Wend upre wonet (1378), и пр. Некоторые Славяне проникли еще дальше на западъ; такъ напр. упоминаются гдѣ-то у Ганштадта «wendeschen lude», подданные графа Адольфа шаунбург. (1320); въ числѣ васаловъ архіепископа бременскаго, уже на лѣвомъ берегу Везера упоминается Henricus Slavus (1207—1211); въ городѣ Брауншвейгѣ были, въ XIII—XIV в., улица и ворота славянскія (platea Slavorum, valva Slavorum, Wendedor). Славянское вліяніе замѣтно и въ одной легендѣ (XIV вѣка) объ избиеніи язычниками мучениковъ, покоящихся въ люнебург. монастырѣ Эббенесдорфскомъ (на западъ отъ р. Ильменавы); въ ней приводятся славянскія божества Свѣтобогъ, Вителюбъ, Радагость (Leibnitz Script. rer. brunswic. I. 191. Срв. Гильфердинга Ист. балт. Слав. 164).

Blekede. Въ первыхъ двухъ земляхъ часто упоминаются въ XIII—XIV вв. славянскія села (slavicae villa^a), и въ нихъ Славяне (Slavi in villis); такъ напр. села Nuthlikesvelde, Rameshorne, Wendeschen-Borstle, Muchelinghe, Etzendorpe, вѣроятно и Хиново, такъ какъ здѣсь былъ староста Славянинъ (curia in villa Chinowe, in qua sedet Slavus Werperus nomine, magister civium, а. 1317). Славяне жили около Блекеде или новаго города Löwenstadt на Лабѣ (1209 г.), и еще въ XIV вѣкѣ (1365) въ числѣ тамошнихъ рыбаковъ былъ тоже Werneke Wende. Въ городѣ Люнебургѣ Славяне упоминаются, какъ выше сказано, въ очень позднія времена, и память о нихъ сохраняетъ здѣсь сѣверная часть города называемая до сихъ поръ „славянскимъ селомъ“ (Wendisches dorf), колонія пловцовъ и рыбаковъ, и „славянская улица“ (Wendische strasse); можетъ быть, что и названіе предмѣстья люнебургскаго *grimm* — славянское ¹). Въ XIV вѣкѣ (1340 г.) Славяне въ окрестностяхъ Люнебурга, подданные герцога и дворянъ (Slavi domini ducis de Luneborgh, Slavi seu Teutonici illogum de Groten et de Medinge), пользовались известными выгодами относительно налога на соль, наравнѣ съ сосѣдними Древянами. Отдѣльные крестьяне славянскіе встрѣчаются въ разныхъ селахъ тѣхъ земель ²).

Нѣкоторыя села сохранили память своего славянскаго населенія въ однихъ только названіяхъ или учрежденіяхъ: такъ напр. — не говоря о селеніяхъ съ прозвищемъ „Wendisch“ — село Gronenhagen на Ильменавѣ (на лѣвомъ берегу, къ югу отъ Люнебурга) называется въ первой половинѣ XIV вѣка бывшимъ славянскимъ (olim villa slavica, 1324); въ сосѣднемъ съ выше упомянутымъ славянскимъ селомъ Nuthlikesvelde селѣ Wenthusen были уже въ концѣ XIII вѣка (1299) нѣмецкіе жители, и пр. На Славянъ въ тѣхъ странахъ вѣроятно указываетъ тоже выше упомянутая обработка полей разомъ, между тѣмъ какъ плугъ указываетъ на нѣмецкихъ земледѣльцевъ. Въ подробномъ описаніи селъ земли Oldenbrugge

¹) Volger: Der ursprung u. der älteste zustand d. stadt Lüneburg (L. 1861). Слово *grimm* сравниваемъ съ русскимъ *кромъ* въ Псковѣ; *крѣмъ* = *кромъ* (какъ и напр. *нѣзъ* = *ножь*, *кѣмі* = *кодо*). Volger замѣчаетъ, что нѣкоторыя слова употреблявшіяся прежде въ люнебургскихъ сомовахъ, славянскія; но ихъ не приводитъ. Срв. ниже слово *kuntje*.

²) Dre Wende to Kutece (1330—1352); curia in villa Nieperfitze, quam nunc Volcmarus Slavus colit et inhabitat (1334); in villa Swendale casa, quam quidam Slavus Arneke inhabitat (1357); in Barendorf Ditmar en Wend (1367), etc.

(1450 г.) въ селахъ на лѣвомъ берегу Ильменави были только плуги, на правомъ-же въ тринадцать селахъ рала, въ двѣнадцать плуги. Въ томъ числѣ приводится напр. въ селѣ Dudeschen Everingen— $3\frac{1}{2}$ plog (т. е. три цѣлыхъ плуга, и пять половинъ), и Wendeschen Everingen—4 haken, такъ что названія совпадаютъ и съ учрежденіями; въ другихъ селахъ, по названіямъ славянскихъ, встрѣчаются уже плуги, напр. въ селахъ Rethmar, Wenthusen, Wennekote (т. е. Ратимиръ, Славянское жилие, Славянская хата); нѣкоторые крестьяне тѣхъ селъ (въ земляхъ Oldenbrugge и Bevensen), именно гдѣ упоминаются рала, носятъ очевидно не нѣмецкія имена: Vaddatt, Ritzeken, Kotzeken, Winke, Klawatz, Worenke, Bautzeke, Tzubud и др., по всей вѣроятности Славяне. Села Непервичи (Nyerewitsee, Njererfitz) и Помышль (Pomoissel)—на ручьѣ хотѣминскомъ на границѣ Древлянъ—еще до недавна раздѣлялись на двѣ половины, каждая съ своими полями и пастбищами, вѣроятно остатокъ прежняго населенія, славянскаго и нѣмецкаго.

Послѣдній разъ упоминаются Славяне въ этихъ странахъ—на сколько знаемъ—въ самомъ началѣ XVI вѣка (1501 г.). Тогда герцогъ люнебургскій позвалъ къ Баргердорпу на Лабѣ окрестныхъ Славянъ и крестьянъ (Wende und bugen), для постройки здѣсь плотины или вала; но гамбургскіе и любецкіе мѣщане прогнали герцога, дворянъ и крестьянъ; множество Славянъ попало въ плѣнъ Любечанамъ, которые ихъ однако отпустили на свободу ¹⁾.

На юго-востокъ отъ древней земли Бардовъ лежитъ „земля славянская“ (Wendland), составляющая трехугольникъ между гордскимъ лѣсомъ, Лабой и границей Старой Марки, орошаемый рѣкой Ясной ²⁾; главные города были здѣсь выше упомянутые Лучковъ (Hitzacker), Выдержъ (Dannenberg), Люховъ (Lüchow), Востровъ, Горска (Bergen), Клонска (Klenze), Гордско (Gartow), Годій Гордъ (Schnakenburg). Это—по всей вѣроятности первоначальный „Wendland“; но со временемъ границы его сѣззились, такъ что нынѣшній Wendland обнимаетъ только округъ люховскій и нѣ-

¹⁾ Хроника любецкая Реймара Кона (Meklenb. jahrb. XI. 107): Der Wende würden veele van den Lübekern gefangen; owerst dewyle idt veele arme, verhungernde lude weren, hebben de heren enen wat tho eten geven laten und weg tho lopen verlövet.

²⁾ Такъ вѣроятно называлась рѣка Jeeze, въ стар. памятникахъ Jesne, Gisna, Jetze и пр. Въ XVII—XVIII в. люнебург. Славяне называли ее просто «рѣка».

сколько сель прилежащих округовъ. Эти страны Славяне заселили сплошной массой, и до сихъ поръ большинство селеній Вендланда носить славянскія названія, и немногія—нѣмецкія ¹⁾.

Нынѣшній Вендландъ раздѣляется на нѣсколько частей; самая обширная, западная половина до Ясны называется *Draoön* (*Dra-wehn*), юго-восточный уголь—*Linegow* (*Linegow*), сѣверо-восточный—*Lucie*. Въ этихъ названіяхъ сохранились названія племенъ поселившихся за Лабой по рѣкѣ Яснѣ, *Древяне*, *Глиняне* и *Лучане*.

Древяне или *Дравяне* поселились въ странахъ лѣсистыхъ, и назвались—вакъ и ихъ одноименники на Руси—„зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“ или въ „дравахъ“ (деревьяхъ), вакъ толкуеть ихъ названіе и польскій лѣтописецъ XIII вѣка: „Славяне Древяне назвались по дремучимъ лѣсамъ или деревьямъ“ ²⁾. Остатки этихъ лѣсовъ сохранились въ Вендландѣ до сихъ поръ: на сѣверѣ выше упомянутый лѣсъ гордскій (*Göhrde*), и на югѣ лѣсъ Хвойно (*Cheune, Choune*), по которому и называется прилежащая къ нему часть Древянъ *Geun*. Древяне упоминаются уже въ началѣ XI-го вѣка (*Slaniki* — т. е. Клонска—in *Drevani*, 1004 г.), и потомъ часто; въ XIV вѣкѣ приводится много сель въ Дравянахъ (*ur den Dravenen*) и сами древянскіе Славяне (*Slavi Drevene qui dicuntur*), въ началѣ XVI вѣка фогтъ люховскій и шляхта въ Дравянахъ (*die slechte, т. е. geschlechte, in Draffenen*). Залабскіе *Глиняне* были продолженіемъ своихъ соплеменниковъ на правомъ берегу Лобы; ихъ земля (*Linegow*) упоминается первый разъ въ началѣ XIII вѣка. Названіе *Lucie* вѣроятно славянское *Лучіе* (луки, луги); другое названіе той волости *Bröking* означаетъ тоже самое (нѣм. *brök, bruch*—лугъ). Оба главные города тѣхъ странъ, Данненбергъ

¹⁾ Wendland подробно описалъ Hennings: Das hannover. Wendland (*Lüchow* 1862); срв. тоже Jacobi: *Slaven-u. Teutschthum* 13—31, Гильеердингъ: *Ист. балт. Слав.* 314—325. Жаль, что послѣдній не успѣлъ разработать весь имъ собранный матеріалъ. Много матеріаловъ и въ выше упомянутомъ сочиненіи Гаммерштейна.

²⁾ Boguchval (*Bielowski Monum. Polon. II. 470*): *Slavi qui Drevnyane vocantur; haec gens a densitate silvarum seu lignorum nomen accepit: nam D. a lignis nuncupantur*. Вогухвалъ впрочемъ смѣшиваетъ Древянъ съ Гользатами, считая ихъ городами Буковедъ (Любекъ), Гамбургъ, Бременъ, Шлезвигъ.— Въ землѣ Бриганъ (*Priegnitz*) есть село *Drewen* или *Drewan*, и въ старгирдской землѣ (Мекленбургъ) въ XVI вѣкѣ была «*wüste feldmark Dreffin*». Для объясненія формы *Drauen* (Дравяне) замѣтимъ, что въ нарѣчій люнебургско-славянскомъ *драва*—дрова, *дравены*—деревянный.

и Люховъ, сохранили память о Дравянахъ до сихъ поръ въ своихъ „дравянскихъ предмѣстьяхъ“ (Draewener koreitz); въ Люховѣ же были до конца XVIII вѣка „дравянскія ворота“ (Drafeinisches, Draewener thor).

Въ этихъ залабскихъ странахъ были съ XII вѣка особые графы, васалы герцога саксонскаго, графы данненбергскій и люховскій (послѣдній нѣкоторое время васалъ маркграфа бранденбургскаго). Остались ли здѣсь и нѣкоторые славянскіе шляхтичи-землевладельцы, не знаемъ; около Гицакера былъ еще въ концѣ XIV вѣка родъ люнебургскихъ дворянъ *Даргашей* (Herman Dargessen 1393), вѣроятно переселившійся сюда изъ полабско-бодричскаго графства данненбергскаго. Славянскіе жители селъ графствъ данненбергскаго и люховскаго упоминаются часто; такъ напр. въ Кромѣншлѣ, Чаховѣ, Пожленцѣ, Радомишлѣ, Горатицѣ, Горичанахъ, Стерлѣ, Панчевѣ и др. ¹⁾ Въ XVI вѣкѣ люнебургскіе Славяне сдѣлались протестантами. Одинъ изъ ихъ священниковъ, Вендель-разумѣется Нѣмецъ, который прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Гицакерѣ и въ одной близкой деревнѣ, считаетъ (1536 г.) вѣрннхъ ему Славянъ „тупыми“; сожалѣя о томъ, что онъ имъ можетъ мало пользы принести своими нѣмецкими проповѣдями, почтенный пастырь утѣшается по крайней мѣрѣ евангельскими словами: не раскидай бисера передъ свиньями ²⁾. Въ Вендландѣ нѣмецкая ко-

¹⁾ Vona slavicalia in Gromaszle, Malsleve, Zacheve, Tzabelin, Kive, Poklentze, Nendorpe, Moylen (1289); 4 Slavi in Redemutzle, 3 Slavi in Gorenthin (нын. Gôhrde), 4 Slavorum advocacia (судъ) in Gromaszle, 3 Slavi in Guriz (1296—1297); 2 Slavi in Sterle (1304); villa Banzeue venditur duobus Slavis exceptis (1306); Slavi, slavicales seu teutunicales residentes prope civ. Luchove (1313); proprietas in villa Bantzeue in sex Slavis ibidem commorantibus (1398); у Гартова «славянское поле»-Wentvelt (1321), и пр.

²⁾ Nu synth de wendeschen lude szo unndvorstendich, dath ick weynich fruchth dorch myne predicacien kan don, des ick denne eyn groth beszuer myner conciensien drage, wenthe ick weth wol, wat my Cristus myn heylanth hefft beuolen Mathei in dem VII.: du schath de perlen nicht vor de suye werpen. (Meklenb. jahrb. II. 207). Съ этими словами ерв. отзывы другихъ нѣмецкихъ священниковъ о Славянахъ, напр. разсказъ біографа св. Стурма, апостола Тюринговъ, какъ сразу купающихся въ Фульдѣ Славянъ возбудилъ отвращеніе въ мужъ божьемъ и испугъ въ его осла (736 г.); слова другого апостола Нѣмцевъ, св. Винфрида-Бонифация, называвшаго Славянъ «мерзѣйшимъ и свержѣйшимъ поколѣніемъ людей» (Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, 745 г.); любопытный отзывъ Др. Лютера о лужицкихъ Сербзахъ: Von allen die ärgste ist fast die nation der Wenden, da uns gott

лонизація проникла гораздо слабѣе, чѣмъ въ землю Бардовъ. Въ Вендландѣ находится довольно мало селеній съ нѣмецкими названіями, и нѣмецкій элементъ усилился здѣсь уже поглощеніемъ кореннаго славянскаго элемента. Но эта германизація шла очень медленно, борясь съ упорнымъ характеромъ тамошняго населенія, которое относилось къ Нѣмцамъ враждебно. Еще востровский священникъ *Генниъ* (ок. 1700 г.) рассказываетъ, что ни одинъ Нѣмецъ не могъ оставаться между тамошними Славянами; они его преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока онъ не удался; если кто изъ Славянъ хотѣлъ учиться по нѣмецки, то его ужасно бранили. Въ началѣ XVIII вѣка люнебургскіе Славяне наконецъ замѣнили свой языкъ—нѣмецкимъ; но многіе славянскіе обычаи и нравы сохранились у потомковъ тѣхъ „Вендовъ“ до сихъ поръ.

Отъ земли бардской „земля славянская“ (Вендландъ) отличалась своимъ раздѣленіемъ на судебные округа низшаго разряда; въ первой они назывались *veesten*, а въ другой *tuchten* (tucht-zug), первоначально вѣроятно семейные союзы. Тухты сохранились въ Вендландѣ отчасти до сихъ поръ; на нихъ лежитъ теперь обязанность поправлять дороги и мосты ¹⁾. Сельскіе *старосты* или *старісты*, по нѣмецки *шульцы*, въ Вендландѣ—въ бардской землѣ они назывались *burmester*, *bauermeister* (*magister civium*)—пользовались и отчасти пользуются до сихъ поръ извѣстнымъ поземельнымъ участкомъ связаннымъ съ ихъ должностію; этотъ участокъ назывался по славянски *гостиница* (*gustenytze*, *güsteneiz*, *jüsteneitz* ²⁾). Села славянскаго происхожденія отличаются—какъ уже

eingeworfen hat. Denn gott wendet sich zum schlimmsten volke, wie er die propheten u. Christum zu den Juden schickte, dem schlimmen volke, das sie tödtete. So kommt auch Christus hierher unter die Wenden, dass er des teufels werke erstöre und die teufel austreibe, die hier in dörfern und städten wohnen. Wenn ein böser volk wäre, denn die Wenden, so musste das evangelium daselbst aufgegangen sein.

¹⁾ Къ сожалѣнію о «тухтахъ» знаемъ только по отрывочнымъ извѣстіямъ сообщеннымъ Гаммерштейномъ и Геннингсомъ. Срв. tome Zeitschrift des histor. vereins für Niedersachsen 1856. I. 131.

²⁾ Das burmestersrecht dat menliken gheheten is *gustenytze*, въ селѣ Превлакѣ у Гидакера (1345). Древянскій крестьянинъ Парумъ Шульцъ (1725) объясняетъ: «*Jüsteneits* heisst so viel als ein gastland; gast heisst *jüst* (т. е. гѣсть—гость); in alten zeiten, wenn die vogte haben in dorf gekommen, so hat sie der schultze bewirthen müssen». Срв. ниже *gustinge* на Ракѣ. Слово *старісты* приводитъ издатель части записокъ Парума (1794): «Das wendische

выше сказано—отъ нѣмецкихъ своей подковообразной постройкой и устройствомъ полей. Нѣкоторыя относящіяся къ тому славянскія названія уцѣлѣли до сихъ поръ; такъ напр. задняя часть сельскаго дома, задній дворъ, называется *klanzei*; Парумъ Шульцъ производитъ это слово отъ „заключить“ (*zokluncet*—заклѣчить), *klanzei*, *klansei* — вѣроятно клѣчи¹). За *klanzei* слѣдуетъ такъ наз. *prising* (*prising*), лугъ или лѣсъ, роща, иногда поле, садъ, вѣроятно *брузинки* (березыньки). Въ нѣкоторыхъ селахъ пристроенная къ нимъ часть называется *koreitz* (гораща?), слово, которое означаетъ предмѣстье (*koreytz*, *tchoreize*, *tjaureze*, у глосаторовъ XVII вѣка), напр. *Drawener koreitz* (дравянское предмѣстье) въ городахъ Данненбергъ и Люховъ.

Послѣднiе остатки залабскихъ Славянъ въ люнебургскомъ Вендландѣ сдѣлались болѣе извѣстными только въ самомъ концѣ XVII вѣка, когда славный Лейбницъ обратилъ свое вниманiе и на языкъ и древности этого забытаго захоластья славянскаго. Съ тѣхъ поръ стали изучать бытъ и языкъ этихъ Славянъ — разумѣется уже исключительно простаго народа (*einfältiges bauernvolk*) — тамошнiе священники, *Митюфъ* (1691) въ Люховѣ, и *Геннъ* (1705) въ Востровѣ, извѣстный ученый люнебургскiй *Пфеффингеръ* (1698), и одинъ славянскiй крестьянинъ, *Иоаннъ Парумъ Шульцъ* (1725) изъ села *Sühten* (др. *Suthene*) въ приходѣ костанскомъ (*Küsten*) недалеко Люхова²). Тогда, въ

wort storüst bedeutet einen schulzen». И въ Польшѣ сельскiе старосты назывались такъ, *старосты*. Въ собранiи древнепольскихъ юридическихъ обычаевъ, сдѣланномъ во второй полов. XIII вѣка, приводится: *ein staroste, daz ist der edilste in dem dorffe.* (Hessel: *Pomniki* II. 16). Только позже, съ введенiемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ, сельскiй староста принялъ нѣмецкое названiе *sołtyś* (*schultheiss*, *scultetus*).—Томе самое было у полабскихъ Сербовъ, у которыхъ шульцы сохранили другое старинное славянское названiе *жупанъ* (*supanus*): *ad officium supanatus in villa Wyzscen-vextus mansus et ipse hortus* (1291).

¹) Въ глосарiяхъ встрѣчается и слово *klawggay* (кляггы), плотническiй терминъ, *band*; имѣеть-ли это связь съ *klanzei*?

²) Критическаго изданiя записокъ этихъ глосаторовъ и ихъ преемниковъ до сихъ поръ нѣтъ. Относительно самое полное собранiе сдѣлалъ *Pfuhl*: *Pomniki Połobjan* (*Sazoris Macicy Serbskeje* 1863—1864); части издали Добровскiй (*Słowanka*, 1814—1815) и Гильердингъ (*Памятники нарѣчiя залаб. Дравлянъ и Галичанъ*, 1856). Граматикъ этого нарѣчiя написалъ *Schleicher*: *Laut- u. formenlehre der polab. sprache* (1871). Срв. тоже статью Гавуша въ *Slawische Bibliothek* II. 109.—Для сравненiя важно нарѣчiе остатковъ помор-

концѣ XVII-го вѣка, упорное сопротивленіе Вендовъ противъ германизма было уже сломано, и славянское нарѣчіе исчезало, преслѣдуемое даже властями, которыя налагали штрафы за его употребленіе. По славянски говорили только около Ляхова и Вострова, да и то только старики; молодежь уже не хотѣла говорить на языкѣ отцовъ, гнушалась имъ и насмѣхалась — вмѣстѣ съ Нѣмцами — надъ своими стариками. Когда священникъ Геннигъ сталъ изучать языкъ и быть своихъ Славянъ, то онъ долго не могъ отыскать между ними человѣка, который бы ему сообщалъ нужныя свѣдѣнія; ибо всѣ боялись, что вопросы будутъ дѣлаться только для насмѣшекъ. Только послѣ долгихъ исканій нашелся одинъ крестьянинъ изъ Кленова, Іоаннъ *Яншике*, съ помощью котораго Геннигъ составилъ свой глосарій. Самъ природный Славянинъ, *Парумъ Шульцъ*, сознается (1725 г.), что ему трудно на этомъ языкѣ говорить и писать; его дѣдъ и отецъ знали еще хорошо свой родной языкъ, его младшая сестра только понимаетъ немножко по славянски, а его младшій братъ уже ничего не знаетъ; нѣкоторые старики говорятъ еще на смѣшанномъ языкѣ, на половину по славянски, на половину по нѣмецки. „Когда я и три особы въ моей деревнѣ умремъ“, восклицаетъ Парумъ, „то никто не будетъ точно знать, какъ называть по славянски собаку.“¹⁾ Такъ и случилось. Уже въ 1751 г. не нашелся ни одинъ человѣкъ знающій по славянски, и въ началѣ 1798 г. умеръ въ Кремлинѣ крестьянинъ Варацъ, который — какъ говорятъ — зналъ еще молитву господню на славянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ полное онѣмеченіе послѣднихъ остатковъ за-лабской Славянизмы можно отнести въ первой половинѣ XVIII вѣка. Онѣмеченіе случилось частью вслѣдствіе вѣковаго и сильнаго напора нѣмецкаго элемента, который окружалъ тѣхъ Славянъ со всѣхъ сторонъ, частью не безъ содѣйствія властей духовныхъ и свѣтскихъ, какъ это дѣлалось напр. и у лужицкихъ Сербовъ, у которыхъ церковь и школа были дѣятельнымъ орудіемъ германизации. Выше упомянутые священники Митгофъ и Геннигъ, когда были назначены въ Ляховъ и Востровъ, конечно не знали по сла-

скихъ Славянъ, Словинцевъ и Кашубовъ, которое во многомъ подходитъ къ древнянскому. Срв. особенно статьи Гильбердинга (Этнограф. Сборникъ V) и Стремлера (Филолог. Записки 1874 г.).

¹⁾ Wenn es mit mir und denn noch drei personen in meinem dorfe vorbei sei, werde wol niemand recht wissen, wie ein hund auf wendisch genannt werde.

вянски; современный имъ священникъ Велингъ въ Боллцахъ (Bulitz у Люхова), называется первымъ *нѣмецкимъ* проповѣдникомъ.

Весь этотъ процесъ постепеннаго оиѣмченія люнебургскаго Вендланда, мы, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ данныхъ, прослѣдить не можемъ ¹⁾. Укажемъ здѣсь только на одну сторону этого процеса, которая видна въ *языкъ* люнебургскихъ Славянъ конца XVII и начала XVIII вѣка.

Люнебургскіе Славяне окруженные со всѣхъ сторонъ Нѣмцами, своими вѣковыми господами, слыша кругомъ себя отъ дворянъ, мѣщанъ и духовенства, только нѣмецкую рѣчь, разумѣется, не могли оставаться безъ значительнаго вліянія нѣмецкаго. Соображая всѣ эти неблагопріятныя для славянской народности обстоятельства, надо удивляться, что языкъ этихъ залабскихъ Славянъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ сохранился еще до такой степени, какимъ онъ является въ собранныхъ тогда памятникахъ. Нѣмцевъ называли люнебургскіе Славяне по окружающему ихъ племени, *Саксами* — *Cjoskы* т. е. *saskій*, какъ часто называли себя всѣ сѣверные Нѣмцы, начиная отъ Рейна глубоко на востокъ до Пруссіи (Sassen, de sassesche sprake, dat sassesche dudesch). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Славяне придавали названію „Сасъ“, равнымъ образомъ какъ и названію „Нѣмецъ“, еще другое значеніе, барина, господинъ; глосаторы XVII—XVIII вв. объясняютъ: *Cjoskы* (Cziostje, Siostie) — *Deutscher, vornehmer, Немацъ* (nematz) — *vornehmer junger bursch, Немкяннка* (nemtjeimka) — *vornehme jungfer* ²⁾. Нѣкоторые Славяне знали еще, что ихъ языкъ — „словенскій“ (слѣвенскы, записано у Геннига „sliwēnstja“); но другіе въ тоже самое время называли его уже по нѣмцки — „вендскимъ“ (wenske, wēnskia goren — wendisch sprechen, вендское говореніе, записано у Пфеффингера).

На слѣдующихъ страницахъ попробуемъ представить очеркъ быта люнебургскихъ Славянъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ, на сколько этотъ бытъ выражается въ удѣлѣвшихъ памятникахъ ихъ языка ³⁾.

¹⁾ Желательно, чтобъ о Вендландѣ издана была книга въ родѣ книги Гаммерштейна: *Der Bardengau*.

²⁾ Стало быть, притивуположность того, что сдѣлали Нѣмцы съ племеннымъ названіемъ Славянъ, придавъ ему значеніе «раба» (sklave).

³⁾ Славянскія слова пишемъ по-русски, и ради удобства, русскимъ правописаніемъ; носовые звуки означаемъ ѣ и ѣ; *i* — собственно коренное *o* (напр. сліві — слово, какъ и въ малорусск.); латинское *j* послѣ коренныхъ *ж* и *г*

Славянская *вась* (весь, деревня) люнебургскаго Вендланда XVII—XVIII вв. была — какъ уже выше сказано — *biwona* (gebaut, построена) подковообразно съ однимъ только входомъ. *Визе* или *xъанзе* (вѣжи, хижи, т. е. дома) и *каты* (каты) были обращены на площадь, гдѣ стояли *дѣбы* (дубы, т. е. деревья) и *язба* или *язба* (общественная изба, gemeindestube, spielhaus) ¹⁾. Въ язбѣ

означаетъ ихъ переходъ въ тѣ, дѣ. Въ остальномъ придерживаемся Шлейхера: Laut- u. formentlehre der polab. sprache, гдѣ можно отыскать и разнообразную «ореографію» каждаго слова, т. е. насколько ихъ Шлейхеръ принялъ; всѣхъ словъ къ сожалѣнію не принялъ. Нѣмецкія слова или такія же Славянами приняты и передѣланныя, пишемъ латиницей. Склоняемъ и спрашиваемъ по-русски, съ нѣкоторыми исключеніями, въ которыхъ видны особенности нарѣчія: напр. пишемъ — *аица* (— *ица*, малорусск. — *иця*), соблюдаемъ разницу въ именит. пад. множ. между живыми и нежив. — *и*, — *и*, и нѣкоторыя особенности склоненій, насколько они извѣстны; пишемъ напр. именит. падежи *taleri* (г мягк.), *иже* (ножи, поль. *noże*), *ижаице* (ножницы, поль. *nożyce*), *вице* (овцы), *ризе* (розы), *визе* (вѣжи) и пр. Повторяемъ, что быть Славянъ описываемъ только на основаніи ихъ языка, не вдаваясь въ болѣе подробное описаніе народныхъ обычаевъ, вѣрованій и пр.; все это можно найти въ нижеприведенныхъ книгахъ. Многимъ читателямъ нашъ очеркъ покажется оригинальнымъ; но за то въ немъ германизация люнебург. Славянъ выдѣлается нагляднѣе, рельефнѣе, чѣмъ если приводить длинный перечень однихъ только словъ.

¹⁾ Геннигъ называетъ эту язбу (*gasaba*): «ein allgemeines gebäude mitten im dorfe, da sie pflegen ihre versammlung und sauffeste zu haben.» Древняя язба соответствуетъ *комтиамъ* Поморья XII вѣка, какъ ее описываетъ биографъ Оттона бамбергскаго: *Continae* quatuor in civitate Stetiniensi; una ex his principalis (т. е. храмъ Триглава); tres aliae continae... sedilia intus in circuitu exstructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant; nam sive potare sive ludere sive seria sua tractare vellent, in eadem aedes certis diebus conveniebant et horis. (Monum. German. hist., Scriptores XII, p. 793—794). Язба и контина сходны и въ значеніи; контина происходитъ вѣроятно отъ (недоказаннаго у балтійскихъ Славянъ) *кѣнта* или *кѣнта* (срв. болг. *кѣща*, серб. *кућа*), какъ *жижина* отъ *жижа*. Замѣчательно, что въ люнебургскихъ соловаряхъ одна большая комната, гдѣ собиралось начальство, называлась *kuntje* (eine grosse stube, welche man die *kuntje* nennt, Pfeffinger: Hist. d. braunsch.-lüneburg. hauses, II. 130). Извѣстно, что такая же общая *жижа* встрѣчается въ югославянскихъ задругахъ до сихъ поръ. (Срв. Богшича Сборникъ стр. 7, 76).—Еще въ концѣ XVII в. ставили по деревнямъ такъ назыв. *krautka* (*krausbaum*; его знаетъ Геннигъ) и *kronenbaum*, родъ священныя деревьевъ. О разныхъ обрядахъ относящихся къ этимъ остаткамъ древнеславянскаго обожанія деревьевъ (срв. Helmoldi Chron. Slav. I. c. 83) рассказываетъ Гильдебрандъ въ 1672 г. (Keyssler's reisen durch Deutschland, 1776 г., II. p. 1376).

сходились на *rad* (rath, совѣтъ) *böri* (bauern, крестьяне), или, какъ они собирательно назывались стариннымъ словомъ, *смарді* (т. е. смардѣ, древнерусск. смерды), *noberi* (pachbarn, сосѣди), *пловници* (hüfener, владѣльцы такъ называемой hufe), и *пиль-лаубници* (halbhüfener); остальные жители села были *хатары*, владѣльцы хатъ и малыхъ участковъ земли, и *сѣсѣди* (бѣдные крестьяне, einwohner, häuslinge, собств. сосѣди). Сельскимъ начальникомъ былъ *сторістъ* (староста) или *schulz*, который пользовался извѣстнымъ поземельнымъ участкомъ называемымъ *гѣстинаица* (jüsteneitz, т. е. гостиница или гостинецъ) ¹⁾. Сельскій *дѳръ* (дворъ) или *гѣумні* (гумно, hof, güter), вѣроятно также *седлаицъ* (селище), состоялъ изъ дома и другихъ хозяйственныхъ *бѳвон* (gebäude, построекъ). Въ жилѣ была *дварнаица* съ *комнами* или *пицью* (дворница, комната съ печкой) и *котер* (kammer, schlafstube). Здѣсь стояла въ серединѣ и у *стѣнь* (стѣнь), *двари* (двери) и *вѳконъ* (оконъ), мебель и вообще разныя принадлежности жилья, *пѣстиля* (постель), *заибка* (зѳбка, колыбель), *даиско* (tisch, столъ), *стеулы* (stuhl, стулъ), *bankjai* (bank, свамья), *заркюдлі* (зеркало), *ракjai* и *ракованица* (шкафы). Въ шкафахъ хранились *плотні* (полотно), *пловти* (плахта, холстъ), *пловтваници* (простыни), *рѳчники* (ручники), *рѳколмы* (рубашки съ рукавами), *корталы* (короткія рубашки), *наседіку* (pascntuch, платки), *петнису* (petzhosen, чулки), разное *видене* (одѣние, одежда): *рок* (rock, кафтанъ) съ *кродо* и *кпѳраті* (kragen — воротникъ, kпѳrfe — пуговицы), *bruchusa* (hosen, штаны), *кѳзеуль* (такъ читаемъ tjäsu, кожухъ, шуба), *сеуки* (сукни, юбки), *рѳлаваници* (рукавицы), *кѳбѳкъ* (кlobukъ, шляпа) и др. На другомъ мѣстѣ стояла разная посуда, *лаинена*, *стаклина*, иногда и *срибрна* и *златна*, напр. *талери* (teller, тарелки), *платери* (platten, блюда), *гловы* (glas, стаканы), *гарники* (горшки), *креузы* и *креуку* (krug, кружки), *кѳйнаі* и *кѳйнаваіси*

¹⁾ Геннигъ объясняетъ: «hüfener, der eine hüfe landes (plost?) besitzt — plasnick, halbhüfener—pöllibnick (pöllibnick), von pѳl-half», и вѣроятно даиць (wispel, извѣстная мѣра, срв. кашуб. любъ—scheffel, поль-лебы—поль мѣры), или просто половникъ. Хатарями называемъ извѣстныхъ во всей сѣверной Германіи kussater, kossaten, kotseter, koteren, viertelhüfener, владѣльцы хатъ (katen, koten, у кашубовъ ката, kota); срв. чеш. домкаръ (владѣлецъ домика) и луж.-серб. хѳжкаръ (владѣлецъ хѳжки). Парумъ Шульцъ приводитъ темныя слова «zawwlackne plost» и «scheissne-kungsa (т. е. кѳсм, куски) = kussater-stücken»; имѣють-ли слова «zawwlackne» и «scheissna» связь съ словами «влака» (поль. włoka, hufe) и «хижина»? — О «гостиницѣ» см. выше, стр. 47.

(капте, кружки), *сманаци* (солонки), *свещники* или *lichtary* (leuchter, подсвѣчники) съ *свѣцами*; дальше *нѣзе* (ножи), *gobely* (gabel, вилки), *лазаци* (*лазаци*, ложки), *нѣзаци* (ножницы), *илы* (иглы) и пр.

Въ *кѣухѣрнамъ* или *käke* (küche, кухнѣ) былъ *педѣ* (подъ? русск. подъ, очагъ) и разные кухонные снаряды, *кѣтмалъ* (котелъ), *рѣзанъ* (роженъ, вертелъ), *стѣпно* (ступка), *гѣво* (geibeisen, терка), *ресетѣ* (рушето), *метла*, *сѣкѣара* (сѣкира), *кораутѣ* (корыто), *паранаци* (валекъ), *kjeser* (kesser, ketscher, kietzer, корзинка) и пр. Въ *пекарнамъ* (пекарнѣ) приготавливали *тѣстѣ* (тѣсто), заквашенное *storikot* (sauerteig), и пекли *skjaibi* (scheibe, хлѣбъ), сажая ее *лѣтатацией* въ *ницѣ* очищенную *хѣстомъ* (хвостомъ, помеломъ). Подъ *декот* (dach, крышей) былъ *бан* (чердакъ), куда вели *рѣбре* (лѣстница) или *trepai, stig* (treppe, stiege).

Дальше былъ *гардъ* или *skjeino* (scheune, гумно), въ немъ на *прѣтрахъ* (ярусахъ, кашуб. przętro) *сѣтъ* *запта* (снопы жита, хлѣба), *вѣжѣты* *сламы* (овлопы, связки соломы), *сѣнѣ* (сѣно) на *сѣмено* *прѣтрь*. Въ *кѣнскихъ stalach* (stall, конюшняхъ) были *кѣни* (кони), *engst* (hengst), *klipper*, *кѣбалы* (кобылы), *зрѣбѣта*, *зрѣбци* и *зрѣбаци* (жеребята); въ другихъ *stalach* или *хлевахъ-сѣтъ* (свотъ), *bolo* (bull, быкъ), *жеуны*, *вали* (волы), *корвы*, *жолѣващи*, *тилѣта*; *гатку* (гашп, баранъ), *вѣце* (овцы), *жонѣта*, *скѣны* или *отелѣ* (hampel), *кѣза* (коза); *вѣпръ* или *нѣрезацъ* (вѣпръ, боровъ), *сваиня*, *порсѣ*. Разные домашнѣе *патинци* (птицы): *кѣуръ* или *слѣпацъ* (пѣтухъ), *слѣпци* (курицы), *кѣурѣта* (курята) или *слѣпѣта*, *иѣсь*, *stricia* (утка) и *пѣлѣта* (уточки), *кѣлѣбъ*; наконецъ *пасъ* (песъ) и *кѣта* (кошка).

Въ сараяхъ хранились разные хозяйственные снаряды и орудія, *возъ* или *кѣла* (т. е. вола), его части *кѣлѣ* (колесо), *звенѣ* (косякъ), *стапаци* (спица), *вѣсь* (ось), *schene* (schiene, шина), *кѣнаци* (стремянка), *вѣнаци* (дышло), *винкар* (wagenkorb); *соны* (сани), *schukarja* (schubkarren, тачка), *salja* (sühlen, сбруя), *лацѣару* (leitseil, привязь), *седлѣ* (сѣдло), *вѣузда* (узда), *нѣдкѣвы*, *вѣстрѣты* (остроги, шпоры); *schira* (schürpe, лопата), *зродѣн* (spaten, заступъ), *кѣаджо* (kette, цѣпь); *плеугъ* и *радлѣ* (плугъ и рало—соха), ихъ части: *радлѣши* (лежехъ), *радлѣацѣтъ* (доска на которой прикрѣплено рало), *плеузѣно* *зелѣзѣ* (pfugeisen, рѣзакъ), *ванѣуцъ* (опушь, рукавѣта), *brostkiel* (kiel); *кѣса* (коса), *сарпѣ*, *ваудлы* (вилы), *вроблѣ*, разные *прѣвазла*, *вѣза*, *вѣзаци* (веревки, узы), и пр.

За домомъ былъ *ванардъ* (огородъ, садъ) съ дѣбами (деревьями),

каковы были *греухъ*, *jobl'nja*, *ваисня*, *славосня*; здѣсь были и *торкѣе jobkji* (турково яблоко, тыква), *rize* (розы), *безъ*, *salcaja* (salbei), *tutja* (gaute) и другія *plantu* (pflanzen) и *кѣмы* (двѣты). Здѣсь стояли *сумы* съ *целами* и *мотаицей* (ульи съ пчелами и маткой), съ *медомъ* и *васкомъ*. За *тыномъ* (wateun или нѣм. tûn-zaun) былъ вышеупомянутый задній дворъ *кѣчи*. *Ворбли* (воробьи) и *лостеваници* (ласточка) ютились въ разныхъ мѣстахъ сельскаго двора.

Въ домѣ жили хозяйева, *визени мольа* и *визена мотан* (hausvater, haus-mutter), *kjarl* (kerl, мужъ) и *зена*, и ихъ *дети* (*детл*—дѣта), *ватрѣци* или *vainky* (отроки—сыновья, söhnchen) и *девкы* (дѣвки, дочери), иногда *блаизѣта* и *блаизаници* (близнецы, мальчики и дѣвочки); *стори* (старые, ältern), родители хозяйина, иногда также женатый сынъ, *меутые* (глухие), т. е. молодые супруги. За работами и скотомъ смотрѣли *кнечѣти* (knechte) и *девы* (дѣвки), которыхъ *dingali* (dingen, ванимали) за известное *маитѣ* (мыто, плату). Славянскій *bör* (bauer) ѣлъ шесть разъ въ день; первый *moltid* (mahlzeit) былъ *са жуэтра рани* — *придѣбедъ* (съ утра рано предобѣдъ—frühstück), потомъ *вѣбедъ* (обѣдъ, morgenbrot), въ *нѣлми*—*придѣжуэмакъ* (въ полдень предужинокъ—kleine mittagsmalzeit) и *жуэзаниа* (т. е. ужинъ—mittagsessen), дальше *придѣчеркъ* (т. е. предвечерокъ—vesperbrod), и наконецъ *нѣзми вищеромъ*—*вищерл* (поздно вечеромъ—вечера, ужинъ—abendessen).

Самыя важныя *дѣл* (дѣла, работы) были, разумѣется, полевныя, которыя начались въ *нѣзауму* или *нѣлѣтѣ* (позима, пролѣто—весна), именно въ мѣсяцы *хеудъ*—*тон* (худый мѣсяць, апрѣль), и *лаистенъ*—*тон* (лиственный м., май). За селомъ было разное *лондѣ* (land, земля), *нѣля* (поля), *рѣлми* (роли), *блони* (луга, срв. болонье), *броку* (brachfeld, паренина). *Ратой* (ратай, пахарь) *варалъ радломъ* (оралъ—пахалъ раломъ)—*варою лондѣ*, или *плеуэрилъ плеуэромъ* (плужилъ плугомъ)—*плеуэро лондѣ*, дѣлая *бордзи* (борозды) и *мидзи* (межи, повороты, gewende), *влацилъ борнами* (боронилъ), и *сѣюлъ* или *сѣюлъ* (сѣялъ) разное *зари* или *заитѣ* (зерно, жито, хлѣбъ): *разъ* (plur. *разе*, рожь), *нѣлменъ*, *насенаницю*, *вѣвѣсъ* (овесъ), *нрѣсѣ*, *büchweit* (buchweizen, греча), *епр* (hauf, конопля), *лянь* (ленъ), *бѣбы*, *горхъ*. *Schapani* (schäfer), *постарници* (пастухи) или *нѣтари* (*hüter?*), взявъ свой *месахъ* (мѣшокъ), свою *цѣмнициню*¹⁾, и затру-

¹⁾ Такъ читаемъ слово *tjenicinia*—hirstenstab. Срв. юмидло (пастушескій посохъ) полабскихъ Сербовъ. Уже Титмаръ описываетъ этотъ посохъ: *vasu-*

бивъ въ *drametu* (dromete, schalmei), выгоняли *ялты* (стада) на *поставицю* на *зелье* (на пастбище на зелье, траву).

Въ *лѣтѣ* (лѣто), именно въ мѣсяцы *средиллятны* или *rankjisti-ton* (ringstmonat, июнь, въ немъ былъ *средиллятъ* — mittsommer, Иоаннъ Купало), *сениникъ* (heumonat, июль) и *haw-ton* (также heumonat, августъ), собирали *сѣнѣ* (сѣно), ставили его въ *кѣпаици* (коницы, скирды), отправляли *занаи* (жатву), *секари* *секми* *заито* и *оѣзали* *оѣ стѣны*, возили въ гарды или skjeuni, гдѣ *darschuri* (drescher, молотильщики) *били* его *цепами* (молотили). Эта работа и другія продолжались осенью или въ *первою* *заиму* (reg-pia seima) и *зимой* (зимой), въ мѣсяцы—первый *зиме-ton* (зимній мѣсяцъ, сентябрь), *ваине-ton* (винной м., weinmonat, октябрь), *зиме-ton* (зимній м., wintermonat, ноябрь), *требе-ton* (требы—рождество, декабрь), *нѣтѣ* *лѣтѣ* (новое лѣто, н. годъ, январь), *рѣзацъ* (рѣзецъ, hognung, февраль), *sir-ton* (soog — сухой, мартъ) ¹⁾. Въ тѣ мѣсяцы приготавливали тоже ленъ; его мочили на *мѣцаидль* (мочилъ), ставили; *прядли* (пряли) на *глаокъ*, *кѣдем* (прялѣ, ея части *вритенѣ*, *цесъ* или *spolka* — spule, *степинѣ*); *прядень* (прядъ) мотали на *мѣтѣваидль* (мотовилѣ). *Пряды* (пряжи) послѣ *даидѣла* (т. е. дневной работы, tagwerk) сходились по вечерамъ, и за работою слушали старинныя преданія и рассказы *бобъ* (бабъ, старухъ) о *зимникахъ* и *вѣрцоникахъ*, *вѣрцоняхъ* (подземныхъ и горныхъ духахъ), о *цярномъ* *зимникѣ* (черномъ земникѣ, преемникѣ Чернобога), о разныхъ *koboltach* (нѣм.), *кѣбахъ* (?), *привидѣнiahъ*, *tworsaitach* (привидѣнiahъ, срв. нижневѣм. dwark-zwerg, dweer-teufel, dweerlicht-irrlight), *tobalarach* или *toblatschach* (zauberer, чародѣяхъ), и *toblackach* или *toblarskach* (вѣдьмахъ), о старыхъ *гордаистахъ* (городищахъ), *мѣжалахъ* (могилахъ) и разныхъ мѣстахъ, гдѣ *тауци-сѣ* („толбається“, стучить, т. е. черти водятся, срв. нѣм. klopfgeist), и гдѣ вообще нечистая сила *twörse* (spukt) ²⁾.

Значительная часть Вендланда покрыта была *лѣсами*, отъ которыхъ и названы земли *дравенская* (дрова — дрова) и *хвоенская*.

lus, in cujus summitate manus erat, unum in se ferrenm tenens circulum, quod cum pastore illius villae per omnes domos has singulariter ductus, in primo introitu a portitore suo sic salutaretur: vigila, hennil, vigila! sic enim rustica vocabatur lingua.

¹⁾ О названiahъ мѣсяцевъ см. Časopis Česk. Mus. 1849, I. 133.

²⁾ Какъ называли люнебургскіе Славяне *умира*, неизвестно; оиѣмеченные ихъ потомки называютъ его *doppelsauger*, *Кашубы* — *омицѣй*.

Лѣсъ принадлежавшій сельской общинѣ, назывался иногда *громада*¹⁾. Въ лѣсахъ были разные дѣбвы (деревья вообще, дубы въ особенности), *беуки*, *брезы*, *јосины*, *вѣлсы* (ольхи), *врисы* (орѣхи), *лаипы*, *ядлы*, *варбы* и др. Въ тѣни деревьевъ жили *зеуци* (жуки), *юдци* (черви), *юди* (гады, змѣи) или *сноку* (snake, schlange), *пастушци* (ужи), *вестераши* (ящерицы), *зобы* (жабы), *вѣсанашци* (гусеницы), и пр.; *нетѣпари* (бабочки) летали на разныхъ *plantach* (растенияхъ), *молаиняхъ*, *смардалаиняхъ*, *цярнаиняхъ* (малинахъ, смородинахъ, черникахъ). Лѣса оживлялись крикомъ и пѣньемъ *пачинцовъ* (птиць), *ваковы* были *вѣралъ* (орелъ), *гован* (габе, воронъ), *ворно* (ворона), *сворко* (сорока), *бѣкаръ* (дроздъ), *бѣкацъ* (дятель), *сваикорацъ* (синица), *скѣорацъ* (скворецъ), *зеворнацъ* (жаворонокъ), *словаика* (соловей), и др. *Jagari* производили *јacht* (охотники—охоту) на разный *даивакъ* (дичь, особенно олень), *ваковы* были *даивы валь* (дикій волкъ, олень), *даива корво* (д. корова, лань), *даива гатка* (д. баранъ) и *даива кѣза* (д. кова) т. е. серны, *зоѣцъ*, *вукъ*, *ваукъ* или *вауца* (волкъ), *кѣурѣтотка*, и др. Въ *рекахъ* и *раубидикахъ* (fish—teich) ловили *раубиници* (рыбаки) *раубы*, *ваковы* были *скѣуко* (щука), *scholio* (scholle, камбала), *вѣјоръ* (угорь), иногда и *las* (lachs, лосось); рыбацкія орудія: *angil* (angel, уда), *валъ* (неводъ), *кјесер* (kietzer, fischhaken, сачъ), *рауби кјесер* (fischkietzer), *лѣда* (лодка) или *цаумъ* (челнъ) съ *веслами*. *Местяри* (мастеровые) дѣлали свое *дѣбре дѣлѣ* (доброе дѣло, т. е. ремесло). *Такацъ* (ткачъ) *такала* на *креснѣ* (кроснѣ); у него были *глава* или *вартандлѣ* (вертило, навой), *цаунакъ* (челнокъ), *наштаидла* (бердо), *цезъ* (шпулька), *вѣтакъ* (утокъ). *Snider* (schneider, портной) *шилъ* и *рѣбилъ* (шилъ и обрубалъ) изъ разныхъ *tügjov* (zeug, матерій) разныхъ *warb* (farbe, цвѣтовъ), *grön*, *blou* (grün, blau), *цярныхъ*, *царвенныхъ*, особенно изъ *сеукна* (сука)—*вѣдене* (одѣяніе, одежду), которой народъ себя *bekleidjal* (bekleiden, одѣвался). *Привникъ* (сапожникъ) шилъ *самдломъ* (шилкомъ) *цривы* (черевики) и *скѣорни* (сворни, сапоги) съ *пѣдасами* (подошвами). *Smada* (schmied, кузнецъ) *stadjojal* разные орудія изъ *зелѣза*. *Snitjer* (schnitzer, столяръ) дѣлалъ разную *дравену* (деревянную) мебель. У обоихъ были *отар* (hammer, молотокъ), *клетта* (вѣлещи), *цѣнды* (гвозди), *клеуци* (ключи), *ewal* (hobel, скобель), *zogaі* (säge, пила) и пр. Дальше были мастеровые *клѣбеу-*

¹⁾ *Grummode* hiess das bauernholz in Bülitz (въ Хвойнѣ), заглачаетъ Непниге (р. 42). Срв. чешское *obec* (община) во смыслѣ общаго пастбища.

цникъ (влобучникъ, шляпочникъ), *solinik* (sühlenmacher, riemer, шорникъ), *стаклѣникъ* или *вакѣникъ* (стекольщикъ), *таурнек* (таурег, каменщикъ), *малникъ* (мельникъ), который молодь муку на *малнащяхъ ваденяхъ* и на *вѣтарнащяхъ* (мельницахъ водяныхъ и вѣтряныхъ).

Въ *неделю* (недѣлю, воскресенье) по полудни молодежь собиралась въ *krug* (krug, корчму) или *wirthshaus* — *визу* (wirthshaus), *язбу*; *клавари* ¹⁾ или *junge*, *мелные kjarli* (молодые парни, kerle) и *junge*, *мелныя дѣвки плѣсали* (плясали) подъ звуки *spelmanov* (spielmann, музыкантовъ), которые *speljoli* (spielen, играли) на разныхъ инструментахъ, каковы были *jizla* (geige, скрипка), *fleuta* (flöte), *ribsak* или *паистѣци месакъ* (пищащій мѣшокъ, волынка), *бѣбамъ* (бубень, барабанъ). Передъ корчмой веселились *клавриши* (мальчишки), предаваясь разнымъ *kortwiljam* (kurzweile, забавамъ) и *явациямъ* (играмъ), *жыроли* (играли) на *бръцацку* (ворганъ), *паистѣлку* (пищалку), *били мяцъ* (schlugen ball, играли въ мячъ), играли въ *kjagli* (kegeln), и вообще *rosoli* (rasten, spielten wie kinder, рѣзвились).

Одинъ изъ главныхъ праздничныхъ дней въ жизни сельскихъ жителей была *родѣсть* (радость, т. е. свадьба, срв. поль. weslele). *Клавару* (парню) понравилась *красна дѣвка* (красная—прекрасная), особенно у которой былъ *плѣзъ* (пенѣзъ, geld), *wil jeld* (viel geld), хорошая *mitjit* (mitgift, приданое). Если клаваръ не *krijol kjecer* (korb krieger, по малорус. получить тыяву), если оба *любими дреуцъ дреуца відъ заивата* (отъ живота, т. е. сердца), и если вообще не оказывалось никакихъ препятствій *ка wrizon* (zum freien, сватанью),—благодаря усилямъ *свата* или *rodewrijona* (freiergath) ²⁾,—то праздновалось *зонапутье* (запутье, т. е. обручение), и потомъ *treuwa* (trauung, truwe, бракосочетаніе), все съ разными *brükami* (обычаями). На свадьбу созывали въ *гѣсти* (гости) всѣхъ *сѣихъ* (своихъ, родственниковъ) и *wrindov* (freunde, verwandte). Были здѣсь *стори* (старые, родители) обоихъ молодыхъ, *оита*, *льольа*, *wader* (отець, vater), и *мама*, *мотаи* (мать), или *stef-льольа* (stiefvater, воччимъ) и *мотеха* (мачиха), *страия* и *страевка* (стрипы,

¹⁾ По Шлейхеру (161) это испорченное *kawaler* (такъ и по поль. не женатый человекъ, junggeselle).

²⁾ *Сватовъ* (zwaten) знали люнебург. Славяне еще въ XVI вѣкѣ. (Hammerstein: Hochzeits—und kindtaufgebräuche in den ämtern Dannenberg u. Hitzaker im j. 1562, in: Zeitschrift des histor. vereines für Niedersachsen, 1856, I. 131).

братъ и сестра отца), *всуя* и *всуека* (уй, братъ и сестра матери), *сторы* *льоля* или *grote woor* (grossvater, дѣдъ), и *баба* или *grotka* (grossmutter), разныя *теты*, *сырыя зены* (вдовы), *зѣтти* (зятѣ), *staiplaci* (stiefsöhne, пасынки) и *staiplaci* (stieftöchter), *бромти* (братѣя) и *сестры*, и пр., *зноемные* (знакомые) и *підреуги* (подруги), *клавари* и *девкы*, наконецъ и *пінъ* и *пінмаця* (попъ и попадѣя), *kjüstr* (церковный староста, изъ нѣм. küster). Главную роль играли, конечно, новобрачные, *зѣттикъ* (предстоящій зять, женихъ) или *brëdigam* (bräutigam) и украшенная *крансом* (kranz, вѣнцомъ) *ненька* (невѣста, срв. малорус. няня, ненька, матушка) или *brüt* (bräut); кромѣ того и *треуникъ* (дружка). Послѣ *треуны* (trauung, бракосочетанія),— между прочимъ надѣвался *парстень* (кольцо, перстень) на *треуноу* *полацъ* (палецъ, traufinger),— всѣ предавались разнымъ увеселеніямъ. Одни *плѣсали* (плясали), другіе шли *ка жедан* и *ка паитты* и *нехали себе smakot* (liessen sich schmecken) множество *жеденій* (ѣды) и напитковъ. Здѣсь была разная *хорна* (храна, пища), *мѣсѣ* (мясо) *ворено* и *пицено* (вареное, печеное-жареное), или *brado* (braten, жаркое), *валѣве*, *тилѣце*, *сваине*, *schinkjai* (schinken, ветчина), *worstjo* (wurst, колбаса), *spekjai* (speck, солонина), *дичь* и *рыбы*. Дальше разныя кушанья изъ *мѣки* (муки), *pankjüky* (pfannkuchen), *kjösari* (каши), *мѣски* (булѣки, чеш. housky), *skjaiida* (хлѣбъ); *сары* (сыры) *kjizi*, *вѣши*, *wris* (friemisch); овощи *воръхъ*, *бѣбы*, *kolai* (kohl, капуста), *gurkjai* (gurken, огурцы), *садовиня* (садовые фрукты) *греусы*, *jobка*, *славзени* (сливы), *виисни*, *drüwy* (trauben, виноградъ), *орихи* (орѣхи), *молаини* (малины), *саунаини* (земляники, малор. суніци), и пр. Въ изобиліи были здѣсь *ваинѣ*, *паивѣ* (вино, пиво), *надѣбреиси* или *пabest* (наилучшій, bester) *мадѣ* (медь—напитокъ), и любимый *brandewin* (brandtwein, водка) или *klöre* (das klare); гости не переставали пить *са бѣнамъ* (съ богомъ) за здоровье новобрачныхъ съ крикомъ *цѣль!* (цѣль, нѣм. heil). Наконецъ запѣли старинную *песнь* о свадьбѣ животныхъ, изъ которыхъ должны были быть *telka* (eule, сова)—*ненькой*, *стрезикъ* (стрижигъ)—*зѣттикомъ*, *ворно*—*треуникотом*, *вауцка*—*кјеухѣромъ*, *зонѣцъ*—*schenkirom* (schenker, крайчій), *бѣтѣнъ* (вѣсть, боцѣнъ)—*spelmanom*, и *лаиска* или *лаисаця* (лисица)—*даіској* (столомъ); но всѣ они отговаривались: сова тѣмъ, что она *виукје* *вѣзна зена* (очень грозная-гадкая жена), стрижигъ—что онъ *момъ* *kjarl* (малый мужъ), ворона—что она черна, волчокъ—что онъ *леуцитъ* (глуковать, молодѣ), заяцъ—что онъ *dralle* (drall, быстрый),

аясть—что онъ *дауѣіратъ* (долгоротъ); только хитрая лисица придумала, какъ сдѣлаться столомъ, т. е. распластаніемъ ея *vaneuca* (хвоста) ¹⁾.

Въ *неделю* (недѣлю, т. е. воскресенье) и *sjunta* (праздники, срв. поль. *święta*) ²⁾ — главныя были *требы* (рождество), *jostrai* (ostern, пасха), *pankjiste* (pfingsten, пятидесятница) — народъ предался *wrotum* (froiss, набожнымъ) дѣламъ. Званъ *клакѣла* (колокола) созывалъ его въ *царкѣаи*, *царкѣісѣ* или *царкѣаицю* (церковь). Здѣсь слушали *бѣзе сѣвѣ* (божіе слово) или *prading* (predigen, проповѣдь), пѣли изъ *молахъ бѣкѣ* (малыхъ буквъ, енигъ, т. е. пѣсенника), и *badjoli* (beteten, молились) къ *вархнему таряиному бѣу* (верхнему триединому богу), къ *бѣзцу* или *бѣзачку* (божцу, божечку), своему *euscharoni* (erschaffer, schöpfer, творцу), къ *Iezусу вѣйку* (гоику, heiland, спасителю) и къ *sjuntoj кѣабѣ* (св. Духу). Молитву Господню читали такъ:

(1691 года)

Нось *wader*, тада таи
 јисъ ва тѣмъ небесјеу; *sjunto*
 мо *wardot* тѣји јаимѣ;
 тѣи *rik kumma*;
 тѣя вѣля мо са (сѣ) *schiniot*
 ва небесјеу, какъ висаи
 тама (?) на зимѣ; носи
 (носѣ) *dajlikja skjaiba* (—ѣ)
 дои намъ дансѣ; *in*
 вѣдой намъ носе
 грехы, кокъ маи вѣд-
 доеме носимъ гресна-
 ремъ; не *farforü* насѣ

(до 1750 года)

Оита носѣ, та таи
bist en небѣ; *sjunta*
werde тѣя (вм. тѣји) јаимѣ;
kommoja тѣя *rikje*;
 тѣя вѣля *blyoue* кокъ
en небѣ, кокъ *en*
 зимѣ (вм. зимѣ); носи виседа-
 наисна *skjaiba* (вм.—ѣ)
 доей на носѣ дансѣ;
in schenkos носи
 ваине, кокъ вы (мы)
schenkot носи ваиникер;
 не *bringoue* носѣ

¹⁾ Эту пѣснь люнебургскихъ Славянъ — единственную — сохранилъ Геннигъ; она печаталась часто, у Гильбердинга, Поуля, Шаарика (Слав. народописаніе). Жаль, что Гильдебрандъ (1672 г.) не сообщилъ хоть одной изъ обрядовыхъ пѣсенъ славянскихъ женщинъ (freudenlieder in wendischer sprache).

²⁾ Слово *sjunt-heilig* приняли Славяне изъ нижненѣм. *sunte* (изъ латин. *sanctus, sunte Antonius, v. Dionysius etc.*). Старинное славянское слово *сѣлтъ* сохранилось въ словахъ *сѣлтъы* (*swante, hochheilig*) и *сѣлтъыня* (*swantenja, hochheilig, sanctissimum, т. е. святые дары*).

ва *wersoikung*; *erlösü*
насъ відъ тігъ хјеудагъ.

en *wersöcke*; сице ты
söhwä носъ відъ грехъ ¹⁾).

Изъ временъ католическихъ осталось нѣсколько словъ и вполсѣдствіи, когда люнебургскіе Славяне приняли протестантизмъ; такъ напр. выше упомянутыя слова *свѣты* и *свѣтъня* (св. дары), *маиса* (messe, литургія, потомъ проповѣдь, *ка маисе*—*zug kirche, zug predigt*), *бѣза*, *бѣзѣткѣ* (боженокъ, поль. *bożatko*, т. е. икона), названія разныхъ праздниковъ, напр. *sjunŕi тари кѣназаи* (святые три короля, праздникъ крещенія), *Мораинъ данаць* (день Маріи), *Маихалѣвы данъ* (день Михаила), и пр.

Главной частью богослуженія была проповѣдь. *Пѣнъ* (попъ) вступивъ на *praster* (амвонъ), читалъ кое-что изъ *вилкѣмъ бѣкъ* (великихъ буквъ, т. е. библіи). Потомъ начиналъ собравшуюся паству *веуцѣтъ* (учить), какъ богъ *schöral* (erschaffen) *сватъ* (свѣтъ, миръ), *небѣ* и *землю* (землю), *дѣбрѣ ведрѣ* (солнце, т. е. собственно добро ведро—*schönes wetter, sonnenschein*), *леуну* (луну) и *вѣзда* (звѣзды), *скѣтъ* (скотъ), *planty* (pflanzen) и *члавака* (человѣка). Чтобъ освободить человѣчество отъ послѣдствій грѣхонаденія, богъ послалъ къ *Заудамъ* (жидамъ) своего сына *Иезуса*, пришествіе котораго предсказывали *profeti* (propheten). *Бѣзи ватрѣкъ* (сынъ божій), *вѣицъ* (спаситель) *са небесѣю* ѿ *дѣлкотоп* (долой пришелъ, *ist herabgekommen*), и долженъ былъ изъ-за нашихъ *греховъ висѣти* *widъ прѣлѣдѣтъ* (всякое страданіе вытерпѣть, *alles leiden durchleiden*), и наконецъ и *dot* (tod) на *krauce* (kreuz); *кожъ вѣле варѣни бѣзаць конкѣ караи еунеустанъ* (каплю крови упущаше), *тожъ вѣле Мораика сладъ еунеустанъ* (wie viel das höchste gottchen tropfen blut vergoss, so viele Maria thränen liess). Такимъ образомъ *Иезусъ* *erlösäl* (erlöste) людей, и освободилъ отъ *macht tebala* (teufel). Дальше попъ получалъ свою паству, чтобъ они часто *denkoli* (denken) *но бѣнъ* (бога), и *badjoli* (beten), чтобъ *Иезусъ* *kri ва ганцен weltie afstjöräl* (den krieg absteuern von der ganzen welt); чтобъ они *нѣслѣусами* (слушались) *abercheid* (obrigkeit), *kjaisara* (kaiser), *вавады* (войводы, herzog), *кѣназей* (князей, т. е. дворянъ). Внушалъ имъ, чтобъ они были *wrom* (fromm), *demutje* (demüthig), *radlikje* (redlich), *erlikje* (ehrlich), *duldikje* (geduldig), чтобъ *rikje* (reich) не былъ *gѣвѣкѣ* (geizig) и помогалъ *прѣсарамъ* (т. е. просищимъ милостыни, нищимъ), чтобъ они *вѣддомъ* (отдали, простили) своимъ *греснарамъ*

¹⁾ Подлинную орфографію см. у Гильбердинга и Поуля.

такъ какъ *rachjai* (rache) есть только у бога. За то они получаютъ *maiti*, *відмаитене* (мыто, вознаграждение) въ *небесейю*, они будутъ *solich* (selig), и могутъ *opot* (hoffen) въ *emeriku* (himmelreich), гдѣ будутъ радоваться съ *inglikami* (engel); *хјеудые* *чреснаики* (худые, злые грѣшники), преступающіе божіе *warboty* (verbot), не имѣющіе *lawia* (glauben), *difi* (diebe), *mördali* (mörder), *lasterari* (lästeger), *сеукјари* и *сеуки* (сувари и суки, т. е. блудники и блудницы), не будутъ имѣть *gliuka* (glück), а будутъ *strafoni* (gestraft); ихъ ожидаютъ разныя *grülikje pinjona* (gräuliche reinigungen) въ *смѣль* (смоль, аду), въ *rikje* (reich) *хјеудца*, *хјѳрица*, *цярнаго зимника*, *tebala* (худаго—злаго, хвораго, чернаго подземнаго, дьявола).

Попъ причащаль тѣхъ, которые желали принять *свѣтмыю* (св. дары), какъ говорили старики, или, какъ выражалось молодое поколѣніе, желали *аитъ ка бізе даискје* (идти къ божіему столу, tisch des herrn)¹⁾, совершаль надъ новорожденными *дѣну*, *дѣннашю* (язъ нѣм. döre, taufe, крещеніе) и *нѣребаль* (хоронилъ) *еумартихъ* (умершихъ) или *додѣ* (todten). *Lichen* (leichnam) положень въ *lodu* (lade, гробъ), на *несль* (носилкахъ) принесень на *царкјѣ* (кладбище), и здѣсь опущень въ *јому* (яму); яма засыпалась, и на кладбищѣ возвышалась новая *мѣјала* (могила). Память усопшихъ праздновалась особенно въ *деуси данъ* (день душъ, aller seelen tag).

Если гдѣ была школа, то дѣти *ваикли* (выкли, учились) *losjot* (lesen), *schribjot* (schreiben), и *rakjot* (rechnen, подлѣ *цате*—считаетъ), все, разумѣется, на нѣмецкомъ литературномъ языкѣ, съ болѣе или менѣе значительнымъ успѣхомъ, смотря по тому, предавались-ли дѣти ученью съ *wlite* (fleiss), или были-ли *wili* (faul). Такъ напр., вышеупомянутый славянской крестьянинъ *Парумъ Шульцъ* пишетъ по-нѣмецки гораздо лучше, чѣмъ по-славянски; въ славянскому языку онъ съ трудомъ примѣнилъ свою ужасную нѣмецкую орфографію²⁾. Другой славянской крестьянинъ *Янишке*

¹⁾ Генянгъ пишетъ: nachtmahl d. i. gottes tisch, ka büse deiste, sonst swan-tenja — hochheilig, sanctissimum.

²⁾ Вотъ примѣръ изъ его записокъ:

Johss saarang hile noh Tiebe waa
Zartje. Ninna Täu kummos kam mahn.
Wass zehm lijungdo nie Jang nie Jad-
dahn Deffte, Tung Täu nie prosel. Ninna
teu wid wissiem tung Tjetzehr Kriejohl,
ninna Johss mohm Täh Brüdt Bäut, etc.

Ich sehe alzeit auf dich in die Kirche.
Nun Du kommest nach mier. In dieses
Landt ist nicht eine Dirne, der Du
nicht gefragt. Nun Du von allen den
Korb gekricht hast, nuhn ich sol Deni
Braut sein, etc.

доставлялъ Геннигу матеріалъ къ его нѣмецко-славянскому словарію. Но часто славянскій простолюдинъ все-таки еще не совсѣмъ *warstol* (*verstand*) по-нѣмецки, особенно литературный языкъ, смѣшивая его съ болѣе извѣстнымъ ему ниже-нѣмецкимъ нарѣчіемъ; такъ напр. объяснялъ спрашивающимъ его Нѣмцамъ слова *gold* (золото)—словомъ *zamma*, понимая вмѣсто *gold-kold* (*kalt*), *werg* (пакля)—*dělá*, понимая вмѣсто *werg*—*werk* (дѣло), *bär* (медвѣдь)—*greuswai* (груши), понимая ниже-нѣмецкое *bege* (*birnen*), и пр.

Въ *юрдахъ* (городахъ, т. е. замкахъ) жили *кѣндъзъ* и *кѣндѣманя* (баринъ, барыня, *edelmann*, *junker*), *abercheid* (*obrigkeit*). Подданные являлись на *юрдъ* (судъ) съ *klogati* (*klage*), которыя рѣшалъ *haman* (*amtman*); около него стояли *визенъ* *визеникъ* (тюремщикъ, *hausvogt*) и *badal* (*büttel*, полицейскій).

Ваики (города, *städte*¹⁾) и *bleky* (*flecken*, мѣстечка) люнебургскаго Вендланда сохранили, какъ уже выше сказано, подлѣ названій нѣмецкихъ и славянскія, напр. *Dappenberg*—Выдержъ (Вандеръ), *Bergen*—Горска (Гјорска), *Hitzacker*—вѣроятно Лучковъ (Леудкјивъ) и пр. Ванками управляли *родници* (ратманы), въ ихъ главѣ *наваси* *родникъ* (наивысшій ратманъ, т. е. бурмистръ). *Bargiri* (*bürger*, мѣщане) занимались разнообразною промышленностью, были *кѣеутци* (купцы), *пѣрдояки* (продавцы), *hakjiri* (*böcker*, лавочники), и равные ремесленники. Въ ваикѣ жили *лекаръ* и *кѣикъ* (т. е. хирургъ, чешс. гончъ, *hojič*). Дальше были здѣсь *krigeri*, *musketiri* (солдаты), вооруженные *bisami* (*büchse*, ружье), *wagati* (*wago*—*wehr*, мечъ) и *dagati* (*degen*, шпага), въ *нѣзнахъ* (ножнахъ). Въ ваики стекался народъ на нѣсколько *mail* (*meile*, миля), на *maisky* (*messe*, ярмарка), и наполнялъ всѣ *stroty* (*strassen*, улицы) и *кораницы* или *кѣеураицы* (предмѣстья), покупая и продавая. *Мѣры* (мѣры) были *лѣкѣтъ* (локоть), *сѣзмѣ* (сажень), *посмѣ* (*bind gagn*, связка пряжи, малор. пасмо), *кѣина* (копа, 60 штукъ, *нѣль-кѣины*—поль копы), *stig* (*stieg*, 20 штукъ, именно сноповъ), старинный *кѣорачъ* (*tjeratz*, *kuritz*, корецъ) и *лаубъ* (*wispel*), обѣ мѣры хлѣбныя.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ нарѣчіе люнебургскихъ Славянъ было искажено и какъ оно все больше и больше искажалось. Мы видѣли, что нѣкоторые Славяне еще знали, что ихъ языкъ „словенскій“, а другіе уже его называли—по примѣру Нѣмцевъ—„вендскимъ“. Многіе Славяне за-

¹⁾ О словѣ *ваика* см. ниже.

бывали уже славянскія слова, замѣняя ихъ нѣмецкими. Такъ напр. одни говорили еще *оита, аита* (euta), *льольа* (отець), а другіе—*wader*; то же самое было и съ множествомъ другихъ словъ, какъ напр. *баба*—*grotka*, *ватрѣкъ*—*sainka*, *зѣтикъ*—*bredigam*, *ненка*—*brüt*, *пѣлъ*—*jeld*, *прицны пѣтъ*—*krautzkoty пѣтъ* (*kreuzweg*), *сарѣжы пѣтъ*—*bredy (breit) пѣтъ*, *леуна* (нѣво, сторо) — *mon* (*neumonija, erste wardal*), *сребрѣ*—*silber*, *сѣнѣ*—*hay*, *слама*—*strau*, *цевъ*—*spolka*, *дварнаиця*—испорченно *dörnizen, dörnse*, *jobлѣня*—*jobkjidѣбъ* (*apfelbaum*), *валѣе мѣси*—*валмѣси* (*ochsenfleisch*), *сваине мѣси*—*сваинмѣси* (*schweinfleisch*), и пр. Такихъ рабскихъ переводовъ съ нѣмецкаго было вообще много: *вѣсе-пус* (*bartputzer*), *вѣгнена тѣгаи* (*feuerzeug*), *waidenkona* (*gedicht, ausgedacht*), *сридеполаць* (*mittelfinger*), *dicke мѣси* (*dickes fleisch*, т. е. *ляжка*), *данѣлѣ* (*tagwerk*), *визены льольа*, *визена мотай* (*hausvater, hausmutter*), *мостжемлака* (*buttermilch*), *сантягла* (*nähnadel*), *мине дѣрстѣ* (*mich dürstet*), *wech нѣси* (*er trägt weg*), и пр. Мы видѣли, что слово *леуны* (глупъ) означало неопытнаго, молодаго, какъ и нѣмецкое *tump* (*dummi*), *вѣжъ* (гонѣъ) означало спасителя (*heiland*) и хирурга (*heilmacher*, *гоить*—*heilen*), *бѣза даиско*—*tisch des bergs*, и пр.

Но нѣмецкое вліяніе не ограничивалось одной только формальной стороной языка, именно лексикальной, а оно простиралось и на сторону матеріальную, фонетическую, граматическую и синтаксическую. Такъ напр. нѣмецкому вліянію надо приписать перемѣну и въ *аи* (идти—*аитѣ*) и *у* въ *еу, ау* (букъ—*беуекъ*). Глаголь *метѣ* (имѣть) употреблялся такъ, какъ нѣмецкое *haben*, напр. *мосъ нѣрдонъ*—*du hast verkauft* (ты продалъ), *мо поидены* *er hat gefunden* (онъ нашелъ); но эти страшныя формы встрѣчаются рѣже, чѣмъ славянскія: *юзъ нѣлъ* (я пѣлъ), *таи крѣдалъ* (ты кралъ), *ванъ jedалъ* (онъ ѣлъ) и пр. Такъ и глаголь *баитѣ* (быть): *нѣ еумярты* (есть умертвый, *er ist gestorben*), *нѣ котон* (*ist gekommen*). Подобно тому употребляется перенятый нѣмецкій глаголь *wardot* (*werden*), напр. *sjunte мо wardot тѣји јанима*—*heilig soll werden dein name*, *мо wardot еувѣзѣны*—*er soll angebunden werden*, *wardol баиты*—*er ward geschlagen*, и пр. Неокончателное наклоненіе смѣшивается иногда съ отглагольнымъ существительнымъ, напр. *юзъ ванкъ венскѣ јоренъ*—*ich habe gelernt wendisch sprechen* (*горен*—говореніе, *das sprechen*), *додъ мине ка паиты*—*gieb mir zu trinken*. Славяне люнебургскіе употребляли членъ *тѣ, то, мѣ* (тѣ, та, то)—*der, die, das*, смѣшивали падежи дательный и винительный мѣсто-

именія *мане* (мнѣ) и *мѣ* или *мине* (меня), какъ и нижніе Нѣмцы *mir*, *miş*, и наконецъ забывали даже склонять. Такъ напр. самъ Парумъ Шудльцъ пишетъ *ва носъ виза* (въ нашъ вѣжа), *но бризаинъ* (на березинъ), *ва летъ* (въ лѣтъ), *ка Хлаинъ* (къ Хлинъ), и пр. Тѣмъ менѣе надо удивляться, если такія явленія встрѣчаются въ запискахъ природныхъ Нѣмцевъ.

Изъ этого очерка видно, что языкъ люнебургскихъ Славянъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ находился въ совершенномъ упадкѣ; онъ былъ весь пропитанъ нѣмчиной, и его окончательное исчезновеніе было только вопросомъ времени. Что касается лексикальной части, то языкъ сохранилъ относительно большую чистоту въ названіяхъ предметовъ обыденной жизни, и въ немъ уцѣлѣло даже нѣсколько замѣчательныхъ старинныхъ словъ, напр. смардъ (смердъ), гордъ (городъ, судъ), гостиница, требы (рождество) и др. Но и въ эту обыденную жизнь нѣмецкій языкъ пролагалъ себѣ дорогу все больше и больше; молодое поколѣніе забывало множество словъ, извѣстныхъ еще старикамъ, и замѣняло ихъ нѣмецкими. Въ области высшей, духовной жизни, въ языкѣ церкви и школы, рѣчь люнебургскихъ Славянъ представляетъ уже страшную смѣсь, съ переѣсомъ нѣмецкаго языка. Церковная терминологія указываетъ на нѣмецкое происхожденіе, такъ напр. *jostrai* (ostern), *pankjiste* (pfingsten), *krauzo* (kreuz), *emerika* (himmelreich), *деуси данъ* (seelentag), *гѣикъ* (гонѣтъ, heiland) и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились въ этой терминологіи слабыя слѣды другого не-нѣмецкаго вліянія, вѣроятно слѣды славянско-христіанской, чешской и польской—пропаганды. Слово *царкѣаи* (церкы), *царкѣвъ* (церковъ), *царкѣаица* (церквица) — извѣстно всѣмъ Славянамъ, и древнеслав. „цркви“, нельзя производить изъ нѣмецкаго *kirche*; изъ нѣмецкаго *kirche*, *kirke* сдѣлали бы люнебургскіе Славяне *kjairkjo* или *kjirkjo* ¹⁾. На не-нѣмецкое вліяніе указываютъ тоже славянско-христіанскія названія дней: *недела*, *пнедела* (понедела), *торы данъ* (второй день, вторникъ), *среда*, *сѣбѣта* (названія пятицы незнаемъ); названіе четверга *Перунъ* (собств. Перунъ) данъ (*perendan*, *perandan*, т. е. день Перуна) — остатокъ языческихъ временъ, какъ и германскія *Donarstag*, *Thursday*, романскія *Giovedì*, *Joudi* (*dies Jovis*).

¹⁾ Слово *церковъ* извѣстно было очень рано и въ другихъ балтійско-славянскихъ земляхъ; такъ напр. *terga Sirkuist*, *locus Tsirkewist* упоминаются на Увонимѣ въ 1216 — 1218 гг. Кашубы знаютъ до сихъ поръ слово *церки*.

Германизация люнебургских Славянъ, совершившаяся въ началѣ XVIII вѣка, коснулась, впрочемъ, главнымъ образомъ ихъ языка; языкъ отцовъ они замѣнили языкомъ нижнепфальцскимъ, соблюдая въ немъ, однако, нѣкоторыя особенности. Въ остальномъ же они остались настоящими „Вендами“, какъ они и до сихъ поръ себя называютъ. Характеръ, бытъ, нравы и обычаи, одежда, постройка селъ и пр. отдѣляютъ ихъ рѣзко отъ ихъ нѣмецкихъ соотечественниковъ, съ которыми они и не охотно смѣшиваются. У нихъ сохранилось много старинныхъ суевѣрій и обрядовъ, вѣра въ упырей, въ подземныхъ духовъ (стар. зимниковъ), разныя преданія старинныхъ временъ, напр. о борьбѣ съ Саксами, объ убіеніи престарѣлыхъ родителей и пр. Фамилии ихъ до сихъ поръ отчасти славянскія; подлѣ фамилій, принятыхъ по селамъ (Boichewitz, Riebenow, Krakow, Debelin, Drewitz, Kabelitz, Konitz, Wiebelitz, Bresenow, Bornitz, Warnow, Belitz, Damke), встрѣчаются и другія (Bausneik, Borneik, Jarneik, Poleik, Glabatz, Warneik, Koldin, Jagutke, Waratz, Janisch, Grebien, Gramüsch, Thiedeitz, Trybiahn).

Въ языкѣ этихъ онемеченныхъ „Вендовъ“ сохранилось нѣсколько славянскихъ словъ. Намъ извѣстны слѣдующія: *Paggeleitze*, *pageleitze* — печенье изъ пшеничной муки въ видѣ подковы; срв. польско-мазовское слово (ок. Ломжи) *pağaj* — лепешка, пирожекъ. (Сообщ. С. Микупцкій). — *Kubbel* — пирожекъ изъ пшеничной муки; срв. чеш. *koblih*, *kobliha*. — *Zickaneitz* — заяцъ (ст. зояцъ, пис. *sogans*, *sojangss*). — *Kuzza*, *kussa* — домикъ, хижка (ст. хѣиза, *tyassay* — nach hause). — *Döns* — дворница (ст. дварница); въ дворницѣ находится въ стѣнѣ родъ альхова для кроватей сунруговъ, *die butze* (? schlafstelle). — *Pomöhs* — bodenraum über den wohnräumen (срв. русск. помость). — *Muleitzen* — малины (ст. молаиня). — *interneitz* — сѣкира (ст. сикѣара, пис. *zitjaria*, *tstjjer*). — *Jiggel* — иглы, хвоя (*trockene fichtennadeln*). — *Koreitz* — предмѣстье (см. выше). — Не-нѣмецкій характеръ носятъ слова, какъ видно искаженные, *poleitzky* — kleine kruke (хувшинъ), *töterneitz* — blasinstrument (срв. стар. *damе* — er bläst), *leineitz* — webekamm, *pinkelneitz* — schaukel, *dungelneitz* — violine, *klinkerneitz* — geldbeutel, окончаніе уменьшительныхъ — *ky* (*brötky* — kleines brot, *pöttky* — kleiner topf) ¹⁾.

¹⁾ Интересныя картины изъ сельскаго быта люнебургскаго Вендланда со ставили очевидцы *Hennings*: Das hannover. Wendland (Lüchow 1862), *Sagen u. erzählungen aus dem hannov. Wendlande* (Lüchow 1864); *Ziehen*: Wendische

2. Славяне въ Старой Маркѣ ¹⁾.

Покоренныя славянскія племена подчинялись, какъ извѣстно, пограничнымъ графамъ, маркграфамъ. Съ половины X вѣка являются такіе маркграфы для Славянъ живущихъ по средней Лабѣ; это маркграфы *Сѣверной Марки*, которая въ началѣ XI вѣка простиралась на земли Остервальде, Балзамію и Сѣверную Тюрингію, но скоро ограничилась только первыми двумя областями, слѣдовательно обнимала земли между Лабой и Орой и бассейнъ верхней Ясны. Это позже такъ называемая *Старая Марка* (Altmark).

Старая Марка обнимала земли по большей части славянскія. Подлѣ славянскихъ селеній встрѣчаются однако рано и нѣмецкія; послѣднихъ все больше прибываетъ съ усиливающейся властью нѣмецкихъ маркграфовъ и другихъ господъ. Мы уже выше сказали, что въ X вѣкѣ въ бассейнѣ рѣки Оры, именно на южномъ ея берегу, рядомъ съ славянскими селами были также нѣмецкія (Rodhardestorp, Thietherisdorp, Witherichsdorp etc). Впрочемъ и въ селахъ съ нѣмецкими названіями встрѣчаются Славяне, которые прямо отличаются отъ остальныхъ жителей (*familiae lidorum vel colonorum vel servorum vel slavorum*). Въ земляхъ остервальдской и

weiden; erzählungen aus dem wendischen volksleben (Frankfurt 1854, срв. Časopis Česk. Mus. 1857), Geschichten u. bilder aus dem wendischen volksleben (Hannover 1874, 2 th.). — Hennings приводитъ, не совсемъ ясно, слѣдующія названія: Drawainji—waldbewohner, Poleini—feldbewohner, Criwitzi—sumpfbewohner, Luca—wiese, Gain—hain; но не извѣстно, егo-ли это объясненіе, или самъ народъ знаетъ значеніе этихъ словъ. — Славистъ, знающій прошлое и бытъ западныхъ Славянъ, нашелъ бы навѣрное въ люнебург. Вэндландѣ много интересныхъ вещей. Некоторые Гильеердингомъ собранные матеріалы находятса теперь у академика Кунина; интересны особенно названія урочищъ люховскаго округа. Вотъ нѣкоторыя: Briesahn (бризина), Priesenitzen (бризницы), Polizee (полица), Duhlneitzen (дольницы), Dumbeizen (дѣбницы), Warbeitzen (варбицы), Jablorken (яблонки), Jüstneitz (гостиница), Gorgitz (горица), Grenitz (граница), Josöhörn (езерно), Solunk (залдгъ), Niewein (новина), Klosjei (глосы), Wistreizen (вестераццы, ящерицы) и пр.

¹⁾ Главный источникъ для исторіи германизациі вѣхъ бранденбургскихъ Славянъ (въ Старой, Средней и Новой Маркѣ) грамоты у Riedel: Codex diplomat. Brandenburg. (Berlin 1838—1868, 39 tomi); Landbuch der mark Brandenburg a. 1375 (ed. Herzberg 1781, ed. Fidicin 1856); Raumer: Regesta histor. Brandenburg. (Berlin 1836, до 1200 г.). Срв. Riedel: Die m. Brandenburg im j. 1250, Fidicin: Die territorien d. m. Brandenburg, Winter: Die Praemonstratenser des 12. jhdts., Heinemann: Albrecht der Bär, и пр.

балзамской встрѣчаются—въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка—села Thormarkon, Heretbergun, Rondestorp, Latondorp, Ejleresdorp, Steinedal и др., города Salzwedel, Arneburg, Tangermünde, Wolmirstädt, и др.

Германизация Старой Марки усилилась особенно при маркграфѣ *Альбрехтѣ Медведѣ* послѣ окончательнаго покоренія Брижань и Стодорянъ (1157 г.). Онъ привалъ туда нѣмецкихъ колонистовъ, которые основали новые города и села. Большая часть этихъ колонистовъ прибыла изъ софѣднихъ земель Саксовъ; кромѣ нихъ прибыли сюда и колонисты изъ Голандіи, и поселились преимущественно въ болотистыхъ мѣстахъ у Лабы около Вербна, въ такъ называемой Wische (Pratum), гдѣ надо было бороться съ водой и строить плотины; къ этому лучше всѣхъ годились опытные въ постройкѣ плотинъ Нидерландцы. Въ тѣхъ странахъ уже въ 1160 г. была извѣстна полевая мѣра голандская (mansî hollandrensis dimensionis), и десять лѣтъ спустя тамошніе жители называются Голандцы (Hollandigenae super ripam Albis positi).

Но это переселеніе нѣмецкихъ и особенно голандскихъ колонистовъ въ Старую Марку не было такъ громадно, чтобъ тамошніе Славяне уже тогда совсѣмъ уступили новымъ пришельцамъ. Ошибся современный этому событію лѣтописецъ Гельмольдъ, житель отдаленной Вагрии, рассказывая, что призванные Альбрехтомъ Голандцы заняли всю Балзавію (terra Balsamogum, Balsemerlande et Marscinerlande т. е. Wische), начиная отъ Зальцведела, и поселились во многихъ городахъ и селахъ, и что тамошніе Славяне повсемѣстно поражены и изгнаны ¹⁾. Славяне продолжали жить въ Залабѣ рядомъ съ нѣмецкими колонистами еще нѣсколько вѣковъ.

Германизация Старой Марки способствовали, кромѣ маркграфовъ, шляхта, монастыри и новые города,—всѣ нѣмецкаго происхожденія. Если у тамошнихъ Славянъ были свои князья—въ родѣ загадочныхъ Волковичей — своя шляхта, то они рано исчезли, и въ Старой Маркѣ мы видимъ высшія сословія, шляхту, исключительно нѣмецкаго происхожденія. Маркграфскіе васалы, чиновники—всѣ Нѣмцы, принимавшіе фамиліи по городамъ, замкамъ и селамъ, на пр. von Arneburg, Osterburg, Hillersleben, Dornburg, Tanger-

¹⁾ Helmoldi: Chron. Slav. I. c. 88. Срв. Raumer: Reg. № 1317, Wersebe: Niederländ. colonien im nördl. Teutschland, II.

münde, Salzwedel, Osterwalde, Mahlsdorf, Gardelegen, Schulenburg, Jagow, Bismark (Bischofsmark), Alvensleben, Knesebek и др.

Нѣмецкій элементъ господствовалъ исключительно и въ *духовенствѣ*, въ *монастыряхъ*, которые наполнялись только Нѣмцами, и производили въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ нѣмецкую колонизацію. На верхней Яснѣ, на юго-западѣ отъ Зальцведела основанъ августинскій монастырь *Дисдорфъ* или *Insula S. Mariae* (1160). Этотъ монастырь стоялъ на самомъ рубежѣ элементовъ нѣмецкаго и славянскаго, въ странѣ, гдѣ въ началѣ XII вѣка были села съ нѣмецкими названіями. Нѣкоторые изъ этихъ селъ достались монастырю, именно Berchmere (два), Abbantorp, Warentorp, Puchenusen, Ellenbeke, Watekoten, Budenstede, позже Kuzeresdorp, Nonlege, Modenborg (два). Жители этихъ двѣнадцати селъ не были однако Нѣмцы, а Славяне, стало быть призванные сюда колонисты. Въ первыхъ осьми селахъ пожалованныхъ монастырю во время его основанія (1160 г.) „жили тогда еще Славяне“ (*quarum incolae adhuc Sclavi erant*). Дисдорфскіе монахи впрочемъ мало заботились о духовномъ состояніи подданныхъ имъ Славянъ, а подобно св. Бонифацію и другимъ нѣмецкимъ апостоламъ — довольствовались собираніемъ десятинъ. Еще въ первой половинѣ XII вѣка, славянскіе жители селъ Kuzeresdorp, Nonlege и двухъ Modenborg не были вполне христіанами, придерживаясь нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ (*pondum fidem catholicam ad plenum susceperunt, sed adhuc quibusdam tenentur paganis ritibus*); и только въ 1235 г. рѣшено построить въ одномъ изъ этихъ селъ церковь. Но это средство не дало ожидаемыхъ результатовъ, и десять лѣтъ спустя (1245 г.) этимъ Славянамъ угрожали, что, если они не откажутся отъ своихъ старинныхъ обычаевъ, то ихъ мѣсто займутъ христіане Нѣмцы (*si autem Slavi suis ritibus renunciare noluerint, Teutonici catholicae fidei cultores substituantur eisdem*). Не знаемъ, какъ кончилось это дѣло, были-ли Славяне дѣйствительно прогнаны изъ тѣхъ селъ, или пропали они иначе въ повальной тогда германизации. Впослѣдствіи въ тѣхъ странахъ, въ старой землѣ липанской — Osterwalde, Славяне упоминаются въ подданныхъ монастырю селахъ очень рѣдко: такъ напр. въ селѣ Winkelstede жили два Славянина (*duo Slavi Bernardus et Richardus* 1319 г.), въ Dore въ числѣ нѣмецкихъ крестьянъ приводится и Елисавета Славянка (*Elizabeth Slava*, ок. 1362 г.).

Самыя названія „славянскихъ“ селъ (*slavicalis, wendesche*), въ

XIV вѣкѣ не указываютъ еще на славянскихъ въ нихъ жителей, а только на ихъ первоначальное славянское население, которое селилось въ особыхъ селахъ подлѣ нѣмецкихъ селъ того же самаго названія. Въ окрестностяхъ монастырей дисдорфскаго и близкаго дѣбцекаго (Дѣбки) и препозитуръ дорской (Döhre), встрѣчаемъ на пр. села „славянскія“ и „нѣмецкія“ (teutonicales, dudesche): Bodensteде, Gravensteде, Horst, Langebecke, Gyschowe и др., село и поля Wentfelde. Но первая едва ли были еще обитаемы Славянами, такъ какъ славянскіе крестьяне приводятся въ грамотахъ и др. прямо какъ „Славяне;“ по именамъ крестьянъ села славянскаго Боденстеде (de burgen tho Wendeschen Bodensteden, а. 1370): Peter, Luder, Sumeke unde Bene Heunen, Werneke, Reuneke — нельзя уже узнать, были-ли въ ихъ числѣ еще Славяне.

Въ южной полосѣ Старой Марки, въ бассейнѣ Оры, были монастыри *Гиллерслебенъ* и *Нейендорфъ*. Бенедиктинскій мужской монастырь *Гиллерслебенъ* (Hildesleve, Hillesleva) основанъ уже во второй половинѣ X вѣка; послѣ онъ упалъ и возобновленъ только въ концѣ XI вѣка. Большинство его имѣній было на южной сторонѣ Оры уже въ сѣверной Тюрингии, и носить по большей части нѣмецкія названія (-dorp); монастырскія села въ Старой Маркѣ Подгоряицы, Божичи, Крушичи, Voltvich (Wolchwi) были несомнѣнно славянскія, такъ какъ они въ XII и XIII вѣкѣ (1135, 1217 гг.) платили монастырю такъ наз. „восопъ“, т. е. подать натурою, „сыпали“ хлѣбъ (reditus annualis qui vocatur *wosop*, annona quae in vulgari *wosop* dicitur); эта подать известна всѣмъ западнымъ Славянамъ, особенно же въ земляхъ лютичскихъ по средней Лабѣ. Цистерц. монастырь *Нейендорфъ* (Nyendorp) у Гарделегена владѣлъ въ XIII вѣкѣ селами называемыми отчасти по нѣмецки (Odigstorp, Bocholte, Volcuelde, Querstede и др.), отчасти по славянски (Poblicz, Nuryz, Greueniz, Borevuz и др.); но только Чиновъ (Sinow) называется прямо „славянскимъ“ (villa slavicalis 1279); у Челехова же была „славянская пустыня“ (Selechow cum deserto slavico 1278), вѣроятно мѣсто оставленное Славянами.

На сѣверѣ около озера Арэндзее основанъ женскій монастырь бенедиктинокъ *Арэндзее* (1184 г.), и пожалованъ селами, нѣмецкими и славянскими; „нѣмецкимъ“ называется именно село *Кобемичи* (villa teutonica Kaulitz, Kobelitze), а „славянскими“ (slavicae villae) Burchstede, Чижово (Szissowe), Noyden, Будышинъ (Baudisin), и бывшее село Шатунъ или Затонъ (Szatun); остальные же села

(Kamerick, Schoneberg, Kruysen, Potbadele, Duceke, Vilbom, Grindel) не означаются ближе, но, кажется, они были заселены Нѣмцами. Позже (1253 г.) упоминается здѣсь еще славянское село Гутинъ (villa slavicalis, quae Gutzin vocatur). Замѣтимъ, что земскія повинности и другія обязанности, — отъ которыхъ жители этихъ монастырскихъ селъ освобождаются (1208 г.), — называются по нѣмецки (burchwerck, herzüge, recht, unrecht), и только известная подать хлѣбомъ носить еще нѣмецкое и славянское названіе (frumentum, quod betkorn vocatur, frumentum, quod *wozop* vocatur).

Въ сѣверной полосѣ Старой Марки были города *Гартовъ* и *Снакенбургъ*, которые въ концѣ XIV вѣка присоединены къ Люнебургу. Здѣсь, между Арендзее и Люховымъ, упоминается въ началѣ XIII вѣка (1208 г.) земля *линская* (Linegow), гдѣ славянской элементъ сохранился — какъ уже выше сказано — до конца XVII вѣка. Около *Замцведеля* жили въ половинѣ XIII вѣка (1247) нѣмецкіе и славянскіе поселяне, подданные города и другихъ господъ (rustici teutonici sive sclavi), и во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка называются „славянскими“ близкія села Худино (slavicalis villa Chudene 1282), и Нейдорфъ (Niendorpe villa slavicalis 1304); мостъ у Худина носить однако уже нѣмецкое названіе (pons qui Chudene brücke vulgariter nominatur). Около *Камбе* на рѣкѣ Мильдѣ и дальше къ Яснѣ, въ селахъ Яснѣ, Рѣчицѣ и Плотѣ и въ другихъ мѣстахъ жили еще въ началѣ XIV вѣка Славяне вмѣстѣ съ Нѣмцами (Slavi de Jezne, Recizze, Plothe, slavicales seu teutonicales residentes a longo vel de prope civ. Luchowe, 1313). Около *Штендала* было славянское село Morungen (slavistica villa), которое опустѣло во второй половинѣ XII вѣка; часть его отдана потомъ новымъ колонистамъ, неизвѣстно, славянскимъ-ли или нѣмецкимъ. Около *Остербурга* были въ первой половинѣ XIII вѣка два славянскихъ села (duae slavicae villae Tilhorn et Rodenvort 1238); такія же славянскія села упоминаются въ это время и позже около *Татермюнде* (Insula villa slavica, Scheldorp slavicalis villa 1339). Въ юговосточномъ углу Старой Марки, на сѣверъ отъ рѣки Оры, было въ половинѣ XII вѣка село Mose, отчасти заселенное Славянами, обязанными платить десятину; они ея однако добровольно не платили, а вымогала ее военная эзекуція (Sclavi decimam non solventes... quam militaris violentia extorquebat). Одно поле у этого села носить уже тогда, въ XII вѣкѣ, нѣмецкое названіе *bademacker*.

Села означаемыя какъ „славянскія“ были, разумѣется, первоначально заселены Славянами, которые жили особо въ своихъ селахъ рядомъ съ селами того же самаго названія, означаемыми какъ „нѣмецкія“. Но со временемъ, съ усиливающейся германизацией Старой Марки Славяне жившіе въ „славянскихъ“ селахъ оиѣмечились, и только оставшееся прозвище тѣхъ сель „славянское“ (wendisch) сохранило память о прежнемъ славянскомъ населеніи. Такихъ „славянскихъ“ сель приводится нѣсколько въ писцовыхъ книгахъ бранденбургскихъ владѣній (landbuch) 1375 г., изъ Старой Марки, именно въ земляхъ: зальцведельской, штендальской, тангермюндской и арендзеевской; часто приводятся имена крестьянъ. О Славянахъ нѣтъ уже почти никакихъ слѣдовъ, а если немногіе крестьяне и носятъ названія въ родѣ Polnik, Borneke, Wultzke, то едва ли ихъ можно уже считать Славянами, такъ какъ Славяне приводятся прямо какъ „Славяне“ (Slavi)¹⁾.

Последніе остатки Славянъ въ Старой Маркѣ сосредоточились около нѣкоторыхъ *юртдовъ*, и здѣсь они упоминаются до конца XV вѣка. Города, т. е. огороженные, укрѣпленные мѣста, встрѣчаются въ Сѣверной Маркѣ уже рано, въ X вѣкѣ (Вербно, Арнебургъ, Тангермюнде и др.); эти полабскіе города были просто крѣпости, построенныя противъ нападений Славянъ, „гарды“ или „горды“, какъ ихъ балтійскіе Славяне называли (срв. Гадій Гардъ или Годій Гордъ—Schnakenburg, Гордско—Gartow, Gardow). Города въ смыслѣ особыхъ общинъ пользующихся исключительнымъ положеніемъ, своимъ правомъ, возникли позже изъ замковъ или сель. Въ половинѣ XII вѣка въ Старой Маркѣ были уже города Вербно, Арнебургъ, Тангермюнде, Остербургъ, Зальцведель, Штендаль, позже является Зегузенъ (Seehausen), Гарделегенъ. Мѣщане были по большей части Саксы и вообще нижніе Нѣмцы; въ Вербнѣ и Зегузенѣ поселились тоже Нидерландцы. Вотъ напр. нѣсколько именъ мѣщанъ тѣхъ городовъ изъ XII—XIII вѣковъ: Johannes de Libera Platea, Henricus Bastus, Hugo Scele, Jordanus Marsilius,

¹⁾ Интересно названіе Wultzke, Volceke, Wiczke etc., которое встрѣчается часто въ Старой Маркѣ въ памятникахъ XIV—XVI вв. Такъ называются и два села около Штендаля. Если это имя—славянское, то позволимъ себѣ указать на славянское *волчокъ* (по древянски вуца, вуцка), старинное названіе Лютичей. «Волчани» (Wutzschken, Wutzkern) назывались въ полабскихъ странахъ свободные крестьяне (срв. Haltaus: Gloss. german. medii aevi, Шафарика Slov. Staroj. 879).

Hartung de Sandowe, Gerardus Rimschneider Heinricus de Brunswich, Johannes de Turiz, Petrus de Moringe, Baldewinus de Zerwist, Heyno Nachtigale, Bertoldus de Puteo, Johannes de Berge, Ditmarus de Ulsen, Henricus Westval, Hermannus de Hydsaker, и др. Кромѣ нѣмецкихъ мѣщанъ встрѣчаются въ XIII и XIV вв. отдѣльные, хотя очень немногіе, мѣщане славянскаго происхожденія. Славянскіе мѣщане наравнѣ съ нѣмецкими пользуются правами мѣщанъ, засѣдаютъ въ городской думѣ, принимаются въ цехи и пр. Во вновь основанный городъ *Новый Зальцведель* (1247 г.), позволялось стеваться окрестнымъ поселянамъ нѣмецкимъ и славянскимъ, и они находились подъ вѣдомствомъ городского судьи. Въ теченіи XIV в. встрѣчаемъ въ Зальцведелѣ нѣсколько мѣщанъ, съ прозвищемъ „Славянинъ“ (Went, Wende), и въ 1331—36 гг. былъ Henneke Went городскимъ ратманомъ. Въ обѣихъ общинахъ зальцведельскихъ, старой и новой, Славяне еще въ XV в. имѣли дома и были членами разныхъ цеховъ¹⁾. Въ городѣ *Вербинъ* упоминается въ 1271 году мѣщанинъ Wedekinus Slavus. Значительное число Славянъ жило въ *Штендамъ*, въ особой части города, и еще въ XV и XVI вѣкахъ упоминается тамъ „славянская улица“ (Slavorum platea 1475 г., Wendenstrasse 1567 г., подлѣ улицы жидовской—platea Judaeorum). Въ XIII и XIV вѣкахъ мы видимъ Славянъ въ числѣ ратмановъ (Wilhelmus Slavus 1233, Jacobus Sclavus 1272—1307, Conradus Slauue 1287), и мѣщанъ (Jacobus Sclavus et Adam Sclavus 1251, Johannes Slavus 1266, Werneker Went 1330, оба члены цеха торговцевъ сукномъ, Jacobus Went, Heyne Went 1375). Придаваемое этимъ лицамъ прозвище „Славянинъ“ (Slavus, Went) первоначально, — въ то время, когда не были въ употребленіи потомственные фамиліи, — несомнѣнно означало дѣйствительныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ прозвища мѣщанъ Westval, Sasse, Frise, de Brunswich и др., означало уроженцевъ Вестфалии, Саксоніи, Фризии, Брауншвейга и пр. Только со временемъ эти прозвища превратились въ потомственные фамиліи, а „Went, Wende“ сдѣлалось потомъ фамиліей давно онѣмеченныхъ славянскихъ семействъ, или простымъ прозвищемъ, которое придавалось людямъ по поводу знанія ими славянскаго языка, или происхожденія изъ „Славіи“ (т. е. Мекленбурга или Помераніи), или по другимъ причинамъ.

¹⁾ Въ перечнѣ вещей одного священника зальцведельскаго (1478 г.), находилось и «монисто Славянъ» (monile Slavorum); не знаемъ, что это было.

Въковой антагонизмъ между Нѣмцами и Славянами проявлялся и въ городской жизни Старой Марки. Мы видѣли, что здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ полабскихъ и балтійскихъ, рано встрѣчаются два селенія того же самаго названія, отличающіяся прозвищами „нѣмецкое“ и „славянское“, первое — мѣстожительство крестьянъ нѣмецкихъ, второе — славянскихъ¹⁾; въ Штендалѣ видимъ особую „улицу славянскую“. Подобное этому встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ Старой Марки: въ Вербнѣ, Ангербургѣ и Тангермюнде находились подъ самымъ городомъ предмѣстья или села обитаемыя Славянами. Эти Славяне вѣроятно потомки жителей древнеславянскихъ городовъ, которые, во время ихъ преобразования въ новые нѣмецкіе города или „мѣста“, волей неволей уступили новымъ пришельцамъ и поселились подлѣ прежнихъ своихъ жилищъ. Эти Славяне, по большей части рыболовы, были обязаны отправлять извѣстныя замковныя работы, пользуясь нѣкоторыми льготами.

У *Вербна*, подъ самымъ городомъ было село (villa) Wenthmarc, Wendemarke, часто упоминаемое въ XIV—XVI вв.; по всей вѣроятности это было поселеніе Славянъ. *Арнебургскіе* Славяне еще въ половинѣ XV вѣка (1441, 1452 гг.) исполняли извѣстныя работы, считаясь служилыми людьми маркграфа (in pise dinstluden, die Wende to Arneborch). Болѣе намъ извѣстно положеніе Славянъ въ селѣ *Калебовъ* (Calebow, Calbu) подъ *Тангермюнде*, гдѣ они упоминаются въ 1360—1479 гг. (Wende die tu Calbu vor der stad tu T. wonen, Wendorf zu Calbu, wendisches C.). Эти Славяне жили подъ вѣдѣніемъ особаго шульца, занимались ловлей рыбы и были подданные самого маркграфа. (Colbu pertinet marchioni; ibi Slavi morantur et nutriuntur de piscatura). Они отправляли извѣстныя повинности и работы, именно должны были въ извѣстные дни доставлять рыбу въ тангермюндскій замокъ, возить дрова въ маркграфскую кухню, и перевозить маркграфа и его семью черезъ рѣку Лабу; отправляя эти работы, они получали пропитаніе изъ замка. Калебовскіе Славяне пользовались особой благоклонностью маркграфа; имъ пожалованы островъ на Лабѣ, паст-

¹⁾ Происхожденіе такихъ «славянскихъ» селъ объясняютъ глосаторы Sachsenpiegel по своему; они разсказываютъ, что Саксы прогнали Нордтюринговъ (по ихъ мнѣнію, Славянъ, Wenete) въ западную страну (in dat hertogedome over Elve), и воевали съ ними; но потомъ пришелъ coning Carl und nam si ut deme hertogbdom u. strewede si over alle Sassen. Darvan vint man noch etlike dorper wendesch. (Sachsenspiegel, ed. Homeyer, 245).

бища и часть пошлннъ; они освобождались отъ всеобщей земской подати (bede), и отъ нѣкоторыхъ пошлннъ, и пр. Въ началѣ XV вѣка прогнали ихъ маркграфскіе чиновники изъ Калебова, но маркграфъ Іоаннъ ихъ опять туда возвратилъ и подтвердилъ ихъ права (1426 г.)¹⁾. Кромѣ того Славяне жили, какъ уже выше сказано, въ окрестностяхъ Тангермюнде въ селѣ Scheldorp, которое еще въ первой половинѣ XIV вѣка (1339 г.) называется „славянскимъ“ (slavicalis villa dicta S.). Въ земской книгѣ бранденбургской (1375 г.) это село уже не носитъ названія славянскаго, и въ немъ не приводятся Славяне; но отношенія шельдорпскихъ рыболововъ, можетъ быть уже онѣмеченныхъ, были почти тѣ же самыя, какія находимъ у славянскихъ рыболововъ калебовскихъ²⁾.

Взаимныя отношенія между нѣмецкими и славянскими жителями Старой Марки намъ ближе неизвѣстны. Но какія бы они ни были, — дружескими ихъ едва ли можно назвать, — то все-таки до самого XV вѣка не находимъ того печальнаго явленія, которое породила племенная ненависть обоихъ народовъ. Это — *прямое исключеніе Славянъ* изъ нѣкоторыхъ цеховъ и городского представительства. Въ Старой Маркѣ стали Славянъ исключать изъ цеховъ не раньше XV вѣка. Эту нетерпимость начали проявлять прежде всего *зальмведельскіе* купцы — Krämer (1428 г.), которые отъ вновь прибывающаго члена своей гильдіи требовали доказательства, что онъ человекъ свободный и „настоящій, истый Нѣмецъ а не Славянинъ“ (dat he sy echte und rechte düdesch unde nicht wendisch). *Гарделенскіе* пивовары требовали въ XV и XVI вв. (1450 и 1555 гг.) отъ своего члена того же самого доказательства, что онъ и его жена достойны почтенной гильдіи, т. е. что они люди свободные, коренные Нѣмцы а не славянскаго рода (dat sye echte u. rechte dudiesch u. neynes wendischen arth syn). Особенную нетерпимость

¹⁾ Калебовскіе Славяне приводятся въ бранденбург. земской книгѣ какъ единственное исключеніе изъ остальныхъ поселеній Старой Марки (Colbu, ibi non sunt mansi, sed Slavi morantur). Странное впечатлѣніе производятъ слова бранденбургскаго маркграва и чешскаго короля Карла: «unsig armen lute, die Wenden von Kolbu—наши бѣдняки калебовскіе Славяне»; того же самаго Карла, который такъ восхищается «благороднымъ и знатнымъ языкомъ славянскимъ», связывающимъ Чеховъ, Хорватовъ и Сербовъ. (См. нашу книгу *Славянская взаимность*, 267, 269).

²⁾ Вѣроятно на славянское происхожденіе указываетъ и названіе другого села у Тангермюнде: Viske—ribbe (Fischribbe), т. е. fish—рыба.

къ Славянамъ показали мѣщане *зальцведельскіе*. Въ 1486 г. сговорились обѣ городскія общины, чтобъ впредь не дозволялось ни одному Славянину покупать и владѣть домами, особенно же пивоварнями; пивовары и ихъ жены должны были быть непременно нѣмецкаго происхожденія, а не Славяне; послѣднимъ оставлены только изъ лавочки или будки. Въ первой половинѣ XVI вѣка считалось въ Зальцведелѣ стариннымъ обычаемъ, что мѣщанинъ, родившійся отъ славянскаго отца или отъ славянской матери, не могъ засѣдать въ городской думѣ, и никоимъ образомъ не могъ быть членомъ цеховъ торговцевъ сукномъ, пивоваровъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, купцовъ, мясниковъ, сапожниковъ, портныхъ, суконщиковъ, булочниковъ, мѣховщиковъ, кузнецовъ и кожевниковъ. Членами остальныхъ цеховъ и вообще мѣщанами Славяне могли быть. Эти „старинные обычай“ подтвердилъ курфирстъ Іоакимъ еще въ 1527 году. Славянское происхождение считалось въ Зальцведелѣ вообще не очень то лестнымъ; по крайней мѣрѣ дума стараго города Зальцведела выдаетъ (1497 г.) одному священнику свидѣтельство, что онъ по отцу и матери коренной и истый Нѣмецъ, а не Славянинъ (*echte u. rechte dudiesch u. nicht wendisch*)¹⁾.

Память о Славянахъ въ Старой Марѣ сохранили теперь одни только географическія названія, нѣсколько словъ, нѣкоторыя особенности въ бытѣ народа, названіе *Вендовъ*, которое носятъ до сихъ поръ сельскіе жители на сѣверъ и сѣверозападъ отъ Зальцведела, и наконецъ „славянское“ прозвище нѣкоторыхъ сель, именно *Wendisch-Apenburg, W.-Bodenstedt, W.-Brome, W.-Horst, W.-Langenbek*.

¹⁾ Замѣчательный приговоръ зальцведельскихъ общинъ 1486 года приводимъ здѣсь вполнѣ. Общины сговорились, «*dat men neunen wendeschen manne ofte frowen wille ofte scholle tostaden, tho kopende vnnnd to besittende eyn erue bynnen beyden steden Soltwedel, vnnnd men on ok neyn erue wille vnnnd scholle to syner eygen hand ofte eynem anderen dudieschen manne dem wendeschen to truwe handt to scryuen. By dussen eruen schollen betekent syn vor an de brouwerue. Ouer de hakenerue ofte buden, de alrede wendesche lude besitten vnnnd on to screuen syn, dar mach men id mede holden, szo id susz langhe dar mede gheholden isz. Ouer den gennen, de in den hakeneruen wanen, schal men vnnnd wil men ok nicht gestader dat brouwerk, szo sie dat susz lange ok nicht gehadt hebben. Ok schal nemant na dissen dage to Soltwedel anferdigen dat brouwerk, id szy denne, dat beyde, frowe vnde man, de sodan anferdigen willen vnde im echten leuende vortruwet syn, alle beyde syn rechdadig vnnnd dudiesch geborn*».

II.

Брижане и Стодоряне ¹⁾.

Представляя очеркъ германизаціи Брижанъ и Стодорянъ, мы поговоримъ о германизаціи вообще всѣхъ племенъ славянскихъ, которыя занимали земли между Лабой и Одрой съ одной стороны, и между Степницей, верховьями Эльды и Гаволы, Финавой (вѣроятно Винявой), на югъ до Нуты и до нижней Спрѣвы. На этомъ столь ограниченномъ пространствѣ жили кромѣ обоихъ главныхъ племенъ *Брижанъ* ²⁾—между Степницей и Досой—и *Стодорянъ* или *Гаволянъ*—окруженныхъ Досой и Гаволой,—и другія мелкія племена, именно по Лабѣ до устья Гаволы, *Морачане*, *Земчичи* и *Лъшичи*, на сѣверъ около Гавельберга *Нелетичи*, по Досѣ—*Дошане*; на югъ и на востокъ отъ Гаволы *Блони* и *Спрѣвяне*.

Маркграфы залабской, такъ называемой Сѣверной (позже Старой) Марки, стали съ начала XII вѣка подвигаться за Лабу. Маркграфъ Альбрехтъ Медвѣдъ приобрѣлъ земли Брижанъ (Priegnitz) и Стодорянъ или Гаволянъ (Havelland), вмѣстѣ съ Сухой (Zauche) или бывшей блонской землей. Преемники Альбрехта Медвѣды пошли по его слѣдамъ, и въ теченіи второй половины XII вѣка и особенно начала XIII вѣка (ок. 1225 — 1232 гг.) приобрѣли также загавольскія земли Спрѣвянъ, до самой Одры, именно земли *тельтовскую* (между Нутой, Гаволой и Спрѣвой) и *барнимскую* (между Гаволой, Спрѣвой, Лечницей, Финавой и Одрой). Кромѣ того къ владѣніямъ маркграфовъ присоединены были въ началѣ XIII вѣка земли, лежація на сѣверъ отъ барнимской земли между Финавой и верхней Гаволой, и между Финавой и Вильсной и Одрой, гдѣ уже въ началѣ XIII вѣка находились бранденбургскіе замки Цетники или Цетинки (Zehdenik), Либенвальде и Одербергъ. Когда именно и какимъ образомъ всѣ эти загавольскія страны, принадлежавшія отчасти Польшѣ отчасти Поморью—присоединены къ владѣніямъ маркграфовъ, не совсѣмъ ясно; довольно того, что

¹⁾ Источники см. въ предыдущемъ отдѣлѣ «Славяне въ Старой Маркѣ».

²⁾ Пишемъ Брижане, слѣдуя формѣ *Brizani* (у Гельмольда), слову *бриъ* (у залабскихъ Славянъ—берегъ) и нын. формѣ *Priegnitz*. Подлѣ формы *бриъ*, *Брижане* встрѣчается у балтійскихъ Славянъ и форма *бриъ*, *беръ*, *Брежане*, какъ видно изъ названій *Колоберъ* и *Брежане* (Brezen, Brizani, племя приморскихъ Водричей).

маркграфы ок. 1230 г. владѣли уже всѣми землями между средней Лабой и Одрой, касаясь здѣсь владѣній поморскихъ и польско-силезскихъ, и съ жадностью глядя и на нихъ. Всѣ эти земли маркграфовъ бранденбургскихъ между Лабой и Одрой стали позже называться *Приницъ* или *Передняя Марка* (Vormark), *Средняя Марка* (Mittelmark), въ отличіе отъ залабской *Старой Марки* (Altmark) и позже приобретенной *Новой Марки* (Neumark) на правомъ берегу Одры. Подлѣ маркграфовъ бранденбургскихъ укрѣпились на правомъ берегу Лабы ихъ южные сосѣди, *архіепископы магдебургскіе*; завладѣвъ именно землями морачанской и ютробожской, они присоединили ихъ къ своему залабскому княжеству (ducatus Transalbinus).

Такимъ образомъ подпали всѣ стодорскіе Лютичи подъ власть нѣмецкихъ господъ, и сдѣлались скоро добычей элемента нѣмецкаго. Прослѣдимъ эту постепенную германизацию Стодорянъ ¹⁾ поближе по отдѣльнымъ областямъ.

Въ обширной землѣ *Морачанъ* германизациа стала водворяться съ начала XII вѣка. Зачатки нѣмецкаго населенія въ этой странѣ въ X вѣкѣ скоро исчезли—какъ вездѣ въ предлабскихъ странахъ—въ общемъ возстаніи Славянъ въ томъ вѣкѣ; слѣдомъ этого мимолетнаго водворенія нѣмецкаго вліянія осталось лишь названіе города *Бургъ*, упоминаемаго уже въ половинѣ X вѣка ²⁾. Еще въ началѣ XII вѣка у Морачанъ процвѣтало язычество, и епископъ бранденбургскій Гартбертъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми священниками истребили здѣсь повсемѣстно идоловъ, и построили церковь въ Лѣскѣ (около 1114 г.). Рука объ руку съ христіанствомъ шла германизациа, поддерживаемая духовенствомъ, разумѣется исключительно нѣмецкаго происхожденія, бѣлымъ и чернымъ, и архіепископомъ магдебургскимъ.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ и важныхъ расадниковъ нѣмецкой колонизациа въ землѣ Морачанъ былъ премонстратскій монастырь въ *Льскѣ* (Liezka, Leizkau), основанный до 1139 года. Уже въ послѣднемъ году въ числѣ монастырскихъ селеній приводятся два съ нѣмецкими названіями Ladeborch и Niendorp. Число та-

¹⁾ Ради удобства употребляемъ названіе «Стодоряне» во смыслѣ всѣхъ племенъ между Лабой и Одрой; уже Chronographus Saxo пишетъ: Ztoderania egregia inter slavonicas terras (ad a. 997).

²⁾ Civitas Burg (a. 949); переводится тоже Arg, Castrum.

нихъ сель все умножалось; такъ на пр. во второй половинѣ XII в. (1173 г.) между 22 монастырскими селами есть четыре съ нѣмецкими названіями. Нѣмецкіе колонисты однако не ограничились одними только основываемыми селеніями, а поселялись и въ славянскихъ селахъ; равнымъ образомъ и славянскіе крестьяне заселяли села съ нѣмецкими названіями. Такъ на пр. во второй половинѣ XII вѣка въ числѣ монастырскихъ селеній упоминаются два села одного названія (*duae villulae uno nomine Kruskebogne*), по всей вѣроятности одно нѣмецкое, другое славянское; послѣднее со временемъ исчезло, но память славянскаго населенія сохранило еще въ началѣ XV вѣка (1402 г.) „славянское поле (*wendisches feld*)“ у самаго селенія. Сами господа этихъ сель имѣли въ виду нѣмецкую ихъ колонизацію, и опредѣляя подати сельскаго народонаселенія, славянскаго и нѣмецкаго, прямо надѣются, что со временемъ Славяне уступятъ Нѣмцамъ (*villae quae nunc a Slavis inhabitantur, si in posterum a Teutonicis possessae fuerint; villae a quibuscumque colonis inhabitantur*). Еще въ концѣ XII вѣка извѣстна была въ нѣкоторыхъ селахъ славянская подать хлѣбомъ, такъ называемый *wosopъ*. Такой *wosopъ* платило еще въ 1189 г. напр. село Славотичи (*Slautiz*), населенное Славянами; другое такое славянское село Матерно платило хлѣбомъ еще въ XIII вѣкѣ, но эта подать уже не носитъ славянскаго названія. Въ обоихъ селеніяхъ, которыя еще во второй половинѣ XII вѣка (1173 г.) прямо называются славянскими (*nunc a Slavis inhabitantur*), упоминаются въ началѣ XIII в. (1228 г.) старосты Годескалькъ и Роденгеръ, неизвѣстно Славяне ли или Нѣмцы, но скорѣе послѣдніе, такъ какъ лица славянскаго происхожденія отмѣчаются обыкновенно названіемъ „Славянинъ (*Slavus*)“².

Равнымъ образомъ, какъ монастырь лѣсковскій заботился о германизации своихъ имѣній въ глубь земли морачанской, такъ и *архиепископъ мадебургскій* производилъ нѣмецкую колонизацію въ своихъ земляхъ между Лабой и Гаволой. Такъ въ 1159 г. село Пеховъ (на Лабѣ противъ Магдебурга) дано Гериберту для заселенія колонистами, вѣроятно нѣмецкими. Въ томъ же самомъ году село Востровица съ обработанными и необработанными полями на Гаволѣ дано Генриху и другимъ Фламингамъ; прежніе славянскіе жители (*pagani adjacentes*), которые обрабатывали тѣ поля, стало быть оттуда удалены. Тоже самое случилось около того времени и съ жителями трехъ сель Черницы, Дѣдовичъ и Унстаденъ (у Сербища);

тамошніе Славяне должны были уступить нѣмецкимъ колонистамъ (cum enim Slavis, qui villas istas possederant, coloni theutonici succederent, 1178). Въ 1164 г. заселена деревня Краговъ голандскими колонистами, и въ томъ же самомъ году дано мѣсто Ropendorpstide (напротивъ Магдебурга) двумъ лицамъ, Вернеру и Годофриду, чтобъ они здѣсь и на прилежащихъ лугахъ и болотахъ поселили новыхъ жителей, которые бѣ воздѣлывали до той поры незаселенную землю; новые колонисты должны были кромѣ обыкновенныхъ десятиныхъ платить съ каждой гуды двѣ деньги подати и по два корца ржи и овса восопу (de quolibet manso duos solidos in censu, duos modios siliginis et duos avenae ad id, quod more totius Transalbinæ provinciae *wosop* nominatur). Такой восопъ упоминается еще въ 1187 г. въ лѣсу у Чартова на Лабѣ (противъ Магдебурга), который лѣсковскій монастырь продалъ Дракону на особыхъ правахъ, именно такъ, чтобъ онъ былъ старостой тамошнихъ поселянъ, и платилъ особую подать называемую уже по нѣмцки *bede*, и кромѣ того и восопъ. Не знаемъ, были-ли такіе колонисты исключительно Нѣмцы, или между ними были также Славяне изъ окрестныхъ мѣстъ, какъ это не рѣдко случалось. Но какъ бы то ни было, съ XIII вѣка не встрѣчаемъ уже Славянъ въ землѣ морачанской. Память о нихъ въ тѣхъ странахъ сохранило до XV вѣка лишь выше упомянутое „славянское поле“ у села Кенигсборна (стар. Крукеборнъ), и села называемыя „большое и малое славянское село“ у Бурга (grote u. kleine Wentdorp).

Въ правѣ саксонскомъ, въ такъ наз. саксонскомъ зервалѣ, и въ одной древней саксонской лѣтописи встрѣчаемъ нѣсколько постановленій, приписываемыхъ архіепископу магдебургскому, Вихманну (1152—1192), и относящихся къ подвластнымъ ему Славянамъ въ залабской сѣверной Тюрингіи. Не знаемъ, на сколько можно относить эти постановленія и къ Славянамъ на правомъ берегу Лабъ; но во всякомъ случаѣ изъ этихъ постановленій можно себѣ составить нѣкоторое понятіе хотя бы о брачныхъ союзахъ славянскихъ подданныхъ магдебургскаго архіепископа вообще. Постановленія касаются именно смѣшанныхъ браковъ между крѣпостными Славянами и Нѣмцами, и ихъ дѣтей, а также принадлежности послѣднихъ господамъ, смотря по славянскому или нѣмецкому происхожденію отца или матери; дальше опредѣляется плата новобрачныхъ, жениха и невѣсты барину, и плата, которую должна

была заплатить жена оставлявшая своего мужа, какъ это позволялось „по славянскому праву (also wendisch recht ist)" ¹⁾.

На сѣверъ отъ Морачанъ въ треугольникѣ, составляемомъ Лабой, Гаволой и рѣчкой Струминой, помѣщались три маленькія земли стодорскія, *Земчици*, *Лъшици*,—оба племени упоминаемныя уже въ половинѣ X вѣка,—и *Чолено* (Scolene, Schallene, срв. польск. Czołna), всѣ части владѣній маркграфовъ. Кромѣ Чолена были здѣсь города или замки Плотъ, Яриховъ, Сандовъ (Сядовъ), столицы дворянскихъ родовъ, разумѣется нѣмецкихъ, назвавшихся по своимъ замкамъ, Кобеличи или Мариенбургъ, какъ онъ называется уже въ X вѣкѣ; славянское названіе извѣстно впрочемъ еще въ половинѣ XII вѣка. Въ *Яриховъ* основанъ въ 1144 г. премонстрат. монастырь, который конечно заботился о введеніи въ свои помѣстья нѣмецкихъ колонистовъ. Уже въ годъ его основанія упоминается въ числѣ его селъ Волково и славянское или меньшее Волково (slavica, minor Wolkowe); село Гардекинъ переименовано въ Nizekendorp (Nizenthorp), хотя еще во второй половинѣ XII вѣка (1172 г.) славянское названіе боролось съ нѣмецкимъ (villa Nizekendorp vel alio nomine Gardekin). Дольше всего сохранился элементъ славянской въ уголкѣ при впаденіи Гаволы въ Лабу въ землѣ чоленской; здѣсь упоминаются Славяне еще даже въ началѣ XIV в. (1302 г.).

Главное приобрѣтеніе маркграфовъ на правомъ берегу Лабы составляли, какъ уже сказано, обширныя земли *Брижанъ* и *Стодоранъ*, и прилежащія къ нимъ области по Гаволѣ.

Съ водвореніемъ владычества нѣмецкихъ маркграфовъ въ гавольскихъ странахъ сталъ измѣняться весь ихъ характеръ, по приѣзду германизирующей залабской Старой Марки.

Славянскіе князья тамошнихъ странъ вынуждены были усту-

¹⁾ Sachsenspiegel, III. buch, 73. artik. §§ 2. 3. (ed. Homeyer 247); kronika vor dem sächsischen weichbildsrechte (Riedel: Mark Brandenburg II. 29). Интересно, какъ глосаторы саксонскаго зеркала объясняютъ себѣ происхожденіе крѣпостнаго состоянія Славянъ въ сѣверной Тюрингіи; они относятъ его къ завоеванію той страны Саксами, считая Тюринговъ Славянами (di Norddoringe, dat weren di Wende; Wenet, dit sint di Norddoringe).—О германизация ютробожской земли см. ниже.—О архиепископѣ Вахманнѣ срв. Forschungen zur deutschen geschichte (Göttingen 1865, V. bd. p. 527, 1872, XIII. p. 121).—Статья Вингера: Die christianisirung n. germanisirung des gaues Morzane (Magdeburg. geschichtsblätter V. 214) ближе не знаетъ.

пить или покориться; такъ брижанскіе Витикиндовичи,—по всей вѣроятности славянскаго происхожденія,—напрасно попытавшись вновь завладѣть отнятой отчиной, бѣжали вѣроятно къ бодричскимъ князьямъ. Коиницкій князь Яцекъ (въ Спрѣвѣнахъ) тоже тщетно пробовалъ задержать напоръ Нѣмцевъ въ глубь славянщины, и отнять у маркграфа Альбрехта стодорскую землю, которую завѣщалъ маркграфу самъ послѣдній ея князь Генрихъ Прибиславъ; земли Ядка, тельтовская и барнимская, достались впоследствии тоже преемникамъ маркграфа Альбрехта.

Во вновь приобрѣтенныхъ земляхъ водворились, разумѣется, нѣмецкіе государственные и общественные порядки, земскія повинности и подати стали называться по нѣмцамъ, herschild, burgwerk, bruckenwerk, bede, betkorn (въ Полабѣ подлѣ слав. восопа), и пр.; явились васалы на феодальномъ правѣ, новые города, и пр.

Съ маркграфомъ прибыло въ новыя его владѣнія много его васаловъ, по большей части изъ залабской Старой Марки, отчасти также изъ другихъ нѣмецкихъ странъ, изъ Саксоніи, Тюрингіи и др. Это нѣмецкое дворянство окружало маркграфа, занимало разныя должности и достоинства, военные, судебныя и др.; оно получало въ Средней Маркѣ въ феодальное владѣніе помѣстья, города и села, и по нимъ принимало и новыя названія. Бранденбургское дворянство почти исключительно нѣмецкаго происхожденія; по крайней мѣрѣ нельзя доказать славянскаго происхожденія почти ни одного дворянскаго рода; фамиліи, предикаты бранденбургскаго дворянства, звучащіе по славянски, ничего не доказываютъ, такъ какъ они взяты отъ владѣній, городовъ и селъ. Такъ напр. фамиліи родовъ Путлицъ, Квицовъ, Линдовъ, Рупинъ, Плото, Роховъ, Бредовъ, Первеницъ, Штегелицъ, Доберковъ, Фельфанцъ (Велевъсы), Плаве, Яриховъ, Сандовъ и др. просто — названія городовъ, замковъ и селъ въ Старой и Средней Маркѣ; они вовсе не говорятъ въ пользу славянскаго происхожденія родовъ назвавшихся по этимъ своимъ владѣніямъ ¹⁾. Путлицы, Клепицы, Квицовы, Клицки и др.—такіе же Нѣмцы, какъ Арштейны, Дорнбурги, Редерны, Кѣнитсмарки, Мѣллендорфы и др. Эти новые

¹⁾ Равнымъ образомъ фамиліи чешскихъ родовъ Розенбергъ, Штернбергъ, Лихтенбургъ, Ризенбургъ и др. не доказываютъ нѣмецкаго ихъ происхожденія; это—названія замковъ, по которымъ приняли свои названія чисто чешскіе роды Витковичей, Дивиневичей, Гроновичей, Грабишничей и др. только въ XIII вѣкѣ.

дворяне нѣмецкіе скоро замѣнили старинную славянскую шляхту. Еще въ половинѣ XII вѣка (1151 г.) упоминаются въ землѣ Брижанъ, въ епархіи гавельбергской, славянскіе землевладѣльцы; они съ позволеніемъ маркграфа жаловали изъ своихъ помѣстій епископовъ и церкви въ этой епархіи (*quidquid aliquis Sclavorum de possessione terrarum seu facultatum eidem vel alicui ecclesiae in eodem episcopatu donare voluerit*). Позже уже не встрѣчаются. Очень можетъ быть, что въ ряды нахлынувшего въ земли Брижанъ, Стодорянъ и Спрѣвянъ, нѣмецкаго дворянства вошли и нѣкоторые славянскіе шляхтичи землевладѣльцы, сдѣлавшись васалами маркграфа. Таковы именно шляхтичи изъ *Врисокъ* (*Vrisach, Vrisack, Friesach*), упоминаемые въ XIII вѣкѣ и назвавшіеся такъ по своему городу и землѣ того имени (Вриски) въ сѣверозападномъ углу стодорской земли ¹⁾. Въ началѣ XIII вѣка (1208) находились въ близкомъ Гавельбергѣ „славянскіе шляхтичи“ (*Slavi nobiles*), братья Генрихъ Приславичъ, Прибиславъ и Андрей, можетъ быть члены этого рода. Другіе славянскіе шляхтичи въ Бранденбургѣ намъ неизвѣстны ²⁾.

Духовенство въ Средней Маркѣ было исключительно нѣмецкое. Въ рядахъ епископовъ и канониковъ гавельбергскихъ и бранденбургскихъ, и другихъ духовныхъ лицъ обѣихъ епархій, не находимъ нигдѣ Славянъ; всѣ они Нѣмцы. Трудно было Славянину и попасть въ ряды этихъ избранныхъ людей, если еще въ самомъ концѣ XII вѣка (1197 г.) самъ ихъ глава, папа, — разумѣется, по ихъ же наущенію — называетъ бранденбургскихъ Славянъ народомъ злымъ и развращеннымъ, врагомъ христіанскаго имени (*natio prava et perversa, scilicet Slavi et inimici christiani nominis*). Духовенство же, бѣлое и черное, и дворянство преимущественно способствовали онѣмеченію тѣхъ странъ, производя въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ громадную нѣмецкую колонизацію.

Третьимъ важнымъ факторомъ германизаціи были *города*. Укрѣ-

¹⁾ Такова по всей вѣроятности славянская форма: *Врисекъ* (срв. чеш. *Vřesek, Vřsek*) или *Вриски* (срв. польск. *Wřzosi*). Версекъ (польск. *wřzos*, чеш. *vřes*, луж.-серб. *wrjós, erica*) называли бадтійскіе Славяне *орисъ*, какъ видно изъ древн. *wrissetja—heidelbeeren*.

²⁾ Не знаемъ, почему нѣкоторые члены рода изъ *Ильбурга* носятъ прозвище *Wend*, напр. *Otto Wend, advocatus marchionis* (1324), *Otto Wend dominus in Heburgh* (въ Штендагѣ 1355), *der edle Wend von Ylburg, unterhauptmann der mark Brandenburg* (1411—12).

пленные мѣста, города или *гарды* были у стодорскихъ Славянъ еще во время ихъ самостоятельности. У Брижанъ встрѣчается уже въ первой пол. X вѣка близъ впаденія Гаволы въ Лабу знаменитый городъ, который Нѣмцы назвали *Гавельбергъ* (*castrum et civitas*),— славянское названіе неизвѣстно,—столица учрежденной въ 946 г. епископіи, и еще въ первой половинѣ XII вѣка столица князя брижанскаго. Кромѣ этого главнаго города были здѣсь и другіе города (*civitates*), столицы округовъ, земель, или вообще укрѣпленные мѣста; у Гавельберга въ этой же самой землѣ Нелетичей, былъ городъ Низовъ, въ землѣ хоричской городъ Плоть, въ землѣ Дошанъ г. Высокая (*Wittstock*), у Глиннѣ Подлѣщъ (*Puttlitz*)¹⁾, и вѣроятно и Лѣчинъ; въ славянскому періоду надо отнести также начало городовъ Хоричъ (*Kuritz*) и Преставолькъ (*Pritzwalk*).

У Стодорянъ былъ старинный городъ на Гаволѣ, *Бранденбургъ*,— славянское имя тоже неизвѣстно²⁾,—съ 949 г. столица епископа. Кромѣ того упоминаются еще въ X вѣкѣ города или вообще укрѣпленные мѣста въ стодорской землѣ Езерье, Присерби (? *Pricerve*), Подстѣль „на островѣ Хотимисла“ (*Potsdam*)³⁾. Къ славянскому періоду надо отнести и позже упоминаемые города или укрѣпленія, Ратеновъ, Плавъ, Косецинъ (*Ketzin*), Рыновъ, Вриски, Бѣлинъ, Рупинъ, Кремень, Богцовъ, Спандовъ, Вострожно (? *Wusterhausen*), Грѣзіе (*Granzoye, Gransee*, срв. поль. *Grądzie*), Новентъ; дальше загавольскіе города въ Блоняхъ и Спрѣвнѣнахъ, Заезерье (*Ziesar*), Бѣльскъ (*Beltiz, Belzig*), Брезно (*Bricene, Briezen*), Бѣлица, Ютробогъ, Требинъ, Тельтовъ, Коппиники, Верновъ, Бездѣль (*Bizdal, Biesenthal*), Врисно (*Vricene, Vrissen, Wrietzen*) и др. Такіе же славянскіе города были, какъ выше сказано, и въ полабскихъ земляхъ стодорскихъ, у Морачанъ, Земчичей и Лѣшичей, напр. Бургъ, Плоть, Яриховъ, Кобеличи (*Мариенбургъ*), Чолено, Съдовъ и др.

¹⁾ Трудно отгадать настоящее славянское названіе этого города, которое пишется *Podlustim, Pudlist, Podlest, Pudlasti, Podelicz, Putlitze* etc. Срв. поль. *Podleszczysce, Podlask*, чеш. *Podlasky, Podloui*.

²⁾ Приводимое у польскаго лѣтописца Богухвала, XIII вѣка, славянское названіе Бранденбурга—*Стормисцъ*, вѣроятно простой переводъ самого лѣтописца, который вообще имѣетъ филологическо-этимологическія замашки.

³⁾ Носовой звукъ встрѣчается во всѣхъ формахъ этого названія. Только въ грамотѣ 993 г. «*locus Pozturimi in insula Chotiemuzles*»; грамота выдана въ Мерзебургѣ, слѣд. на почвѣ Сербовъ, у которыхъ не было носовыхъ звуковъ.

Съ водвореніемъ нѣмецкаго владѣнства въ гавольскихъ странахъ, особенно маркграфа бранденбургскаго, въ положеніи городовъ произошла рѣшительная перемѣна. вмѣсто древнеславянскихъ городовъ возникли новые *нѣмецкіе города*, т. е. общины изъятія изъ подъ общаго земскаго права, пользующіяся своимъ особымъ городскимъ правомъ.

Мы видѣли, что въ залабскихъ владѣніяхъ маркграфовъ Сѣверной Марки уже въ XI—XII вѣкахъ было нѣсколько городовъ въ смыслѣ нѣмецкомъ, каковы напр. Зальцведель, Штендаль, Зегаузенъ и пр. Съ распространеніемъ власти маркграфовъ на правый берегъ Лабы въ земли гавольскія, стали и здѣсь образовываться города въ смыслѣ нѣмецкомъ. Въ половинѣ XII вѣка, здѣсь, вмѣстѣ съ залабскими городами Старой Марки, упоминаются только два города, Гавельбергъ и Бранденбургъ, уже до того времени самыя важныя мѣста въ тѣхъ странахъ, и столицы епископій. Не знаемъ ближе, какимъ именно образомъ эти древнеславянскіе города перемѣнились въ нѣмецкія городскія общины. По всей вѣроятности случилось здѣсь нѣчто подобное тому, что произошло въ собственномъ городѣ или крѣпости (*castrum*) Бранденбургѣ; маркграфъ Альбрехтъ занявъ Бранденбургъ, поручилъ его *воинамъ* славянскимъ и саксонскимъ (*bellicosus Slavis et Saxonibus*); но когда первые измѣнили, сдавъ городъ князю Яцку, то Бранденбургъ порученъ однимъ только Нѣмцамъ¹⁾. Со второй половины XII вѣка до начала XIII знаемъ нѣсколько мановъ бранденбургскихъ поименамъ; они всѣ Нѣмцы. Таеъ должность бургграфа бранденбургскаго занимали члены рода Дорнбургъ; маны были члены родовъ Штегелицъ, Веддингъ, Плецке, Штольценгагенъ. О самой городской общинѣ бранденбургской не знаемъ болѣе близкихъ подробностей; знаемъ только то, что городъ раздѣлялся на двѣ общины, въ Старомъ и Новомъ Городѣ. Городское право бранденбургское распространилось потомъ на многіе города во всѣхъ владѣніяхъ маркграфовъ.

Въ землѣ Брижанъ или—какъ ее стали называть по нѣмецки,—въ Пригницѣ, вромѣ Гавельберга, въ теченіи XIII вѣка возникли города: Кирицъ (Хоричи), Перлебергъ, Витштокъ (Высокая), Приц-

¹⁾ Это рассказываютъ только позднѣйшія лѣтописи; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ вѣрности этихъ рассказовъ. Срв. Raumer Regesta № 1247—1250.

валкъ (Преставолки), Ленценъ (Лѣчинъ); имъ пожаловано право городовъ Старой Марки, штендальское, залцведельское, зегаузенское; городамъ Витенбургу и Фрейенштейну пожаловано право бранденбургское. Въ землѣ Стодорянъ или гавольской, кромѣ Бранденбурга, возникли города и мѣстечки Шпандау (Спандовъ), Потсдамъ (Подстѣпъ), Науэнъ (Новенъ), Кецинъ (Косецинъ), Ратеновъ, Рыновъ, Фризахъ, Вѣлинъ, Кремень, Бѣцовъ (Богцовъ), Рупинъ, Вустергаузенъ, Гранзе и др.; въ загавольскихъ областяхъ— Бриценъ (позже Treuenbrietzen), Ютробогъ (1174 г.), Тельтовъ, Миттенвальде, Кѣльнъ и *Берлинъ* (прежде село, ок. 1232 — 50 городъ) ¹⁾, Кѣпеникъ, Штраусбергъ, Ландсбергъ, Фридландъ, Берновъ, Бизенталь, Вриценъ, Фрейенвальде, Одербергъ (послѣ причисленный къ Укрѣ), и др. Бранденбургскимъ городамъ пожаловано по большей части право города Бранденбурга, нѣкоторымъ также право другихъ залабскихъ городовъ, какъ на пр. Рупину право штендальское, Ютробогу право магдебургское.

Если соберемъ названіе тѣхъ немногихъ, извѣстныхъ намъ по именамъ *мѣщанъ* до XIII вѣка, то увидимъ, что они всѣ происхожденіемъ Нѣмцы. Такъ на пр. въ 1239 г. консулы города Перлеберга были Johannes Ricbode, Joh. Narup, Hinricus Scar, Hermanus Klinkebeil, Joh. de Lubeke; въ 1256 г. консулы г. Нового Рупина были Lambertus de Moringe, Johannes de Sualenberg, и пр. О мѣщанахъ славянскаго происхожденія нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ; ихъ гораздо меньше въ бранденбургскихъ владѣніяхъ между Лабой и Одрой, чѣмъ въ городахъ Старой Марки. Если и позже, въ XIV вѣкѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются „Славяне“, то трудно рѣшить, были-ли это настоящіе Славяне, или только уроженцы „Славій“, т. е. владѣній князей мекленбургскихъ и поморскихъ; въ южныхъ же предѣлахъ бранденбургскихъ владѣній эти „Славяне“ были лужицкіе Сербы. Въ городѣ *Новомъ Рупинѣ* встрѣчаемъ во второй половинѣ XIV вѣка (1365 г.) въ числѣ домовладѣльцевъ двухъ „Славянъ“ (Congrad Went, Reuneke Slavus); въ томъ же самомъ городѣ встрѣчается въ это время и „улица Прибива“ (platea Pribeken), можетъ быть Славянина. Въ мѣстечкѣ *Пришербе* упоминается въ 1341 г. мѣщанинъ „Reune Went.“ Въ

¹⁾ Села того имени встрѣчаются также въ землѣ чрезпѣнской (Barlin, Bra-
lin 1227) и въ Укрѣ (Berlin, Brelin 1240, 1245); значеніе слова темно; срв.
польск. Brelki.

Ютроботъ, городъ лежащемъ на границѣ Лужицъ, записанъ въ книгѣ въ 1375 г. крупнымъ шрифтомъ—какъ вѣчто необыкновенное—въ числѣ мѣщанъ одинъ Славянинъ (Merzen von der Dame, ein Wende), хотя здѣсь Славяне вовсе не были рѣдкостью, будучи владѣльцами малыхъ домовъ, стоимостью меньше 16 копѣ чешскихъ грошей; дома дороже этой цѣны, на площади или на другихъ мѣстахъ, приобретать имъ было запрещено городской думой (ок. 1419 г.). Въ Берлинѣ, проживающіе въ XV вѣкѣ нѣкоторые Славяне—были вѣроятно Сербы; одинъ Славянинъ (Hans Grote Slavus) приобрѣлъ здѣсь въ 1453 г. мѣщанское право ¹⁾.

Мало того, что Славяне почти не встрѣчаются въ рядахъ нѣмецкихъ мѣщанъ; національный антагонизмъ между обоими племенами дошелъ до той же самой крайности, которую мы замѣтили въ залабскихъ городахъ Старой Марки: съ XV вѣка Славяне прямо стали исключать изъ цеховъ. Въ *Бранденбургѣ* сапожники и кожевники принимали въ свои цехи только людей происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго (1424 г.); также и пивовары исключали Славяне изъ своей среды, принимая однихъ только Нѣмцевъ (1473 г.: eynes guden geruchten, nicht wendischer art, sunder van vader u. von muder echte u. rechte van dudischer art gebaren). Въ *Новомъ Рупинѣ* цехи мѣховщиковъ (1434 г.) и ткачей (1446) позволяли своимъ дочерямъ выходить за мужъ только за тѣхъ, кто родился отъ истыхъ Нѣмцевъ (van rechten echten dudeschen unversproken bedderven luden). Цехъ ткачей въ *Гавельбертѣ* требовалъ (1563 г.) отъ всякаго своего члена, чтобъ его жена была съ хорошей репутаціей, и происхожденія нѣмецкаго а не славянскаго (soll eine ehfrau haben, die gueter leymutz, gutts geruchts und herkommen sey, deutscher und nicht wendischer art). Принимаемый въ цехи города *Киричь* долженъ былъ присягать (1569 г.), что онъ законный сынъ, крещеный христіанинъ, и происхожденія нѣмецкаго а не славянскаго (auch nicht aus wendischen sondern aus gutem teutschen geblüthe). *Царские* портные и сапожники принимали только того, кто доказалъ, что онъ законно рожденный и нѣмецкаго происхожденія (1565 г.). Того же самаго условія требовали и цехи въ

¹⁾ Въ берлинской городской книгѣ въ числѣ преступниковъ приводится и нѣсколько Славянъ (1410—1444 гг.): Andrewes Slavus, unus Slavus de Luckow nomine Pelkow, quidam Slavus Hans, N. Greger purus Slavus. (Fidicin: Hist.-diplom. Beiträge zur gesch. d. st. Berlin I).

Трейенбриентъ. Не такъ строго относились въ Славянамъ въ землѣ ютробожской, лежавшей близъ лужицко-сербскаго населенія, которое сохранилось дольше, чѣмъ племя балтійско-славянское. Мы видѣли, что еще въ началѣ XV вѣка славянскій элементъ въ городѣ Ютробогѣ былъ довольно значителенъ, такъ что сама дума приняла мѣры противъ его усиленія: Близкій городъ *Даме* (Дябье) выпросилъ себѣ въ 1452 г. у архіепископа магдебургскаго привилегію, чтобъ въ городскую думу и въ цехъ сапожниковъ принимать однихъ только Нѣмцевъ, а не Славянъ; но уже черезъ 15 лѣтъ (1467 г.)—вслѣдствіе упадка ремеслъ,—позволено, чтобъ къ нимъ допускались окрестные Славяне. Такое позволеніе прямо дано и другому близкому мѣстечку *Люкенвальде*, подданному циннскаго монастыря; въ 1471 г. позволено всѣмъ тамошнимъ жителямъ, Нѣмцамъ и Славянамъ, варить пиво и заниматься всѣми ремеслами ¹⁾.

Куда же дѣвались стодорскіе Славяне изъ старинныхъ своихъ городовъ, преобразованныхъ въ новые города по нѣмецкому праву, съ нѣмецкимъ населеніемъ? Въ залабскихъ странахъ, въ городахъ Старой Марки, Славяне вытѣснены въ особыя кварталы, либо въ особыя улицы, либо въ предмѣстья или подгородныя села. Тоже самое случилось и въ стодорскихъ земляхъ между Лабой и Одрой. Въ земляхъ на правомъ берегу Лабы глубоко на сѣверовостокъ до Поморья, есть много селъ, называемыхъ *kietz*, населенныхъ преимущественно рыболовами — *kietzer*. Въ Поморьѣ слово *kietz*, *kiitz* означало то же овчарню, *kiitzmeister* — овчара. Кицы находятся по большей части у городовъ, иногда также близъ другихъ селеній. Въ старинныхъ памятникахъ эти слова пишутся *kiez*, *kitz*, *kiz*, *kies*, *keys*, *kys* и пр., и *kietzer*, *kiesser*, и пр. Самое слово — славянское, сохранившееся во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, *хиша*, *хижа*, *хиза* — домикъ. Кашубамъ извѣстна и форма *хича* — изба, *хече* — жилой домъ. Въ древне-польскомъ слово *хызъ*, *хыжъ*, означаетъ вообще — домъ, какъ и до сихъ поръ у лужицкихъ Сербовъ *хѣжа* — домъ; въ Чехіи есть городъ *Хижа* или *Хиша*; Нѣмцы его называютъ *Kiesch*. Слово это извѣстно было и балтійскимъ Слavia-

¹⁾ Тѣ же самыя затрудненія на счетъ принятія въ мѣщане и въ цехи встрѣчаемъ и въ городахъ лужицкихъ. Въ Бесковѣ въ цехи не принимались уроженцы славянскіе (1457 г.); въ Бискупницахъ (*Bischofswerda*) въ 1568 г. принять одинъ Славянинъ въ мѣщане, но за то долженъ былъ заплатить 100 талеровъ, и пр.

вается подгородьемъ (suburbium ante Brandenburg quod dicitur kytz). Славяне въ хызахъ являются еще въ первой половинѣ XIV вѣка (Slavi morantes in vico qui dicitur kitz 1321, Slavi morantes in villa Woltitz 1327); они платили подать деньгами и курами (сеп-сим денаріюмъ et pullorum). Однако въ теченіи XIV вѣка они уже онѣмечились, и отъ нихъ остались незначительные слѣды; по крайней мѣрѣ въ 1383 г. въ волтичскомъ хызѣ передъ замкомъ бранденбургскимъ — староста, присяжные и крестьяне носятъ уже нѣмецкія названія, и только одинъ называется „Славяниномъ“ (schulte Arnde Wilkens, schepen vnde bure Peter Hanses, Peter Schlappen, Hans Mewes, Meweses Niendorp, Heine Kuleke, Hans Schonhusen, *Hans Wend*); въ союзномъ же договорѣ обоихъ хызовъ 1409 г. нѣтъ уже ни одного слѣда славянства. У мѣстечка *Кецина* (на Гаволѣ на востокъ отъ Бранденбурга) приводятся въ земской книгѣ бранденбургской (1375 г.) еще гуфы нѣмецкія и славянскія (mansī qui dicuntur *teutonicī*; sunt ibi adhuc alij mansi qui dicuntur *slavicī*), и приходская церковь владѣла тремя нѣмецкими и одной славянской гуфой; еще въ половинѣ XVI вѣка (1551) была у Кецина „Wendemarkische hufe.“ Въ *Потсдамскомъ* хызѣ жили Славяне еще во второй половинѣ XIV вѣка (1375 г. Slavi de vico vel kitz), платя подать деньгами и рыбой; позже въ хызѣ Славяне уже не упоминаются. Въ городѣ *Форланде* (на сѣверѣ отъ Потсдама) около того же самаго времени хызъ состоялъ изъ 15 домиковъ, въ ихъ числѣ 5 пустыхъ. Хызы приводятся еще въ XIV вѣкѣ у городовъ *Бизенталя*, *Штраусберга*, *Врицена*, *Фрейенвальде*, *Шпандова*, *Кѣпеника*. Кѣпеницкій хызъ состоялъ изъ 23 домовъ, и тамошніе Славяне (die Wende uf dem kitz, 1387 г.) платили подати деньгами, вмѣстѣ съ кѣпеницкими мѣщанами; въ слѣдствіи Славяне здѣсь прямо уже не упоминаются, а приводятся просто рыболовы—*kietzer*, стало быть уже онѣмеченные. Славяне въ обоихъ фрейенвальдскихъ хызахъ платили деньгами за пользованіе водами (VII talenta de aquis quae dant Slavi, а. 1375). *Шпандовскіе* славянскіе хызари были въ ссорѣ съ шпандовскими мѣщанами по поводу настбиць, и по поводу притязаній городского суда; этотъ споръ прекратилъ (1409 г.) бранденбургскій и моравскій маркграфъ Иодокъ такимъ образомъ, что Славянамъ (p-sere Wenden auf dem kytz) позволено и впредь пользоваться настбищами, и приказано обращаться не къ городскому суду, а къ суду маркграфа. Въ слѣдствіи въ шпандовскомъ хызѣ Славяне

не упоминаются прямо, а просто хызари, рыболовы. *Вриценские* Славяне хызари (unser lieben getruwen die Wende, unse vischern uff dem kysze szu Wretzin an der Oder, die kiesser und Wenden uff dem bruche, 1420—1421) поставляли маркграфу каждый годъ часть рыбнаго улова, особенно лососей и осетровъ, именно въ маркграфскую кухню въ Берлинъ, и платили 12 чешскихъ грошей; ихъ старосты—наслѣдственные (въ 1421 г. назначены Hanse, Thomas und Nickel die Cünzen, стало быть Нѣмцы) — 20 грошей; за то они освобождены были отъ всѣхъ повинностей, кромѣ перевоза по Одрѣ; и предоставлено было имъ пользоваться стариннымъ ихъ правомъ (da von soll sy ire gerechtigkeit haben, als sy von aldern haben gehabt). Во второй половинѣ XV вѣка Славяне здѣсь уже не упоминаются, а просто хызари (kietzer). Наконецъ хызы встрѣчаются также, какъ уже выше сказано, у нѣкоторыхъ сель ¹⁾.

Въ Берлинѣ—Славяне, кажется, не жили постоянно; въ концѣ XIV вѣка они привозили сюда дѣсь ²⁾.

Но не только маркграфы, дворяне, духовенство и города дѣйствовали разрушительно на элементъ славянскій; въ нимъ присоединился и пятый факторъ: это громадная нѣмецкая колонизація посреди *сельскаго народонаселенія*.

Послѣ завоеванія брижанско-стодорскихъ странъ—маркграфъ, его васалы и духовенство, стали призывать въ свои помѣстья колонистовъ изъ залабскихъ нѣмецкихъ странъ. Колонизація производилась, какъ извѣстно, на *земляхъ незаселенныхъ*, въ дѣсахъ, которые надо было расчищать, и въ болотистыхъ мѣстностяхъ, которыя надо было осушать, или наконецъ и въ прежде заселенныхъ, но потомъ опустошенныхъ земляхъ; кромѣ того колонизація коснулась и *заселенныхъ* Славянами мѣстъ. Хорошо характеризуетъ состояніе напр. земли Брижанъ въ половинѣ XII вѣка грамота короля Конрада епископу гавельбергскому: „Такъ какъ эти земли частыми нападениями язычниковъ (Славянъ) разорены и опустошены до такой степени, что или вовсе незаселены, или заселены рѣдко,

¹⁾ Хызы встрѣчаются и въ смежныхъ съ Бранденбургомъ земляхъ луницкихъ, на пр. у Зосна (Zossen), Сторкова, Бескова; въ послѣднемъ (uff dem kysse, keisse) еще въ началѣ XVI вѣка жили славянскіе рыбаки (Lawka, Zobrigk, Globen, Klebatz и др.) вмѣстѣ съ нѣмцами.

²⁾ Die Wende und lude di von der Nyenmole (вѣроятно въ барнимской землѣ) komen (Berliner stadtbuch 1397 г., ed. Fidicin: Histor.—dipl. beiträge zur gesch. d. st. Berlin I. 20).

хотимъ и приказываемъ, чтобы епископъ могъ тамъ селить колонистовъ какого бы то ни было народа (ut episcopus liberam habeat facultatem, ibidem ponendi et locandi colonos de quacunque gente voluerit vel habere potuerit)⁴. Уже тогда (1150 г.) упоминается въ землѣ Дошанъ у города Высокой село Thadandorp, вѣроятно нѣмецкое. Колонисты были по большей части *Саксы*, изъ Старой Марки, Вестфалии и др. Они, переходя въ свои новыя жилища, переносили сюда и названія прежнихъ своихъ селеній, особенно же выходцы изъ Старой Марки; до сихъ поръ существуетъ много селеній съ одинаковыми названіями въ Старой и Средней Маркѣ, особенно же Пригницѣ. Кромѣ Саксовъ прибыли въ Среднюю Марку и *нидерландскіе колонисты* изъ Голанда, Зеланда и Фландрии, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Старую Марку; они сохранили свои особенности довольно долго, и еще въ XV вѣкѣ упоминаются на верхней Гаволѣ фламандскіе крестьяне. Много такихъ колонистовъ поселилось также въ владѣніяхъ магдебургскаго архіепископа въ Морачанахъ, въ землѣ ютробожской, и вообще на рубежѣ бассейновъ Лабы и Гаволы, гдѣ названіе *Фламмингъ* свидѣтельствуетъ о фламандской колонизаціи до сихъ поръ¹).

Вслѣдствіе такого громаднаго наплыва нѣмецкихъ колонистовъ измѣнилось и положеніе сельскаго народонаселенія въ Средней Маркѣ вообще. Селенія устраивались по праву нѣмецкому (iure teutonico), и по этому праву устроены почти всѣ села въ бренденбургскихъ владѣніяхъ, уже существовавшія и вновь основанныя. Весь этотъ процессъ преобразованія прежнихъ славянскихъ селъ въ села по праву нѣмецкому произошелъ въ Средней Маркѣ въ довольно скоромъ времени, и мы, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ извѣстій, не можемъ его прослѣдить такъ, какъ напр. въ сосѣднихъ земляхъ польскихъ, особенно же въ Силезіи, гдѣ онъ шель медленнѣе, продолжался до довольно позднихъ временъ, и гдѣ онъ болѣе извѣстенъ по разнымъ документамъ²). Преобразование славянскихъ селеній въ селенія по нѣмецкому праву нельзя себѣ однако представлять какъ повальное вытѣсненіе, изгнаніе славянскихъ жителей, и замѣну ихъ нѣмцами колонистами. Та-

¹) Подробности объ этой саксонской и нидерландской колонизаціи въ Средней Маркѣ см. Riedel Mark Brandenb. II. 46, Wohlbrück: Gesch. v. Lebus I. 353, Wersebe: Niederländ. colonien II.

²) Срв. Wohlbrück: Gesch. v. Lebus I. 200; Tzschoppe u. Stenzel: Urk. z. gesch. d. städte v. Schlesien.

кое преобразование не лишало еще славянскихъ крестьянъ права пользоваться новымъ нѣмецкимъ правомъ, и шульцъ, приглашая нѣмецкихъ колонистовъ въ славянское село, вѣроятно оставлялъ въ немъ тѣхъ коренныхъ жителей, которые приняли новыя условія, да пожалуй, и вовсе не приглашалъ туда нѣмцевъ. Что даже шульцы не были исключительно нѣмцы, видно хотя бы только изъ одного примѣра: въ селѣ Гоплѣ (на Гаволѣ, у Прицерве) былъ въ 1226 г. шульцъ Генрихъ Славянинъ (*magister civium Heinricus Slavus*). На общее сожительство нѣмецкихъ и славянскихъ крестьянъ въ одномъ селеніи указываетъ то обстоятельство, что еще въ позднѣйшее время въ одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчаемъ двойную мѣру, нѣмецкую и славянскую; послѣдняя была меньше нѣмецкой. Уже выше сказано, что еще во второй половинѣ XIV вѣка (1375 г.) у мѣстечка Кецина на Гаволѣ встрѣчаются гуфы нѣмецкія и славянскія (*mansi teutonici, mansi slavici*). Это касается, правда, мѣстечка а не села, но такія же отношенія были несомнѣнно и въ селеніяхъ. Подобное этому встрѣчаемъ одновременно въ одномъ селѣ въ землѣ тельтовской. Около замка Требина были четыре села: *Klistov, Neuendorf, Schultendorf, Kerstynendorf*, всѣ тогда уже съ населеніемъ нѣмецкимъ; въ Клистовѣ съ гуфы взимали двѣнадцать „славянскихъ корцовъ“ (*slavicos modios*); въ остальныхъ трехъ селахъ съ нѣмецкими названіями упоминаются одни только корцы (*modii*) безъ болѣе точнаго опредѣленія. Изъ этого можно заключить, что въ селѣ Клистовѣ остались славянскіе жители — тогда конечно уже онѣмеченные,— между тѣмъ какъ три остальныхъ заселены нѣмецкими колонистами.

На раздѣленіе села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую, указываютъ ихъ прозвища „славянское — малое“ и „нѣмецкое — большое“. Славяне, отдавъ свое село новымъ колонистамъ, построили себѣ вблизи новое село того же самого названія съ прозвищемъ „славянское“; это прозвище осталось и впоследствии, когда жители онѣмечились. Такое занятое Славянами село называлось иногда тоже хузь. Какимъ именно образомъ Славяне въ бранденбургскихъ маркахъ удалялись изъ сель, объ этомъ не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій; вѣроятно это случалось экспроприаціей, а о насильственныхъ мѣрахъ не слышно. Положеніе Славянъ стодорскихъ мало перемѣнилось и послѣ нѣмецкаго завоеванія, а о вѣрностномъ ихъ состояніи нѣтъ и помину; встрѣчаемъ даже примѣръ, что жители одного вновь построеннаго славянскаго села,

хотя подданные духовной корпорации, еще во второй половинѣ XIII вѣка являлись на общій княжескій судъ.

Нѣмецкое право распространилось повсемѣстно въ городахъ и селеніяхъ бранденбургскихъ, замѣнивъ старинное *право славянское*. Последнее однако не исчезло совсѣмъ, а сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и впоследствии. Еще во второй половинѣ XIII вѣка (1267 г.) находились въ сѣверовосточномъ Пригницѣ около Прицвалка помѣстья отданныя и не отданныя въ ленъ, нѣмецкія и славянскія (*bona tam infeodata quam non infeodata, theutonica et slavicalia*); первыя по всей вѣроятности селенія пользовавшіяся правомъ нѣмецкимъ, другія же — правомъ славянскимъ. Примѣръ такого „славянскаго права“ въ селахъ, сохранился еще въ началѣ XIV вѣка въ томъ же Пригницѣ, въ самомъ сѣверовосточномъ его углу, у верховьевъ рѣки Досы и города Высокой. Здѣсь было нѣсколько сель брауншвейгскаго монастыря Амелунгсборна. Страна эта (*terra Lieza — Лѣса?*) принадлежала до второй половины XIII вѣка къ верельскому княжеству, а съ 1276 г. Бранденбургу. Верельскій князь Николай пожаловалъ здѣсь (1233, 1244 гг.) озеро Дрѣжье (*Dranse*), и окрестныя земли вышеупомянутому монастырю, который здѣсь построилъ дворъ Дрѣжье, и нѣсколько сель (*Svinrik, Vale Major et Minor, Schild, Roderanke Major et Minor, Sewikow, Zemprow, Uchtorg*), судя по именамъ и прозвищамъ „большее“ и „меньшее,“ отчасти славянскихъ, отчасти нѣмецкихъ¹⁾. Въ одномъ изъ этихъ сель, именно въ Радорѣжахъ, еще въ началѣ XIV вѣка крестьяне жили по „славянскому праву,“ т. е. они не были прирѣплены къ землѣ, а просто поселены, такимъ именно способомъ, что земли отнять у нихъ можно было только въ такомъ случаѣ, если они не исполнили принятыхъ ими условій (*villani nec sunt ad areas curiarum villae appropriati, sed simpliciter locati, secundum jus slaviale, ita sane, cum cultores villae non satisfaciunt in pactis curiae nec sufficient, tunc mansi possunt auferri ab eis licite et locari aliis agricolis pro pactis sive jure quibuscumque qualibet contradictione non obstante*).

При такомъ преобразованіи славянскихъ сель въ нѣмецкія не рѣдко случалось, что село получало другое, нѣмецкое названіе. ба названія употреблялись совмѣстно, славянское продолжали

¹⁾ Срв. польск. *Drażewo, Dreżewo, Drażno, Swiniarki, Białe, Szewnica, Sępów*, чеш. *Rado-bytce*.

употреблять славянскіе жители самого села или окрестныхъ сель, нѣмецкое же—нѣмецкіе колонисты и владѣльцы. Оба названія боролись долго другъ съ другомъ, пока наконецъ одно не приобрѣтало гражданскаго права. Не всегда одерживало побѣду нѣмецкое названіе. Такъ на пр. около Ярихова было село Гардекинъ (Гердекинъ), которое названо уже въ первой половинѣ XII вѣка Nizinthorp, Nizekendorp (1144); но еще тридцать лѣтъ спустя извѣстно было славянское названіе (villa Nizekendorp vel alio nomine Gerdekio). Два села въ Сухѣ, Плусецинъ и Присѣка, названы во второй половинѣ XII вѣка,—вѣроятно по владѣльцамъ или шульцамъ—первое Reinoldestorp, второе Tesekendorp; но эти новыя нѣмецкія названія не удержались; первое нѣмецкое названіе устарѣло уже въ концѣ XII вѣка (villa Plusetzin quae alio nomine Reinoldestorp olim dicebatur, 1197), и вовсе не привилось, ибо село называется и до сихъ поръ Plötzin. Другое нѣмецкое названіе устарѣло въ началѣ XIII в. (Priscere, Priscece, quod antiquo nomine dicitur Teskendorp, 1217). Долго боролись славянское и нѣмецкое названія замка и села Marienburg и Mariendorf въ Лѣшичахъ; уже во время основанія гавельбергской епископіи (946 г.) существовало названіе Marienburg; но подлѣ него продолжало употребляться и славянское названіе Кобеличи (Marienburch quae et Sobelitze dicitur, 1150), которое наконецъ, послѣ окончательнаго онѣмченія той страны, и осталось (Mariendorf quae nunc Kobelitz dicitur, а. 1337). Разумѣется, что съ торжествомъ нѣмецкаго элемента, въ устахъ нѣмецкаго народонаселенія перемѣнились и оставшіяся славянскія названія. Когда императоръ Людовикъ (1337 г.) подтверждаетъ жалованныя грамоты гавельбергской епископіи, то онъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя названія съ тѣхъ поръ перемѣнились (modo tamen mutatis more moderno nominibus earundem aliis vocabulis communiter describendis).

Прослѣдимъ теперь *остатки Славянъ* въ селеніяхъ бранденбургскихъ владѣній по отдѣльнымъ областямъ. Въ землѣ *Брижанъ* или позднѣйшій *Пригница*, нѣмецкая колонизація выходила особенно изъ залабской Старой Марки, и при опустошеніи страны,—такъ наглядно изображенномъ въ одной, уже упомянутой нами выше грамотѣ половины XII вѣка,—совершилась быстро. Еще въ половинѣ XII вѣка здѣсь были, какъ выше замѣчено, крупные славянскіе землевладѣльцы, стало быть шляхтичи, а позже о нихъ уже нѣтъ помину; землевладѣльцы, шляхта пригницкая—всѣ Нѣм-

цы. Они, вмѣстѣ съ епископомъ и капитуломъ гавельбергскимъ и монастырями (Мариенфлиссъ, Путлицъ, ивѣнія мон. Амелунгсборна у Витштока), поддерживали германизацию страны такъ, что здѣсь уже въ XIII вѣкѣ замѣчается мало слѣдовъ славянства. „Славянскихъ“ селъ въ Пригницѣ упоминается не много; кромѣ вышеупомянутыхъ помѣстій славянскихъ около Прицвалка, кромѣ села Радоръкъ, знаемъ только села Коморницу у Гавельберга (Kumterniz villa slavicalis a. 1284) и Ковале у Путлицъ (villa Cowal slavicalis a. 1355); въ селѣ Большомъ Рѣчинѣ (Retzin) около Прицвалка въ 1367 г. владѣлъ одной руфой Конрадъ Славянинъ (Conradus Slavus). Наконецъ встрѣчается примѣръ основанія особаго села славянскаго еще во второй половинѣ XIII вѣка. Въ 1275 г. капитулъ гавельбергскій основалъ въ предѣлахъ села Хомутова новое село славянское (infra terminos villae Gumthowe fundaverunt quandam novam villam slavicalem); о положеніи славянскихъ жителей этого села можно судить, между прочимъ, и по тому обстоятельству, что они, хотя подданные духовной корпораціи, являлись на общій земскій судъ въ Гавельбергъ (quod ejusdem villae cives ad vocationem et mandatum advocatorum communia civilia placita, quae vulgo dicuntur lantding, deberent in Havelberg observare). Память Славянъ сохранили названія селъ Bucholt (slavicalis—wendesch 1345 г., другое: dudesch) у Перлеберга, Wusse (wendischen, dudschen 1491, срв. чеш. Вусье, Осье), и пустое поле у Варнова (wuste feltmarck Wendischen Warnow 1495) оба послѣднія у Ленцена; село Wendisch Warnow существуетъ до сихъ поръ. Село Кницъ (Kietz) у села Розендорфа было по всей вѣроятности — хызь, мѣстопробываніе славянскихъ хызарей — рыбаковъ, подлѣ втораго, нѣмецкаго села земледѣльцевъ.

Въ *земль гавельской* (Havelland) встрѣчаемъ въ концѣ XII вѣка (1197) у Кецина два принадлежавшія кецинской церкви села Поррѣче, одно изъ нихъ славянское (villa Porats et altera slavica villa Porats), и еще въ XIV вѣкѣ упоминаются, какъ уже выше сказано, около Кецина руфы нѣмецкія и славянскія (mansii teutonici, m. slavici). Между Потсдамомъ и Науэнгомъ, около озера вубелицаго, встрѣчаемъ Славявъ рыболововъ до самого конца XIV вѣка (1358—1399); они жили именно въ селахъ Скоринѣ въ хызѣ (Wenden up deme kytze tu Schoryn) и въ Устѣ, и были обязаны отправлять извѣстныя „славянскія“ повинности (Wende dinste). Въ *Сухъ* поддерживалъ германизацию особенно цистерц. монастырь

ленинскій, и уже въ концѣ XII вѣка (1190 г.) въ числѣ его сель встрѣчаются нѣкоторыя нѣмецкія (Colpin, Goriz, Radele, Cistecal, Zwine, Gotiz, Detiz, Wida, Welzenewode, Namitz, Slavicum Tornou, Michelstorp, Tegastorp, Tesekendorp). Кромѣ славянскаго Торнова въ Сухѣ были еще села славянскія Крушевица (villa slavica Crusewitz 1275, Crusewitz minor 1300), Боркѣ (slavica et teutonica 1375, windische u. duczsche 1441). Село Бухгольцъ у Бридена уже въ первой половинѣ XIV вѣка (1343 г.) представляетъ одну только общину; но что раньше и здѣсь было славянское село, видно изъ названія полей „Wendische Buchholtz“, сохранившагося до XVI вѣка. Подобныя этому названія, напоминающія объ исчезнувшихъ славянскихъ селеніяхъ, видимъ и въ другихъ мѣстахъ Сухи; у сель Лангервиша (у Бѣлицъ) и Вильденбруха (у Гольцова) встрѣчаемъ во второй половинѣ XIV вѣка (1375 г.) „славянскія поля“ (ager qui dicitur die Wendemark), у Цисара пустое славянское село (Wendemarke 1397).

Въ землѣ *тельтовской* встрѣчаемъ славянское село Slatdorp, вѣроятно селеніе рыбаковъ у озера Slatse; село принадлежало къ другому селу Cedelendorp (1242, villa C. cum suis pertinentiis, videlicet villa slavicali quae Slatdorp dicitur, et duobus stagnis Slatse et Tusen); дальше села Buten Slavica (1375), Wendisch-Buk (Wentschenbuk) у Берлина, съ полемъ „славянскимъ“ (ager qui dicitur Wendestucke 1375); между Тельтовымъ и Потсдамомъ славянскія села Slavicum Stanstorp (подлѣ Teutonicum St. 1299, 1375) и Slavicum Stolp (1299); послѣднее во второй половинѣ XIV вѣка называется уже просто Столпъ или Столпики (Stolpiken), стало быть малые Столпы. У села Гробна былъ хызь (vicus, 1375), существующій до сихъ поръ. У города Миттенвальде было село Wusterhuse Slavica (1375), и здѣсь до сихъ поръ есть села Wendisch и Deutsch-Wusterhausen, и поле Wendisch-Ragowsche feld. Въ селѣ Клистовѣ у Требина еще въ XIV вѣкѣ, какъ выше сказано, были извѣстны „славянскія“ гуфы. Въ *барнимской* землѣ упоминаются въ XIV вѣкѣ (1375) два славянскія села (Buch Slavica, Waladstorp Slavica), и въ самомъ сѣверномъ углу на рѣкѣ Финавѣ, въ селѣ Schepforde, извѣстно было тогда еще славянское слово *бартники*, люди обяванные отдавать извѣстную часть меду (sunt ibi qui dicuntur *bardesniker*, qui dant quartale mellis) ¹⁾.

¹⁾ Съ XIV вѣка принадлежали къ Бранденбургу также сосѣднія съ тельтовской землей малыя области лужицкія, *Дубскъ* или *Дубецъ* (Turzk, Teurpitz),

На южныхъ окраинахъ Сухи и Тельтова были, какъ уже выше сказано, земли *Бѣльскъ* и *Ютробогъ*, по всей вѣроятности первоначально части стодорскихъ земель, но отошедшія не къ бранденбургскимъ владѣніямъ, а къ герцогству саксонскому (Бѣльскъ) и къ архіепископіи магдебургской (Ютробогъ). Въ эти страны переведено много нидерландскихъ колонистовъ, по которымъ и названа та полоса Флемингъ. Уже во второй половинѣ XII вѣка упоминается около Ютробога, цистерц. монастыря *Цинны* (основ. 1171, Сиппа, срв. западослав. Чиновъ, Жиняны), Люкенвальде и др.—много селъ съ нѣмецкими названіями (Rothenwienstorf, Gerardstorf, Hinrikestorf, Rulestorf и др., у Ютробога мость Фламинговъ — *rons Flamingorum*). Посреди нѣмецкихъ колоній остались однако и славянскіе селенія; такъ на пр. у Бѣльска было село *Wentdorp* (1275), у Ютробога села *Alstorf Slavica*, *Linde Slavica* (1459, подлѣ двухъ нѣмецкихъ селъ того имени), и др. ¹⁾

Вотъ всѣ извѣстія объ остаткахъ Славянъ въ Средней Маркѣ. Кромѣ этихъ положительныхъ, прямыхъ свидѣтельствъ о нѣмецкой колонизаціи въ тѣхъ странахъ—есть и другое, именно *нынешняя географическая номенклатура* тѣхъ странъ, которая съ одной стороны представляетъ *первоначальную колонизацію славянскую*, и съ другой—послѣдующую за ней *колонизацію нѣмецкую* ²⁾. Собрать всю эту географическую номенклатуру въ Средней Маркѣ мы не успѣли. Чтобъ составить себѣ однако хотя какое-нибудь понятіе объ отношеніи славянской и нѣмецкой колонизаціи, воспользуемся подробнымъ описаніемъ Средней Марки (т. е. гавольской земли на сѣверъ до Рына, Сухи, земель тельтовской и барнимской), находящимся

и *Сосно* или *Сосенъ* (Zossen). Дубецкіе Славяне занимались въ XIV вѣкѣ торговлей лѣсомъ. Сосенская земля раздѣлялась до XVI вѣка на двѣ половины, нѣмецкую и славянскую; у города Сосна былъ хызт.

¹⁾ Въ близкой Цане (на сѣверовост. отъ Витенберга) упоминаются еще въ половинѣ XIV вѣка «славянскія гуѣы» (*schepel korne, dat man von den seldeschen houen ghiift*).

²⁾ Поучительна въ этомъ отношеніи подробная карта древней стодорской или гавольской земли и Сухи въ III томѣ книги Фидицина (Territorien). Карта представляетъ страну еще во время славянскаго періода, до нѣмецкой колонизаціи; страна на половину покрыта водами (рѣками, озерами, болотами) и лѣсами, и довольно значительнымъ числомъ селеній съ славянскими названіями. Съ этой картой срв. историческую карту Средней Марки 1150—1250 гг., помѣщенную въ книгѣ Клёдена (*Klōden: Entstehung der städte Berlin u. Kölln*).

въ часто упоминаемой земской книгѣ бранденбургской 1375 года. (Пригницъ въ ней подробно не описанъ). Во время составленія той книги бранденбургскія земли были уже почти совершенно онѣмечены; Славяне доживали свое время лишь въ немногихъ хъзахъ и селахъ, и означаются въ книгѣ прямо какъ „Славяне“. Мѣста съ славянскими названіями были тогда уже давно заселены Нѣмцами или онѣмеченными Славянами. Замѣтимъ, что нельзя считать всѣхъ мѣстъ съ нѣмецкими названіями того времени — первоначально нѣмецкими; ибо послѣ водворенія нѣмецкаго владычества въ гавольскихъ странахъ Славяне поселялись иногда тоже во вновь основанныхъ селеніяхъ съ нѣмецкими названіями. Но не смотря на это обстоятельство, можно вообще сказать, что славянскія названія селеній въ земской книгѣ представляютъ все-таки первоначальную колонизацію славянскую; къ нимъ надо причислить и тѣ немногія селенія, хотя и съ нѣмецкими названіями, но прямо означенныя какъ „славянскія“. Мѣста же съ нѣмецкими названіями представляютъ—вообще говоря—колонизацію нѣмецкую. По земской книгѣ 1375 г. оказывается, что тогда было

	селеній вообще: (кромя городовъ)	съ славянскими названіями:
въ гавольской землѣ	103	75
въ Сухъ	103	60
въ тельтовской землѣ	93	43
въ барнимской землѣ	195	70

И такъ видимъ, что въ гавольской землѣ и въ Сухъ, въ обѣихъ вмѣстѣ, первоначальная колонизація славянская заняла *двѣ трети* мѣстъ, послѣдующая же за тѣмъ нѣмецкая—*одну треть*, въ тельтовской землѣ слав. колонизація—одну (меньшую) *половину*, нѣмецкая же—другую (большую) *половину*; въ барнимской землѣ напротивъ слав. колонизація выражается только *одной третью*, нѣмецкая — *двумя третями*. Нѣмецкая колонизація, стало быть, усиливается по направлению къ востоку; восточныя менѣе заселенныя страны стодорской земли, между Гаволой и Одрой, наполнились нѣмецкими колоніями больше, чѣмъ западныя¹⁾. Подобное этому явленіе видимъ

¹⁾ Приведемъ хотя одинъ примѣръ быстрой германизации тѣхъ странъ. Въ 1300 г. маркграфъ утверждаетъ монастырю въ Фридландѣ (на Одрѣ) oppidum Vredeland, molendinum Nuvunmollen cum piscina, quae *dicitur* vulgariter appellatur, stagna apud Pronesthagen, campum Kaprow, villas Slawe (Slawen), Dameraw, Borneke, Barne, Lubeneke, Morczane, Ringenwolde, Mertenstorp, Luderstorp, Bysterstorp, Lowenberg, Beirstorp, Ladeborch, molendinum Dornebusch.

и въ сѣверныхъ окраинахъ гавольской земли, въ полосѣ, тянущейся отъ впаденія Досы въ Гаволу на востокъ и сѣверо-востокъ по Рину къ верхней Гаволѣ. Здѣсь было нѣсколько малыхъ земель,—съ городами, мѣстечками, замками,—еще со времянь славянскихъ. Въ самой западной изъ этихъ земель, въ *рыновской*, всѣ селенія носятъ славянскія названія, кромѣ одного; въ земляхъ *ерисецкой* и *блѣинской* встрѣчается тоже самое; въ *линской* землѣ (гдѣ городъ Кремень) половина селеній называется по славянски, половина по нѣмецки; наконецъ въ землѣ *левербергской*, на верхней Гаволѣ, почти всѣ селенія—кромѣ одного или двухъ—носятъ нѣмецкія названія (—dorf,—berg,—feld etc.); здѣсь, какъ уже выше сказано, еще въ XV вѣкѣ (1460) упоминаются фламандскіе крестьяне (fleminge buge).

Въ смежныхъ съ Сухой и Тельтовомъ, земляхъ бѣльской и ютробожской, нѣмецкая колонизація—судя по мѣстнымъ названіямъ—оказывается значительной. По матрикулу епархіи бранденбургской 1459 г. препоzitура ютробожская считала гораздо больше селеній (городовъ, мѣстечекъ и селъ) съ нѣмецкими названіями (31), чѣмъ съ славянскими (13); въ малой препоzitурѣ бѣльской было 5 селеній съ слав. названіями, 4 съ нѣмецкими.

Если припомнимъ себѣ все здѣсь сказанное о нѣмецкой колонизаціи въ земляхъ стодорскихъ, и если сравнимъ это съ разсказомъ лѣтописца Гельмольда о громадномъ переселеніи въ епархіи гавельбергскую и бранденбургскую нѣмецкихъ и нидерландскихъ колонистовъ, и о повсемѣстномъ изгнаніи Славянъ⁴⁾: то мы должны повторить объ этомъ лѣтописцѣ то, что сказано выше въ очеркѣ германизации Старой Марки. Гельмольдъ слишкомъ увеличилъ нѣмецко-нидерландскую колонизацію въ странахъ полабско-гавольскихъ, и его слова о повсемѣстномъ изгнаніи Славянъ—приведенныя въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія—характеризуютъ положеніе дѣлъ между Лабой и Одрой не такъ, какъ оно было въ XII вѣкѣ, а скорѣе, какъ оно было уже въ позднѣйшихъ временахъ.

Бранденбургскіе маркграфы, утвердившись на Гаволѣ и Финавѣ, стали распространять свое владычество и дальше на сѣверъ и на

⁴⁾ Deficientibus sensim Sclavis (Albrechtus Ursus) misit Trajectum et ad loca Reno contigua, insuper ad eos, qui habitant juxta Oceanum, videlicet Hollandros, Selandros, Flandros, et adduxit ex eis populum multum nimis et habitare eos fecit in urbibus et oppidis Sclavorum. Et confortatus est vehementer ad introitum advenarum episcopatus Brandenburg. nec non Havelberg., eo quod multiplicarentur ecclesiae et decimarum succresceret ingens possessio. (Chron. Sclav. I. c. 88).

востоку, отнимая у князей поморских и польских все больше и больше областей. До половины XIII вѣка присоединены къ бренденбургскимъ владѣніямъ земли *Ратарей* (*старгардская*), *Украянь*, *любучская*, и въ послѣдующихъ за тѣмъ десятилѣтіяхъ и поморско-польскія земли за Одрой, по Вартѣ и Нотеци до Дравы и Рѣки (Реги), такъ называемая *Новая Марка*.

III.

Р а т а р е ¹⁾.

Между верховьями Гаволы, озеромъ и рѣкой Доленцой и полой озеръ на границѣ укерской земли, жило лютическое племя *Ратарей*. Въ ихъ землѣ находилась святыня балтійскихъ Славянъ, Радигощъ. Во второй половинѣ XII вѣка земля Ратарей—равнымъ образомъ какъ и сосѣднихъ Доленчанъ и Чрезпѣнянъ—досталась князьямъ поморскимъ. Въ 1170 и 1182 гг., стараніемъ поморско-лютическихъ князей Казимира и Богуслава, возникъ на сѣверозападномъ концѣ доленскаго озера въ *Бродѣ* премонстратскій монастырь. Бродскій монастырь основанъ для окрестнаго „невѣрующаго народонаселенія“ (*incredulae gentis*), и пожалованъ множеству селъ, расположенныхъ около доленскаго озера отъ верховьевъ Гаволы (озера Воблеска, нын. Woblitz) на сѣверовостокъ за доленское озеро, въ землѣ ратарской, отчасти и доленской ²⁾. Всѣ мѣста носятъ славянскія названія: городъ Востровъ, села Воютинъ, Каменица, Вогардинъ, Халупы, Пацелинъ (позже Пенцлинъ, срв. поль. Pęcław, Penczlice), Волкацинъ, Круковъ, Вилимъ, Старгардъ, Подолинъ, Выгонъ, Ровно, Прилбице (-чи) или Прилубице (Priulbiz, нын. Prilwiz, срв. поль. Przyłubie, Przyłubsko), Рыбаки, Чапле, Немировъ, Малковъ и др.; въ южной части ратарской земли около озера липицкаго до верховьевъ Гаволы—была земля Хотибъзь и разныя села, въ ихъ числѣ и пустыни (*desertae*). Бродскіе же монахи начали и германизацию ратарской земли, и монастырскіе подданные, „Славяне и Нѣмцы“ (*tam Slavi quam Teutonici*), были освобождены отъ разныхъ земскихъ повинностей.

¹⁾ Грамоты въ Codex diplom. Brandenburg., Meklenburg. urkundenbuch, Codex Pomeraniae diplom., Boll: Geschichte des landes Stargard (Neu-Strelitz 1846, 2 th.), Jahrbücher für meklenb. geschichte.

²⁾ Жалованную грамоту 1170 г. считаетъ Клемшинъ подложной, составленной до 1244 г. Какъ бы ни было, насъ интересуютъ больше встречающіяся въ грамотѣ географ. названія.

Въ 1236 г. земля Ратарей или, какъ тогда уже она называлась, земля старгардская (terra Stargard), и нѣкоторые прилежащіе округи, именно земли востровская и „безерицкая“ (мезерѣцкая?),— достались маркграфамъ бранденбургскимъ, въ началѣ же XIV вѣка (1304)—Мекленбургу. Съ бранденбургскимъ владычествомъ германизация страны значительно усилилась. Въ старгардскую землю перешли многіе бранденбургскіе дворяне, васалы маркграфа; они продолжали называться по своимъ прежнимъ усадьбамъ (Бертиковъ, Бланкенбургъ, Плате, Шваненбеке и пр.), или принимали названія по своимъ новымъ имѣніямъ въ старгардской землѣ (Генцковъ, Пекатель, Ребергъ и др.). Въ ряды этихъ васаловъ вступили тѣ немногіе славянскіе шляхтичи, которые остались въ тѣхъ странахъ; такими были несомнѣнно тѣ шляхтичи востровской земли (domini, milites et feudales in terra Wostrowe), которыхъ поморскій князь Вартиславъ—уступая старгардскую землю Бранденбургу—рекомендуетъ новымъ ея владѣльцамъ, маркграфамъ. Въ числѣ славянскихъ шляхтичей старгардской земли были именно *Даргашы* (Dargaz, Dargats, milites dicti D., сокращено изъ Даргославъ), переселившіеся сюда вѣроятно изъ сосѣднихъ бодричскихъ земель, и упоминаемые въ юговосточномъ углу старгардской земли до начала XIV вѣка; одинъ изъ этихъ Даргашей носитъ еще во второй половинѣ XIII вѣка (1273—1290) славянское имя *Хотъмиръ*; тоже самое имя встрѣчается позже (1339) и въ родѣ Левенбергъ. Были-ли позже и въ старгардской землѣ встрѣчающіеся *Рябы* (Riebe) славянскаго происхожденія, или назвались они по селу, не знаемъ; но что они понимали значеніе своего названія, видно изъ ихъ герба—рыбы.

Постройка и устройство новыхъ городовъ въ старгардской землѣ поручалась—какъ обыкновенно—опытнымъ лицамъ нѣмецкаго происхожденія; новыя городскія общины пожалованы правомъ штендальскимъ и бранденбургскимъ. Такъ возникли города *Фридландъ* (1244), *Новый Бранденбургъ* (1248), *Гмихень* (*Лихень*), *Старгардъ* (1259) и *Вольдекъ*. Славяне упоминаются только въ Фридландѣ; они подчинены были особому судѣ княжескому (judicium Sclavorum, quos speciali nostro judicio seu advocati nostri.. volumus tam intra civitatem quam extra utiliter subjacere, 1244). Впослѣдствіи Славяне въ Фридландѣ уже не встрѣчаются, и въ подтвердительной грамотѣ фридландской 1304 г. судъ Славянъ уже не упоминается.

О сельскомъ славянскомъ народонаселеніи знаемъ мало; оно встрѣчается, какъ мы видѣли, именно въ сѣверномъ углу старгардской земли около Фридланда. Изъ отдѣльныхъ „славянскихъ“ селъ извѣстны Немировъ у доленскаго озера (Nemigowe Parva sive Slavicalis 1273—1298), и Ромеловъ у Фридланда (Slavicalis Romelowe 1308); у Прилубицъ встрѣчается село Wendfeld. Память о Славянахъ въ старгардской землѣ сохранилась въ названіи большихъ сѣтей на доленскомъ озерѣ, *неводы* (retia magna quae niwade vulgariter pincipantur, 1271), и въ „славянскихъ гуфахъ“ (wendesche hufe), извѣстныхъ еще въ XIV вѣкѣ (1358 г.) въ окрестностяхъ города Везенберга близъ озера Воблеска. Былъ ли упоминаемый (1389) въ селѣ Вербиѣ у Старгарда крестьянинъ Johannes Slouen—„Словѣнинъ“, или какой-нибудь Нѣмецъ Словенъ, Шловенъ—трудно рѣшить.

Нѣмецкіе колонисты прибыли въ старгардскую землю преимущественно изъ бранденбургскихъ владѣній, и многія названія мѣстъ въ Старой Маркѣ повторяются и въ старгардской землѣ. Нѣмецкую колонизацію поддерживали, разумѣется, духовенство, монастыри. Въ самомъ сѣверовосточномъ углу старгардской земли были въ 1267 г. два села гавельбергскаго епископа, съ нѣмецкими названіями, Schopenhusen, Bischofedorp. Бродскіе монахи воспользовались позволеніемъ заселять свои имѣнія Славянами и Нѣмцами, и до конца XIII и начала XIV вѣка, въ числѣ монастырскихъ селъ, было нѣсколько съ нѣмецкими названіями (Ankershagen, Freidorf), одно же Wendorf. Кромѣ бродскаго монастыря, были здѣсь два цистерціанскихъ монастыря, жепскій въ *Вѣжкѣ* (Wansik, Wanzka, срв. польск. Weże, Weżyk), основ. въ 1290 г., и мужской *Coeli Porta* (Himmelpforte) у Лихена, основ. въ 1299 г.; наконецъ коменда Іоаннитовъ въ *Немировѣ*, осн. въ 1298 году. Вѣжецкій монастырь владѣлъ многими селами въ сѣверной половинѣ старгардской земли до границъ Поморья и Укра; всѣхъ селъ, принадлежавшихъ монастырю всецѣло и отчасти, было 35; въ ихъ числѣ 22 съ славянскими названіями (Вѣжекъ, Чеховъ, Мѣховъ, Колпинъ, Ратае, Кобылянки, Лица, Доберковъ и др.), а 13 съ нѣмецкими (Lubrechtisdorp, Mertinsdorp, Lowenhagen, Willershagen, Schonebeke, Bruswalde и др.). Монастырь *Coeli Porta* владѣлъ 13-ью селами, въ томъ числѣ было 9 съ славянскими названіями; многія урочища въ монастырскихъ имѣніяхъ носятъ въ концѣ XIII вѣка (1299 г.) нѣмецкія прозвища, на пр. лѣсъ Stolpenbruk, болота Vlake Zuzen,

Tiere Zuzen, Grote Lychen, Lutke Lychen, Grote Melne, Lutke Melne, и проч.

Память о Славянахъ въ бывшей старгардской землѣ или въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ-Стрѣлицкомъ—сохранили лишь географическія названія, и—можетъ быть—одинъ народный обычай: въ поляхъ или дѣсахъ на мѣсто, гдѣ погибъ человекъ, проходящіе кладутъ вѣтку, деревцо или палку. Это напоминаетъ обычай Поморянъ XII вѣка класть палки на могилы умершихъ.

IV.

У к р я н е ¹⁾.

На сѣверовостокъ отъ Стодорянъ и на сѣверъ отъ Спрѣвянъ по рѣкѣ Укрѣ—не доходя однако ея устья—жило лютичское племя *Укрянь*, упоминаемое уже въ X вѣкѣ. Первоначальныя границы ихъ земли означить трудно. Въ половинѣ XIII вѣка землю укерскую (terra Ukega) отдѣляли на западѣ рѣка Жарова и рядъ озеръ и болотъ отъ земли старгардской (ратарской), на востокѣ рѣка Локница и болото рандовское отъ Поморья; на югѣ и юговостокѣ рѣка Вильсна — отъ владѣній бранденбургскихъ. Кажется, что первоначально къ Укрѣ принадлежали тоже земли на югѣ отъ означенной границы, между верхней Гаволой, Финавой и Вильсною, которыя впоследствии и причислены къ Укрѣ и составляютъ ея часть до сихъ поръ. Старинные города здѣсь были *Премыславъ* и *Поздивомъжъ*. Съ первой половины XII вѣка земля Укряпъ сдѣлалась частью поморскаго княжества, и управлялась кастелянами князя поморскаго.

Маркграфы бранденбургскіе, водворивъ свое владичество на Гаволѣ, стали его распространять и на сѣверъ. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка они съ успѣхомъ воевали съ Поморянами, и отнимали у нихъ земли за верхней Гаволой и за Финавой до рѣки Вильсны, землю старгардскую; наконецъ въ половинѣ XIII вѣка (1250 г.) приобрѣли и землю укерскую.

Гермапизація Укры началась еще до бранденбургскаго въ ней владительства, во времена поморскія. Уже тогда, въ теченіи первой половины XIII вѣка, въ Укру перешло значительное количество нѣмецкихъ дворянъ и колонистовъ; основаніемъ же нѣмецкаго го-

¹⁾ Грамоты Riedel: Codex diplom. Brandenb., A. XIII. XXI; Landbuch. d. m. Brandenburg.

рода Премыслава (Prenzlau, 1235 г.) положено начало нѣмецкой городской жизни. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія этого города, находившійся отъ него на югъ дремучій лѣсъ носитъ нѣмецкое названіе (silva quae laica lingua Vkersche wolt dicitur, 1239). Еще до присоединенія Укры къ Бранденбургу являются въ ней роды нѣмецкихъ дворянъ, прибывшіе преимущественно изъ смежныхъ бранденбургскихъ земель, изъ Средней и Старой Марки. Эти роды основали въ новой своей странѣ селенія, прозванныя по старымъ въ прежней родинѣ, и продолжали употреблять названія по нимъ; на пр. роды Bertikow, Jagow, Schönwalde, Hindenburg, Eichstädt; другіе назвались по вновь основаннымъ или приобрѣтеннымъ имѣніямъ, Blingow, Boytzenburg, и др. Съ водвореніемъ бранденбургскаго господства въ Укрѣ—привлѣчь нѣмецкаго дворянства еще усилился; являются роды Stegelitz (селеніе въ старой Маркѣ, и въ Укрѣ ок. 1269 г.), Greifenberg (до 1261, назвавшійся по городу), Blankenburg (замокъ у Грамцова; Anselmus de B. васаль съ начала поморскій, потомъ бранденбургскій), Markgrafendorf (у Ангермюнде, Anno de M. 1287), Kokstede (Kaakstedt, родъ изъ Ангальта, основатель селеніе К. въ Укрѣ, гдѣ является ок. 1270), роды Sysemerow, Gtunow, Holzendorf, и др. О шляхтѣ укерско-славянской, послѣ присоединенія Укры въ Бранденбургу, неимѣется уже никакихъ положительныхъ извѣстій; только въ 1258—1267 гг. упоминается около Хорина (на сѣверъ отъ Финавы) земле-владѣлецъ *Босъ* или *Божеъ* (allodium domini Bоз),—судя по имени безъ всякаго предиката—Славянинъ. Оставшаяся шляхта славянская въ Укрѣ сдѣлалась, какъ и въ другихъ земляхъ бранденбургскихъ, васалами маркграфа, приняла по своимъ владѣніямъ новыя фамиліи, и отмѣчалась.

Города въ Укрѣ основаны или на мѣстѣ древнеславянскихъ городовъ или совершенно вновь. Первая нѣмецкая городская община по праву магдебургскому въ Укрѣ основана, какъ уже выше сказано, еще во время поморскаго владычества (1235 г.), въ старинномъ городѣ *Премыславъ* (Prenzlau). Мѣщане были съ самого начала Нѣмцы; такъ 1235 г. Walterus, Jordanus, Willikinus, Esykus, Henricus, Elias, Paulus de Stendal; во второй половинѣ XIII вѣка: Johannes, Betheko, Henricus Rufus, Gerhardus de Bismarke, Henricus de Lughe, Albertus de Brunswich, Johannes de Brunne, Johannes de Kolene, Joh. de Niendorp, Henr. Tabbard и др. Такъ было и въ остальныхъ городахъ и мѣстечкахъ, основанныхъ въ теченіи

второй половины XIII вѣка, какковы были *Штрасбургъ*, *Темпликъ*, *Цеденикъ* (Цетники), *Амермюнде*, *Грейфенбергъ*, *Шведтъ* (Свѣтъ), *Столтъ*, *Бойценбургъ*, *Брусовъ*, *Одербергъ*. О Славянахъ въ самыхъ городахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ. Только въ нѣкоторыхъ городахъ находимъ хызы. Такъ былъ въ Одербергѣ хызъ рыбаковъ (*tuguria piscatorum* 1288, *vicus qui dicitur kiz* 1808); въ окрестностяхъ города упоминаются Славяне еще въ первой половинѣ XV вѣка; съ нихъ брать одербергскій фогтъ три копы грошей (*van den Wenden ingnomen 3 schog*, а. 1430). У города Шведта хызъ сохранился до сихъ поръ.

Нѣмецкую колонизацію вѣ городовъ производили дворянство и духовенство, особенно монастырское. Монастыри, премонстратскіе, цистерціанскіе, бенедиктинскіе, мужскіе и женскіе, появляются въ Укрѣ съ половины XII вѣка, въ Грамцовѣ, Хоринѣ, Премыславѣ, Цеденикѣ, Зегаузенѣ, Мариенфорте (*Porta S. Mariae*) у Бойценбурга. Около послѣдняго (осн. 1269 г.) упоминаются уже въ теченіи второй половины XIII вѣка многія села съ нѣмецкими названіями, *Marienvlete*, *Hessenhagen*, *Vredenwalde*, *Claushagen*, *Hardenbeke*, *Berkholte*, *Crichelndorpe*. Названіе села *Vlemindorp*, *Vlemyschdorpe* (1293, 1354) у Ангермюнде, указываетъ на нидерландскихъ колонистовъ и въ этой отдаленной странѣ славянской. О постепенной германизации Укры можемъ себѣ составить приблизительное понятіе особенно въ странѣ на сѣверномъ берегу Фиваны около Одерберга, въ странѣ, которая, какъ выше сказано, перешла подъ владичество бранденбургское уже въ началѣ XIII вѣка. Здѣсь, въ землѣ называемой по славянски *Липана* (*in terra quae slavice Lipana nuncupatur*), у села Барздина, на островѣ озера, основанъ премонстрат. монастырь (1231 г.), наименованный *Городъ Божій* (*claustrum novum quod Civitas Dei dicitur, quod quondam slavice Barzsdin dicebatur*, а. 1233). Позже (ок. 1258 г.) монастырь и его имѣнія отданы цистерціанцамъ прибывшимъ изъ Ленина (въ Сухѣ), и монастырь переведенъ въ близкій *Хоринъ*. Во время передачи монастыря цистерціанцамъ и въ послѣдующихъ затѣмъ годахъ, въ его окрестностяхъ находились села, частью съ славянскими, частью съ нѣмецкими названіями; по нѣмецки назывались также, по крайней мѣрѣ официально, со стороны самого монастыря, — нѣкоторыя озера и урочища. Были здѣсь села *Barsdyn*, *Paliz*, *Plawe*, *Brodewin*, *Chorin*, *Lipe*, *Brizeke*, *Rogosene*, *Goltiz*, *Seruetiz*, *Creye*, *Lubechov*, *Cythene*, *Pinov*; *Buccolt*, *Jordanstorp*, *Nyendorp*, *Lichter-*

uelde, Hertsprunge, Cocstede, Scouremarke, Konkendorp, мѣсто,— вѣроятно бродъ,—называемое Santvord, озера Crummense, Brodewinschese, Wittense, Duuelse и др.; наконецъ, въ тѣхъ странахъ, на лѣвомъ берегу Финавы, упоминается „могила Славянъ“ (sepulchrum Slavorum, а. 1258). Изъ этихъ селъ называются прямо „славянскими“ Рогозно (villa slavicalis R., 1273) и два села Липы (duae slavicales villae Lipa inferior et L. superior, а. 1308); село Щитно (Szutene) раздѣлилось на двѣ общины, и „малое Щ. (parva Cz.)“— стало быть славянское — было уже въ началѣ XIV вѣка. Кромѣ этихъ были здѣсь другія, ближе по именамъ неозначенныя, селенія „славянскія“, отчасти новаго происхожденія. Нѣкоторыя изъ нихъ принуждаемы были платить извѣстную подать сосѣднимъ, не своимъ церквамъ; это злоупотребленіе прекратилъ самъ епископъ бранденбургскій (1274 г.), по поводу неудовольствія владѣльцевъ тѣхъ селъ (propter clamorem dominorum slavicarum villarum praecipue in novellis plantationibus). Между прочимъ тогда (1274 г.) и село Рогозно, „нѣкогда славянское“ (villa R. quondam slavicalis), освобождено отъ доставленія извѣстнаго количества хлѣба священнику въ Брезкахъ (Briceke), а причтено въ церкви хоринской. Рогозно называется тогда (1274 г.) уже селомъ „нѣкогда славянскимъ“ (villa R. quondam slavicalis, а годъ тому назадъ было еще villa slavicalis); это объясняется тѣмъ, что „жители его удалены“ (eo quo. inhabitatores dictae villae sint amoti). Какимъ образомъ произошло это удаленіе, не знаемъ; вѣроятно хоринскій монастырь присоединяя Рогозно къ Хорину, произвелъ экспроприацію рогозенскихъ крестьянъ за извѣстное вознагражденіе. Названіе „славянскаго“ осталось за Рогозномъ однако нѣсколько лѣтъ, и еще черезъ два года оно носить это названіе (villa slavicalis Rogosene, а. 1276). Жители обоихъ славянскихъ селъ Липъ имѣли (въ началѣ XIV вѣка) общую ловлю рыбы съ жителями Одерберга и тамошняго князя; рыбацкія орудія носятъ однако уже нѣмецкія названія (vlote, gusen, rouarde, clefnette), впрочемъ по всей вѣроятности только по винѣ писавшаго грамоту, Нѣмца. „Славянской“ называется Липа,—но только уже одна,—еще въ земской книгѣ бранденбургской (1375 г., Lupa est villa slavica); тогда село состояло изъ 23 домовъ и платило подать деньгами.

Кромѣ Рогозна и Липы, „славянскія“ села или одни ихъ слѣды упоминаются въ разныхъ странахъ Укры. У Цеденика въ началѣ XIV вѣка (1323 г.) были села Мостице славянскія (Mostiz quae dicitur

slavicalis, Wendesse-Mustiz) и нѣмецкія (Deutsch-Must); память о Славянахъ сохранили названія урочищъ у самаго города, Wendemarck (1281, 1299), и Wendorf, wüste feldmark (1536 г.). Въ *Луновъ* и *Стольтенгагенъ*, двухъ селахъ между Одербергомъ и Ангермюнде, были славянскіе хызы, стало быть славянскіе жители сель избрали себѣ—съ прибытіемъ нѣмецкихъ колонистовъ—особыя мѣста пребыванія; въ Луновѣ хызъ прямо называется „славянскимъ“ (vicus slavicalis qui vulgariter khysz vocatur a. 1315, vicus prope villam L. a. 1375), въ Стольтенгагенѣ хызъ носятъ обыкновенное тогда названіе vicus (1375 г.). Въ Дренсе (срв. польск. Drgzewo, Drgzew) у Премыслава, въ XIV вѣкѣ, память о хызѣ сохраняло уже одно только поле (area kutz 1375). У Бойценбурга было славянское село Чапле (Czabele slavicalis villa 1289). Названіе роци „Wendorf“ у Козлова (у гор. Брусова, 1483 г.) и двора въ Нидемѣ (у Поздволка 1416 г.) — можетъ быть остаткомъ либо славянскихъ жителей, либо отдѣльнаго Славянина, или только лица съ прозвищемъ Wend. Въ селѣ *Щеличахъ* (Stegelitz, срв. польск. Szczeglice) близъ источниковъ Укры, упоминается еще въ XIV вѣкѣ (1375) одинъ крестьянинъ Reslaw (вѣроятно Раславъ, Радославъ), судя по имени, Славянинъ; остальные его односельцы носятъ названія въ родѣ Otto Kruger, Peter Slerkow и пр. Но больше всего сохранились славянскія селенія—какъ бы продолженіе финавскихъ—на границѣ Поморья по Одрѣ между Свѣтомъ и Столпомъ (slavicae villae—wendesche dorpe—juxta fluvium Oderam Czutzen, Crywen, Schonemberge, item aliae slavicae villae quae sunt inter Sweit et Stolp, 1354—1370); эти славянскія селенія, занятія по большей части рыбаками, назывались еще въ XV вѣкѣ хызарскими (ketzerdörfer).

Если—по выше приведеннымъ правиламъ—сравнить отношеніе первоначальной славянской колонизаціи въ Укрѣ къ послѣдующей за ней нѣмецкой, то, по земской книгѣ бранденбургской, оказывается, что въ Укрѣ было въ XIV вѣкѣ—кромѣ городовъ—163 селенія, и въ ихъ числѣ 100 съ славянскими названіями. Новая нѣмецкая колонизація, стало быть, простиралась на *треть* земли ¹⁾.

¹⁾ Въ нижнемъ *Uckermark* (названіе вошедшее въ употребленіе съ 1464 г.)—исключая окрестности Павевалка и Торгелова, отошедшихъ къ Помераніи и съ уѣздомъ лихенскимъ, составлявшимъ прежде часть старгардской земли—представляется это отношеніе слѣдующимъ образомъ: въ округѣ *Преницлау* всѣхъ селеній (исключая города и новыя села) 111, въ ихъ числѣ 69 съ сла-

Интересно, что этот дуализм народонаселения Укры въ сѣдней Помераніи и въ другихъ странахъ помнилъ долго, до конца прошлаго вѣка, а можетъ быть помнѣть до сихъ поръ. Слово „uekerwendsk“ (т. е. укерско-славянское) означало для онѣмеченныхъ Поморянъ вещи и рѣчи непонятныя, странныя ¹⁾.

V.

Любушская земля ²⁾.

Окрестности стариннаго польско-силезскаго города Любуша (Lebus) на Одрѣ достались окончательно—послѣ мимодетнаго его завоеванія Нѣмцами (1109 г.) и притязаній на него разныхъ нѣмецкихъ господъ—въ половинѣ XIII вѣка (1249—1250) маркграфамъ бранденбургскимъ и архіепископу магдебургскому, который однако въ теченіи второй половины XIII вѣка уступилъ свою часть маркграфамъ. Такимъ образомъ владѣнія бранденбургскія переступили Одру: ибо *любушская земля* простиралась отъ Лужицъ и Барнима—отъ которыхъ отдѣляли ее рѣки нижняя Спрѣва и ея притокъ Лесница—на востокъ за Одру по южному берегу Варты до впаденія Нотеци въ Варту.

Германизация любушской земли началась еще до ея занятія нѣмецкими господами, одновременно съ Силезіей, къ которой эта земля и принадлежала. Онѣмеченные польско-силезскіе Пястовичи ни чѣмъ не отличались отъ нѣмецко-бранденбургскихъ Асканцевъ, дѣйствуя съ послѣдними за одно въ германизационномъ направле-

ванскими названіями; въ окр. *Амермюнде* всѣхъ сел. 74 съ слав. назв. 43; въ окр. *Темпльнъ* всѣхъ сел. 93, съ слав. назв. 45. Всего 157 сел. съ слав. назв. и 121 съ нѣмецкими названіями.

¹⁾ «Dat is een uekerwendsk snakk. — das ist unverständlich und wunderlich gesprochen, объясняетъ Dähnert (Plattdesches wörterbuch, nach der alten u. neuen pommerschen u. rügischen mundart, Stralsund 1781). Тоже самое значеніе имѣетъ слово «uekerwendsch», «uekerwendsch» и въ Гольштейнѣ и въ Старой Маркѣ—unverständlich, kauderwälsch, regellos. (Schütze: Holsteinisches idiotikon (Hamburg u. Altona 1800—1806), Danneil: Wörterbuch der altmärkisch—plattdeutschen mundart (Salzwedel 1859). Это «uekerwendsk» соответствуетъ, стало быть, известному «böhmische dörfer» смежныхъ съ Чехами Нѣмцевъ.

²⁾ Грамоты Riedel: Cod. diplom. Brandenburg. A. IX. XX. XXIII; Wohlbrück: Geschichte des ehemaligen bisthums u. landes Lebus (Berlin 1829—32, 3 th.). Любушская земля была частью Силезіи; но такъ какъ она рано перешла подъ владычество маркграфовъ бранденбургскихъ, то мы поговоримъ здѣсь и о ея германизации.

ни. Маркграфы нашли почву уже приготовленной и продолжали только, съ свойственной имъ энергіей, начатую польско-силезскими князьями германизацию вновь приобрѣтенной земли.

Въ рядахъ высшаго *духовенства* лица славянскаго происхожденія встрѣчаются только до половины XIII вѣка. Изъ епископовъ любушскихъ несомнѣнно Славянинъ былъ епископъ Прецлавъ (1179 — 1188), препозиты и каноники Прибиславъ, Радославъ, Стрѣза, Борута, Герлахъ, братъ любушскаго шляхтича Мрочка. Но съ половины XIII вѣка Славяне въ тѣхъ кружкахъ уже не встрѣчаются, епископы и каноники—всѣ Нѣмцы, изъ Силезіи, Старой Марки, Гальберштадта, Мерзебурга и пр. Нѣмцами наполнены тоже ордены приобрѣвшіе помѣстья въ любушской землѣ, Тамплиеры и. Иоанниты.

Шляхта любушская до половины XIII вѣка тоже была славянская, польская. Она, а именно высшая шляхта, называлась еще въ половинѣ XIII вѣка стариннымъ словомъ славянскимъ, *жупаны*: „князь Болеславъ съ жупанами“ (dux Boleslaus Slesiae et Poloniae cum supanis), „жупаны и всѣ земляне любушскіе“ (supani et omnes proprietatem in terra Lubus habentes)—вотъ какъ означается любушская шляхта еще въ половинѣ XIII вѣка (1249 г.). Одинъ изъ первыхъ землянъ любушскихъ былъ *Мрочекъ* (comes Mrochco), владѣлецъ обширной вотчины Sulench, Zulenche (нын. Zielenzig ¹⁾), состоявшей изъ самаго города и селъ между Любушемъ и Сѣтковомъ. Со времянь бранденбургскаго владычества прибывало въ любушскую землю много нѣмецкаго дворянства, и въ теченіи второй половины XIII вѣка упоминаются здѣсь рыцари Strehle, Klerzig, Zabel, Werben и др. Эти вновь прибывшіе дворяне приобрѣтая помѣстья по феодальному праву, стали принимать по нимъ и фамиліи; такіе были von Beerfelde, Eychendorf, Golitz, Lossow, Oinitz Selow, Storkow, Wulkow и др. Въ рядахъ этихъ васаловъ исчезли остатки славянской шляхты, о которой съ половины XIII вѣка нѣтъ и помину.

Зачатки *городской* жизни по устройству нѣмецкому въ любушской землѣ—стали появляться еще въ концѣ силезскаго въ ней владычества. Въ 1232 г. основанъ изъ силезскаго монастыря лю-

¹⁾ Настоящей славянской формы этого названія угадать не умѣемъ; кромѣ вышеприведенныхъ двухъ формъ встрѣчаются и Sulenzec, Zelenceke и пр. Срв. польское Zielęcín (Zielencin), Sulencin (Suleńcin).

бѣшскаго (monasterium Lubense) городъ *Любтинъ* (civitas Lubes, срв. польск. Lubieszka); переименованный уже черезъ годъ въ Municheberg; черезъ нѣсколько лѣтъ (1245) князь Болеславъ пожаловалъ ему нѣмецкое право (ut oppidum, quod nunc Monichberch appellatur, forum haberet et jus teutonicum). Къ числу городовъ или скорѣе мѣстечекъ, въ то время вновь устроенныхъ, можно отнести вышеупомянутый Zielenzig (civitas a. 1244), и вѣроятно также старинный славянскій городъ Любушь. Съ половины XIII до начала XIV вѣка, число нѣмецкихъ городовъ все больше увеличивалось. Основаны города вновь, или же на мѣстѣ славянскихъ городовъ или селеній, *Франкфуртъ* (1253), *Молразе* (Mülrose, вѣроятно Малоразъ или Милоразъ, до 1268 г.), и оба пожалованы правомъ берлинскимъ; дальше города и мѣстечки *Фюрстенгладе*, *Зеловъ*, *Дроссенъ* (ст. *Осне*, срв. польск. Osno), *Штернбергъ*, *Ретинъ*, *Горица*, *Зонненбургъ*, *Кёнигсвалде*. О славянскомъ населеніи этихъ городовъ не знаемъ ничего; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ упоминаются хызы, то можно предполагать, что славянскіе горожане избрали себѣ эти новыя мѣстопробыванія. Такіе хызы встрѣчаемъ въ Любушѣ (stadt u. kytz, kyas; castrum, oppidum et vicus piscatorum, qui vulgariter kys nuncupatur, 1354—1400 гг.), въ Франкфуртѣ (die kiser u. fischer die uf dem kiese wonen, 1516 г.), въ Горицѣ (1400 г.), въ Зонненбургѣ (schlosz, städtchen u. kietz, 1460). Какъ долго эти хызари сохранили свою славянскую народность, не знаемъ; франкфуртскіе хызари носятъ въ XVI вѣкѣ уже нѣмецкія фамиліи. Городъ Франкфуртъ отличался тоже нетерпимостью противъ Славянъ; въ нѣкоторые цехи (beutler, weissgerber, senkler) принимали только того, кто былъ происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго (deutscher art u. nicht wendisch, 1507); да еще раньше (1485 г.) городская дума даетъ одному сапожнику, который хотѣлъ поселиться въ лужицкомъ Бесковѣ, свидѣтельство, что онъ коренной Нѣмецъ уже въ четвертомъ колѣнѣ (von alle seynen vier anhenen rechttere deutscher art).

Нѣмецкая колонизація въ селахъ въ любушской землѣ производилась такъ, какъ и въ другихъ сосѣднихъ странахъ славянскихъ, бранденбургскихъ, польскихъ и др. Села или основывались вновь или преобразовывались по праву нѣмецкому (jure teutonico); основатель приглашалъ нѣмецкихъ колонистовъ (qui terram incultam perducunt ad fructum, 1252), или принималъ славянскихъ старожиловъ на другихъ условіяхъ, и получалъ за то должность и вы-

годы наслѣдственнаго леннаго шульца. Нѣмецкая колонизація въ землѣ любушской началась по инициативѣ двухъ *силезскихъ монастырей*, трембницкаго и любѣнскаго. Оба монастыря, получивъ отъ князя поземельные участки въ западномъ углу любушской земли, на границѣ барнимской земли (1224 г.), стали здѣсь производить нѣмецкую колонизацію. Монахи любѣнскіе основали здѣсь, какъ выше сказано, городъ Любѣшь или Мюнхебергъ (Мюнхебергъ), около котораго скоро возникли и нѣмецкія селенія; въ 1244 г. упоминаются здѣсь села Henrikestorp, Marquardestorp, Tempelberg. Монастырь трембницкій основалъ (до 1244 г.) въ тѣхъ странахъ тоже нѣмецкія села, Требницу, Jansuelde, Bscholt, Goleistorp. Одновременно съ этой колонизаціей на лѣвомъ берегу Одры, происходила такая же колонизація и на правомъ берегу въ побережьѣ Варты и Нотеци, стараніемъ епископа любушскаго и вышеупомянутаго шляхтича Мрочка. Въ 1241 г. епископъ Генрихъ вмѣстѣ съ своимъ капитуломъ—въ виду разныхъ выгодъ для своей церкви—позволилъ шляхтичу Мрочку и его потомкамъ, въ его обширной вотчинѣ Sulench поселить Нѣмцевъ (Theutonicos locare); всѣхъ поселенныхъ здѣсь по праву нѣмецкому (jure theutonico) епископъ освободилъ отъ десятины, которая платилась по обычаю польскому (поге Polonogum), выговоривъ себѣ только съ каждой гуфы извѣстное количество хлѣба, исключая гуфы шульцовъ, съ которыхъ не взимался ни оброкъ ни десятина.

Любушская земля онѣмчилась, повидимому, очень быстро. Въ пей не находимъ нигдѣ селеній, которыя бы продолжали пользоваться стариннымъ правомъ славянскимъ или польскимъ, какъ это было напр. въ сосѣдней Силезіи; въ 135 селахъ, стало быть въ огромномъ большинствѣ, еще недавно были вышеупомянутые наслѣдственные шульцы (lehnschulzen). Въ ней почти не находимъ даже селеній съ названіемъ „славянское“ (wendisch), какихъ было и есть до сихъ поръ въ сосѣднихъ странахъ славянскихъ довольно много. Память о Славянахъ въ любушской землѣ сохранилъ, кромѣ хызовъ, лишь существовавшій до XVI вѣка „Wendischer hof“ у села Клистова (у Франкфурта, срв. польск. Kleszczów), которое прежде (1400 г.) называлось Малый Клистовъ (стало быть, славянской), и „славянская мельница“ (Wendische mühle) у Балкова до сихъ поръ. Наконецъ, можетъ быть, на Славянъ указываетъ и нѣсколько рыбацкихъ селъ, сохранившихся до сихъ поръ. Замѣтимъ еще, что во второй половинѣ XIII вѣка (1275 г.), въ окрестностяхъ Мало-

раза при ловлѣ рыбы въ озерахъ, употреблялся *неводъ* (*maius rete, quod nyewede in vulgari vocatur*).

Отношеніе первоначальной колонизаціи славянской и послѣдующей за ней нѣмецкой, объясняютъ, какъ часто замѣчено, географическія названія. Правда, самое названіе славянское и нѣмецкое не всегда вѣрный знакъ славянской или нѣмецкой колонизаціи; Славяне могли селиться позже и въ селѣ названномъ по нѣмецки, и наоборотъ, Нѣмцы въ селѣ названномъ по славянски; такъ напр. вышеупомянутое село Требница заселено по всей вѣроятности нѣмецкими колонистами. Но вообще говоря, славянскія названія свидѣтельствуютъ всетаки о славянской колонизаціи, а нѣмецкія о нѣмецкой. По регистру любушской епархіи 1400 г. было въ ней всего 166 селеній (съ городами), въ томъ числѣ 97 съ славянскими названіями. Славянская колонизація выражается, стало быть, *большой половиной* населенныхъ мѣстъ. Тоже самое оказывается, если взять отношенія славянскихъ и нѣмецкихъ названій въ нынѣшней любушской землѣ, т. е. въ уѣздахъ любушскомъ (на лѣвомъ берегу Одры) и штернбергскомъ (на правомъ берегу). Въ первомъ, любушскомъ, находимъ 54 славянскихъ названія, 52 нѣмецкихъ; въ уѣздѣ штернбергскомъ—71 слав. и только 27 нѣмецкихъ; въ землѣ любушской вообще—125 слав. а 79 нѣмецкихъ названій. Изъ положенія селъ съ славянскими названіями, видно, что Славяне поселились въ особенности по рѣкамъ, по Одрѣ и Вартѣ.

VI.

Новая Марка ¹⁾.

Почти одновременно съ завладѣніемъ любушской землей, марграфы переступили Одру, и подвигаясь по сѣверному берегу Варты и Нотеци, распространили до конца XIII вѣка свое владѣчество въ тѣхъ странахъ—поморскихъ и польскихъ—на востокъ до верхней Рѣки (Реги) и за Драву. Эта обширная область, отнятая у Поморья и у Польши, стала называться *землей* или *маркой заодрянской* (*Terra, Marchia Trausoderana*), позже *Новой Маркой* (*Nova Marchia, Neumark*); послѣднее названіе установилось съ начала XV вѣка.

¹⁾ Riedel: Codex diplom. Brandenburg. A. XVIII, XIX, XXIV; Regesta historiae Neomarchicae (*Märkische forschungen*, X, XII); Neumärkisches landbuch v. j. 1337 (ed. Raumer, Berlin 1837, mit 1 karte).

Завоеваніе Новой Марки пошло слѣду
 года приобрѣтена земля кѣнигсбергская
 ок. 1250 г. земли при впаденіи Варты;
 именно земли около Кострина, Бер-
 окрестности Сѣтока и поморская,
 динская); въ 1270—90 гг. лѣси
 (Фридбергъ и Арнсвальде), от
 земли на верховьяхъ Ины
 пенъ, Бернштейнъ, Шиф-
 XIV вѣка владѣнія ма-
 земли Фалькенбергъ,
 буртъ принадлежал
 половины.

, въ Цеден^т
 землѣ), Г
 Особен^т
 кій, с
 Г

Германизаци
 и польскаго
 водвореніе
 фами пр
 васалор
 лись
 пр
 лись отъ именъ основателей-шульцовъ, то названія селъ Razleues-
 торъ, Gotikendorf, Zullishagen, Wentzlafhagen (упоминаемыхъ еще
 въ первой трети XIV вѣка), указывали бы на лицъ славянскаго
 происхожденія, Рацлава, Хотика, Сулиша, Вацлава. Нѣкоторыя
 названія селъ указываютъ на колонистовъ или основателей изъ
 сосѣднихъ бранденбургскихъ земель, на пр. села Jagow, Sydow,
 Mandelkow, и др. Славяне либо оставались въ селяхъ одни, или
 переселились въ села „славянскія.“ Совмѣстное жителство славян-
 скихъ и нѣмецкихъ поселянъ видно хотябы изъ одного примѣра:
 въ селѣ Сѣвиркахъ (Czekeirik) на Одрѣ, недалеко отъ Цетня, въ
 XIV вѣкѣ (1355 г.) жило 14 славянскихъ воеотовъ (крестьянъ)
 и одинъ нѣмецкій (14 kossati slavici qui solvunt annuatim 15 soli-
 dom brandenburg. et 9 denarios, et unus cossatus theutunicus qui
 solvlt annuatim 3 denarios brand.). Особыхъ „славянскихъ“ селъ
 упоминается въ Новой Маркѣ довольно много. Во второй поло-
 винѣ XIII вѣка (1270 г.) епископу бранденбургскому принадле-
 жала городъ Кѣнигсбергъ и 15 окрестныхъ селъ; въ ихъ числѣ
 десять свободныхъ и пожалованныхъ въ ленъ (liberae et infeodatae)—
 стало быть устроенныхъ по праву нѣмецкому—по большей части

В
 1 под-
 ретняя б
 лецки (quosinque
 teutonica).

что новая, нѣмецкая колонизація заняла мень-

ЯЩИХЪ НИ
Крѣпимс
Зѣмля
та:

VII.

Вагры 1).

Голь балтійской Славянщины зани-
сторонъ, на сѣверѣ и на востокѣ,
жилища ихъ простирались за рѣки
ское, доходя здѣсь до жилищъ
сковъ, именно Гользатовъ; на
янь Травна. Вагры, находясь
tius Sclaviae), окруженные
врагами Славянъ, Нѣм-
ка, прославились воин-
въ XII вѣкѣ преданіе,
ство и на сосѣднихъ
др. Вагрія раздѣ-
бургскую, плон-
жили впрочемъ
раницъ Ваг-
лезвигъ, на
Никло-
въ Бѣ-
товъ —
ч бо-
на

—139—
г.), Кос
adonitz 1345), I
villa non habens agr.
(1337 г.) села Диковъ въ земл.
шт ейнской, въ отличіе отъ обон.
имени; наконецъ около Ландсберга на
Чеховъ (slavicalis villa Zehove, 1345). Нѣ-
должалась до начала XIV вѣка; основаніе нов.
ніе пустыхъ мѣстъ имѣлось постоянно въ виду (Vinc
1281, mansi teutonici nondum culti 1312). Колонизація
валась вѣроятно помѣстно и опустошеніемъ страны; такъ на
въ пограничной съ Польшей землѣ бентинской было всего
семь селъ, въ ихъ числѣ два съ нѣмецкими названіями; остальные
шесть, посяція славянскія названія, были уже въ первой половинѣ
XIV в. (1337 г.) пусты (desertae). Съ усиленіемъ нѣмецкаго элемента,
либо вновь прибывающаго либо присвоивавшаго себѣ славянскій,
стали измѣняться и географическія названія, названія разныхъ
урочищъ и пр.; подлѣ старинныхъ названій славянскихъ стали
входить въ употребленіе новыя, нѣмецкія или испорченныя сла-
вянскія. Мы уже выше видѣли, что на пр. городъ Добегитъ въ пе-
реименованъ въ Арнсвальде, хотя славянское названіе было из-
вѣстно еще въ началѣ XIV вѣка; выше упомянутое село Кримвъ
переименовано вѣроятно въ Hansberg (1337 г.); разныя озера и
др. урочища около монастыря гиммельштеттскаго носили, какъ
выше сказано, уже въ началѣ XIV вѣка нѣмецкія и польско-сла-
вянскія названія. Славянскія названія однако скоро исчезаютъ, и
ихъ мѣсто занимаютъ нѣмецкія 1).

1) Интересно на пр. подробное описаніе границъ между Пруссіей, Поль-

Завоеваніе Новой Марки пошло слѣдующимъ образомъ. До 1250 года приобрѣтена земля кѣнигсбергская (еще 1244 г. поморская); ок. 1250 г. земли при впаденіи Варты въ Одру и дальше по Вартѣ, именно земли около Кострина, Бервальде и Ландсберга; ок. 1260 г. окрестности Сятока и поморская земля Хиничи (впослѣдствіи солдинская); въ 1270—90 гг. лѣсистыя земли по правому берегу Дравы (Фридбергъ и Арисвальде), отнятыя у Польши, и смежныя поморскія земли на верховьяхъ Ины и на верхней Регѣ (Шильдбергъ, Липень, Бернштейнъ, Шифельбейнъ). Въ концѣ же XIII и въ началѣ XIV вѣка владѣнія маркграфовъ распространились и за Драву, на земли Фалькенбергъ, Калишъ, Бентинъ, Тенцикъ; земля Темпельбургъ принадлежала маркграфамъ съ начала XIV вѣка до второй его половины.

Германизация этихъ странъ началась еще во время поморскаго и польскаго въ нихъ владычества, а усилилась и окончилась съ водвореніемъ въ нихъ бранденбургскаго господства. Съ маркграфами прибыло въ заодрянскую марку много нѣмецкихъ дворянъ, ихъ васаловъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ Веделы; они назвались такъ по городу и замку Веделу у Реца; ихъ помѣстья лежали преимущественно въ сѣверовосточной части Марки, простираясь до Поморья. Дальше были здѣсь роды Остенъ (около Дрезна на Нотеци), Зидовъ (Sydow), Ухтенгагенъ, Марвицъ, Брунковъ, Кирковъ, Виннингъ, Гюнтерсбергъ, Гольцъ и др., всѣ роды нѣмецкіе, отчасти изъ земель бранденбургскихъ, отчасти изъ другихъ нѣмецкихъ странъ; такъ напр. Веделы происходят вѣроятно изъ Стомарнъ, Остены изъ Падерборна, переселившіеся въ Поморье, и пр. О славянской шляхтѣ въ тѣхъ странахъ не знаемъ ничего; видно, что она скоро слилась съ вновь туда прибывающимъ нѣмецкимъ дворянствомъ. Незнаемъ, славянскому или уже польскому вліянію приписать, что одинъ Ведель носитъ имя Сулишъ (Zulis, т. е. Сулиславъ, 1281 — 1303), и одинъ Остенъ — Доброгость (1331 — 1372).

Нѣмецкіе *города* Новой Марки возникли или на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ или основаны вновь. Новые ихъ жители, — пожалованные правомъ нѣмецкимъ, особенно бранденбургскимъ, позже и солдинскимъ, — были, на сколько намъ извѣстно, исключительно Нѣмцы. Въ теченіи второй половины XIII и до начала XIV вѣка основаны здѣсь города и мѣстечки Кѣнигсбергъ, Шѣнфлитъ (Schowenfliet), Моринъ, Бервальде (Bernwolde), Цетень (Cedene), Кост-

ринъ (Cozterine, Custrina), Фюрстенфельдъ, Шильдбергъ, Солдинъ¹⁾, Новый Берлинъ (Берлинхенъ), Липень, Бернштейнъ, Арнсвальде, Рецъ, Драмбургъ (Drawinburg), Шифельбейнъ, Фалькенбургъ, Калишъ, Фридбергъ, Вольденбергъ, Дризень (срв. поль. Drgieszno), Ландсбергъ, Новый Верновъ (Berneuchen), Сятокъ. Какъ видно, за нѣкоторыми городами остались старинныя названія славянскія, другіе названы по нѣмцѣи; у немногихъ были въ употребленіи названія славянскія и нѣмецкія; такъ напр. мѣстечко Фюрстенфельдъ называлось по славянски вѣроятно Болешковичи; городъ Арнсвальде носилъ еще въ началѣ XIV вѣка подлѣ нѣмецкаго и славянское названіе—Добегѣвъ. О славянскихъ жителяхъ въ городахъ ничего неизвѣстно; только въ нѣкоторыхъ сохранились *хызы*, стало быть мѣста отведенныя Славянамъ. Такой хызъ былъ въ *Костринѣ* въ XIV и XV вѣкахъ (vicus, Cüstrin und kys, keys); хызари-рыбаки должны были издавна исполнять извѣстныя работы на замокъ. Хызы упоминаются въ XIV — XVI вѣкахъ и въ *Целитѣ*, *Ландсбергѣ*, *Сятокѣ*, *Дризенѣ*; въ *Рецѣ* же существуетъ до сихъ поръ хызъ, село рыбацкое.

И здѣсь нѣмецкую колонизацію въ селеніяхъ поддерживали нѣмецкіе землевладѣльцы, дворянство и духовенство. Еще во время владычества поморскаго и польскаго, въ этихъ странахъ приобрѣли земли ордены Тамплиеровъ и Іоаннитовъ, и стали производить въ нихъ нѣмецкую колонизацію. *Тамплиеры* стали колонизовать земли по рѣчкѣ Мысли (Mizzla); въ 1232 г. они получили отъ польскаго князя Владислава въ землѣ костринской село Хварчаны съ тысячею гуфъ по праву и обычаю нѣмецкому (jure et more teutonicali), и черезъ два года (1234) поморскую землю Хиничи. Позже Тамплиеры получили смежную съ Новой Маркой польскую землю у верховьевъ рѣки Дравы около озера дравичскаго, которую они назвали Темпельбургъ (quae terra nunc a. nobis Tempelborch nuncupata, a. 1291); и въ этой землѣ они стали устраивать селенія по праву нѣмецкому (theutonicali jure); въ селеніяхъ этихъ странъ, разумѣется, считали по нѣмецкимъ гуфамъ (mansii teutonici). *Іоаннитамъ* пожаловалъ (1237 г.) польскій князь Владиславъ въ лѣсистой землѣ, названной позже Арнсвальде, село Корытово, позволяя имъ селить здѣсь Нѣмцевъ по праву нѣмецкому (locandi Teutunicos jure teutunico). По слѣдамъ этихъ рыцарей пошли монастыри (цистерціанскіе),

¹⁾ Въ привилегіи 1281 г. говорится: ut omnes civitates vel villae construendae Soldin jura sua debeant requirere.

основанные въ теченіи второй половины XIII вѣка, въ Цеденѣ, Рецѣ, Бернштейнѣ, Мариенвальде (въ фридбергской землѣ), Гиммельштедтѣ (*Locus Coeli*, въ ландбергской землѣ). Особенно богато пожалованъ помѣстьями монастырь гиммельштедтскій, основанный изъ поморскаго монастыря колбассаго. Въ числѣ пожалованныхъ ему (1300 г.) пятнадцати сель, находится семь съ нѣмецкими названіями, наименованныхъ, какъ видно, по большей части по основателямъ (*Mertenstorp, Heinrikestorp, Beyerstorp, Razleuestorp*, т. е. село Рацлава, Радослава); окрестныя озера носятъ всѣ еще славянскія названія (Рокитъ, Езерко и пр.); со временемъ однако эти озера, болота, луга, пруды и пр. приобрѣли подлѣ славянскихъ и нѣмецкія названія, и уже въ 1326 г. окрестныя болота, луга, и пр. называются по польски или по нѣмецки (*quosinque nomine appellati sunt in lingua polonica seu teutonica*).

Преобразование существующихъ сель, или основаніе новыхъ по праву нѣмецкому, совершалось извѣстнымъ способомъ, посредствомъ наследственныхъ шульцовъ. Эти основатели-шульцы, разумѣется, были обыкновенно Нѣмцы, и по нимъ то и назвались нѣкоторыя такія новыя села въ родѣ *Simonsdorp, Wolterstorp, Congradestorp, Schultendorp*. Если эти или имъ подобныя названія дѣйствительно взяты отъ именъ основателей-шульцовъ, то названія сель *Razleuestorp, Gotikendorp, Zullishagen, Wentzlafhagen* (упоминаемыхъ еще въ первой трети XIV вѣка), указывали бы на лицъ славянскаго происхожденія, Рацлава, Хотика, Сулиша, Вацлава. Нѣкоторыя названія сель указываютъ на колонистовъ или основателей изъ сосѣднихъ бранденбургскихъ земель, на пр. села *Jagow, Sydow, Mandelkow*, и др. Славяне либо оставались въ селахъ одни, или переселялись въ села „славянскія.“ Совмѣстное жительство славянскихъ и нѣмецкихъ поселянъ видно хотябы изъ одного примѣра: въ селѣ Сѣжиркахъ (*Czeckerik*) на Одрѣ, недалеко отъ Петня, въ XIV вѣкѣ (1355 г.) жило 14 славянскихъ косатовъ (крестьянъ) и одинъ нѣмецкій (14 *kossati slavici qui solvunt annuatim 15 solidos brandenburg. et 9 denarios, et unus cossatus theutonicus qui solvit annuatim 3 denarios brand.*). Особыхъ „славянскихъ“ сель упоминается въ Новой Маркѣ довольно много. Во второй половинѣ XIII вѣка (1270 г.) епископу бранденбургскому принадлежалъ городъ Кѣнисгсбергъ и 15 окрестныхъ сель; въ ихъ числѣ десять свободныхъ и пожалованныхъ въ ленъ (*liberae et infeodatae*)—стало быть устроенныхъ по праву нѣмецкому—по большей части

носящихъ названія славянскія (Берниковъ, Радунь, Грабовъ, Крайники, Кримвъ, Пасъка, Жатовъ, Хелинь, Мантые); одно только село называется *Rechtort*. Кромѣ этихъ десяти селъ было здѣсь и пять „славянскихъ“ (*slavicales villae*), ближе не означенныхъ; но впоследствии, въ XIV вѣкѣ, приводится въ тѣхъ странахъ по Одрѣ нѣсколько славянскихъ селъ по именамъ, такъ на пр. два села Пасъка (*Betzik* 1337), одно позже означаемое какъ „славянское“ (*villa slavicalis Petzick* 1351), два села Крайники, Верхнія (нѣмецкое) и Нижнія или „славянскія“ (*Wendeschen Kregenick, Creyenic*, 1360—1390 гг.), два села Бобисерунъ, славянское и нѣмецкое (1337 г.), Костринки и Рудница (*slavicales villae Kustrinikin et Rudonitz* 1345), Гостивичи рыбацкое село (*Gustebiss est slavica villa non habens agros*, 1337). „Славянскими“ называются (1337 г.) села Дяковъ въ землѣ липенской, и Лацковъ въ з. бернштейнской, въ отличіе отъ обоихъ „нѣмецкихъ“ селъ того же имени; наконецъ около Ландсберга на Вартѣ было славянское село Чеховъ (*slavicalis villa Zehove*, 1345). Нѣмецкая колонизація продолжалась до начала XIV вѣка; основаніе новыхъ селъ и заселеніе пустыхъ мѣстъ имѣлось постоянно въ виду (*villae construendae* 1281, *mansi teutonici nondum culti* 1312). Колонизація поддерживалась вѣроятно помѣстно и опустошеніемъ страны; такъ на пр. въ пограничной съ Польшей землѣ бентинской было всего восемь селъ, въ ихъ числѣ два съ нѣмецкими названіями; остальные шесть, посяція славянскія названія, были уже въ первой половинѣ XIV в. (1337 г.) пусты (*desertae*). Съ усиленіемъ нѣмецкаго элемента, либо вновь прибывающаго либо присвоивавшаго себѣ славянскія, стали измѣняться и географическія названія, названія разныхъ урочищъ и пр.; подлѣ старинныхъ названій славянскихъ стали входить въ употребленіе новыя, нѣмецкія или испорченныя славянскія. Мы уже выше видѣли, что на пр. городъ Добегнѣвъ переименованъ въ Арнсвальде, хотя славянское названіе было извѣстно еще въ началѣ XIV вѣка; выше упомянутое село Кримвъ переименовано вѣроятно въ Hansberg (1337 г.); разныя озера и др. урочища около монастыря гиммельштедтскаго носили, какъ выше сказано, уже въ началѣ XIV вѣка нѣмецкія и польско-славянскія названія. Славянскія названія однако скоро исчезаютъ, и ихъ мѣсто занимаютъ нѣмецкія ¹⁾.

¹⁾ Интересно на пр. подробное описаніе границъ между Пруссіей, Польшею и Чехою Малого XV вѣка (въ польской грамотѣ будто 1251 г.): все

Такимъ образомъ заодрянская или Новая Марка до половины XIV в. сдѣлалась почти совсѣмъ нѣмецкой страной; да уже въ началѣ того вѣка (1317 г.) можно было сказать, что рѣка Нотець отдѣляетъ страны нѣмецкую и польскую (*die dudesche u. polenesche syde*).

Въ 1337 году составлено описаніе, хотя не совсѣмъ полное — селеній заодрянской Марки. (Въ земской книгѣ бранденбургской 1375 г. заодрянская Марка не описана подробно). Во время составления этого описанія можно, вообще говоря, считать Марку уже почти совсѣмъ онѣмеченной, и колонизацію нѣмецкую оконченной. Чтобъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о первоначальной славянской колонизаціи той страны, и послѣдующей за тѣмъ колонизаціи нѣмецкой, приведемъ здѣсь — по выше указаннымъ уже правиламъ — число селеній Новой Марки (по отдѣльнымъ землямъ), упоминаемыхъ въ земской книгѣ 1337 г. и въ грамотахъ до того же года; города, какъ выше сказано, почти всѣ нѣмецкаго происхожденія, и только немногіе построены на мѣстѣ древнеславянскихъ городовъ, на пр. Моринъ, Цетень, Костринъ, Липень, Добеггѣвъ, Дрезно, Сѣтокъ и др.

<i>Terrae:</i>	Число селеній съ славянск. назван.	Число селеній съ нѣмецк. назван.
Koningsperg	20	12
Bernwolde.	17	15
Custerin	12	4
Schiltberghe	11	6
Soldin	12	11
Lipene.	17	9
Bernstein	6	11
Arnswolde	27	20
Schiuelbeyn	18	3
Valkenburg	21	15
Kalliss	5	1
Bona illorum de Brutow	14	13
Bentin	6	2
Tentzick	4	6
Fredebergbe	16	24
Landesberghe	15	14
Всего.	219	166

граница носятъ уже нѣмецкія названія (—bruch, — steig, — fort, — pfule, — brücke).

Изъ этого видно, что новая, нѣмецкая колонизація заняла меньшую половину страны.

VII.

Вагры 1).

Самый сѣверозападный уголокъ балтійской Славянщины занимало племя *Вагровъ*; съ двухъ сторонъ, на сѣверъ и на востокъ, окружало ихъ море; на западъ жилища ихъ простирались за рѣки Свѣтину и Травну и озеро плонское, доходя здѣсь до жилищъ одной вѣтви нордальбингскихъ Саксовъ, именно Гользатовъ; на югъ же отдѣляла Вагровъ отъ Полабянъ Травна. Вагры, находясь на краю славянской земли (in fronte totius Sclaviae), окруженные почти со всѣхъ сторонъ непримиримыми врагами Славянъ, Нѣмцами и Датчанами, уже рано, до VIII вѣка, прославились воинственнымъ духомъ; у нихъ сохранилось еще въ XII вѣкѣ преданіе, что ихъ князья распространили свое господство и на сосѣднихъ балтійскихъ Славянъ, на Бодричей, Хижанъ и др. Вагрія раздѣлялась на шесть земель, старгардскую, лютикенбургскую, плонскую, утинскую, сусельскую и даргунскую. Славяне жили впрочемъ и дальше на сѣверъ и на западъ отъ означенныхъ границъ Вагрии, какъ показываютъ географическія названія въ Шлезвигѣ, на островахъ Лалацдѣ — гдѣ ок. 1160 г. княжилъ Приславъ Никлотовичъ, — и Фальстерѣ, и въ Гольштейнѣ на западъ отъ рѣкъ Бѣлины, Травны и Свѣтины, въ странахъ Стормаровъ и Гользатовъ — до самой рѣки Стыри (Stör). Это показываетъ, что славянская колонизація когда-то доходила дальше, чѣмъ какъ она намъ извѣстна по положительнымъ источникамъ 2). Не забудемъ, что Нордальбингія находилась два раза подъ славянскимъ владычествомъ, первый разъ въ 804—811 гг., второй разъ послѣ паденія государства Годескальба (1066), при Крутѣ и Генрихѣ Годескальбовичѣ, въ началѣ его княженія. Такъ называемый рубежь Саксоніи (limes

1) Helmoldi Chron. Sclavorum, грамоты въ сборникахъ: Codex diplomat. Lubecensis (Urkundenbuch der Stadt Lübeck I, Urkundenbuch des bishums Lübeck I), Schleswig-Holstein-Lauenburg. urkundensammlung I, Meklenburg. urkundenbuch, Hamburg. urkundenbuch (ed. Lappenberg); журналъ Nordalbing. studien, Wersebe: Niederländ. colonien im nördl. Teutschland (I, 289), и др.

2) Нѣкоторыя подробности у Павинскаго: Полаб. Славяне 2 — 17, Гильфердинга Ист. балт. Слав. 51, 283, Ширна (Casopsis česk. Mus. 1856, 121, André: Wendische wanderungen 154).

Saxoniae), учреждение котораго относили къ временамъ Карла Великаго, и который извѣстенъ былъ еще во второй половинѣ XI вѣка, не представлялъ строго этнографической границы между Нѣмцами (Саксами нордальбингскими) и Славянами (Бодричами-Полабцами и Ваграми); ибо и на западъ отъ рѣкъ Делбяды, верхней Травны, озера плонскаго и рѣки Свѣтныи жили Славяне еще въ XII вѣкѣ¹⁾. Тогда считалась рѣка Свала, притокъ Стыри, границей между Саксами и Славянами, и гользатская волость Фальдера (Novum Monasterium, Neu-Münster) примывала къ славянскимъ землямъ, да и самый Новый Монастырь считался еще лежащимъ въ славянской землѣ. На лѣвомъ берегу рѣки Свѣтныи и озера плонскаго занимали Славяне именно такъ наз. свѣтынское поле (Zuentifeld, Zuentineveld). Совмѣстное жительство и общеніе вагорскихъ и полабскихъ Славянъ и нордальбингскихъ Саксовъ породило вышеупомянутый дуализмъ въ географическихъ названіяхъ, примѣры котораго можно найти особенно въ странахъ около нижней Лабы. Такъ напр. Hamburg назывался по славянски Богборъ, село и монастырь Hagerestorp (на правомъ берегу верхней Травны)—по славянски Кушалина, свѣтынское поле имѣло другое названіе—Vughhovede (Börnhövd), Старгардъ — по нѣмцѣи Aldenburg; названія городовъ Lutikenburg и Raseburg (Raseborch), горы Alberg—извѣстны только въ нѣмецкой формѣ, и пр.

Переселеніе нѣмецкихъ колонистовъ за Травну началось уже послѣ 1140 года, когда, по приказанію короля Лотара, нордальбингскіе Саксы и также Славяне построили на горѣ Альбергъ—слѣдовательно уже на почвѣ Вагровъ, именно въ землѣ даргунской—крѣпость Зигебергъ (ок. 1134 г.). Присутствовавшіе тогда при этой постройкѣ вельможи славянскіе справедливо замѣтили, что новая крѣпость положить иго на всю ихъ землю не только вагорскую, но и полабскую и бодричскую. Подъ Зигебергомъ построена церковь и пожалована нѣсколькими селами, названными уже по большей части по нѣмцѣи: Ritteristorp, Hogeristorp—вышеупомянутая Кушалина, —Hunezle, Mozinke, duo Wittenburne. Расположенныя подъ Зигебергомъ селенія Саксовъ разрушилъ однако уже въ 1138 г. князь вагорско-полабскій Прибиславъ, когда онъ

¹⁾ Объ этомъ сакс. рубежѣ говорить Адамъ брем. (II, 15), и грамота 1062 г. (Meklenburg. urkundenbuch I, № 27). Срв. Гильеердинга Ист. балт. Слав 280—283, Wigger: Meklenburg. annalen 100.

въ послѣдній разъ собралъ силы своихъ Славянъ и сталъ нападать на сосѣднія земли Стормаровъ и Гользатовъ; но тѣмъ онъ только ускорилъ паденіе независимости обѣихъ этихъ племенъ бодрическихъ. Гользаты и Стормары въ 1138—1139 г. страшно опустошали всю Вагрію, начиная съ рѣкъ Свалы и Травны и кончая балтійскимъ моремъ. Вагрія сдѣлалась непосредственною частью графства гольштейнскаго, земля же Полаблянъ поручена особому графу.

Гольштейнскій графъ Адольфъ, желая заселить опустошенную Вагрію, призвалъ съ нижняго Рейна множество Голандцевъ и Фландровъ, Вестфаловъ и Фризовъ, и наконецъ Гользатовъ и Стормаровъ, которые — по словамъ графа — завоевавъ славянскую землю и выкупивъ ее своей кровью, должны были занять лучшую ея часть. Въ 1143 г. Гользаты заняли самую безопасную часть, на западъ отъ Зигеберга, около рѣки Травны, свѣтынское поле, и все, что лежало между рѣкой Свалой и плонскимъ озеромъ; Вестфалы заняли землю даргунскую, Голандцы — утинскую, сусельскую — Фризы, которыхъ прибыло больше четырехъ сотъ мужчинъ; плонская земля осталась пока пустой, лютикенбургская и старгардская и вообще страны приморскія оставлены Славянамъ. Славяне могли жаловаться, что они несправедливо лишены своей отчины; эти жалобы раздѣляли и ихъ соплеменники за Травной — Бодричи: предчувствовали они, что мало по малу сбываются опасенія, заявленные славянскими вельможами при постройкѣ Зигеберга.

Вагорскіе Славяне, лишившись своей самостоятельности, сдѣлались данниками своихъ верховныхъ господъ, саксонскаго герцога или — какъ онъ по славянски назывался — „войводы“, и графа гольштейнскаго; оба они съ „ненасытною жадностью Саксовъ“ — на которую такъ часто жалуются сами саксонѣмецкіе лѣтописцы, — обдирали подданныхъ имъ Славянъ, не очень заботясь о ихъ крещеніи. Около половины XII вѣка вагорскіе Славяне платили своему герцогу или войводѣ 1000 гривенъ ежегодной *войводницы*, сумму по тѣмъ временамъ огромную; кромѣ того платили графу ежегодно 100 гривенъ. Подданные епископа старгардскаго, позже любецкаго, вмѣсто войводницы, платили бископовницу, натурой (три корца съ рала) и деньгами, какъ это было и въ остальныхъ двухъ епархіяхъ бодрическихъ, ратиборской и звѣринской. Эта „войводница“ и „бископовница“ были въ Вагрії извѣстны еще въ началѣ XIII вѣка ¹⁾.

¹⁾ Census ducis qui *uogiwotinza* dicitur; census Slavorum — de unco tres men-

О положеніи остатковъ вагорскихъ Славянъ во второй половинѣ XII вѣка, сохранилъ лѣтописецъ Гельмольдъ, священникъ въ Божовѣ у плонскаго озера, нѣсколько любопытныхъ подробностей. Въ 1149 г. назначенъ епископомъ старгардскимъ *Вицелинъ*. Посѣщая свою епархію, онъ нашелъ около Старгарда Славянъ язычниковъ и морскихъ разбойниковъ; у нихъ была священная роща бога (вѣроятно Перуна), жрецъ *Мике* и князь *Рохель*, изъ рода Крутова (*princeps terrae de semine Crutonis*), язычникъ и морской разбойникъ. Увѣщаній Вицелина сдѣлаться христіанами, послушались немногіе Славяне, такъ какъ верховные ихъ господа, герцогъ саксонскій и графъ голштейнскій, не очень настаивали на принятіи христіанства, довольствуясь данью. Тогда построены въ Старгардѣ часовня и въ Божовѣ церковь. Преемникъ Вицелина († 1154 г.) *Герольдъ*, скоро послѣ своего назначенія, посѣтилъ Вагрію. Въ началѣ 1156 года, 6 января, епископъ совершилъ богослуженіе въ часовнѣ старгардской; городъ былъ пустъ, безъ жителей; при богослуженіи присутствовалъ князь Прибиславъ¹⁾ и нѣсколько Славянъ. Прибиславъ пригласилъ епископа и его свиту въ свой домъ и по славянскому обычаю щедро ихъ угостилъ. Отъ Старгарда епископъ отправился дальше на востокъ къ славянскому вельможѣ Тѣшмиру. На пути лежала вышеупомянутая священная роща; епископъ и его спутники перерубили тынъ и деревья и зажгли ихъ. Тѣшмиръ угостилъ епископа щедро; но пребываніе въ домѣ Тѣшмира сдѣлалось тяжелымъ по поводу связанныхъ христіанскихъ плѣнниковъ изъ Даніи. Отъ Тѣшмира²⁾ Герольдъ отправился въ Любекъ, и здѣсь увѣщевалъ стекшихся туда на базаръ Славянъ, — было воскресенье, — отказаться отъ идоловъ и принять крещеніе, прекратить разбои и убійства христіанъ. Князь Прибиславъ посовѣ-

surae quod dicitur kuzig (грамоты датскаго короля и голштейн. графа 1215 г.). Славяне той войводницѣ соотвѣтствовали позже такъ наз. *greuenscat* (*grafenschatz*) или *hollenderscat*, т. е. дань платимая графу Голландцами (грам. 1256 г.). Названіе «бископовница» не встрѣчается въ Вагрии, а только у Бодричей и Лютичей; но дань Вагровъ епископу равнялась бодричско-лютичской бископовницѣ, и несомнѣнно такъ и называлась.

¹⁾ Beyer (*Jahrbücher für mecklenburg. gesch.* XIII. 22) указываетъ на то, что упоминаемый въ 1156 г. Прибиславъ едва-ли былъ бывший князь полабско-вагорскій Прибиславъ, сынъ Буты († 1071); кромѣ того, одновременно съ нимъ встрѣчается *princeps terrae*, вышеупомянутый Рохель.

²⁾ На востокъ отъ Старгарда находится село (прежде монастырь) *Cismar, Ciscimer, Ciscimer* (Тѣшмиръ), можетъ быть названное по этому Тѣшмиру.

товавшись съ своими земляками, далъ епископу замѣчательный отвѣтъ. „Наши господа, герцогъ и графъ“, сказалъ между прочимъ Прибиславъ, „свирѣпствуютъ противъ насъ съ такой жестокостью, что мы, обремененные податями и самымъ тяжелымъ рабствомъ, предпочитаемъ смерть жизни. Вотъ мы, жители этого маленькаго уголка Вагрии, въ этомъ году заплатили герцогу тысячу гривенъ, и графу сто гривенъ, а всетаки еще изъ насъ высасываютъ все и тѣснятъ насъ до изнеможенія. Какъ же намъ думать о новой религии, когда намъ ежелюбно предстоитъ бѣгство! Но и за Травной и на Пѣнѣ угрожаютъ намъ подобныя же этому бѣдствія; поэтому мы поневолѣ разбойничаемъ на морѣ. Въ этомъ виноваты наши господа, которые насъ прогоняютъ“. Епископъ возразилъ, въ защиту нѣмецкихъ господъ, что они считаютъ позволительнымъ обращаться такъ съ язычниками; но если Славяне примутъ христіанство, то они будутъ пользоваться такимъ же спокойствіемъ, какъ и окрестные Саксы. Прибиславъ отвѣтилъ очень толково: „Пожалуйте намъ права Саксовъ, относительно поземельной собственности и доходовъ, и мы охотно будемъ христіанами, будемъ строить церкви и платить десятины“. На это епископъ не нашелъ отвѣта и уѣхалъ. Правъ Саксовъ—Славяне не получили.

Христіанство распространилось у вагорскихъ Славянъ медленно. Герольдъ послалъ въ Старгардъ фальдерскаго монаха Брунопа, который взялся усердно за дѣло; рубилъ священныя рощи и истреблялъ языческіе обычаи. Въ пустой Старгардъ переведены Саксы, и построена здѣсь церковь; Старгардъ сдѣлался нѣмецкимъ городомъ, Альденбургомъ (1157). Графъ Адольфъ помогалъ Брунону въ его мисіонерской дѣятельности; онъ велѣлъ Славянамъ хоронить мертвыхъ на кладбищахъ и собираться по праздникамъ, слушать проповѣди, которыя Бруно написалъ себѣ на славянскомъ языкѣ. Славянамъ запрещено было присягать, призывая во свидѣтельство деревья, источники и камни; но за то введена нелѣпность такъ называемыхъ божиныхъ судовъ—раскаленнымъ желѣзомъ. Другой монахъ фальдерскій распространялъ христіанство въ сусельской землѣ, между морскими разбойниками на рѣчкѣ Кремнинѣ. Церкви основаны въ Лютикенбургѣ и Ратковѣ, опустѣлые города Утинъ и Плона вновь выстроены. Такимъ образомъ, при взаимной поддержкѣ властей, духовной и свѣтской, христіанство въ Вагрии все больше распространялось. Остатки вагорскихъ Славянъ занимались морскими разбоями и участвовали въ походахъ

нѣмецкихъ своихъ господъ. Такъ напр., въ 1164 г. они находились съ графомъ Адольфомъ въ войскѣ герцога Генриха Льва, отправившагося противъ Прибислава Никитовича и поморскихъ князей къ Дымину; но стоя здѣсь, вагорскіе Славяне сообщали своимъ соплеменникамъ все, что происходило въ нѣмецкомъ лагерѣ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ усиливался и нѣмецкій элементъ: Славяне мало по малу исчезали, уступая нѣмцамъ колонистамъ (*recesserunt Sclavi, qui habitabant in oppidis circumjacentibus, et venerunt Saxones et habitaverunt illic; defeceruntque Sclavi, paulatim in terra*).

Что касается *духовенства*, то оно, посреди языческихъ Славянъ было, разумѣется, исключительно нѣмецкое. *Знатные* Славяне встрѣчаются въ Вагріи только до второй половины XII вѣка; такіе были вышеупомянутые Рохель, Прибиславъ, Тѣшимірь. Впослѣдствіи знатныхъ Славянъ почти уже не встрѣчаемъ; если и остались нѣкоторые, то они скоро исчезли въ массѣ прибывающихъ въ Вагрію нѣмецкихъ дворянъ, васаловъ графа гольштейнскаго. Въ началѣ XIII вѣка (1210) былъ около любецкаго епископа Генрихъ Домашъ (Домаславъ) Славянинъ (*Henricus Damasc Sclavus*); во второй половинѣ XIII вѣка (1263) жилъ въ старгардской землѣ, въ селѣ Верхомилѣ, Тотте (*Tote dictus de Verchemile*) и его сыновья Элеръ и Генрихъ называемый „Славянинъ“ (*Henricus dictus Sclavus*). Около того же времени (1263) одинъ изъ рыцарей графа гольштейнскаго (въ Гамбургѣ) носить тоже названіе *Wende* (Славянинъ).

Древнеславянскіе *гарды* — *города* въ Вагріи перемѣнились въ нѣмецкіи городскія общины. Мы видѣли, что городъ Старгардъ (*castrum et civitas*), стоявшій пустымъ, по просьбѣ мисіонера Брунона заселенъ Саксами, и такимъ образомъ возникла нѣмецкая городская колонія посреди славянскаго народонаселенія; вновь построенные города Утинъ и Плона тоже наполнялись Нѣмцами. Нѣмецкій былъ и новый городъ *Любекъ*, построенный (1143 г.) графомъ Адольфомъ при устьѣ Вокницы въ Травну на мѣстѣ старой крѣпости Букова. Древній славянскій городъ Любекъ стоялъ немножко дальше на сѣверъ, при паденіи Свартавы въ Травну, гдѣ теперь село *Oldenlubeke* (Старый Любекъ). Нѣмецкій элементъ въ древнемъ городѣ Любекѣ и въ окрестностяхъ водворился рано; уже въ началѣ XII вѣка, во время Генриха Годескальковича, жили здѣсь нѣмецкіе купцы, у которыхъ была своя церковь. Въ окрест-

ностахъ Любека насыпанная надъ перебитыми здѣсь Ранами могла (ок. 1110 г.), носила уже въ половинѣ XII вѣка нѣмецкое названіе Raniberg. Происхожденіе любецкихъ мѣщанъ въ новомъ городѣ видно, напр., изъ такихъ названій: Libertus Flamingus, Gerardus de Stendale, Johannes de Brema, Leuerat do Sosato (Soest), Johannes de Brunewich, и др. Оставшіеся въ городѣ и его окрестностяхъ Славяне подвергались разнымъ притѣсненіямъ. По одному уставу 1220—26 гг., продававшіе въ городѣ Славяне платили большую пошлину, чѣмъ другіе окрестные народы, да кромѣ того, платили, они одни, также подушное (Slavus semper pro capite suo unum denarium dabit—vor sin houet scal he gheuen enen penning). Славяне не могли свидѣтельствовать противъ Нѣмцевъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда допускался въ свидѣтели всякій неопороченный человѣкъ; такъ постановляетъ еще старинное право любецкое 1294 года (dat mot iewelik man wol tughen up dat he en umberopen man si sunder de Wenede); Славянинъ могъ только тогда быть свидѣтелемъ, когда онъ оказывался достойнымъ приобрести себѣ право мѣщанства (dat en Wend des werdich were, dat he borgher worden were). Но такихъ „достойныхъ“ Славянъ находилось въ Любекѣ очень немного; съ конца XIII вѣка до половины XIV, находимъ здѣсь Христину Славянку (Christina Slavica), жену мѣщанина Герарда, Славянъ Гисна (Guzno Slavus) и Зигфрида (Siegfried Wenth), хотя послѣдніе могли быть просто уроженцы „Славия“ т. е. мекленбургскихъ земель. Въ любецкіе цехи Славяне не принимались, и еще до самаго XVIII вѣка требовалось въ Любекѣ и вообще во всемъ Гольштейнѣ, отъ принимаемыхъ въ цехи мастеровыхъ свидѣтельство, что они происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго. Въ нѣкоторыхъ цеховыхъ уставахъ это условіе встрѣчается довольно рано; такъ, напр., по уставамъ любецкихъ токарей и лавочниковъ (hoker) 1507 г., требовалось отъ принимаемаго въ цехъ доказательство, что онъ Нѣмецъ, а не Славянинъ (dat he echte, vrye, dudesch unde nicht wendesche gebornn sy). Славянское происхожденіе въ Любекѣ вообще не считалось особой рекомендаціей, и еще въ 1490 году верхній судъ любецкій отказалъ одному ребенку въ наслѣдствѣ его матери, потому что эта послѣдняя вышла за одного Славянина, который ей по рожденію не былъ равенъ (der ehr nicht enbordig en were)¹⁾.

¹⁾ Срв. Nach: Das alte lübische recht (Lübeck 1839, artic. CX), Wehrmann: Die älteren lübeckischen zunftrollen (L. 1864), Pauli: Lübeckische zustände zu

Нѣмецкіе колонисты, Нидерландцы и Саксы, занимали не только бывшія славянскія селенія, но основывали также новыя, названія которыхъ обыкновенно оканчиваются на—*dorp*,—*feld*,—*berg* и пр. Такія названія встрѣчаемъ мало по малу и въ тѣхъ странахъ, которыя остались еще за Славянами; такъ на прим. въ землѣ старгардской было въ полов. XIII в. (1249 г.) шесть селъ, названныхъ именно „нѣмецкими“ (*villae theutonicae Helerickendorp, Tulendorp, Sukesdorp, Harrikendorp, Poppendorp, Olinckendorp*); въ землѣ лютикенбургской (1213) села *Clartistorp* и *Johannestorp*, село *Vlemingestorp* (г. е. село Фламандцевъ, 1256 г.). Случалось тоже, что древнее славянское названіе замѣнено новымъ нѣмецкимъ, такъ на пр. село Ляково раздѣлилось на два села, *Johannisvelde* и *Nonberge*. Между новыми пришельцами остались впрочемъ кое-гдѣ и старинные жители Славяне въ своихъ селлахъ. Такъ на пр. въ землѣ даргунской, на верхней Травнѣ, ок. Зигеберга, въ числѣ селъ монастырскихъ—встрѣчаемъ (1198 г.) „славянское село“ *Botele* (*slavica villa Botele, Подолье?*), но черезъ нѣсколько лѣтъ (1216) *Botele* не называется уже „славянскимъ селомъ“. Еще въ половинѣ XIII в. (1249 г.) упоминаются въ тѣхъ странахъ, подлѣ земледѣльцевъ нѣмецкихъ, и Славяне (*per extirpationem Deutonicorum vel Slavorum*); въ началѣ XIII в. (1216) находимъ „славянскихъ поселянъ“ (*Slavi cultores*) около монастыря порѣчскаго на Свѣтннѣ. „Славянскія села“ (*Slavicae villae*) встрѣчаются кое-гдѣ разбросанными въ разныхъ странахъ Вагрии. Съ начала они, разумѣется, были населены Славянами; со временемъ славянскіе жители онѣмечились, или ихъ мѣсто заняли Нѣмцы; но самое названіе „славянское“ оставалось и впослѣдствіи за этимъ селомъ; иногда случалось, что славянскіе жители должны были селиться въ особомъ селеніи, и такимъ образомъ возникали два сосѣднія селенія съ

anfang des 14 jhdts. (L. 1847), Frensdorff: Die stadt- und gerichtsverfassung Lübecks im 12 u. 13 jhd. (L. 1861). Franck (Alt u. neues Mecklenburg, 1753, III. büch p. 86) рассказываетъ, что въ Гольштейнѣ еще въ то время водился обычай записывать въ метрическія свидѣтельства (*geburtsbrief*), что принимаемый мастерской не славянскаго рода. Франкъ сравниваетъ любецкихъ «*quinckers*» съ «славянскими мясниками» (*Wendschlächter*) въ поморскомъ городѣ Бартѣ; этихъ *quinckers* ближе не знаемъ. Замѣтимъ еще, что и въ Гамбургѣ до 1811 года требовали отъ вновь принимаемыхъ мѣщанъ доказательства, что они не крѣпостные и не славянскаго происхожденія. (*Lappenberg: Hamburgische rechtsalterthümer*, I, p. XLIII).

названіями „нѣмецкое“ и „славянское“. „Славянскія“ села встрѣчаются около плонскаго озера (slavica villa у Божова, Malkeuiz cum slavica villa adjacente, 1215—1216), около Любека (villa Crimpelsdorp cum slavica villa, villa Padeluche cum slavica villa, 1247 г.), ок. Старгарда (villa Kakedis cum villa slavica adjacente, 1282 г.), ок. Сусоль (Pustin slavicum, Postyn slavicalis подлѣ Pustin teutonicum, P. dudensche, 1294 и 1304 гг.), ок. Утина (Nucleus slavicalis, N. teutonicum, 1311 г.); дальше еще Timendorp villa teutonica (1372) подлѣ Малаго или Славянскаго (Wendisch T.), Wendesche-Рогун (1374). Эти „славянскія“ села мало по малу исчезли; такъ на пр. въ XIV вѣкѣ существовало уже только одно село Crimpelsdorp, одно Padeluche, заселенныя Нѣмцами. Память Славянъ въ послѣднемъ селѣ, Подлугахъ, и въ недалекомъ отъ него основанномъ селѣ Roggenhorst, сохранили еще малыя гуфы (рапа, unci), которыя въ обихъ селахъ были въ употребленіи. Имена вагорскихъ поселеній — на сколько они извѣстны изъ грамотъ XIII—XIV вв. — почти исключительно нѣмецкія; какъ-то по славянски звучать имена двухъ крестьянъ села Хвальчекъ (? Qualseke) около Старгарда (1340), Близецъ (Blisetze) и Николай Вордемичъ (Wor-demitze), хотя эти имена могли быть взяты и отъ селеній.

Германизацию страны можно прослѣдить особенно на островѣ *Фембръ*. Въ этомъ бывшемъ гнѣздѣ морскихъ разбойниковъ было въ началѣ XIII вѣка уже значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ. По подробному описанію датскихъ владѣній — въ томъ числѣ и Фембры — 1231 года ¹⁾, видно, что тогда на островѣ были селенія нѣмецкія и славянскія (villae Sclavogum). Почти всѣ называются по основателямъ, Godescalsthorp (село Годескалька), Davidthorp, Niclawsthorp, Taesemaerthorp (село Тѣшимѣра), Darganthorp (с. Даргана), Rataemaersthorp (с. Ратимѣра) и пр.; многія носятъ и другія, славянскія названія (Брезница, Подгардье). Славянское названіе впрочемъ не указываетъ еще на славянское селеніе, и на оборотъ нѣмецкое названіе — на нѣмецкое на-

¹⁾ Liber census Daniae (Langebek: Scriptores rerum danicarum VII, 541). Островъ Фембра называется въ XI—XIII вв. Fembre (Adam Brem.), Vemere (Helmold), Imbria (Liber census), нынѣ Femern. Значеніе этого слова — если оно славянское — темно. Срв. названія мѣсть, литов. Wembry (въ быв. Августовской губ.), польск. Wąbrzawie (въ Мазовіи), и общешляхское слово вѣдборекъ (ведро), извѣстное Славянамъ полабско-балтійскимъ (Древнямъ, Кашубамъ) и Полякамъ.

селеніе; такъ на пр. Брезница и село Тѣшика (Tessikaenthorp) заселены были Нѣмцами, между тѣмъ какъ Godescalthorp и Dacskaethorp (т. е. село Датчанъ) приводятся въ числѣ славянскихъ селъ. Въ нѣмецкихъ селахъ была въ употребленіи гуфа (mansus, houa), въ славянскихъ же меньшее рало (шпсус) ¹⁾. Чисто славянскихъ селъ (villae Slavonum), въ которыхъ считали еще по древне-славянскимъ раламъ, было въ Фембрѣ 16; но кромѣ того въ шести селахъ жили еще Нѣмцы и Славяне сообща; первые считали по гуфамъ, другіе по раламъ, на пр. въ селѣ Ziarnaesthorp было 12 гуфъ и 16 ралъ, въ Niclawsthorp 10 гуфъ и 14 ралъ, и пр. Наконецъ въ двухъ селахъ, которыя не приводятся уже въ числѣ славянскихъ, употребляли еще рала, вѣроятно какъ наслѣдство недавно исчезнувшихъ здѣсь Славянъ.

Память Славянъ въ Вагріи сохранили — до XIII вѣка — нѣкоторыя слова. Выше мы замѣтили, что славянская „войводница“ и славянскіе „корцы“ въ Вагріи, именномъ въ Любекѣ, были извѣстны еще въ началѣ XIII вѣка. Но уже во второй половинѣ XIII вѣка (1259 г.) слово „войводница“ въ Любекѣ забыто настолько, что списывавшій тогда жалованную грамоту Герриха Льва (1170 г.) не сумѣлъ уже прочитать слова „(census ducis qui) *wogiwotinsa* (dicitur)“, и написалъ „*wogiwō traha*“; это безобразное слово одинъ любецкій епископъ XV вѣка объясняетъ „*punc greuenschat* (т. е. grafenschatz) sive precarie (т. е. подать)“. Въ сѣверной Вагріи, около Утина, въ селѣ S:brandestorp, еще въ половинѣ XIII вѣка (1251 г.) извѣстная повинность или подать называлась „подача“, (quod vulgo podazche dicitur); слово извѣстное тоже Бодричамъ и Ранамаъ. Наконецъ въ Вагріи сохранились нѣкоторое время слѣды древне-славянскаго раздѣленія на земли; еще въ XIII вѣкѣ находимъ въ Вагріи земли (provinciae) Aldenburg, Luteliuburg (Luttenburg), Susle, Ratgowe *).

¹⁾ О древневѣж. *houa*, *hōva*, *huobe*, *hufe* и *mansus* срв. Grimm: Deutsche rechtsalterthümer, p. 535.

²⁾ Schütze (Holstein. idiotikon) приводит гольштейнское проклятіе: «haal di de Dütcher!» (т. е. Нѣмецъ тебѣ возьми), гдѣ «Dütcher» = düvel (чортъ). Это странное проклятіе — по всей вѣроятности остатокъ національнаго дуализма и антагонизма древняго населенія Гольштейна. Надо замѣтить, что простой народъ гольштейнскій называетъ иностранца, который не знаетъ хорошо нѣмецкаго языка, «нѣмецкой собакой» (nūdutsche hund). Тоже самое встрѣчается и въ Помераніи (см. ниже).

VIII.

Полабяне и западные Бодричи ¹⁾.

На правомъ берегу нижней Лабы, между рѣками Эльдой и Бѣлиной (Bille), жили *Полабяне*. Это—по всей вѣроятности общее названіе мелкихъ племенъ, изъ которыхъ извѣстны въ тѣхъ странахъ уже въ IX вѣкѣ именно *Бытиничи* и *Смолинцы*. Въ землѣ Полабянъ, по рѣкѣ Делбѣдѣ, начинался выше упомянутый рубежъ саксонскій (limes Saxonicus), извѣстный еще во второй половинѣ XI вѣка. Притязанія Нѣмцевъ, именно герцога Саксовъ, на полабско-бодричскія страны не прекращались со временъ Карла Великаго. Скоро по его смерти Саксы, по повелѣнію императора, укрѣпились на правомъ берегу Лабы у Делбѣды, прогнавъ оттуда Славянъ (822 г.); но скоро они сами должны были оттуда отступить. Еще во второй половинѣ XI вѣка (1062 г.) король Генрихъ жадуеть герцогу Саксовъ городъ Ратиборъ въ полабской землѣ (castellum Razesburg in pago Polabi), но безъ нарушенія рубежа Саксовъ, который однако самими Нѣмцами считался тогда лишь номинальнымъ (salvo per omnia et intacto Saxoniae limite, quem quidem ipsi Saxones a tempore primi Ottonis unquam possessione vel etiam nomine tenere videbantur ²⁾).

Общее возстаніе балтійскихъ Славянъ 1066 г. истребило всѣ слѣды нѣмецкаго господства на правомъ берегу нижней Лабы. Только въ первой половинѣ XII вѣка послѣ покоренія князя Полабянъ и Вагровъ, Прибислава, удалось герцогамъ Саксовъ утвердиться на славянской землѣ. Вагрія перешла въ вѣдѣніе графа голштейнскаго, земля же Полабянъ досталась (1142 г.) особому графу полабскому или ратиборскому, Генриху изъ Бадвиде (comes Polaborum, comes de Racisburg). Послѣ покоренія Бодричей (1160) возникло и другое графство, *звѣринское*, которое простиралось отъ восточныхъ береговъ звѣринскаго озера на югозападъ къ Лабѣ и Эльдѣ, стало быть по большей части на земли Полабянъ.

Скоро послѣ покоренія Полабянъ основано—для нихъ же и для нѣкоторыхъ племенъ сѣверозападныхъ Бодричей—въ *Ратиборѣ* по-

¹⁾ Helmoldi Chron. Sclavorum; грамоты (до 1345 г.) въ Meklenburgisches urkundenbuch (Schwerin 1863—1875, 9 bde); Jahrbücher des Vereins für meklenburg. geschichte u. alterthumskunde (Schwerin 1836—1874).

²⁾ Срв. Wigger: Meklenburg. annalen p. 12, 100.

стоянное епископство (1154 г.), и епископъ Эвермодъ, вмѣстѣ съ графомъ Генрихомъ, усердно старались о распространеніи христіанства между бывшими поклонниками Живы. Матеріальныя средства епископамъ доставилъ герцогъ Генрихъ Левъ, тотъ самый, который восторженно восхваляется современниками, Нѣмцами священниками; по ихъ словамъ, онъ сломавъ твердыя шеи Славянъ, не только сдѣлалъ ихъ данниками, но и принудилъ ихъ мечемъ отказаться отъ язычества и признать истиннаго бога, чтобъ они узнали, что левъ, самый свирѣпый звѣрь, никого не боится ¹⁾. Въ такомъ смыслѣ высказался и самъ Генрихъ Левъ, основывая и жалую ратиборскую епископію (1158). Такъ какъ эти мысли какъ нельзя лучше характеризуютъ не только этого извѣстнаго Славяноубійцу въ частности, но и вообще взглядъ тогдашнихъ Нѣмцевъ побѣдителей на Славянъ, то приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ нихъ. „Языческія смежныя съ нами племена славянскія“, говоритъ надменный герцогъ Саксовъ, „ископи, со времянь Карла Великаго, всегда возставали и враждовали противъ бога и святой церкви. Когда же наконецъ они, послѣ большихъ усилій, склонили свою упрямую голову передъ христіанствомъ, то все-таки еще нѣсколько разъ возвращались къ отвратительному идолопоклонству. Они сдѣлались данниками нашихъ предковъ, и достались намъ по праву наслѣдства; мы не переставали поражать мечемъ рабскія шеи невѣрныхъ, и, вслѣдствіе ихъ злобы, значительно умножили ихъ подати; они, такимъ образомъ притѣсняемые, жили долго и смирно подъ нашимъ владычествомъ, и значительно увеличили наши доходы. Вмѣстѣ съ проповѣдниками слова божія, мы какъ свѣтскій государь, маханьемъ меча сгоняли грубый и строптивый народъ къ столу божіему, и такимъ образомъ возвратили его христіанству“. Доходъ герцога съ Полабянъ, извѣстная *войводница* (*census ducis wogiwotniza*), доходилъ несомнѣнно далеко за тысячу гривенъ въ годъ, такъ какъ меньшее племя Вагровъ платило войводницы именно эту сумму.

Новая епископія ратиборская простиралась между Бѣлиной, Лабой, и нижней Эльдой; восточной границей была черта отъ Эльды къ верхней Судѣ около западнаго берега звѣринскаго озера къ Весмірю, дальше море и нижняя Травна. Въ этомъ простран-

¹⁾ Срв. такія дивирабры въ лѣтописяхъ Гельмольда (I. 92, II. 9) и Арнольда (prologus).

ствѣ упоминается въ XII—XIII вѣкахъ нѣсколько земель. На сѣверѣ — отъ Травны по морю къ Весмірю — были земли *Бытинъ*, *Деричево* или *Дарчово*, *Ключь*, *Брежно* или земля *Брежанъ* (terra Brezen, terra Briezanorum); послѣдняя присоединена только въ 1167 г. къ ратиборской епархіи за уступленную звѣринской епархіи землю звѣринскую. Средину епархіи занимали земли *Бойценбургъ*, *Ратиборъ*, *Хотѣбузь* (Gadebusch) и *Вумтенбургъ*; на юго-востокѣ между Лабой, Эльдой и Судой были земли вѣроятно древнихъ Смолицевъ, *Vanige* (Vaninge), *Jabele*, *Dertsinge*¹⁾; на западѣ, за Делбандой до Бѣлины — земля *Заделбанде* (Sadelbandia). Въ означенныхъ здѣсь границахъ ратиборской епархіи господствовали, кромѣ самого епископа, графы ратиборскіи, звѣринскіи и данненбергскіи; въ сѣверной же части — князь мекленбургскій; въ югозападномъ углу возникло позже (1227 г.) особое герцогство саксонско-лауэнбургское, къ которому присоединены и графство ратиборское и Заделбанде. Очеркъ германизации этихъ странъ мы ограничимъ предѣлами ратиборской епархіи, включая въ него не только собственно землю Полабянъ, а также земли западныхъ Бодричей (позже мекленбургскіи), дарчовскую, ключскую, брежанскую, и хотѣбузскую; наконецъ и графство звѣринское — землю Бодричей, которая принадлежала первоначально къ ратиборской епархіи, и не осталась подъ владычествомъ Никлотовичей, а отошла — подобно Вагрии и Полабии — подъ прямое владычество нѣмецкихъ господъ²⁾.

Нѣмецкая колонизация, особенно изъ Вестфалии и другихъ странъ Саксоніи, въ землю Полабянъ и западныхъ Бодричей началась сейчасъ послѣ ихъ покоренія, и — стараніемъ епископовъ и графовъ ратиборскихъ (Генриха и Бернарда) и звѣринскихъ — продолжалась черезъ всю вторую половину XII вѣка³⁾. Эти саксоннѣмецкіе пришельцы наполняли всѣ слои общества.

¹⁾ Срв. чеш. и поль. Vanice, Vanov, Waniewo, Jabłonna, малорусск. Деречанка.

²⁾ Графство звѣринское состояло изъ земель звѣринской и желъзенской (Zelesen, Silazne, Silasen etc., на восточномъ берегу озера звѣринскаго). Позже присоединены къ нему и земли Бойценбургъ и Бреница. Подробно объ этихъ разныхъ земляхъ см. Wigger: Meklenburg. annalen, и карту во II т. сборника Schirrmacher: Beiträge zur geschichte Meklenburgs (Rostock 1875).

³⁾ In terra Polaborum multiplicatae sunt ecclesiae instantia domini Everardi episcopi et Henrici comitis de Racisburg... Henricus comes adduxit multitudinem populorum de Westfalia, ut incolerent terram Polaborum, et divisit eis terram in funiculo distributionis. (Helmoldi Chron. I. 83, 91). Bernardus dux (послѣ

Шляхта—землевладельцы во владѣніяхъ епископа и графовъ ратиборскихъ, данненбергскаго и звѣринскаго, были, какъ и въ остальныхъ странахъ балтійско-полабскихъ, по большей части васалы—нѣмецкіе дворяне, особенно саксонскіе. Многие изъ нихъ получивъ помѣстья въ славянской землѣ, приняли по нимъ и названія. Такъ напр. въ самомъ концѣ XII вѣка упоминается нѣсколько васаловъ епископа ратиборскаго изъ земель ратиборской, виттенбургской и хотѣбузской: Bernardus de Mulsan, Otto Albus, Wilhelmus de Zageran, Wernerus de Marsowe, и др.; названія Молчаны, Загоряны, Маршово и пр.—это названія селъ въ ратиборской епархіи. Тоже самое встрѣчается и у васаловъ графа звѣринскаго, называвшихся напр. de Ekeseu, Gronove, Belove, Koval, Dargenow и пр., т. е. по своимъ селамъ Кидыни, Гронову, Бѣлову, Ковалямъ, Даргенову и пр. Оставшіеся полабско-славянскіе шляхтичи сдѣлались васалами новыхъ своихъ господъ, и принявъ христіанскія имена и, по примѣру нѣмецкихъ васаловъ—новыя названія по своимъ имѣніямъ, скоро исчезли въ массѣ нѣмецкихъ дворянъ. По этой причинѣ нельзя уже различить шляхты нѣмецкаго и славянскаго происхожденія; одно только имя можетъ еще свидѣтельствовать о славянскомъ происхожденіи. Такъ напр. рыцарь епископа ратиборскаго *Дарюмыслъ изъ Клодрѣвъ* (miles Dargumozle de Clodram, 1190—95)—несомнѣнно славянскій шляхтичъ назвавшійся по селу Клодрѣвамъ у Виттенбурга; можетъ быть, что и часто упоминаемый (1230—1239) васалъ епископа *Вартумъ* (Вартиславъ) былъ шляхтичъ. Около графовъ данненбергскихъ упоминаются во второй половинѣ XIII вѣка (1252—1285 гг.) рыцари Германнъ и Генрихъ *Дарюславы* (Dargezlawus, Dargheslawe), князь Бернардъ Даргославъ (1289); позже, въ XIV вѣкѣ, Даргославъ Черный, владѣлецъ села Бекентина, князи Бернардъ и Конрадъ Даргославы (B. et C. Dargeslaw, 1333), и пр. Эти Даргославы или Даргаша имѣли помѣстья около монастыря эльденскаго (на Эльдѣ) еще въ половинѣ XIV вѣка. Изъ полабско-бодричскихъ странъ этотъ родъ распространился и за Лабу въ залабское графство данненбергское,—гдѣ существовалъ еще въ концѣ XIV вѣка,—и на востокъ въ земли старгардскую, розтоцею и верельскую.

1166 г.) strenue se gerebat et Sclavorum impetus non sine magna difficultate saepius sustinebat; ipse tamen ejectis Selavis in die iu diem in terra proficiebat. (Arnoldi Chron. V. 7).

О Славянахъ въ рядахъ ратиборскаго *духовенства* ничего не знаемъ; оно было исключительно нѣмецкое. Равнымъ образомъ Нѣмцами наполнялись монастыри и дома рыцарскихъ орденовъ, напр. женскіе монастыри, бенедикт. въ Ренѣ, цистерц. въ Эльденѣ и Чарлѣтинѣ, основанные въ первой половинѣ XIII вѣка, дома Іоаннитовъ въ Кцини (Eixin) и въ Кракахъ, и пр.

Тоже самое надо сказать и о новыхъ *нѣмецкихъ городахъ*. Древнеславянскій Звѣринъ пожалованъ уже въ 1160 г. городскимъ правомъ нѣмцами; первые по именамъ извѣстные мѣщане XII вѣка носятъ нѣмецкія названія (Walwanus, Reingerus, Willelmus, Weszelinue, Ruszelinus), и такъ было и въ послѣдующихъ вѣкахъ; только въ 1318 г. одинъ мѣщанинъ звѣринскій называется Славянинъ (Hermannus Sclavus). Въ половинѣ XIII вѣка возникли города и мѣстечки Грабовъ, Нейштадтъ (Nova Civitas Gleve, Chlewa), Бойценбургъ, Домелицъ (Dömitz) и др. Мѣщане призваны въ города изъ разныхъ странъ (a remotis partibus et mundi climatibus, какъ говорится въ жалованной грамотѣ грабовской). О Славянахъ въ городахъ графствъ ратиборскаго, звѣринскаго и данненбергскаго не знаемъ ничего; только кызъ (kietz) въ Нейштадтѣ (1576 г.) указываетъ на бывшее славянское населеніе.

Нѣмцы наполняли и ряды сельскаго народонаселенія, и наплывъ этихъ колонистовъ въ бывшее княженіе Прибислава, въ земли вагорскую и полабскую, былъ такъ значителенъ, что уже ок. 1170 г. современники считаютъ землю отъ границъ Даніи между моремъ балтійскимъ и Лабой до Звѣрина — землей нѣмецкой. „Вся земля Славянъ,“ пишетъ житель Вагрии, Гельмольдъ, „которая простирается отъ рѣки Эндоры на границѣ Даніи между моремъ балтійскимъ и Лабой по далекимъ странамъ до самаго Звѣрина, прежде страшная разбоями и почти пустая, вся обратилась теперь съ помощью божіей будто въ одну колонію Саксовъ; въ ней строятся города и мѣстечки, умножаются церкви и увеличивается число слугъ Христовыхъ.“ Кромѣ „божіей помощи,“ обезпечилъ обширную колонію нѣмецкую противъ „разбоевъ“ Славянъ, и графъ звѣринскій Гунцелинъ, дѣйствуя очень радикальными мѣрами. „Такъ какъ славянскіе разбойники беспокоили Нѣмцевъ, проживающихъ въ Звѣринѣ и въ окрестностяхъ, то храбрый графъ Гунцелинъ приказалъ своимъ, чтобъ они всѣхъ Славянъ, которыхъ бы застigli бродящими безъ видимой надобности въ пустыхъ захолустяхъ, ловили и сейчасъ вѣшали. Такимъ образомъ прекратились совсѣмъ

воровства и разбои Славянъ⁴ 1). Колонизація земли Полабинъ и западныхъ Бодричей Саксами оказывается однако не такой громадной, какъ ее рисуетъ современный лѣтописецъ; другія современные извѣстія показываютъ, что значительные остатки Славянъ сохранились въ Полабѣ еще до первой половины XIII вѣка.

Между подвластными епископу ратиборскому (равнымъ образомъ и старгардскому и звѣринскому) Славянами и Нѣмцами образовалась съ самаго начала нѣмецкой колонизаціи та разница, что Нѣмцы платили епископу обыкновенную тогда въ западноевропейскихъ земляхъ десятину, а Славяне особую подать, *бископовницу* или *бископовницу*, т. е. съ рала три или два корца хлѣба, извѣстное количество льну и денегъ. Эта бископовница называлась прямо подать славянская, право славянское (*census Sclavorum, jus sclavicum*). Кромѣ бископовницы въ ратиборской епархіи была и другая подать, *куново*, очевидно, славянскаго происхожденія, но неизвѣстно, въ чемъ именно она состояла²). Но эту бископовницу считали нѣмецкіе господа, герцогъ и епископъ, только временнымъ доходомъ, считывая на то, что Славяне скоро уступятъ нѣмецкимъ колонистамъ. Уже герцогъ Генрихъ Левъ, учреждая ратиборскую епископію, заявляетъ надежду, что со временемъ, послѣ вытѣсненія Славянъ, вся земля полабская будетъ платить епископу десятину (*postquam autem Sclavis ejectis terra decimalis facta fuerit, decima tota vacabit episcopo*). Такую же мысль выражаетъ и епископъ ратиборскій, отдавая десятины въ землѣ ванинской (между Валеровой, Лабой и Эльдой) графу данненбергскому. „Пока въ той землѣ живутъ Славяне,“ говоритъ онъ, „то епископъ будетъ здѣсь всецѣло пользоваться надъ всѣми Славянами своимъ славянскимъ правомъ;

¹) Этими циническими словами кончаетъ Гельмольдъ свою хроникку славянскую (II. 14).

²) *Census Sclavorum—de unco tres mensurae-kuriz-siliginis, solidus unus, topus lini unus (pullus unus)*. (Ратиборскія грамоты 1158—1174 гг.). *Redditus episcopales de Sclavis-de aratro tres modios-curitce-siliginis et 12 nummos* (Helmoldi Chron. I. 87). Слово *бископовница* встрѣчается только въ звѣринской епархіи. *Куново* встрѣчается только въ одной грамотѣ ратиборскаго епископа Филиппа 1208 года (*quatuor mansi cum omni jure, censu, scilicet decima et chynove, in villa Bentin in territorio Wittenburch*). Указываемъ на друскую кунницу, и на плату Славянокъ за разводъ *«versne penninge»* (*färsepenning*) въ магдебургской епархіи (*Sachsenspiegel* III. 73, § 3).

но когда въ ту землю войдутъ нѣм. колонисты, то графъ получитъ десятину (*quamdiu Sclavi illam terram incolerent, episcopus integraliter super omnes Sclavos suo sclavico jure gauderet; cum autem in eandem terram Theutonici coloni intrarent et decimam darent, comes beneficio suo gauderet et decimam perciperet*). Относительно другой земли, ябельской, между Судой и Валеровой, графъ обязался, что въ теченіи десяти лѣтъ введетъ тамъ десятины, и половину будетъ держать онъ въ ленномъ владѣніи, половина же останется епископу. Однако нѣмецкая колонизація не удавалась въ тѣхъ странахъ; и именно въ этомъ углу Полабіи славянское населеніе сохранилось въ позднѣйшія времена, какъ это ниже увидимъ. Тоже самое, что въ земляхъ графа данненбергскаго, случилось вѣроятно и въ звѣринскомъ графствѣ; такъ на пр. въ землѣ желѣзенской уже въ концѣ XII вѣка (1191 г.) епископъ звѣринскій владѣлъ половиной десятины.

Нѣмецкая колонизація полабско-бодричскихъ земель происходила извѣстнымъ образомъ. По нѣмецкому праву основывались либо новыя селенія, либо преобразовывались уже существовавшія; селенія были или обыкновенныя села (*villae, dörfer*), или такъ назыв. гагены (*indagine, hagen*, отъ *hāgen, hegen*—обвести заборомъ), послѣдніе основываемые обыкновенно въ расчищенной лѣсной почвѣ. Въ селлахъ общепотребительной полевой мѣрой была — обыкновенная гуфа (*mansus, houe, hufe*, позже *landhufe*, по 30 морговъ-*jugera*), въ гагенахъ — такъ назыв. гагергуфа (*mansus indaginis, m. indaginarius, hagerhufe*, по 60 морговъ); старосты селъ назывались шульцы (*magister villae, m. civium, villicus*, также *scultetus, schulze, bauergeister*), старосты гагеновъ-гагемейстеры (*magister indaginis, hagemeister*). Такими сельскими старостами-судьями дѣлались основатели-колонизаторы новыхъ селеній; землевладѣльцы поручали имъ основать или преобразовать село по нѣмецкому праву и заселить его поселянами на извѣстныхъ условіяхъ; за то они пользовались извѣстными выгодами, именно приобрѣтали званіе шульца въ потомствѣнное право, получали въ ленъ свободныя отъ податей гуфы (*mansi liberi, settenke, besettinge*—т. е. *besetzung, mansi ad jus quod settenke vocatur*), и, какъ предсѣдатели сельскаго суда (*ding*), часть судебныхъ штрафовъ. Крестьяне — наследственные арендаторы, платили, натурой и деньгами, господамъ — оброкъ (*pactus, census*), государю — подать (*precaria, bede*), церкви—деся-

тину, отдаваемую впрочемъ обыкновенно въ ленъ государю, земле-
владѣльцамъ, даже шульцамъ ¹⁾).

Что касается кореннаго славянскаго населенія, то его участь была разнообразна. Иногда славянскія села, наравнѣ съ нѣмецкими, приобретали нѣмецкое право. Такъ на пр. въ 1220 г. звѣринскій графъ велѣлъ заявить публично на торговой площади звѣринской, что онъ, по просьбѣ своей жены, пожаловалъ нѣмецкое право Славянамъ, которые тогда жили и впредь будутъ жить въ подаренномъ графинѣ селѣ Брушевичахъ (*dedi Slavis villam Bruzevizdhorj inhabitantibus et postmodum inhabitare volentibus jus teutonicale*). Дальше постановлено, что, если какой-нибудь Славянинъ уйдетъ изъ села, то онъ долженъ заплатить извѣстный штрафъ, какъ этого требуетъ нѣмецкое право (*ut si aliquis Slavorum villam inhabitancium delinqueret vel quocunque modo excederet, secundum quod exigent jura teuthonicaia, cogereetur emendare*). Извѣстное количество гуфъ получили, по феодальному праву, три живущихъ въ селѣ брата, Витъ, Бахоръ и Даргуй, и Генрихъ сынъ Вита,—стало быть какъ шульцы; они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобъ Славяне этого села точно исполняли свои обязанности относительно своихъ имѣнй (*ut ipsius villae Slavi de bonis suis jure tali eis dato diligencius respondeant*). Какъ долго сохранилось здѣсь славянское населеніе—не извѣстно; но память о немъ сохранилась до второй XIV вѣка въ названіи села „славянскаго“ (*slavica Bruzevitze*, 1357 г.). Правда, приведенный здѣсь примѣръ пожалованія нѣмецкаго права славянскому селу, единственный намъ извѣстный; но то, что случилось въ Брушевичахъ, могло случиться и въ другихъ селахъ славянскихъ; и въ нихъ вводились порядки нѣмецкаго права, шульцы, гуфы, десятины и пр.

Еще въ первой половинѣ XIII вѣка, въ числѣ лицъ владѣвшихъ ленами въ селахъ, встрѣчаемъ лица съ славянскими именами, на пр. Вартуша (Вартислава), владѣвшаго свободными гуфами во многихъ селахъ ратиборскаго епископа, Болъка (*Boleko*, *Boleke*, *Boleslava*), Ратимира и др.; это конечно не Нѣмцы, а Славяне. На славянскихъ колонизаторовъ-основателей селъ указываютъ тоже названія селъ, очевидно уже новыхъ, основанныхъ во время

¹⁾ Эту колонизацію подробно разсматривалъ Ernst: Die colonisation Meklenburgs im XII u. XIII jhdt. (Schirmacher: Beiträge zur geschichte Meklenburgs, Rostock 1875, II. bd.).

происходящей нѣмецкой колонизаціи; подлѣ селъ, называемыхъ на пр. villa Conradi, v. Walteri, v. Reinwardi, v. Ноуке (владѣвшій въ селѣ одной гуфой) и пр. — встрѣчаются села, называемыя по Вартушу (villa Wartus, который здѣсь владѣлъ двумя гуфами), Завишѣ (Zauiztorp), Славку (Slaukestorp), Ратишу (Ratistorp), Войтину (Woitentorp), Чарнику (Tsarnekestorp), Мирославу (villa Merzlai), Радостѣ (Radestontorpe), и пр. Эти названія означаютъ не только владѣльцевъ селъ, но также основателей-шульцовъ. Иногда Славяне оставались въ своемъ по нѣмецки устраиваемомъ селѣ, и продолжали въ немъ жить вмѣстѣ съ новыми нѣмецкими пришельцами, пользуясь—по всей вѣроятности—тоже новымъ правомъ нѣмецкимъ. Такъ на пр. еще во второй половинѣ XIII вѣка въ селѣ Лосичахъ жили „Славяне и крестьяне“ (Slavi et cives), послѣдніе конечно Нѣмцы; тѣ и другіе должны были тогда удалиться. Отдѣльные Славяне встрѣчаются — до самаго начала XIV вѣка — въ разныхъ селахъ старинныхъ земель полабско-бодричскихъ, на пр. въ Лстровицѣ, Гонкирхенѣ, Козловѣ, Гоголевѣ, Накунсторпѣ, Свишовѣ, на островѣ Полѣ и пр. Эти вмѣстѣ съ Нѣмцами жившіе Славяне, принявъ нѣмецкіе порядки, со временемъ онѣмечились. Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Славяне не исключались изъ новой колонизаціи, а что они иногда тоже въ ней участвовали.

Славянѣ встрѣчаемъ еще въ первой половинѣ XIII вѣка во многихъ новыхъ селахъ, основанныхъ уже во время нѣмецкой колонизаціи; такъ на пр. въ селахъ называемыхъ Elisabet, Sciphorst, } villa Walteri, v. Conradi, Vulnustorp и др., жили тогда славянскіе крестьяне, стало быть, славянскіе колонисты, поселившіеся въ новыхъ селеніяхъ, основанныхъ Вальтеромъ, Конрадомъ и пр. Въ такихъ славянскихъ селахъ не было нѣмецкихъ порядковъ, и отсутствіе леновъ—обыкновенный признакъ такихъ селъ (Sclavi sunt, nullum beneficium est); въ нихъ, слѣдовательно не было и наслѣдственныхъ шульцовъ, не было гуфъ, а старинная рала; въ нихъ епископъ не собиралъ десятины, а славянскую бископовницу. Послѣдніе слѣды этого „славянскаго права“ въ селахъ—исчезаютъ въ земляхъ восточно-бодричскихъ (мекленбургскихъ) въ началѣ XIV вѣка. Кромѣ такихъ славянскихъ селъ были еще другія „славянскія“ села, которыя возникли вслѣдствіе раздѣленія села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую. Нѣмецкіе колонисты заняли существовавшее уже село и часть полей; Славяне же, удалившись изъ него, осно-

вали вблизи новое село, за которымъ осталось и старинное названіе, но съ прозвищемъ „славянское“ или „малое,“ въ отличіе отъ занятаго Нѣмцами „нѣмецкаго“ или „большаго.“ Но не во всѣхъ такихъ „славянскихъ“ селахъ сохранилось славянское устройство. Во многихъ уже въ теченіи первой половины XIII вѣка встрѣчаются гуфы, свободныя гуфы (*besettinge*), шульцы, десятины, отдаваемые въ лены, — слѣдовательно нѣмецкіе порядки. По этому можно предполагать, что и такія „славянскія“ села успѣли уже занять нѣмецкіе колонисты; обитавшіе въ нихъ Славяне или удалились или онѣмечились.

Удаленіе Славянъ изъ селеній производилось *экспроприаціей* за извѣстное вознагражденіе. О такой экспроприаціи прямо говорится въ землѣ дерчинской, между Лабой и Валеровой, въ которой еще въ первой половинѣ XIII вѣка жили Славяне, платившіе епископу ратиборскому бископовницу (*in terra Dirtzinke Sclavi sunt, ubi episcopus suo sclavico jure gaudebit*). Когда въ началѣ второй половины того вѣка (1258 г.) нѣкоторыя земли на нижней Лабѣ, именно болотистыя мѣста около Блекеде, Тельтова и въ Дерчинкѣ, раздѣлились между герцогами саксонскимъ и брауншвейгскимъ, то оба герцога имѣли въ виду новую колонизацію этихъ странъ (*ad colendum et in agros redigendum locabant cultoribus*); оба обязались позаботиться о томъ, чтобъ тамошніе землевладѣльцы были удалены, получивъ взаменъ либо другія имѣнія либо извѣстное вознагражденіе. Такъ было именно въ Дерчинкѣ (*ut illi, qui bona habent super Dertsingen, amoveantur vel aliorum bonorum restauro vel precio*). Но этотъ планъ не сейчасъ осуществился; еще черезъ нѣсколько лѣтъ (1261 г.) говорится только о предстоящей колонизаціи дерчинской земли (*terra D. cum primum possessa fuerit et excoli inserperit*). Въ началѣ XIV вѣка, нѣмецкій языкъ въ этой землѣ былъ уже общеупотребительнымъ ¹⁾. Такая же экспроприація случилась и въ селѣ Славянскомъ Богачѣ (Slavicum Pogatzse, срв. чеш. Bohatice) у Ратибора; въ 1250 г. продалъ это село Эвергардъ Браке вагорскому монастырю Рейнфельду, съ условіемъ, чтобъ монахи удалили Славянъ изъ Богачья мирно и дружно въ теченіи года съ полнымъ вознагражденіемъ (*Slavos de Pogaz pacifice et*

¹⁾ Въ 1306 г. были здѣсь *villae Mansus Monachorum in vulgari Moneke Huve, Willekendorf, Bonatze*, и острова *Overste Werder, Nederste Werder*; все это принадлежало Генриху Рыбъ.

amicis amovere et ad dampna sive iura ipsorum plenarie respondere tenebuntur per curriculum anni). Село прозвано Holstendorf (такъ называется въ XV вѣкѣ), какъ видно, по новымъ колонистамъ Гользатамъ (изъ Гольштейна). Подобное этому случилось и въ селѣ Лосичахъ (у Гагенава въ землѣ виттенбургской), когда графъ звѣринскій Гельмольдъ продалъ его тому же самому монастырю Рейнфельду (1285 г.). Въ Лосичахъ было тогда еще смѣшанное население, „Славяне и крестьяне (Slavi et cives),“ послѣдніе конечно Нѣмцы. Графъ обязывается, что онъ на всегда удалитъ всѣхъ Славянъ и другихъ крестьянъ этого села, такъ что они добровольно уйдутъ, и откажутся отъ всѣхъ правъ и отъ всей собственности въ томъ селѣ; въ случаѣ же, если потомъ кто-нибудь изъ нихъ станетъ беспокоить монастырь, то графъ послѣднему не откажетъ въ помощи (velimus et debeamus omnes Slavos et cives villam Losiz nunc inhabitantes, eliminare et sine omni spe reversionis hoc cum eis agere, ut voluntarie recedendo nihil juris aut proprietatis se habere in villa eadem publice recognoscant; et si forte, quod absit, quisquam eorum predictam ecclesiam propter hoc molestare voluerit in futurum, nos eis in hoc esse auxilio debeamus). Впослѣдствіи въ Лосичахъ Славяне уже не упоминаются. Экспроприация касается здѣсь одинаково Славянъ и Нѣмцевъ; какимъ именно образомъ она происходила, неизвѣстно. На экспроприацию Нѣмцевъ указываетъ одинъ примѣръ изъ второй половины XIII вѣка. Около Ратибора въ землѣ бытиской упоминается въ половинѣ XII вѣка село Радомышль, первоначально, конечно, славянское. Со временемъ, неизвѣстно когда именно, это село сдѣлалось нѣмецкимъ. Уже ок. 1238 г. здѣсь были урочища, называемыя holenwege, halsbrok, и во второй половинѣ XIII вѣка тамошніе крестьяне носятъ нѣмецкія названія: Nyebur, Bonde Rolant, Blancs, Fubeterne, Lubbe. Тогда (1285 г.) радомышльскіе крестьяне, въ виду окончанія аренднаго срока пользованія землями, оставили, по распоряженію своихъ господъ, ратиборскаго капитула, добровольно свое село, получивъ вознагражденіе за свои дома и сады. Примѣръ насильственнаго *изнанія* Славянъ изъ села встрѣчается въ восточно-бодричскихъ земляхъ.

Желаніе замѣнить славянскихъ крестьянъ нѣмецкими колонистами-продолжалось у нѣмецкихъ господъ все время. Для нѣмецкихъ господъ Полабин и смежныхъ странъ удаленіе и исчезновеніе славянскихъ подданныхъ было дѣломъ уже рѣшеннымъ, со-

ставляло только вопросъ времени; а повсемѣстное распространеніе нѣмецкихъ колонистовъ было для нихъ верхомъ ихъ желаній и конечной цѣлью. Не смотря уже на національный антагонизмъ, это желаніе имѣло еще другія болѣе важныя причины, именно финансовыя; оброкъ и десятина давали больше доходовъ, чѣмъ подати Славянъ. Мы видѣли, что уже въ XII вѣкѣ герцогъ саксонскій и епископъ ратиборскій рассчитываютъ на удаленіе Славянъ, и на замѣненіе ихъ нѣмецкими колонистами, первый во всей епархіи ратиборской, другой въ нѣкоторыхъ полабскихъ земляхъ. Но дѣйствительность не соотвѣтствовала желаніямъ; процессъ колонизаціи и германизаціи не подвигался такъ быстро, какъ желали его виновники. Еще ок. 1230 г. тѣже самыя земли полабскія между Лабой, Эльдой, Судой и Валеровой, въ которыхъ ратиборскій епископъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ желалъ ввести нѣмецкихъ колонистовъ и десятины, были по большей части заселены Славянами. Въ земляхъ ябельской и дерчинской все еще жили Славяне, а епископъ пользовался здѣсь своимъ „славянскимъ правомъ“ (*suo slavico iure*), т. е. собиралъ извѣстную бископовницу; о ябельской землѣ выражается еще только надежда, что, когда она будетъ заселена Нѣмцами (*cum inculta fuerit a Teutonicis*), десятины будутъ принадлежать по-поламъ графу данненбергскому и епископу. Мы видѣли, что въ землѣ дерчинской еще во второй половинѣ XIII вѣка не были удалены старинныя землевладѣльцы, стало-быть Славяне. Въ землѣ вапинской Славяне уже не приводятся, и такъ какъ графъ данненбергскій владѣлъ здѣсь всѣми десятинами, то жители этой земли были Нѣмцы или-же принявшіе нѣмецкіе порядки Славяне. Такое желаніе поселить, на сколько возможно, вездѣ нѣмецкихъ колонистовъ, встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ полабско-бодрическихъ. Такъ напр. село Мармочье въ землѣ брежанской (у Весміря) было ок. 1230 г. еще славянскимъ; но уже является надежда, что скоро Нѣмцы его займутъ и такимъ образомъ измѣнится и его устройство; Вартушъ получить двѣ гуфы какъ *besettinge*, и половина десятины достанется епископу. (*Marmotse slavica villa est; dum Teutonici intraverint, Wartus duos [mansos] habebit, praeter quos dimidia [decima] vacabit episcopo*). Въ владѣніяхъ графа звѣринскаго село Суловъ (на югѣ отъ Звѣрина) въ 1217 г., когда оно пожаловано Іоаннитамъ, было еще славянскимъ, но уже тогда имѣлось въ виду введеніе туда

нѣмецкихъ колонистовъ (praedestinaueramus Teuthonicis ibidem cultoribus a nobis constituendis).

Съ усиливающейся германизацией и съ исчезновеніемъ славянскаго народонаселенія стали исчезать и измѣняться нѣкоторыя старинныя славянскія названія мѣстъ, и замѣняться нѣмецкими. Такъ на пр. село Валегоць съ конца XII вѣка называется уже Walegotesuelde, съ прибавленіемъ нѣмецкаго—feld, выше упомянутое село Брушевичи—Brusevitzdorf (1220), хотя еще въ XIV вѣкѣ (1357) извѣстна была и славянская форма (Slavica Brusevitz); Суловъ — Zilistorp (1269); село Лисково у Звѣрина уже во второй половинѣ XII вѣка (1171—1186) совсѣмъ переименовало свое названіе въ Alta Villa, Hontorp (Hohendorf), выше упомянутое село Славянское Богачье—въ Holstendorf, рѣчка Чарная у монастыря Чарнатина стала называться Tsarnestrom (1246), и пр. Разумѣется, что и удѣлявшія старинныя названія славянскія подвергались съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ; такъ на пр. вмѣсто древнихъ формъ Chotebus (Godebus), Dusnik (Düsnik), Tsergentin, — въ которыхъ не трудно узнать славянскія Хотѣбузь, Душники, Чарнатины—являются позже Gadebusch, Dysnak, Zarrentiu.

Съ нѣмецкимъ владычествомъ исчезали и разныя славянскія учрежденія, и замѣнялись нѣмецкими. Такъ на пр. исчезаютъ вездѣ въ полабскихъ и бодричско-мекленбургскихъ земляхъ рала (unsi, haken), полевая мѣра извѣстная еще во второй половинѣ XII вѣка, а въ ябельской землѣ еще ок. 1230 года; вмѣсто рала (hakenhufe) входитъ въ употребленіе нѣмецкая гуфа (mansus, landhufe); единственнымъ остаткомъ стариннаго рала въ Мекленбургѣ — это до сихъ поръ извѣстное *haakisen* (haskeisen), т. е. малое поле засѣянное меньше чѣмъ однимъ борцомъ (scheffel). Десятины и гуфы, замѣняя бископовницу и рала, свидѣтельствуютъ, какъ уже сказано, о прогресѣ нѣмецкой колонизаціи или о постепенномъ отчужденіи Славянъ отъ старинныхъ порядковъ и нравовъ. Славянскія названія извѣстныхъ податей и повинностей, на пр. войводница, бископовница, куноро, исчезаютъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка; вмѣсто нихъ являются нѣмецкія учрежденія, въ родѣ burgwerk, brukkenwerk, и пр.

Самое названіе племени *Полаблянъ* осталось извѣстнымъ до конца XII вѣка. Его знаетъ еще лѣтописецъ Арнольдъ, приводя Полаблянъ вмѣстѣ съ Ранами и Бодричами (Rani cum Polabis et Oboritris, а. 1198).

Въ заключеніе попробуемъ прослѣдить подробнѣе первоначальную колонизацію славянскую, послѣдующую за ней колонизацію нѣмецкую, и постепенное исчезновеніе славянскаго элемента въ землѣ Полабѣи и западныхъ Бодричей въ предѣлахъ ратиборской епархіи. Для этой цѣли воспользуемся преимущественно подробнымъ перечнемъ приходоѡ и селѡ епархіи (ок. 1230—1234 гг.). Изъ этого любопытнаго памятника видно, что большая часть селѡ въ тѣхъ земляхъ была устроена уже по нѣмецки; въ нихъ были уже гуфы и свободныя ленныя гуфы (*settenke*); крестьяне платили десятину, которая отдавалась — обыкновенно половина, иногда и меньше — въ ленное владѣніе шляхтичамъ, духовнымъ и другимъ лицамъ. Часть селеній находилась тогда еще въ переходномъ состояніи; нѣкоторыя приводятся только по названіямъ, безъ леноѡ и десятиныѡ, такъ что можно предполагать, что они не были еще измѣрены и устроены; въ другихъ селеніяхъ упоминаются десятины, а не лены; въ селеніяхъ, въ которыхъ жили еще Славяне, не было ни леноѡ ни десятиныѡ (*Slavi sunt, nullum beneficium est*).

Первоначальная *славянская колонизація* тѣхъ странъ выражается чисто славянской географической номенклатурой, въ такомъ родѣ, какъ мы ее сгруппировали въ началѣ нашего изслѣдованія. Что касается послѣдующей за тѣмъ *нѣмецкой колонизаціи*, — начавшейся въ полабскихъ и западободричскихъ странахъ съ половины XII вѣка, — то надо замѣтить, что нѣмецкіе колонисты заняли старинныя славянскія селенія (съ славянскими названіями) и новыя съ нѣмецкими названіями (обыкновенно съ окончаніемъ—*dorf*). вмѣстѣ съ этой происходившей колонизаціей нѣмецкой происходила отчасти и новая колонизація славянская: Славяне стали заселять вновь построенныя селенія, или переселялись въ особыя селенія, означаемыя прозвищемъ „славянскія;“ эти селенія часто носятъ уже нѣмецкія названія, и ихъ, хотя занятыхъ Славянами, нельзя уже причислить къ первоначальной славянской колонизаціи, равнымъ образомъ какъ и селеній съ названіями въ родѣ выше упомянутыхъ *Slaukestorp, Ratistorp, Zauiztorp, villa Merzlai* и пр., основанныхъ уже во время нѣмецкаго владычества.

Раньше всѣхъ отмѣчалась земля *заделбѣдская*. Уже въ началѣ второй половины XII в. (1162), у впаденія Вѣлины въ Лабу, существовало нѣсколько селѡ съ нѣмецкими названіями, съ обыкновенными окончаніями — *flet*, — *muthe*, — *torp*. Ок. 1230 г. въ Заделбѣдѣ было 22 села съ названіями славянскими, а 35 съ

нѣмецкими; но только 8 селъ называются „славянскими“ (slavicæ villæ: Lelescowe, Wancelowe, Grabowe, Grove, Sclavicum Pampowe, Putrowe, Elmhorst, Cemerstorp), въ которыхъ однако вездѣ встрѣчаются гуфы (mansî). Нѣкоторыя изъ этихъ „славянскихъ“ селъ основаны уже въ нѣмецкій періодъ (Elmhorst, Cemerstorp, Scl. Pampowe), равнымъ образомъ какъ и село Wenthorp, упоминаемое еще въ началѣ XIII в. (1217 г.). Дальше Славянъ въ Заделбандѣ не встрѣчаемъ. Славянскому вліанію надо вѣроятно приписать, что въ той землѣ еще ок. 1230 г. не платились десятины, а известное количество хлѣба, стало быть, родъ бископовницы (in Sadelbandia de quadam pessima consuetudine 4 tantum modii siliginis pro decima dantur episcopo de quolibet manso).

Въ *бойценбургской землѣ* было въ 1230 году около 9 селеній съ славянск. назв., около 7 съ нѣмецкими. Славяне уже не упоминаются нигдѣ.

Въ *бытинской землѣ* встрѣчаемъ уже въ половинѣ XII вѣка (1158 г.) села Bunîstorp и Manhage, съ прибавленіемъ, что это мѣсто называется такъ на общеупотребительномъ языкѣ (locus qui vulgo M. dicitur). Въ концѣ этого вѣка (1194 г.) въ той землѣ приводится 7 селеній съ назв. слав., 5 съ нѣм.; всѣ они платили десятину. Въ числѣ первыхъ было село Щитно (Citene), тогда только одно этого имени; но уже въ первой половинѣ XIII вѣка оно раздѣлилось на два села, Щитно или Щитно большое, стало быть нѣмецкое, и Щитно малое, славянское (Citene majus et minus 1236, Cythene majus et slavicalis 1294 — 1295, Cithae slavicalis 1337, и проч. ¹⁾).

Въ *ратиборской землѣ* до конца XII вѣка известно уже 18 селъ съ нѣмецкими названіями (20 слав.). По подробному же перечню селеній около 1230 г., первоначальная славянская колонизація этой земли, выражается 70-ю селами, нѣмецкая же (и происходящая рядомъ съ ней славянская) числомъ 40. „Славянскихъ“ селъ (подлѣ „нѣмецкихъ“ того же самого названія) было тогда въ ратиборской землѣ 11: Карлово, Турово, Чахоры, Загоряны, Жаровъ, Паркетинъ, Богачье, Sethorp, Sirikesvelde; къ нимъ надо при-

¹⁾ Въ названіяхъ земель бытинской (terra Butin, Буотин еще въ 1288 г., потомъ vogtei Schönberg) и бойценбургской (Boyseneburg, Boizineburg, теперь Boizenburg, вѣроятно городъ Бытень, Бытинъ) и рѣки Быцы (Boize), сохранилось названіе стариннаго племени Бытиничей (Bethenici). Срз. польск. Вутицъ.

числить и Minus Belenthorp и Minus Mankere. Всѣ они платили уже десятину, отданную епископомъ въ ленное владѣніе; такъ напр., половиной десятины владѣли въ Славянскомъ Карловѣ — Godescalcus, въ Сл. Туровѣ — Otto Albus, въ Сл. Чахорахъ — Walter de Paniz, въ Сл. Жаровѣ — Ekkehardus, и пр. Только въ четырехъ селахъ прямо приводятся Славяне, именно въ селахъ: Елисавета (villa Elisabet tota sclavica est), Славянскомъ Паркетинѣ, Слав. Богачѣ и въ селѣ Sciphorst, съ прибавленіемъ, что здѣсь нѣтъ леновъ (Sclavi sunt, nullum beneficium est). Прозвище „славянское“ носятъ нѣкоторые села еще въ XIV вѣкѣ, напр. Сл. Сирикесфельде (1291), Чахоры и Радестонторпе (1335).

Въ *виттенбургской землѣ* извѣстно до конца XII вѣка пять селъ съ нѣмецкими названіями (подлѣ 21 слав.). Въ этой землѣ основано мало новыхъ нѣмецкихъ селъ; ок. 1230 г. первоначальная славянская колонизація выражается 73-мя, а нѣмецкая только 17-ю. Славяне однако упоминаются только въ четырехъ селахъ съ извѣстными прибавленіемъ, что здѣсь леновъ нѣтъ (Vis, Gorezlawe, Scarbenowe, Cetsin); село Slavicum Nienthorp уже платило десятину. Впослѣдствіи, около монастыря Чарнѣтина упоминаются еще „славянскія“ села Вокендорпъ (villa slavica Wokendorpe 1253, позже уже безъ прозванія „славянское“), и Велчинъ (Weltcin slavicalis, Wendesche Weltcin 1284—1345). Въ послѣднемъ селѣ встрѣчаются въ 1284 г. гуфы, стало быть, нѣмецкое устройство.

Въ *хотьбузской землѣ* было около 1230 г. селъ съ слав. назв. 35, съ нѣм. — 21. Прямо Славяне нигдѣ не приводятся; а только пять селъ носятъ прозвище славянскихъ — sclavicum (Nesowe, Wutsekowe, Hinlenberge, Knesen, Sadewalz); къ нимъ надо вѣроятно причислить и „новое село“ у Турборовъ (nova villa prope Turbore). Жили-ли въ тѣхъ селахъ еще Славяне, не знаемъ; большинство этихъ селъ приводится въ спискѣ только по именамъ, безъ всякихъ данныхъ; а только въ Сл. Нешовѣ и Sadewalz была уже введена десятина; остальные три „славянскія“ села не были, кажется, устроены. Славянское село Нешово (подлѣ нѣмецкаго) упоминается ок. 1300 г., и позже (1326 г.) Сл. Росеница или Рожница.

Деричевская (дарчовская) *земля*, при впаденіи Травны въ балтійское море, была во время славянскаго владычества очень мало населена. Около 1230 г. было здѣсь всего только 4 села съ слав. названіями, а 21 съ назв. нѣмецкими, преимущественно съ окон-

чаниями—hagen,—dorf (село Bischopestorp существовало уже в половинѣ XII вѣка); села назывались по основателямъ, Нѣмцамъ (Танкмару, Рейнварду, Вильгельму и пр.). Славяне упоминаются только в трехъ селеніяхъ (безъ леновъ), въ Вотеничахъ, Славянскомъ Erkense, и въ основанномъ у самаго села Рейнварда славянскомъ селѣ (sclavica villa in agris villae Reinwardi).

Ключская земля была покрыта лѣсомъ, и по этой причинѣ она еще в первой половинѣ XIII вѣка называется просто ключскимъ лѣсомъ. (silva Clutze, nemus Clutse). Нѣмецкіе колонисты здѣсь, равнымъ образомъ какъ и въ сосѣдней дарчовской землѣ, заняли незаселенныя земли, и должны были расчищать лѣсъ. Это продолжалось в теченіи первой половины XIII вѣка, и еще в 1222 г. епископъ имѣлъ в виду введеніе десятины в ключскомъ лѣсу, когда онъ будетъ заселенъ (postquam culta fuerit). По этой причинѣ ок. 1230 г. в ключской землѣ было только 7 селъ съ слав. названіями, а селъ съ нѣмецкими названіями встрѣчается 20. Славяне здѣсь прямо не упоминаются тогда нигдѣ. В ключской землѣ былъ и лѣсъ Тарновица, в которомъ ок. 1222 г. имѣлось в виду основаніе нѣсколькихъ церквей (ecclesiae fundandae in silva Tarneviz). Не знаемъ ближе колонизаціи этого лѣса; знаемъ только, что тамошнее село Тарновица раздѣлилось на два, Т. или Т. большую—нѣмецкую, и Т. славянскую. „Славянскимъ“ называется село до XVI вѣка (Tarnevitze Slavica, Wendeske, Wendesche), а позже утрачиваетъ этотъ эпитетъ.

В *брежанской землѣ* ок. 1230 г. было 32 села съ слав. назв., 36—съ нѣмецкими. Славяне упоминаются только в 11-ти селлахъ: Marmotse, Sclavicum Crankowe, Clitse, Zscarbuz, Lutteken (т. е. малое) Warnowe, villa Walteri, villa Mauricii, villa Hermannii, villa Conradii, villa Gozwinii, Vulnustorp. Половина этихъ селъ, какъ видно, была уже новѣйшаго происхожденія; они основаны Вальтеромъ, Конрадомъ, Маврикіемъ и пр. Что касается перваго славянскаго села, Мармочья, то, какъ выше сказано, уже тогда имѣлась в виду его колонизація Нѣмцами. Кромѣ обонихъ, еще Славянами занятыхъ селъ, Славянскаго Крѣвова (срв. польск. Kракów) и Малаго Варнова, къ славянскимъ селамъ надо причислить и села Ragvum Walmanstorp (въ немъ десятины и лены), и одно изъ четырехъ селъ называемыхъ Щитно, которое приводится только по имени, безъ всякихъ данныхъ.

В послѣднихъ трехъ земляхъ (мекленбургскихъ) были ок. 1222 г.

уже вездѣ гуфы, свободныя гуфы, лены, десятины; кромѣ существовавшихъ сель имѣлось въ виду основаніе новыхъ (*villae fundatae et adhuc fundandae*).

Въ полабскихъ земляхъ *дерчинской* и *ябельской* жили тогда— какъ уже выше сказано— вездѣ Славяне, и епископъ пользовался здѣсь своимъ „славянскимъ правомъ“, т. е. собиралъ бископовницу.

Составимъ здѣсь во-первыхъ, число всѣхъ селеній ок. 1230 г. (считая селенія съ прозвищами „нѣмецкое“ и „славянское“ за одно), и во-вторыхъ, число селеній съ названіями славянскими и нѣмецкими. О селеніяхъ земель бытинской, дерчинской, ябельской, ванинской и звѣринской подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

<i>Terrae:</i>	Число всѣхъ селеній:	Селенія съ названіями	
		славянскими:	нѣмецкими:
Sadelbandia	57	22	35
Boyceneburch ¹⁾	16	9	7
Raceburch	111	70	41
Wittenburch.	90	73	17
Godebuz	56	35	21
Dartsowe.	25	4	21
Brezen	68	32	36
Clutse	27	7	20
<hr/> Всего.	<hr/> 450	<hr/> 252	<hr/> 198

Изъ этого видно хотя приблизительно, что первоначальная *славянская* колонизація земель полабскихъ и западныхъ бодричскихъ выражается *большей половиной* селеній; послѣдующая за тѣмъ новая колонизація страны, уже во время нѣмецкаго владычества, выражается *меньшей половиной*.

Половину XIII вѣка можно вообще считать гранью почти окончательной германизаціи страны Полабья и западныхъ Бодричей. Впослѣдствіи Славяне упоминаются здѣсь очень рѣдко.

IX.

Бодричи и западные Лютичи. (Мекленбургъ) ²⁾.

На востокъ отъ Вагровъ и Полабья жили собственно такъ называемые *Бодричи (Оботриты)*, между Степницей и Радигостемъ,

¹⁾ Приведенныя здѣсь числа неполны, по поводу пробѣловъ въ рукописи.

²⁾ Источники см. въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Варнавой, звѣринскимъ озеромъ и моремъ балтійскимъ, около городовъ Мекленбурга, Звѣрина, Кутина, Добина, Илова, и др. ¹⁾. Съ Бодричами рано соединились восточные ихъ сосѣди *Варни*— по рѣкѣ Варнавѣ—около Верля, Пархима, Плавъ и др. Со времени Никлота применили къ Бодричамъ и лютичскіе *Хижане* или *Кишане*, между Варнавой и Рекницей, *Чрезътыяне* между Рекницей и Пѣной, и мелкія племена около озера морицкаго и города Малахова.

Въ такихъ границахъ заключалось княженіе Никлота, когда оно — по смерти этого князя — завоевано герцогомъ Генрихомъ Львомъ (1160). Покорившимся Никлотовичамъ возвращены только восточныя, лютичскія земли—какъ лены герцога, Вартиславу земля Хижанъ съ городомъ Верлемъ, Прибиславу земля Чрезътыянь. Остальныя земли раздѣлены между васалами герцога: Звѣринъ и Иловъ достались Гунцелину изъ Гагена, Кутинъ—Лудольфу фонгу изъ Брауншвейга, Малаховъ—Лудольфу изъ Паины, Мекленбургъ—Генриху изъ Скатена. Эти новые господа бодричско-лютичскихъ странъ призвали сюда нѣмецкихъ колонистовъ, особенно Саксовъ, отчасти и Нидерландцевъ—Фландровъ ²⁾. Для этихъ вновь приобрѣтенныхъ земель учреждена новая *епископія*, съ начала въ Мекленбургѣ (уже 1154 г.), позже въ Звѣринѣ (1160).

Напрасно пытались Никлотовичи освободить свою отчину отъ нѣмецкаго владычества. Вартиславъ заплатилъ за это плѣномъ и потерей своей земли, которая отдана его дядѣ Любимиру; Прибиславъ продолжалъ военныя дѣйствія, и завоевалъ опять Иловъ, Мекленбургъ, Кутинъ, Малаховъ; тамошніе Нѣмцы или перебиты или ушли. Трогательны слова, которыя сказалъ Прибиславъ Нѣмцамъ мекленбургскимъ: „Сдѣлано мнѣ и народу моему большое на-

¹⁾ Славянское названіе *Мекленбурга* (Magnopolis, Megalopolis) неизвѣстно; можетъ быть *Веленардъ* (велий, великій городъ). Съ назв. Cuscin (Кутинъ) срв. польск. Kuciny, Kuczyn, Kuszyń.

²⁾ In terram Sclavorum confluerunt de terris suis homines Teutonici ad incolendam terram spaciosam, fertilem frumento, commodam pascuorum ubertate, abundantem pisce et carne et omnibus bonis (выраженія библія)... Heinricus de Scathen de Flandria adduxit multitudinem populorum, et collocavit eos Mikilenburg et in omnibus terminis ejus... Dux tulit nobis hereditatem patrum nostrorum, et collocavit in omnibus terminis ejus advenas, scilicet Flamingos et Hollandros, Saxones et Westfalos, atque nationes diversas. (Helmold I. 87, ll. 2). Колонисты (coloni), которыхъ поселялъ въ Оботритіи старгардскій епископъ Ваго еще въ X вѣкѣ (Helmold I. 14), позже не упоминаются.

силіе; мы прогнаны изъ родной земли, лишены отчины. Вы увеличили еще эту несправедливость, напавъ на наши земли, и завладѣвъ городами и селами, которыя по наслѣдственному праву принадлежать намъ“. Во время военныхъ дѣйствій Прибиславъ и его племянникъ Никлотъ (Николай) Вартиславичъ приняли крещеніе, и такимъ образомъ приобрѣли себѣ помощь сосѣднихъ поморскихъ князей. Борьба Прибислава съ герцогомъ Саксовъ приняла другой характеръ; борьба язычества противъ христіанства перемѣнилась въ борьбу національную, въ борьбу погибающихъ остатковъ Бодричей и Лютичей съ Нѣмцами. Но не смотря на помощь поморскихъ князей, Генрихъ Левъ, въ союзѣ съ королемъ датскимъ, скоро вытѣснилъ Прибислава въ Поморье, и завладѣлъ вновь отчиной Никлотовичей; князь Вартиславъ погибъ на висѣлицѣ подъ Малаховымъ (1164). Состояніе покоренной земли рисуетъ современный Гельмольдъ слѣдующими словами: „Вся земля бодричская и смежныя страны, которыя принадлежать къ бодричскому государству, безпрестанными войнами, особенно же послѣдней, обращены совершенно въ пустыню, съ изволеніемъ бога, который всегда поддерживалъ десницу благочестивѣйшаго герцога. Если и остались какіе-нибудь послѣдніе остатки Славянъ (*Slavorum extremae reliquiae*), то они по недостатку хлѣба и по случаю разоренія полей постигнуты такимъ голодомъ, что вынуждены были бѣжать къ Поморянамъ или Датчанамъ, которые ихъ однако безъ всякаго милосердія продавали Полякамъ, Сербамъ и Чехамъ“.

Наконецъ и поморскіе князья, тѣснимые Нѣмцами и Датчанами, должны были покориться, и самъ Генрихъ Левъ—которому предстояли важныя дѣла въ Германіи—смиловался надъ Прибиславомъ, и возвратилъ ему всю его отчину, кромѣ Звѣрина, который остался подъ владычествомъ особаго графа (1167). Прибиславъ, сдѣлавшись васаломъ герцога Саксовъ, возобновилъ города Мекленбургъ, Иловъ и Розтоки, и собралъ около нихъ оставшихся Славянъ (*collocavit in terminis eorum Slavorum populos*). Такимъ образомъ возобновлено—хотя въ другомъ видѣ—княженіе Никлота почти въ прежнихъ границахъ; земля чрезпѣнская отошла на время къ Поморью, но скоро приобрѣтена опять вмѣстѣ съ большей частью доленской земли (послѣ 1230 г.).

Это новое княжество Никлотовичей называлось уже не бодричскимъ, а вообще *славянскимъ* (*Slavia*) или *мекленбургско-лижанскимъ*; Никлотовичи (въ концѣ XII и въ началѣ XIII в.) назывались

князьями славянскими (principes Slavogum) или мекленбургско-хижанскими (principes de Mikilenburg et Kizin, pr. Magnopolitanogum et Kyzzenogum). Въ княжествѣ рано стала развиваться удѣльная система. Первый его раздѣлъ состоялся уже въ концѣ XII вѣка (1184—1200), между обоими племянниками, Генрихомъ Борвиномъ (Боровиномъ) Прибиславичемъ и Николаемъ Вартиславичемъ; первому досталась западная половина (Мекленбургъ и Иловъ), второму восточная (земля Хижанъ или розтоцкая); по смерти Николая княжества опять соединились въ одно. Послѣ временнаго раздѣленія, въ началѣ XIII вѣка, между двумя сыновьями Борвина, Генрихомъ II и Николаемъ, удѣльная система установилась наконецъ ок. 1229 — 1231 годовъ. Четыре сына Генриха II Борвина († 1226) княжили съ начала сообща, потомъ (ок. 1229) раздѣлились два старшихъ (Мекленбургъ и Розтоки), и наконецъ (ок. 1231 г.) получили удѣлы и остальные два младшихъ брата. Такимъ образомъ отчина и родъ Никлотовичей раздѣлились на *четыре* отдѣльныхъ княженія и линіи: *мекленбургская* линія (Юаннъ I) получила западныя земли и города, Дарчово, Ключъ, Брежно, Хотѣбузь, Мекленбургъ, Весмירъ, Иловъ и др., стало быть почти всю землю бывшихъ собственно такъ называемыхъ Бодричей; *розтоцкая* линія (Генрихъ Борвинъ III) — сѣверовосточныя земли, Розтоки, Марловъ, Добряны и др., т. е. преимущественно землю Хижанъ; *верельская* линія (Николай) — юговосточныя земли, Верлье, Густровъ (Востровъ), Пенцлинъ, Малаховъ, и др., т. е. преимущественно лютичскія земли Чрезпѣнянъ, Доленчанъ, Моричанъ; *пархимская* или *рихенбергская* л. (Прибиславъ) — южную часть, Пархимъ, Плавы, Рихенбергъ и др., т. е. землю Варновъ. Послѣдній удѣлъ раздѣленъ уже въ 1256 г. между сосѣдними Никлотовичами и графомъ звѣринскимъ. Со временемъ мекленбургскіе князья присоединили къ своему княжеству и остальные удѣлы и другія сосѣднія земли. Въ самомъ началѣ XIV вѣка (1304) они приобрѣли землю старгардскую (ратарскую, нынѣ Мекленбургъ-Штрелицъ); вскорѣ послѣ прекращенія розтоцкой линіи и удѣлъ розтоцкій (1317), въ 1358 г. графство звѣринское (Звѣринъ, Виттенбургъ, Бойценбургъ, Нейштадтъ, Кривицъ, и др.), и наконецъ — послѣ прекращенія верельской линіи (1436) — и удѣлъ верельскій. Такимъ образомъ Никлотовичи соединили въ своихъ рукахъ всѣ земли древнихъ Полабянъ, Бодричей и Варновъ, и собственно такъ называемыхъ Лютичей, Хижанъ, Чрезпѣнянъ, Доленчанъ (кромя сѣверовосточной части,

поморской), Ратарей и Моричанъ. Обширное это княжество (позже герцогство, наконецъ великое герцогство) приняло — по главной линіи—названіе *Мекленбургъ*, и Никлотовичи, конечно давно, уже овѣмеченные, царствуютъ здѣсь до сихъ поръ, раздѣленные на двѣ линіи, *мекленбургъ-зепринскую* и *мекленбургъ-стрѣлишкую*.

Княжеская династія Никлотовичей, принявъ христіанство и применивъ къ Германіи, именно къ герцогству саксонскому, стала мало по малу измѣнять своей народности. Важнымъ факторомъ въ этой перемѣнѣ были *браки* Никлотовичей съ иностранными князьями. Еще при жизни Никлота одинъ изъ его сыновей, Приславъ, отправился въ Данію, сдѣлался христіаниномъ и женился на Екатеринѣ датской; онъ и участвовалъ въ походѣ Датчанъ противъ отца и былъ свидѣтелемъ его смерти. Внукъ Никлота, Генрихъ Боровинъ, женился на дочери Генриха Льва, Матильдѣ брауншвейгской, позже на какой-то Аделаидѣ; его сынъ Генрихъ Боровинъ—на Христинѣ вѣроятно датской; сыновья этого Генриха Боровина II, Генрихъ Боровинъ III розтоцкій — на Софѣ датской, Іоаннъ I мекленбургскій — на Лутгардѣ графинѣ геннебергской, и пр. ¹⁾. Славянскія имена въ родѣ Никлотовичей встрѣчаются—подлѣ христіанско-германскихъ—еще до половины XIII вѣва; такъ на пр. сынъ, внукъ и правнукъ Прибислава Никлотовича носятъ двойное имя, христіанско-нѣмецкое Генрихъ и славянское Боровинъ, Боровинъ; другой правнукъ Прибислава—тоже самое имя (Прибиславъ пархимскій); Никлотъ Вартиславовичъ принявъ крещеніе, замѣнилъ свое славянское имя похожимъ на него по значенію и созвучнымъ ему именемъ—Николай ²⁾. Княжескій дворъ устроенъ

¹⁾ Это стремленіе бодричскихъ князей къ чужеземцамъ замѣтно уже въ древнѣйшія времена. Такъ на пр. князь Биллугъ женился на сестрѣ епископа старгардскаго, къ сильному неудовольствію своего сына Местислава, который упрекалъ отца за этотъ бракъ съ Нѣмкой. Князь Местивой желалъ жеиться наплемянницѣ герцога Бернарда, но возбудилъ этимъ негодованіе Нѣмцевъ, считавшихъ такой бракъ нѣмецкой княжны съ «славянской собакой» неприличнымъ. Жена князя Годескалька, Сиритъ, была датская княжна, сестра саксонской герцогини. Сыновья Годескалька, Бута и Генрихъ, все опирались на Саксовъ; первый пытался завладѣть отчиной съ помощью Бардовъ и Нордальбинговъ, второй поразилъ съ помощью Нордальбинговъ Славянъ на Смиловомъ полѣ, и Ранъ у Любека, и вообще доврлялъ Саксамъ больше, чѣмъ своимъ Славянамъ, какъ это видно на пр. въ его походѣ противъ Ранъ.

²⁾ Nicolaus, qui et Niclotus (Arnoldi Lub. VI. 12). *Никлотъ*, *Неклотъ*,

по образцу дворовъ нѣмецкихъ, съ разными придворными достоинствами, маршала, труксеса и др. Никлотовичи называли себя еще въ первой половинѣ XIII вѣка „князьями славянскими“; такъ называется еще Генрихъ Борвинъ (princeps Slavorum 1219 г.). Въ линіи верельской этотъ титулъ сохранился до самаго ея прекращенія. Эти князья назывались всегда князьями или господами славянской земли (principes, domini Slavorum, Slaviae, van Wenden); такъ назывался и послѣдній членъ этой линіи Вильгельмъ (princeps Slavorum, dominus de Werle). Сознаніе о славянскомъ происхожденіи, о происхожденіи отъ стариннаго славянскаго рода Никлота, сохранили давно отмѣченные Никлотовичи и впоследствии, очень имъ дорожа. Еще въ 1418 г. князь Валтазаръ (princeps Slavorum, dominus terrarum Warle, Gustrow et Warne), въ присутствіи епископа гавельбергскаго, нотаріуса и свидѣтелей, велѣлъ — по двумъ древнимъ родословнымъ книгамъ о короляхъ и князьяхъ славянскихъ — засвидѣтельствовать, что онъ происходитъ изъ королевскаго рода, отъ князей славянскихъ (de regia stirpe, de principibus Slavorum). Замѣчательно, что въ родѣ Никлотовичей славянское слово князь было извѣстно еще до второй половины XIV вѣка; составленные тогда (1370 г.) двѣ генеалогіи о князьяхъ мекленбургскихъ, знаютъ названіе „князь Янекъ“ (knese Janeke) для двухъ Никлотовичей, для Іоанна I мекленбургскаго (1226—1264), и для Іоанна IV пархимско-гольдбергскаго изъ верельской линіи (1365—1375). Перваго могли еще называть „княземъ“ — оставшіеся въ его владѣніяхъ Славяне; но во время другого Іоанна Славянъ уже не было, а его названіе „князь Янекъ“ — одно только воспоминаніе о древнемъ славянскомъ времени ¹⁾.

отъ плать (холодь) — бить, рубить, воевать; неклоть — непобѣдимый. Древнепольское и дрчеш. *Неклань* — другая форма имени Никлотъ (срв. русск. *неколоть* подлѣ *неколошь*). Чешскій лѣтописецъ XIII — XIV в., такъ назыв. Далимицъ, хорошо объясняетъ это имя чешскаго князя: *Snad jemu proto Neklān diechu, že ho nikdy v koně neklāli biechu*. Въ 1219 г. упоминается мекленбург. шляхтичъ *Никлотъ*; въ поморско-лютычской землѣ гостювской ок. 1200 г. — шляхтичъ *Никлонъ*; въ поморской землѣ роховской при устьѣ Укры на рѣкѣ Лохницѣ былъ мость *Неклоншица* или *Неклончича* (locus qui dicitur Neklon-siza Mozl, a. 1216).

¹⁾ Johannes qui et *knese Janeke* est dictus. (Genealogia Doberan. et Parchim.). Тоже самое названіе «*knese* (кнyse) *Janeke*» знаютъ и лѣтописцы второй половины XIV вѣка, мекленбургскій Кирхбергъ и любецкій Демаръ. Въ этомъ словѣ «*knese*» замѣчательно отсутствіе носоваго звука; это отсутствіе

За княжескимъ родомъ пошла *шляхта*. Бодричско-лутичская шляхта, равнымъ образомъ какъ и польская и чешская, съ начала не употребляла предикатовъ, а называлась по родамъ, напр. Ратиборичи, землевладѣльцы въ землѣ иловской (*illi qui dicuntur Retiburize*). Отдѣльный членъ рода назывался просто своимъ именемъ, славянскимъ или христианскимъ (Мирославъ, Стойславъ, Генрихъ, Иорданъ), часто въ уменьшительной или сокращенной формѣ (*Venciko* т. е. Вѣцикъ, Вѣцеславъ, *Vartis*—Вартишъ, Вартиславъ, *Janic*—Яникъ, Иоаннъ), или съ прибавленіемъ отчества (Николай сынъ Мирослава, Яникъ Стойславичъ, Яникъ Яромѣричъ — *Janic Stoizlaviz, Janike Germeriz*). Нѣкоторые принимали особия прозвища, по разнымъ случайностямъ; таково напр. названіе славянскаго вельможи *Heinricus Gamba* (*Gamma*), вѣроятно Гѣба (губа, ротъ). Такъ приводятся славянскіе шляхтичи до второй половины XIII вѣка, отчасти и позже ¹⁾.

Ряды этой старинной славянской шляхты стали наполняться и чужой, нѣмецкой шляхтой, прибывавшей къ князьямъ мекленбург-

замѣтно и въ другихъ названіяхъ въ XII—XIV вв., наприм.: *Knezegraniza* (Княжья граница, урочище въ чрезпѣнской землѣ, 1174 г.), *Knesen* (Княжно, Княжны, село въ полабской землѣ, 1230 г.), *Knegene* (Княгиня, село въ Вагрии, 1263 г.), *Gnez, Chnez* (Князь или Княжь, полуостровъ на Узноишъ, 1224—1229 г.) *Spasidamberowe* (Княжья дубрава, дѣсь въ Поморьѣ, 1283 г.), *Martinus Knese* (Князь, поселянинъ на островѣ Поля, 1328 г.), *knesiczen* (княжица, мелкая шляхта на Рани, въ XIV—XV вв.). Между тѣмъ, люнебургскіе Славяне еще въ XVII—XVIII вв. выговаривали слова *князь* и *княжина* съ носовымъ звукомъ (какъ и Поляки): *tgenangs, tgenangtgeinia*, т. е. кѣндѣзь, кѣндѣжиня. Срв. впрочемъ *Chotebuz* (Хотѣбузь, нын. *Gadebusch*) у Полабянъ (1225), подлѣ *Chotebanz* (Хотѣбѣвъ) въ доленской землѣ (1170, 1182); *Techutin* (1219) подлѣ *Techentin* (1260) въ землѣ варновской. — Отецъ князя Яка IV, Николай, носить въ пархиской генеалогіи прозвище *rogghenoghe*; первое — нижненѣмц. *rogge* (лягушка, жаба); но что значить другое — *noghe*? Можетъ быть, это славянское — *ногий* (жабоногий); срв. прозвище польскаго князя Владислава, «лясконогий» (палконогий).

¹⁾ Въ мекленбург. дипломатариі въ числѣ вельможъ встречаемъ также *Войводу* и *Пристава*: *Slavi Venciko, Woywoto, Martinus* (1192), *Heinr. Gamm*, *Jordan miles de Werle, Woiuote, Niwoper, Slavi* (1219), *Mane, Zulin, Pristav* (1224). Но эти слова — едва ли названія лицъ; это скорѣе должности *войводу* и *пристава* (слова извѣстны и балтійскимъ Славянамъ), относясь вѣроятно къ предыдущимъ именамъ, въ родѣ *Heinricus Gamba dapifer, Conradus marschalcus*. Въ ратиборской землѣ встречаемъ въ XIII в. село *Woywetendorpe, Woytenthorp*. — Шляхтичъ *Sulislav Gamba* встречается и въ Польшѣ (1224 г.).

скимъ изъ близкихъ и далекихъ странъ, отъ графовъ и епископовъ звѣринскаго и ратиборскаго, изъ Саксоніи и пр. Эти новые пришельцы получали отъ князей лены, дѣлались ихъ васалами, и принимали по своимъ ленамъ, городамъ и селамъ, новымъ фамиліи, напр. Bruno de Chubanze, Ludolfus de Ganzowe, Theodericus de Dibawe, и пр. Другіе нѣмецкіе дворяне продолжали употреблять принятое уже раньше названіе, или назывались просто по родинѣ; напр. de Snakenburg, Soltwedel, Mulsan, Hakenstede, Oldenburg, Bülow, Behr, Raven, Bawarus, Holtsatus, Friso, Danus, и пр. По слѣдамъ этихъ новыхъ княжескихъ васаловъ пошла и старая шляхта славянская, дѣлалась васалами, рыцарями, князьями своихъ князей, принимала гербы и свои помѣстья въ лены, и стала по нимъ и называться. Такимъ образомъ обѣ шляхты, вновь прибывшая нѣмецкая и коренная славянская, смѣшались такъ, что послѣдней отъ первой почти уже отличить нельзя: ибо и Нѣмцы и Славяне носятъ имена христіанскихъ святыхъ и фамиліи, принятыя по своимъ по славянски называемымъ помѣстьямъ.

На славянское происхожденіе нѣкоторыхъ родовъ мекленбургскихъ указываютъ преимущественно имена. Нѣкоторые роды приняли какъ родовое названіе общеупотребительное у нихъ имя; такъ напр. *Стойславъ*, *Тѣшиміръ*, *Пршеборъ*, *Дарославъ* или *Дараниъ*; это имена славянскихъ шляхтичей, упоминаемыхъ уже въ XIII вѣкѣ въ разныхъ странахъ бодричско-лужичскихъ. *Стойславъ* жилъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка; его сынъ Яникъ Стойславичъ упоминается въ 1219 г.; уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1226 г.) встрѣчается Юанъ Стойславъ, вѣроятно тотъ же самый Яникъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка приводятся три брата, Хотанъ, Вацекъ (Вачеславъ) и Николай называемые Стойславы (Ghoten, Fencseke, Nicolaus dicti Stoyselaf), землевладѣльцы около Ростока. Стойславы (Stoisloff) жили еще въ XVIII вѣкѣ. *Тѣшиміръ* былъ шляхтичъ—землевладѣлецъ около Илова и Бузова (1249), можетъ быть тотъ же самый, который упоминается нѣсколько лѣтъ раньше (1235) какъ Тѣшичъ Славянинъ (Thessitze Slavus), владѣлецъ села Брезелѣса около Новаго Монастыря; его сыновья (1266) не носятъ особой фамиліи, называясь просто сыновьями Тѣшиміра (filii Tessemari). Другой Тѣшиміръ упоминается потомъ часто въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка около князя верельскаго (miles Tesmarus, Tessemarus advocatus de Gusztrowe, иногда Tesmar dictus de Berberghе miles). Вѣроятно его сыновья были Генрихъ и Лудольфъ,

шляхтичи около Малахина (Hinricus et Ludeke Tessemar 1331). Родъ Тѣшмировъ или Тѣшей (Tesmar, Tesse) прекратился ок. 1500 года. *Пришеборы*, землевладѣльцы около Малахова и Роболь въ земляхъ морицкой и веревской, происходятъ отъ Пришебора, сына Ярослава называемаго изъ Роболь (Prisebur, Priscebur filius domini Jeroslai dicti de Robele, ок. 1250). Это имя присвоили себѣ его потомки какъ будто родовое (Hinricus Pryssebur 1300, Johannes et Vicke fratres dicti Pritzebur 1314, Henneken Priszbur 1353), и сохранили его, принимая и предикаты по своимъ помѣстьямъ въ выше упомянутыхъ земляхъ; такъ напр. ок. 1333—45 гг. вблизи Малахова жили Пришеборы изъ Каргова, Келе, Грабениць, Попентина (Pryscebur de Karghow, P. de Kelle, Prysceko de Grabenitze, Henricus et Henricus fratres dicti Priscebur de Poppentyn, Johannes dictus Priscebur). Родъ Пришеборовъ (Pritzbur, Pritzbuer) существовалъ еще въ XVIII вѣкѣ. *Даргославы* или *Даргашы* были, какъ выше сказано, шляхтичи юговосточной Полабии, осѣдлые около монастыря эльденскаго. Кромѣ того они были также въ земляхъ розтоцкой и верельской, имѣя помѣстья около морицкаго озера и въ доленской землѣ. Изъ этого рода упоминаются напр. рыцарь Даргославъ (1244—68), Heinricus Dargaz (1238—56), Volradus Dargez (1283—91), Hinr. Darghesce (консулъ города Лаге 1336), Heine Dargeze (1344) и др. Даргашы прекратились въ XVI вѣкѣ. Подобно тѣмъ именамъ сдѣлалось и прозвище *Гамба*, *Гама* выше приведеннаго Генриха (Henricus Gamtha, Gamba, съ 1218 г.), родовымъ названіемъ. Гамы были землевладѣльцы въ юговосточномъ углу верельскаго княжества (гдѣ и Пришеборы), и здѣсь упоминаются въ XIV вѣкѣ напр. братья Хотимиръ и Генрихъ Гамы (fratres Gammen 1320—1341), Иоаннъ Барольдъ и Губекинъ Гамы (J. B. et Zubbekinus fratres dicti Gammen 1330), госпожа Славка (Slaveke), урожденная Гамовна (1371), и пр. Гамы (Gamth) жили еще въ XVIII вѣкѣ.

Кромѣ фамилій, на славянское происхожденіе указываютъ и славянскія имена членовъ рода. Славянская шляхта, принимая новыя фамиліи по своимъ ленамъ, помѣстьямъ, не бросила еще старинныхъ именъ славянскихъ, а продолжала ихъ употреблять хоть отчасти, рядомъ съ болѣе употребительными христіанскими и нѣмецкими. Такія славянскія имена встрѣчаемъ въ родѣ пановъ изъ *Гавельберга*, можетъ быть потомковъ брижанскаго княжескаго рода Витикиндовичей, бѣжавшаго отъ Альбрехта Медвѣда изъ Гавель-

берга къ Бодричамъ. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка одинъ членъ этого рода носитъ имя Хотимиръ, но позже встрѣчаемъ только Иоанновъ, Генриховъ, Бертольдовъ, Германовъ, и пр. Въ родѣ изъ *Ръчова* (село у Добрянъ) часто встрѣчается, во второй половинѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, имя Хотимиръ; въ родѣ изъ *Каланта* (у Даргуя) — братья Ярославъ, Иоаннъ и Радомиръ (1271); въ родѣ изъ *Пусткова* (Putzekow, у Добрянъ) — имя Субиславъ или Субекъ (miles Zubbeslaus de P., его сыновья Johannes et Zubbeke, Subbeke, Tzubbeke, послѣдній 1335 — 1367); въ родѣ *Стане* (Станко?) — Ратиславъ (Razlaus Stagge, Stange 1274); въ родѣ изъ *Чертина* (село у Бутишова) — Тѣша (Tetze van Cernin 1340 — 44), и проч. ¹⁾.

Вотъ шляхетскіе роды мекленбургскіе, славянское происхожденіе которыхъ болѣе или менѣе ясно. Разумѣется, было много и другихъ родовъ славянскихъ; но съ принятіемъ христіанскихъ именъ и фамилій по имѣніямъ нельзя ихъ уже отличить отъ нѣмецкихъ. Какъ узнать, какого происхожденія были напр. шляхтичи и ихъ роды: Henricus Jesievitz (въ западномъ Мекленбургѣ; позже родъ сталъ писаться de Jesewitz), Thetlev de Gadebus (Godebuz), Heinticus Grube (около краковскаго озера), Baroldus de Lubowe (Любовъ у Висмара), шляхтичи упоминаемые еще до 1230 года?

Когда именно славянская шляхта, принявъ — по образцу нѣмецкому — новыя фамиліи, гербы и лены, перестала быть славянской, т. е. перестала употреблять языкъ славянской и замѣнила его нѣмецкимъ, ближе опредѣлить нельзя. Это случилось вѣроятно не вдругъ, а мало по малу, подъ вліяніемъ германизирующагося княжескаго двора, и совмѣстнаго жительства, общенія, браковъ съ прибывающей въ тѣ страны многочисленной шляхтой нѣмецкой. Въ западныхъ странахъ, именно въ удѣлѣ мекленбургскомъ, окруженномъ почти со всѣхъ сторонъ нѣмецкими владѣніями, славянской нравъ у шляхты исчезъ раньше, чѣмъ въ восточныхъ удѣлахъ, въ которыхъ нѣмецкая эмиграція была слабѣе. Мы видѣли, что именно въ юговосточномъ углу верельскаго княжества сохранилось до XIV вѣка нѣсколько шляхетскихъ родовъ, которые — противно господствовавшему тогда обычаю — продолжали употре-

¹⁾ Имя Хотанъ встрѣчается тоже въ родѣ, который со второй половины XIII вѣка сталъ называться *Morder*. Имя Хотимиръ носитъ тоже одинъ членъ нѣмецкаго рода Беръ (Gothemarus Behr, 1274), землевладѣлецъ верельскій.

блать старинныя названія и имена славянскія, показывая по крайней мѣрѣ формально свое славянское происхожденіе. Склонность славянской шляхты къ нѣмецкому праву и языку обнаруживается и тѣмъ, что оии новымъ селеніямъ придавали нѣмецкія названія; такъ напр. уже въ первой половинѣ XIII вѣка (1231, 1249), на востокъ отъ Висмара встрѣчаемъ села Nakunstorp и Tessemersdorp, названныя по жившимъ тогда панамъ Накону и Тѣшиміру ¹⁾.

Славянскій элементъ въ мекленбургской шляхтѣ былъ силенъ еще въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка, во время княженія Генриха Борвина Прибиславича. Славянская шляхта (Slavi 1192 г.) окружаетъ князя, и рѣшаетъ выборъ Брунварда въ епископы звѣринскіе (1195 г.). Подъ конецъ княженія Генриха Борвина, когда къ нему прибывало все больше и больше нѣмецкой шляхты, славянскіе вельможи отличаются отъ нѣмецкихъ. Такъ напр. въ 1218 г. около князя находились Johannes de Snakenburch, Rawelinus, Lodewicus, и одинъ только Чижъ Славянинъ (Sziso, Zise Slavus) ²⁾. Въ томъ же самомъ году окружало князя семнадцать человекъ, „вельможи нашего княжества, Славяне и Нѣмцы“ (dominationis nostrae majores, tam Slavi quam Theutonici), какъ выражается самъ князь; славянскихъ вельможъ присутствовало однадцать, нѣмецкихъ шесть или даже меньше ³⁾. Но чѣмъ дальше, тѣмъ меньше встрѣчаемъ славянскихъ шляхтичей около князя, или по крайней мѣрѣ лицъ, которыхъ можно навѣрное считать еще Славянами. Они впоследствии уже прямо отличаются прозвищемъ „Славянинъ“; напр. вышеупомянутый землевладѣлецъ Тѣвичъ въ иловской землѣ (Slavus quidam Thessitze, 1235), Конрадъ въ доленской землѣ (Conradus Slavus, 1252), рыцарь Яковъ около Розтокъ (miles Jacobus Went monopculus, 1308). Изъ этого можно заключить, что большинство шляхты славянскаго происхожденія

¹⁾ Въ одной грамотѣ 1210 г. (если годъ вѣренъ) встрѣчаемъ около Марлова въ числѣ девяти селъ, отданныхъ въ ленъ Генриху изъ Бутышова, нѣсколько названій съ окончаніемъ — torp: Janikestorp, Ratesburztorp, Urpekentorp, Chemkentorp, Gutentorp, т. е. села Яника, Ратибора, Убика, Камка, Хотана (имена бодрическо-полотичскихъ шляхтичей того времени). Но такъ какъ эта грамота извѣстна не въ латинск. подлинникѣ, а въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ регестѣ, то — torp въ названіяхъ селъ вѣроятно только переводъ слова villa (villa Gutani etc).

²⁾ На этого Чижка или Жижку указываетъ и названіе села Cisendorp, Tziesendorpe (XIII в.), вым. Ziesendorf у Швана.

³⁾ Thetlev de Marlow и Henr. Grubo могли быть и Славяне.

вѣроятно уже не считали себя Славянами, а Нѣмцами, такъ что шляхтичъ, говорившій еще по славянски, составлялъ уже исключеніе, и могъ быть означаемъ прозвищемъ „Славянинъ“.

Приведемъ здѣсь извѣстную по именамъ шляхту въ княжествѣ мекленбургскомъ (до его окончательнаго распаденія на удѣлы 1229). На первомъ столбцѣ помѣщены шляхтичи несомнѣнно славянскіе, т. е. лица носящія чисто славянскія имена, безъ всякаго предиката, или лица означенныя прямо какъ Славяне; имена ихъ, насколько возможно возстановленныя въ настоящія славянскія формы, пишемъ по-русски. На другомъ столбцѣ помѣщены шляхтичи съ новыми родовыми названіями; большая часть—Нѣмцы, но въ ихъ числѣ навѣрное есть и нѣсколько Славянъ, которые приняли родовое названіе, по которымъ, за неизмѣнимъ болѣе близкихъ данныхъ, отъ нѣмецкихъ васаловъ отличить уже нельзя; эти названія мы представляемъ въ такой формѣ, въ какой находимъ ихъ въ грамотахъ.

Славянская шляхта

*Нѣмецкая или отмѣченная
шляхта*

до 1200 года:

Ратиборичи (родъ), Жюриславъ, Жюриславъ, Волкъ, Ратисъ (Ратиславъ) Волковичъ, Вацегоръ, Радомиръ, Стойславъ, Яромѣръ, Вапикъ, (Вацеславъ), Мартинъ, Домаша (Домаславъ), Паличъ, Кусичъ, Уричъ ¹⁾.

(всего 14).

Bruno de Chubanze (земля у Добрянъ), Gerardus Prelle, оба у Николая розтоцкаго 1189 г. (Prelle былъ еще 1178 г. у епископа звѣринскаго).

(всего 2).

1200 — 1229:

Чижъ, Иорданъ (miles de Werle), Славотѣхъ, Генрихъ Гѣба, Вар-

Henricus de Butysowe, Thetlev de Gadebuz (Marlowe), Joh. de

¹⁾ Четыре изъ нихъ упоминаются у Николая Вартиславича розтоцкаго, другіе у Генриха Борвина. Замѣтимъ здѣсь, что славянскія имена съ окончаніемъ — *mirъ*, въ балтійско-славянскихъ памятникахъ пишутся обыкновенно — *mar*, — *mer*, рѣже — *mir*; наприм. Lubemarus, Thessemarus, Chotemarus, Jagomarus, Scarbimarus, Dobemarus, Trebemarus, Chotimerus, Gneomerus, Tessimeritz, Redomer, Mizlimer, Dubimerus, Rademir, Dumamir, Vincemir и пр. Видно, что гласная (ъ, е, ѳ) не установилась (срв. русск. Володимѣръ и Владиміръ, чеш. Яромѣръ и Яроміръ). Мы употребляемъ принятую въ русскомъ языкѣ форму — *mirъ*.

тишь (Вартиславъ), Домаміръ, Прибушь (Прибиславъ), Безправъ, Яникъ и Генрихъ Яромірчъ, Мирославъ и Яникъ, Яникъ Стойславичъ (Стойславъ), Невоперъ, Никлотъ, Николай сынъ Мирослава, Мана, Сулинъ, Хотиміръ и Иоаннъ изъ Гавельберга, Униславъ изъ Роболь, Славотѣхъ изъ Малахова.

(всего 22).

Snakenburch, Lodewicus, Rawelin, Henr. (de) Grube, Hermannus de Rodenbeke, Henr. Holtsatus, Ludolfus de Ganzowe, Heilardus de Vifle, Tidericus de Netsen, Theodericus dapifer, Theod. de Dibawe, Petrus de Griwole, Baroldus de Lubowe, Hermannus, Volmarus, Conradus advocatus, Heinricus de Soltwedel (de Gnemare), Conradus marschalcus, Arnoldus de Kunege, Engelbertus, Lippoldus, Reinbertus de Clodene, Thidericus Paganus, Baroldus.

(всего 26).

Для восточныхъ Бодричей и западныхъ Лютичей основана *епископія въ Зегринѣ*; къ ней принадлежали всѣ земли отъ звѣринскаго озера на востокъ до рѣки Пѣны, отъ моря балтійскаго до Эльды. Первый епископъ былъ Берно, крестившій князей Прибислава и его племянника Никлота. Второй епископъ Брунвардъ (1195—1237), знатнаго рода, возведенъ, какъ выше сказано, въ это достоинство подъ вліяніемъ славянской шляхты. Не смотря на это покровительство, оказанное ему со стороны Славянъ, епископъ Брунвардъ всѣми силами поддерживалъ германизацию своей епархіи, да еще жалѣлъ о томъ, что значительная ея часть невоздѣлана „по поводу варварства Славянъ“ (propter barbariem Slavogum). Въ рядахъ духовенства епархіи звѣринской—Славянъ вообще не встрѣчаемъ; каноники и другія духовныя лица, придворные священники—секретари, монахи и пр.—всѣ Нѣмцы. Также и вассалы епископа—Нѣмцы. Главные *монастыри* (цистерціанскіе) въ звѣринской епархіи были въ *Добрынахъ*, на западъ отъ Розтокъ, близко морскаго берега, и *Новый Монастырь* (Neukloster, Sonnenkamp), на востокъ отъ Висмара. Мужской добрянскій монастырь основанъ уже въ 1171 г.; въ него прибыли монахи изъ брауншвейг. монастыря Амелунгсборна, по словамъ епископа Брунварда, усердные „распространители вѣры и истребители идоловъ въ славянской землѣ“ (auctores fidei et exstirpatores idolorum in Slavia). Женскій *Новый Монастырь* основанъ въ 1219 г. у славянскаго села Кутина, въ „землѣ ужаса и дивой пустыни“ (terra horroris et vastae soli-

tudinis), какъ выражается—библейскими словами—звѣринскій епископъ. Другіе монастыри въ епархіи звѣринской были *добротинскій*, (бенедикт., основ. ок. 1225 г.) въ землѣ варновской, и *рунскій* (цистерц., осн. 1233 г.) въ землѣ бутиншовской. Кромѣ того въ епархіи звѣринской имѣли помѣстья и нѣкоторые другіе монастыри сосѣдней Саксоніи.

Какъ въ епархіяхъ старгардско-любецкой и ратиборской, такъ равнымъ образомъ и въ звѣринской, съ самаго начала установилась разница на счетъ податей епископу. Новіе колонисты нѣмецкіе платили десятину, а Славяне особую подать, такъ называемую *бископницу* или *бископовницу* (*decimae Slavogum, collectura Slavogum quae discorounizha vocatur*). Уже послѣ перваго завоеванія княжества Никлота (1160), — рассказываетъ современный Гельмольдъ, — герцогъ Генрихъ приказалъ Славянамъ, оставшимся въ земляхъ вагорской, полабской, бодричской, хижанской, платить епископамъ такую бископовницу (*redditus episcopales*), какъ она платилась у Полянъ и Поморянъ, то есть, съ славянскаго рала (*slavico aratro, uncio*),—обрабатываемаго двумя волами или столькими же лошадьми, — хлѣба три славянскихъ мѣры, называемыя корцы (*modius Slavogum-curitze*), и 12 денегъ. Эта бископовница взималась въ епархіи звѣринской до второй половины XIII вѣка, и еще въ 1254 г. нѣкоторые славянскія села на средней Варнавѣ платили бископовницу, т. е. каждый Славянинъ, у котораго была пара воловъ, давалъ двѣ большихъ мѣры хлѣба, — называемыхъ корцы (*curiz*), — 10 денегъ и связку льна ¹⁾. Но эта подать Славянъ оказалась довольно скудной. Уже черезъ десять лѣтъ послѣ учрежденія епископіи (1171), самъ герцогъ Генрихъ жалуется, что десятины Славянъ (т. е. бископовница) скудны (*decimae Slavogum tenues sunt*), но утѣшается, что положеніе дѣлъ улучшится, когда съ божіей помощью десятины увеличатся по закону христіанъ, т. е. другими словами, когда исполнится желаніе всѣхъ господъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и мѣсто Славянъ займутъ нѣмецкіе колонисты. Эти надежды и желанія скоро сбылись. Уже въ началѣ XIII вѣка (1211) думали объ умноженіи звѣринскаго капитула, когда

¹⁾ Слово *бископовница* или *бископница* встрѣчается въ двухъ грамотахъ; слова грамоты 1221 г. приведены выше; грамота 1254 г. напечатана только въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ регестѣ: *die gerechtigkeit, die sie biskopnitze heissen*.

увеличатся десятины Славянъ по закону христіанъ (postquam decimae Slavorum lege christianorum convaluerint). При быстрой германизаціи страны, скудная славянская бископовница скоро уступила болѣе обильной нѣмецкой десятинѣ.

При расположеніи славянскихъ князей и шляхты къ нѣмецкому праву и элементу, при усердномъ содѣйствіи ихъ, нѣмецкой шляхты и духовенства—*нѣмецкой колонизаціи*, княжество Никлотовичей скоро покрылось густой сѣтью нѣмецкихъ колоній, въ которой оставшіеся Славяне въ непродолжительномъ времени погибли. Колонизаціи Мекленбурга не мало содѣйствовали опустошительныя войны второй половины XII вѣка. Выше мы привели характеристическія слова лѣтописца современника, рисующія, можетъ быть, слишкомъ рѣзко, печальное положеніе совсѣмъ опустошенной отчины Никлота (tota in solitudine redacta). Равнымъ образомъ на опустошеніе страны не разъ сѣтуетъ и епископъ Брунвардъ: мѣста ужаса и дикой пустыни, значительная часть епархіи не воздѣлана— вотъ какъ выражается епископъ. Но для поправленія нашлось средство, которое тотъ же епископъ очень хорошо означаетъ словами: „Наши князья пригласили не только рыцарей и крестьянъ, но и духовенство для обработки новаго виноградника христіанскаго (principes terrae postrae non solum milites et agricolas, verum etiam religiosos trahebant ad novam vineam christianitatis excolendam).“ Такимъ образомъ распространялись въ епархіи звѣринской новыя нѣмецкіе порядки, и исполнялось завѣтное желаніе епископа скоро собирать вездѣ десятины.

Кромѣ шляхты и духовенства, нѣмецкая колонизація направлялась и на *юрода*. Нѣмецкіе города, т. е. общины, изъятія изъ общаго земскаго права и управлявшіяся своимъ городскимъ правомъ, возникли по большей части на мѣстѣ старинныхъ городовъ славянскихъ, часть же они построены вновь. Во время княженія Генриха Борвина и его сына, и вообще до установленія удѣловъ (1229—1231 гг.) въ отчинѣ Никлотовичей возникли нѣмецкіе города *Весмиръ* (Висмарь), *Розтоки*, *Хотьбузь*, *Пархми*, *Плавы*, *Густровъ* (Востровъ), и пожалованы правомъ любецкимъ или звѣринскимъ. Мѣщане были Нѣмцы, прибывающіе въ города изъ близкихъ и далекихъ странъ, изъ Любека, Люнебурга, Данненберга, Брауншвейга, Кѣльна, и пр. ¹⁾ Разумѣется, все устройство город-

¹⁾ Вотъ на прим. имена некоторыхъ мѣщанъ *дошмокиль* (a. 1218 consules: Heinricus Faber, Heinricus Pramle, Hermannus, Rodolfus, Luderus, Bertramus,

ское было нѣмецкое, и съ нѣмецкими названіями; такъ на пр. въ статутахъ городовъ Пархима и Плавъ, пожалованныхъ правомъ звѣринскимъ, общепотребительными словами (vulgo) приводятся: *inninge, vriedenscillinc, reisa, lenrecht, mannerecht, markdingk*, и др. Были-ли Славяне прямо исключаемы изъ этихъ новыхъ городовъ, не извѣстно. Въ статутахъ пархимскомъ и плавскомъ (ок. 1225 г.) говорится объ имуществѣхъ сыновей, которыми ихъ отцы владѣли со времяя язычества и обработки лѣсной почвы (*bona quae patres possederunt a paganismo et cultura silvestri*). Оба новые города основаны на мѣстахъ древнеславянскихъ городовъ, въ странѣ пустой и преданной идолопоклонству (*terra deserta et in via, cultui demonum dedicata*), и только что отданной христіанскимъ колонистамъ. Можетъ быть, что въ числѣ жителей обоихъ городовъ, отцы которыхъ жили еще во время язычества, находились также лица славянскаго происхожденія. Славяне въ рядахъ мѣщанъ новыхъ городовъ мекленбургскихъ встрѣчаются однако очень рѣдко; они обыкновенно жили въ особыхъ кварталахъ, улицахъ или подгородныхъ селеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіями *хызъ* или *викъ*. Такой хызъ встрѣчаемъ въ началѣ XIV вѣка (1302 г.) напр. въ Хотѣбузѣ, и въ немъ позже, въ XV вѣкѣ, хызскую мельницу (*kismöle*). Особенно ясно выдается отдѣленіе славянскаго и нѣмецкаго населенія въ Ростокахъ. Древнеславянскій городъ Ростовъ лежалъ на правомъ берегу Варнавы близъ ея устья; еще въ началѣ XIV вѣка было здѣсь городище (*vallum castris*). Подъ этимъ городомъ было подгородье, *викъ* (*Wendesche Wic*), въ которомъ остались Славяне, когда на лѣвомъ берегу Варнавы построенъ (1218 г.) новый городъ нѣмецкій. Но и въ этотъ новый городъ доступъ не былъ имъ запрещенъ, и они заняли здѣсь особую улицу. Вики были также у древнеславянскихъ городовъ Верля, Марлова и Малахова; но Славяне въ нихъ прямо не упоминаются ¹⁾.

Wizel, Lambertus, Bodo, Heinricus, Lantfer), *висмарскихъ* (а. 1229 *burgenses*: Hermanus de Dorthmunde, Engelbertus monetarius, Hermannus Vorrad, Johannes Pinguis, Tedolfus Halpape, Leuerus, Gerwinus, etc.), *цустровскихъ* (а. 1228—1236 *cives*: Bruno, Hinricus advocatus, Joh. Cocus, Arnoldus Sagittarius, Daniel Institor, Didericus de Sandow, Wolterus de Lussow, Walterus Clek, Hinr. de Dannenberge).

¹⁾ Слово *викъ* (позже *вика*) Славяне переняли отъ Германцевъ; оно въ разныхъ нарѣчіяхъ германскихъ значитъ вообще заселенное мѣсто, городъ и село (гот. *veîhs*, англ.-сакс. *vic*, древ.-нѣмецк. *wîch*, нижненѣмецк. *wik*; срв. санскр. *vêsa*, лат. *vicus*, славянск. *веси*); оно сохранилось въ названіяхъ

Нѣмецкіе колонисты—крестьяне селились, извѣстными образомъ, на земляхъ князей, шляхты, духовенства и монастырей, занимая либо незаселенныя еще мѣстности (*novella plantatio, prima plantatio et radicatio*), либо заселенныя Славянами села ¹⁾). Они, разумеется, приносили съ собой свое нѣмецкое право, которое такимъ образомъ распространилось почти во всѣхъ селеніяхъ мекленбургскихъ. Но подлѣ этого нѣмецкаго права, распространившагося не только въ селахъ нѣмецкихъ, но и въ оставшихся славянскихъ, сохранились кое-гдѣ въ селахъ слѣды стариннаго *славянскаго права*. Такія села не пользовались самоуправленіемъ, какъ села устроенныя по праву нѣмецкому, а продолжали нести разныя тяжелыя повинности. Еще въ началѣ XIV вѣка (1315 г.) славянское право было въ употребленіи въ двухъ славянскихъ селахъ около Добрянъ (*in duabus villis slavicalibus Stulove et Hogheuelt*); князь мекленбургскій и розтоцкій Генрихъ подарилъ эти села монастырю добрянскому и съ судомъ, но съ тѣмъ, чтобъ судъ отправлялся по праву славянскому, какъ оно издавна водилось у Славянъ (*omnis ordinatio jurisdictionis debet esse et fieri jure slavicali, prout antiquitus Slavi usi fuerunt*). Въ чемъ именно состояло тогда еще это старинное славянское право, не сказано; но, зная устройство нѣмецкихъ селъ, можно заключить, что въ обоихъ тѣхъ селахъ не было наследственныхъ шулцовъ—судей и скабиновъ (*schöffen*), и вообще тѣхъ порядковъ, какіе были въ селахъ пользующихся правомъ нѣмецкимъ ²⁾).

Brunswich, Barde-wich, и др. Польскій летописецъ половины XIII в., Богухвалъ, который вообще хорошо знаетъ балтійскія страны, говоритъ, что Славяне «виками» называютъ такіе города, въ которыхъ находится торгъ, базаръ (*consuetudinis est Slavorum civitates vicos appellare; vicus enim in slavonico proprie civitas, in qua forum exercetur. Nunquam aliqui dicunt: trans-eamus ad civitatem, sed vadimus ad wuk*). Люнебургскіе Славяне называли еще въ XVII—XVIII вв. городъ (т. е. нѣмецкое *stadt*)—*ванка*, отличая отъ вавки—*юрдъ* (*schloss, amt*); ванка=ванка, какъ замка=знамя, даясть=лясть, и пр. У лужицкихъ Сербовъ *wiki*=торгъ, базаръ (*markt, wochenmarkt, marktplatz*). Слово *място* у люнебург. Славянъ (месті) сохранило свое первоначальное значеніе (*ort, platz*), между тѣмъ какъ у остальныхъ западныхъ Славянъ, оно—по призмѣру нѣмецкаго *stätte, stadt*—стало означать городъ новаго, нѣмецкаго устройства. — О словѣ *мяст* см. стр. 87.

¹⁾ См. выше стр. 135.

²⁾ Слѣды славянскаго права сохранились тогда кое-гдѣ и въ другихъ странахъ, въ сѣверовосточномъ углу земли бриганской (см. стр. 94), на Ратѣ и въ Поморьѣ.

Постепенную германизацию западной Оботритии, именно земель дарчовской, ключской, брежанской и хотьбузской—входившихъ въ епархію ратиборскую — мы обозрѣли уже выше. Мы видѣли, что ок. 1230 года германизация уже захватила большую часть этихъ странъ, и что въ нихъ Славяне упоминаются довольно рѣдко. Не меньшіе успѣхи германизация дѣлала и дальше, на востокъ отъ звѣринскаго озера. Уже въ началѣ XIII вѣка (1210 г.) нѣмецкіе колонисты приведены на островъ Поле (противъ Висмара), такъ какъ тамошнее рѣдкое славянское население оказалось для его обработки недостаточнымъ (in insula Pole a Slaviv hactenus inhabitata, cum propter penuriam et paucitatem hominum gentis illius eam incolere non valentium, princeps de Michelinburg Heinricus Teutonicos in eam colonos colligeret ¹⁾). Въ земляхъ между Висмаромъ и Ростовами нѣмецкую колонизацию поддерживали особенно оба монастыря, *Новый* и *Добряни*. Во время основанія *Новаго Монастыря* (1219) въ этой странѣ было уже нѣсколько селъ носящихъ нѣмецкія названія, Malbodendorf, Wichmannesdorf, Bruneshovede, названныхъ, какъ видно, по основателямъ. Два села, пожалованныя тогда княземъ Генрихомъ Борвиномъ монастырю, принадлежали прежде, еще во время отца князя, Прибислава, славянской шляхтѣ, одно роду Ратиборичей, другое Журиславу; эти села, стало быть, съ позволенія князя, перешли изъ рукъ славянской шляхты въ руки нѣмецкихъ монахинь. Монахини къ числу пожалованныхъ селъ прибавили скоро и на лѣсной почвѣ вновь построенныя села (incultam silvam a novalibus exstirpaverunt), и такимъ образомъ исполняли желанія епископа Брунварда, чтобъ эта страшная и пустая страна скорѣе заселялась, и чтобъ пришествіемъ вѣрныхъ внушалась вѣра грубому народу (ut haec terra horrore et vastae solitudinis facilius inhabitaretur, et rudi populo per fidelium introitum fides persuadeatur). Впрочемъ епископъ относительно колонизации возлагалъ больше надеждъ на нѣмецкихъ монахинь, чѣмъ на самого себя; по крайней мѣрѣ онъ, жалуя чрезъ нѣсколько лѣтъ (1236 г.) монастырю село Бобелинъ, самъ сознается, что онъ долго и напрасно старался заселить его колонистами; но ему мѣшали опустошительныя

¹⁾ Въ началѣ XIV вѣка упоминаются на Поля селъ: Frederikesdorf, Vorkwerk, Warkisdorpe, Stromekendorf Major, Wendesche Stromekendorf, Antiqua Biscowe, Rasowe, Russowe. Въ некоторыхъ селлахъ встрѣчаются еще въ первой половинѣ XIV в. крестьяне съ славянскими именами. См. ниже стр. 168.

нападенія удаленныхъ оттуда Славянъ (*quam villam nec propter vastationem Slavorum inde quandoque ejectorum, locare agricolis eam incolendam pluribus annis valuimus*). Изъ этого видно, что удаленные изъ селеній Славяне не всегда поворачались своей судьбѣ, а напротивъ старались отомстить занявшимъ ихъ мѣсто пришельцамъ.

Добрянскій монастырь основанъ въ 1171 году, и пожалованъ селами лежащими между моремъ и горкой Добеміра (*Dobimerigotca*). Въ числѣ селъ приводятся уже два села съ названіемъ монастыря: Добряны и „славянское село“ Добряны (*villa slavica*), первое, стало быть, нѣмецкое; въ землѣ хубязской — два села Брунона (*duae villae Brunonis*), вѣроятно тоже нѣмецкія села, основанныя Брунономъ (*Bruno de Chubanze*), дворяниномъ розтоцкаго князя Николая. Послѣ опустошенія, нанесеннаго монастырю возставшими Славянами (1179 г.), монахи скоро поправились. Въ ихъ имѣнія прибывало все больше Нѣмцевъ (*Teutonici in villis eorum*), не только хлѣбопашцы, но и разные ремесленники, сапожники, мѣховщики, лавочники, и др. Чтобы загладить убытки нанесенныя монастырю „нападеніемъ Славянъ“ (*per insultum Slavorum*), оба князя, Николай розтоцкій и Генрихъ Борвинъ мекленбургскій, пожаловали монаховъ разными льготами. Князь Николай поселилъ въ монастырскихъ селахъ — для защиты монаховъ — своихъ подданныхъ людей, которые находились у него на „подачѣ“ (*homines meos habentes rodasam meam*), т. е. неоплатныхъ должниковъ, въ ихъ числѣ Далика и Нивара; ихъ долги и повинности уступлены княземъ монастырю. Князь Генрихъ Борвинъ пожаловалъ монастырю нѣсколько селъ, и позже (1218 г.) прямо позволилъ монахамъ, селить на ихъ имѣніяхъ людей какого бы то ни было племени (*cujuscunqve gentis homines*)¹⁾. Вслѣдствіе наплыва нѣмецкихъ колонистовъ въ монастырскія имѣнія надо было вышеупомянутое урочище горка Добеміра уже съ конца XII вѣка ближе означить, какъ холмъ называемый „по славянски“ Добеміра горка (*collis qui slavica lingua dicitur D. g.*), такъ какъ прибывшіе туда Нѣмцы называли его вѣроятно уже иначе.

¹⁾ Вотъ монастырскія имѣнія: *Doberan, villa slavica Doberan, Parkantin, Putekowe, Stulowe, Radecle, Crupelin, Wilsne, quatuor villae in Cubanze, scil. Bruze, Germari, et duae villae Brunonis (1177); Stubelowe, Domastiz, Brusowe, Boianeviz, Rybeniz, Virpene, Radentin, Pölaz, Koneredam, Glyne, predium in Pole (1192), Lubesdorf (1209), Schulenberg (1232), и пр.*

Въ окрестностяхъ Добрянъ получилъ ок. 1219 г. брауншвейг. мон. *Амелунсборнъ* село Жатовъ (Satov, Satovia), лежавшее — по мнѣнію епископа Брунварда — тоже въ ужасной, дикой пустынь (in loco horroris et vastae solitudinis), которую однако монахи скоро обрабатывали. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1224) въ этомъ монастырскомъ мнѣніи было, кромѣ селъ Радигоща и Радирѣкъ, стало быть старинныхъ славянскихъ селеній, нѣсколько такъ называемыхъ — *hagen* (*indago*), уже новыхъ колоній, заселенныхъ отчасти Нѣмцами, отчасти и Славянами: *indago Gerardi, Marquardi, Iken* (*Mikenhagen*), и одинъ *hagen* славянскій (*indago sclavicalis*).

Въ южной части мекленбургскихъ владѣній, въ земляхъ *варновской* и *морицкой* — нѣмецкая колонизація началась тоже довольно рано, еще при князѣ Генрихѣ Борвинѣ, и при его содѣйствіи. Онъ, основывая здѣсь нѣмецкіе города Пархимъ и Плавъ (ок. 1225—1226 г.), называетъ тамошнюю страну пустой и дикой, преданной идолопоклонству, которую онъ заселилъ христіанскими колонистами изъ близкихъ и далекихъ странъ (*terram desertam et inviam, cultui demonum dedicatam, colonis commisisimus christianis, ipsos tam de longinquis quam de vicinis partibus invitantes*). Гуфы и десятины встрѣчаются въ нѣкоторыхъ селахъ уже ок. 1220 г., и черезъ нѣсколько лѣтъ (1230 г.) жители земли варновской платили уже десятину. Кромѣ самого князя, колонизацію въ тѣхъ странахъ производило и духовенство, вышеупомянутый монастырь добротинскій, люнебургскій бенедиктинскій монастырь св. Михаила, который здѣсь получилъ (1219 г.) село Сезиново (въ землѣ турской на востокъ отъ Пархима), и Иоанниты въ землѣ туренской, на восточномъ берегу морицкаго озера, гдѣ они (1227 г.) получили село Мировъ.

Въ сѣверовосточномъ углу, въ землѣ *хижанской* или *розтоцкой*, встрѣчается до 1230 г. нѣсколько новыхъ селъ, названныхъ уже по основателямъ, и нѣсколько гагеновъ, обязанныхъ платить десятину ¹⁾.

Земли *чрезътынская* и *доленская* достались Никитовичамъ позже, ок. 1230 г. Германизація въ нихъ началась еще при поморскихъ князьяхъ. О ней поговоримъ ниже.

Нѣмецкіе колонисты придавали нѣкоторымъ селеніямъ новца,

¹⁾ Въ выше (стр. 156) упомянутомъ нѣмецкомъ регестѣ грамоты 1210 г. приводится около Марлова девять селъ «mit ausgeradeten ackern u. wustem, so noch gebawet werden konnen».

нѣмецкія названія, которыя или употреблялись рядомъ съ старинными славянскими, или совсѣмъ ихъ вытѣснили. Это продолжалось до XIV вѣка, т. е. пока еще существовали остатки Славянъ; еще въ началѣ того вѣка (1305 г.) самъ князь мекленбургскій указываетъ на это измѣненіе старинныхъ названій (mutationem nominum, quibus olim aliquae villae nominabantur). Уже во второй половинѣ XII вѣка старинный городъ Иловъ называется иногда *Pindburg*; но это новое названіе не привилось, а осталось только славянское; село Чарниковъ (у Илова) носило также нѣмецкое названіе *Szerpinchusen* (1224); выше упомянутое село Сезимово, принадлежавшее люнебургскому монастырю св. Михаила, названо въ теченіи первой половины XIII вѣка Горой св. Михаила (*Mons S. Michaelis*). Названія нѣсколькихъ селъ монастыря добранскаго тоже замѣнены нѣмецкими. Уже около половины XIII в. (1245) одно монастырское имѣніе имѣло двойное названіе *Ekholt (Eichholz) sive Cartlowe*; во второй половинѣ этого вѣка село Домашичи называется *Ibendorp*, Брусы—*Thiderikeshagen*, хотя еще въ XIV вѣкѣ славянскія названія этихъ селъ были извѣстны (*Domastiz-Ibendorp teutonice, Bpize in slavo est Thidericus (sic) in teutonico*); село Подкова стало называться съ начала XIV в. *Honuelde (Hohenfelde)*.

Съ постепенной германизацией старинныя названія племенные стали все больше и больше забываться. Имена *Бодричей* и *Полабъ* извѣстны были еще въ самомъ концѣ XII вѣка (1198 г.); ихъ приводитъ тогдашній лѣтописецъ Арнольдъ любецкій. Имя *Хыжанъ* или *Кыжанъ* сохранилось въ титулѣ князей мекленбургскихъ (*principes Chizinozum*) до 1220 года; имя *Варновъ* и *Морицанъ* въ названіяхъ земель *варновской* и *морицкой*. Кромѣ того старинныя названія нѣкоторыхъ мелкихъ земель продолжали употребляться и позже, во время нѣмецкаго господства, напр. *Бреница (Brenze, Breniz, срв. поль. Bpencia, Bpunica)*, *Тури, Турно, Венрево, Лѣса* и др. До позднѣйшихъ временъ сохранилось и общее названіе всѣхъ балтійскихъ племенъ—*Славяне*, означая, какъ уже выше сказано, жителей мекленбургскихъ княженій, „Славин“, хотя и отнѣмченыхъ. Но, пока германизация въ тѣхъ странахъ не взяла еще совсѣмъ верха, пока сами князья и вельможи сознавали себя еще Славянами въ отличіе отъ Нѣмцевъ, до тѣхъ поръ слова „Славяне“, „славянская земля“, не были однимъ только географическимъ названіемъ, а означали еще національное цѣлое въ противоположность „Нѣмцамъ“, т. е. въ особенности жителямъ смежныхъ графствъ

звѣринскаго, ратиборскаго, Саксоніи, и пр. Такъ напр. въ концѣ XII вѣка (1195 г.), во время выбора епископа звѣринскаго, каноники, опасаясь войны между „Нѣмцами“ и „Славянами“, т. е. поданными князя Генриха Борвина, выговорили себѣ у „Славянъ“ неприкосновенность своихъ и епископскихъ имѣній. Такая война не началась тогда же, но нѣсколько лѣтъ спустя (1200 г.) „Славяне“ предприняли походъ въ ратиборскую землю, и здѣсь, въ сраженіи у Варшикова, погибъ князь Николай розтоцкій; его смерть оплакивали всѣ Славяне, и чтобъ отомстить за нее, они бросились на „Нѣмцевъ“ и множество ихъ перебили ¹⁾. Даже впослѣдствіи, когда послѣ полного онѣмеченія страны имя „Славянинъ“ имѣло уже не національное, а только географическое значеніе, проглядываетъ иногда какъ бы традиціонная вражда къ залабскимъ Саксамъ. Такъ въ первой половинѣ XIV вѣка въ монастырѣ добрянскомъ вели ожесточенные споры монахи „изъ Славій“, „Славяне“ (de Slavia, Slavi), т. е. странъ мекленбургскихъ, и монахи „Саксы“ (monachi Saxones), т. е. изъ залабскихъ странъ; и самъ народъ ненавидѣлъ этихъ „Саксовъ“, которые, по его мнѣнію, такъ вредили монастырю.

Послѣдующіе за раздѣломъ (1229 — 1231 г.) отчины Никлотовичей успѣхи германизациі, удобнѣе будетъ разсмотрѣть по отдѣльнымъ областямъ, по удѣламъ мекленбургскому, пархимско-рихенбергскому, розтоцкому и верельскому.

1. Мекленбургскій удѣлъ.

Мекленбургское княжество, окруженное почти со всѣхъ сторонъ нѣмецкими владѣніями; представляетъ, во время раздѣла, страну по большей части уже онѣмеченную. Остатки Славянъ въ этомъ княжествѣ послѣ 1230 г. въ высшихъ, среднихъ и низшихъ слояхъ — незначительны. Въ рядахъ шляхты встрѣчаемъ до 1240 г. еще Генриха и Тѣшиміра Варгушевичей, Волчка, Генриха и Иоанна Бидевичей или Будевичей (Boidevitz), по большей части землевладѣльцевъ около Илова и Висмара. Впослѣдствіи почти одни только сыновья Тѣшиміра (filii Tessemari) продолжаютъ называться по древнеславянски; остальная шляхта мекленбургская, славянскаго-ли нѣмецкаго-ли происхожденія, носятъ уже фамиліи, de Gode-

¹⁾ По словамъ современнаго Арнольда (VI. 13), рассказывающаго de expeditione Sclavorum in terram Rasesburch.... Ruina Nicolai tota Sclavia in merorem est versa et innumera strage Teutonicos prosternunt,

buz, Bulowe, Lensyn, Pole, Holddorp, Brusevitze, Nakenstede и пр. Къ юродамъ прибавились, съ половины XIII вѣка, *Новый Буковъ* и *Гневесмолье* (Grevesmühlen). Славяне въ городахъ мекленбургскихъ упоминаются рѣдко. Въ *Хоттбузъ* или, какъ онъ позже назывался, *Гадебуизъ*, они поселились, какъ уже выше сказано, въ особомъ хытѣ. Въ *Висмарѣ* упоминается въ половинѣ XIII вѣка госпожа *Weneda* (Славянка?), и въ 1294 г. *Гердъ* Славянинъ (Slavus), который купилъ здѣсь поземельный участокъ. Другіе упоминаемые въ Висмарѣ Славяне находились въ извѣстной зависимости отъ мѣщанъ, которые отвѣчали за нихъ передъ судомъ; такъ на пр. мѣщанинъ Бертольдъ Фогель принялъ на себя долгъ за трехъ Славянъ (pro tribus Slavis, 1276 — 78); Бенедиктъ изъ Барпевова поручился за своего Славянина (promisit pro suo Slavo, 1277).

Немного Славянъ осталось и въ селахъ. Въ западной половинѣ они упоминаются преимущественно въ приморскихъ странахъ, въ землѣ брежанской около Висмара; они жили въ селахъ вмѣстѣ съ нѣмецкими крестьянами, доживая, такъ сказать, свой вѣкъ. Въ двухъ селахъ у Висмара, въ Ястровицѣ и вѣроятно въ Гонкирхенѣ, были два Славянина, оба по имени Альбертъ (Albertus Slavus 1260—1272), въ Козловѣ — крестьяне Даргашъ и Тѣшикъ, въ Бутлигенѣ—шульць Радаша (Radasse), въ Малатинѣ—Трибушъ (1277), въ Гоголевѣ—Арнольдъ Славянинъ (Arnoldus Sclavus 1281), въ „славянскомъ селѣ“ Зимнѣ у Любека (slavica villa Zyumen)—Тѣшикъ (1322), въ Пивисторпѣ у Гадебуша — Славянинъ Радекъ (Radeko Slavus 1320), на островѣ Полѣ нѣсколько славянскихъ крестьянъ (1326—1340),—Конрадъ Вышакъ, Иоаннъ Букъ, Люба, Мартинъ Князь, Николай Славянинъ. Остальные вмѣстѣ съ тѣми жившіе крестьяне носятъ уже нѣмецкія или вообще христіанскія имена; они по всей вѣроятности Нѣмцы, иначе они бы означались какъ „Славяне;“ такъ на пр. въ выше упомянутомъ селѣ Ястровицѣ вмѣстѣ съ Альбертомъ Славяниномъ жили *Wenemagus, Danemagus, Remberthus, Johannes, Gerardus*, въ „славянскомъ“ селѣ Зимнѣ — вмѣстѣ съ Тѣшикомъ крестьяне *Rodehose, Hinricus filius Mundes*, и пр. Память о Славянахъ въ тѣхъ странахъ сохранила лишь прозвище „славянское“ нѣкоторыхъ уже выше приведенныхъ селъ, и „славянское поле“ (Wenetvelt) на Полѣ, проданное въ 1266 г. нѣмецкимъ крестьянамъ.

Въ восточной половинѣ мекленбургскаго княжества *Новый Мо-настиръ* продолжалъ свою германизаторскую работу; въ числѣ но-

настырскихъ селъ встрѣчаемъ все больше села съ нѣмецкими названіями—*torp* и—*hagen* (*Luderestorp*, *Ludbrechtstorp*, *Prouesthaben*, *Woldenhagen* и пр.). По подробному перечню всѣхъ монастырскихъ селъ (ок. 1320 г.) видно, что изъ нихъ 22 носятъ славянскія, 15 же нѣмецкія названія. Подданные ерестьяне почти всѣ носятъ нѣмецкія имена, и только въ двухъ селахъ встрѣчаемъ крестьянъ Славянъ, *Coneke Went* и *Hingicus Went*, послѣдній въ селѣ *Naquistorp* или *Nakunstorp*, слѣдовательно уже въ селѣ новой колонизации ¹⁾. Кромѣ того на славянское происхождение указываютъ имена крестьянъ *Радикъ*, *Тѣшикъ*, *Мирекъ*, *Неданъ*. Наконецъ у монастырскаго села *Арнесе* было „славянское поле“ (*slavicalis campus dictus Wenethuelt*, 1275 г. и чаще), остатокъ славянскаго населенія.

На югъ отъ монастырскихъ имѣній, по лѣвому берегу средней Варнавы, были земли *бутьшовская* (бутишовская) и *брыльская*, принадлежавшія по большей части епископу звѣринскому. Бутьшовская земля еще въ 1232 г. представляется славянскою; не только географическія названія, но и названія урочищъ славянскія: лугъ, луга, лѣсъ или лазъ (на пр. *Живановъ*, *Водровый*), могилы (*Вановы*) и пр. ²⁾. Но около того самого времени упоминаются въ нѣкоторыхъ селахъ гуфы и десятины, устройство сопровождавшее нѣмецкую колонизацію. Гуфы встрѣчаются (1243) и въ селѣ *Маломъ Свишовѣ* (*Parvum Zwizowe*), стало быть славянскомъ. Германизацію въ этихъ странахъ поддерживалъ основанный здѣсь (1233 г.) монастырь *рунскій*; въ числѣ его селъ было уже тогда нѣсколько—*hagen* (*Nienhagen*, *Hanshagen* и пр.); одно село носило названіе Славянскій Чернинь. На родину нѣкоторыхъ тамошнихъ нѣмецкихъ колонистовъ указываетъ между прочимъ названіе села *villa Holtzatorum* (1235, позже *Holzendorp*) у *Брыля* (*Bryule*, срв. польск. *Brylewo*). Около послѣдняго города были еще во второй половинѣ XIII вѣка (1254 г.) и славянскія села (въ ихъ числѣ *Holtogre*), населенныя еще Славянами, которые платили капитулу звѣринскому извѣстную бископницу; но уже тогда имѣлась въ виду замѣна этой славянской платы нѣмецкой десятиной, „когда села заселятъ Нѣмцы и будутъ ихъ воздѣлывать.“ Въ теченіи второй половины

¹⁾ Что *Went* значитъ Славянина, видно изъ прозвищъ другихъ крестьянъ, *Westfal*, *Hollende* и пр.

²⁾ См. стр. 29.

XIII в. славянскій характеръ этихъ странъ стерся почти вполне. На усиливающуюся германизацию указываютъ не только нѣмецкіе порядки, но и нѣмецкая географическая номенклатура; такъ на пр. ок. селъ Мыслей и Слемина (у Бутѣшова) встрѣчаются въ 1264 г. ручей Hegerbeke, гора Scliminerberg, мѣсто Vosberch, лугъ Overdyk, вустарникъ Burgbrock. На раздѣленіе селеній на нѣмецкое и славянское указываютъ выше упомянутыя села Малый Свишовъ, Славянскій Чернянъ, и Слав. Трехово (у Бутѣшова, 1321 г., срв. польск. Droschowo). Въ селѣ Свишовѣ, — неизвѣстно, въ Маломъ или въ Большомъ, — встрѣчаются, въ началѣ XIV в. (1317 г.), въ числѣ крестьянъ, лица съ очевидно славянскими именами, Тѣшикъ, Гостимиръ, Пятевъ и др. (Mildis, Joh Gemitze, Tesseke Rabute, Petrus Ponat, Wendele Kedinghe, Gostemer, Panteke, Nicol. Crul. ¹⁾).

2. Пархимско-рихенбергскій удѣль.

Удѣль *пархимско-рихенбергскій* совпадалъ почти съ древней землей варновской, занимавшей бассейнъ верхней Варнавы, на востокъ до рѣки Мильденицы; по обоимъ берегамъ Эльды лежали здѣсь древнеславянскія земли, Бреница, Пархимъ, Туры, Кутинъ или Плавъ. Германизация этой земли началась, какъ мы видѣли, еще во время князя Генриха Борвина, который призвалъ сюда нѣмецкихъ колонистовъ и построилъ нѣмецкіе города Пархимъ и Плавъ и монастырь Добротинъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и его внукъ *Прибиславъ*, первый и послѣдній князь этого удѣла (1231—1256). Его окружаетъ шляхта нѣмецкая или оиѣмеченная славянская; напр.: Ivanus et Nicolaus de Belowe (село въ той землѣ), de Redekestorp, Holttdorp, Rolstede, Brushauer, и др. Только одинъ васалъ князя Прибислава носитъ еще славянское имя, именно *Ратиславъ* (1241); но тотъ жилъ не въ варновской, а въ чрезпѣнской землѣ, гдѣ онъ владѣлъ по феодальному праву (feodali jure) селомъ Даргобѣдомъ около Даргуни. Кромѣ обоихъ городовъ, Пархимъ и Плавъ, основаны города *Штернбергъ* и *Гольдбергъ* (1248 г.); послѣдній на мѣстѣ села Голча, и пожалованъ правомъ пархимскимъ. На западной границѣ княжества построилъ Прибиславъ замокъ Рихенбергъ, и по немъ обыкновенно назывался княземъ рихенбергскимъ. Какъ видно, этотъ Никлотовичъ любилъ придавать

¹⁾ Въ окрестностяхъ гор. Швана, около Фаренгольца, встрѣчаются еще въ 1584 г. wendiseher weg, wend. kirchhof, schmiede Wendthagen genannt.

вновь строямыя городамъ нѣмецкія названія. Славяне въ этомъ удѣлѣ упоминаются очень рѣдко. Около села Wolframshagen, принадлежавшаго добротинскому монастырю, былъ лѣсъ, въ которомъ жили Славяне; въ 1267 г., когда лѣсъ проданъ крестьянамъ этого села, говорится уже о Славянахъ какъ о прежнихъ его жителяхъ. Отъ другого монастырскаго села, Опала (Упала, срв. польск. Oraleń, Upale), отдѣлилось славянское (Wendisch-Orpal 1263 г.). Другое „славянское“ село, Варны, было около города Гольдберга (Wendesche Warne 1296). Во второй половинѣ XIII вѣка въ землѣ древнихъ Варновъ, нѣмецкій языкъ господствовалъ вѣроятно уже исключительно. Такъ напр., около села Кутина (Quetzin), подъ древнеславянскимъ городомъ того имени, урочища носятъ (1271 г.) нѣмецкія названія: ellerholt, heinholt, alewere, borchwal (городище кутинское), но еще поле лѣски (ager lanken); кутинскіе крестьяне жили въ хатахъ (kota). Подобно тому, межи села Чехова (у Пархимя) тогда (1272 г.) означаются по нѣмцу: monticuli lapidum qui stenbrinke dicuntur, monticulus -heitbrinke, cotherelant, и пр. Что касается новой колонизаціи, т. е. основанія новыхъ селеній, то напр., въ числѣ 25 селъ земли турской (въ концѣ XV в.) находятся только два съ нѣмецкими названіями; изъ 44 селъ около Плавъ, только 5 носятъ нѣмецкія названія. Изъ этого видно, что въ этихъ двухъ земляхъ по Эльбѣ, германизация коснулась по большей части существовавшихъ уже славянскихъ селеній.

Въ 1256 г. князь Прибиславъ долженъ былъ отказаться отъ своего удѣла, который раздѣленъ между сосѣдями: Штернбергъ достался князю меленбургскому, Гольдбергъ и Плавы (позже и Пархимъ)—верельскому, Пархимъ и Рихенбергъ—графу звѣринскому.

3. *Розтоцкій удѣлъ.*

Князю Генриху III Борвину досталась земля Хижанъ, по обоимъ берегамъ нижней Варнавы на востокъ до рѣки Ревицы, отдѣляющей княжество розтоцкое отъ ранскаго и поморскаго. Позже, ок. 1230—1240 гг., границы розтоцкаго княжества распространились дальше на юговостокъ за Ревицу до Пѣны и Треболы, въ сѣверовосточную половину (поморской) земли чревѣнскійской, къ знаменитому монастырю даргунскому.

Шляхта розтоцкая, послѣ раздѣла отчины Никлотовичей, утрачивала свой славянскій характеръ; она принимала предиваты, дѣ-

лалась васалами князя, и исчезала въ рядахъ прибывающей сюда шляхты нѣмецкой. Около Генриха Борвина (1229—1264) остались очень немногіе шляхтичи, которые еще сохранили свои древнеславянскія названія; такъ на пр. Генрихъ Гѣба, братья Ярославъ и Іоаннъ, Хотанъ (позже принявшій названіе Мордеръ), Даргославъ, Ратишь, Волчекъ. Позже встрѣчаются славянскіе шляхтичи уже рѣже; такъ на пр. выше упомянутые братья Ярославъ, Іоаннъ и Радоміръ, принявшіе уже предикатъ изъ Каланта (1271), землевладѣльцы около Даргуна, и вѣроятно также съ ними упоминаемые Машекъ (Машеке) и Трошевичъ; въ XIV вѣкѣ — рыцари изъ Пустеова, землевладѣльцы около Добрянъ, князь Тѣшимиръ и др. Но повторяемъ, такихъ шляхтичей очень мало въ сравненіи съ множествомъ нѣмецкой шляхты, которая все больше и больше наполнила землю и получала отъ князя лены; такъ на пр. Снавенбургіи были васалы-землевладѣльцы около Добрянъ, Буны (de Bune)—около Даргуна, Іорки и Гамбургіи—ок. Рыбницы, и пр.

Въ *городахъ* славянскій элементъ сохранился преимущественно въ *Розтокахъ*, гдѣ, какъ уже выше сказано, Славяне продолжали жить не только въ подгородѣ, но переселились и въ новый, нѣмецкій городъ. Славяне, живущіе въ подгородномъ *визѣ* (villa Wendesche Wic), подъ городищемъ древнеславянскихъ Розтокъ, не входили въ нѣмецкую городскую общину, а подлежали княжескому суду до 1286 г., гдѣ князь Николай продалъ этотъ славянскій *визъ* со всѣми принадлежностями и съ судомъ городу. Розтоцкій *визъ* пересталъ быть славянскимъ поселеніемъ, а дома его перешли въ руки Нѣмцевъ; только въ 1294 г. упоминается еще Генрихъ Славянинъ, продавецъ солонины изъ *вика* (Henricus Slavus specsneider de Wich). Слова „бывшая улица Славянъ“ (ubi quondam strata Slavorum fuerat, а. 1326) — относятся вѣроятно къ этому *визу*. Собственно въ городѣ—Славяне занимали въ самомъ отдаленномъ углу особую улицу, которая до сихъ поръ называется Wenden—strasse (съ Wenden—thor); они находились подъ вѣдѣніемъ особаго судьи или *фогта* „славянскаго“ (advocatus Slavorum, 1267—1296). Такимъ славянскимъ *фогтомъ* былъ на пр. Германъ (1267), и можетъ быть также Радекъ, часто (1320—1335) упоминаемый розтоцкій *мѣщанинъ* и *фогтъ* (Radeke dictus Wend, Radeke Went advocatus). Розтоцкіе Славяне владѣли собственностью въ городѣ, и занимались разными промыслами, содержали корчмы, занимались садоводствомъ, мытьемъ сельдей, цирюльничествомъ,

съемкой подгородных лугов, — которые называются еще во второй половинѣ XIV вѣка „славянскими“ (grata Slavogum), — въ особенности же продажей солонины и мяса. Продажа солонины была вѣроятно по большей части въ рукахъ Славянъ, такъ что „продавецъ солонины“ (speckschneider) и „Славянинъ“ (Wende) сдѣлались синонимами ¹⁾. Продажу солонины и мяса регулировала сама дума особыми уставами (1325 и 1330 гг.), подтвердивъ, что Славяне въ извѣстные дни могутъ продавать солонину на своемъ старомъ мѣстѣ (apud alneum pontem), и въ извѣстное время года говядину и баранину. За это Славяне обложены были извѣстной платой, и исполняли извѣстныя работы, именно косьбу, получая за это вознагражденіе ²⁾. Ростокскіе Славяне (въ XIII — XIV вѣкахъ), означаемые почти всегда прозвищемъ „Славянинъ“ (Slavus, Went), носили кромѣ именъ христіанско-нѣмецкихъ, по большей части имена славянскія: Тѣшикъ, Тѣханъ, Тѣхашъ, Добернѣтъ, Волчекъ (Velzico), Милдашъ (Myldaze), Даргашъ, Сулекъ, Радекъ, Блданъ (Bandan), Миликъ, Миниша (Miniske), Желимиръ (Zelmarus), Доброслава, Тѣшка; и двойныя: Іоаннъ Прибиѣтъ, наконецъ и фамилія, даже нѣмецкія, на пр. Петръ Любачъ (Loubatz), Bunt, Johann Bistervelde.

Кромѣ Ростокъ, возникли съ половины XIII в. въ ростокскомъ княжествѣ нѣмецкіе города *Кропелинъ*, *Калантъ* (Каленъ, срв. польск. Kaleń, Kałęczyn, чеш. Kalenice, Kaletice), *Рыбница*, *Гюонъ*, *Сультъ* (Sülz). О Славянахъ въ этихъ городахъ не знаемъ почти ничего; только въ Калантѣ былъ въ числѣ консуловъ Генрихъ Славянинъ (Hirricus Slavus 1283) ³⁾.

¹⁾ Такъ надо понимать и слова документа 1472 г. (когда подгородные луга отданы мясникамъ — knochenhauer) «so alze de Wende unde speksnyders de sulven wysche beth an desse tyd (до сихъ поръ) gehad». Во второй половинѣ XV вѣка въ Ростокѣхъ едва-ли были Славяне.

²⁾ Slavi dabunt quolibet anno de qualibet mensa apud alneum pontem 4 solidos (1325). Slavi vendere debebunt lardum per cursum et circulum anni, scilicet secundis feris et quintis, in locis suis apud pontem alneum, ubi ab antiquo vendere consueverunt. Dicti vero Slavi a festo b. Michaelis usque ad festum nativitatís Christi bovinas et ovinas carnes cum dimidiis corporibus et quartalibus perpetuo vendere possunt, sed carnes bovinas pro 24 solidis emptas vendere debebunt (1330).

³⁾ Вотъ имена нѣкоторыхъ мѣщанъ этихъ городовъ. *Cropelin* (1250) cives: Albertus advocatus, Baldwinus, Wulfardus. *Kalant* (1253) cives: Joh. de Sakenitz,

Сельское славянское народонаселение въ ростозкомъ княжествѣ быстро исчезало. Западную часть продолжалъ германизовать монастырь добранскій; уже во второй половинѣ XIII вѣка большинство монастырскихъ селъ носить нѣмецкія названія (—hagen,—torp); въ купленномъ въ 1282 г. селѣ Малой Границѣ,—стало быть славянскомъ—, встрѣчаются десятины. По подробному перечню монастырскихъ имѣній начала XIV вѣка (1312) оказывается, что изъ 25 монастырскихъ селъ только 9 носятъ славянскія названія, крестьяне же въ тѣхъ и другихъ селахъ носятъ почти исключительно нѣмецкія названія, отчасти просто имена (Dithard, Wilhelm, Bertold), отчасти и прозвища по родинѣ, занятіямъ и пр. (Nygenhusen, Westual, Saxo, Nigebur, Burmester etc); только въ одномъ селѣ Нонуэде (Hogheuelde, стар. Подкова) встрѣчаемъ крестьянъ Радосту (Radust), Генриха Радосту, Даргуша, Утѣшу, и Іоанна сына Тѣшика, очевидно Славянъ. Въ этомъ селѣ и въ Стуловѣ сохранялось тогда—какъ выше сказано—еще старинное право „славянское.“ На славянскихъ жителей указываетъ названіе „поле славянское“ у Брусова (campus slavicalis, 1283) и Вербна (Wendfeld, 1580). Въ числѣ монастырскихъ имѣній былъ тогда (съ 1301 г.) также Жатовъ, прежде имѣніе амелунгсборнскаго монастыря; принадлежавшій къ этому имѣнію славянскій гагенъ (Wendisch—Hagen), въ XVI вѣкѣ уже не существовалъ, а на его мѣстѣ находился лѣсъ „Wendenholz.“ Еще меньше знаемъ о славянскомъ сельскомъ народонаселеніи въ другихъ странахъ ростозкой земли. Недалеко отъ Рыбницы встрѣчаемъ послѣ 1230 г. нѣсколько селъ и гагеновъ съ нѣмецкими названіями (Holstinthorp, Petersthorp, Gozwinsthorp, и др.), которые платили десятину. Нѣсколько тамошнихъ селъ раздѣлилось на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую (Wendisch—Curkevitz, W. Peterstorp, a. 1257); здѣсь было тоже славянское село Репелинъ (villa slavicalis, 1256). Какъ долго Славяне сохранились въ такихъ селахъ, неизвѣстно; въ первыхъ двухъ „славянскихъ“ селахъ были въ половинѣ XIII в. (1257 г.) уже десятины, гуфы и свободныя гуфы (besettinge), стало быть нѣмецкое устройство.

О германизаціи сѣверовосточнаго угла чрезѣвской земли, окрестностей поморскаго монастыря *даргунскаго*, поговоримъ ниже въ очеркѣ германизаціи Поморья.

4. *Верельскій удѣлъ.*

Верельскій удѣлъ простирался отъ средней Варнавы и Мильденицы на востокъ за Невелю, на югъ за озеро морицкое. Во время войнъ Поморянъ съ Бранденбургомъ верельскія владѣнія распространились дальше на востокъ за Пѣну къ Доленцѣ въ предѣлы поморскаго княжества (послѣ 1230 года). Такимъ образомъ въ верельское княжество по большей части вошли земли древнихъ племенъ Чрезпѣянъ и Доленчанъ, мелкія земли около морицкаго озера, Лѣса (Liesa), Турно, Морица, Вепрево, а позже (1256 г.) и юговосточная часть княжества пархимско-рихенбергскаго.

Князья верельскіе, называвшіеся тоже „славянскими“ (Slaviae, Slavorum, van Wenden), равнымъ образомъ какъ и мекленбургскіе и розтоцкіе, скоро онѣмечились; они уже въ концѣ XIII вѣка употребляютъ нѣмецкій языкъ, назывался „van godes genaden juncherre van Werle.“ Въ *шляхтѣ* верельской повторяется тоже самое, что и въ остальныхъ удѣлахъ Нилотовичей. Она дѣлается васалами князя, принимаетъ по своимъ усадьбамъ названія, и вмѣсто славянскихъ именъ—имена христіанско-нѣмецкія, такъ что ея нельзя уже отличать отъ вновь прибывшей шляхты нѣмецкой. Только въ немногихъ родахъ продолжаютъ употреблять славянскія имена даже до XIV вѣка, хотя, разумѣется, члены этихъ родовъ уже не говорили по славянски. Такія славянскія имена встрѣчаемъ въ выше приведенныхъ шляхетскихъ родахъ, назвавшихся изъ Рѣчова, Даргаша, Пришеборы. Эти остатки старины замѣтны преимущественно въ шляхетскихъ родахъ, осѣдлыхъ въ юговосточномъ углу княжества, около морицкаго озера, въ земляхъ морицкой и вепревской. Кромѣ Пришеборовъ, Даргашей, пановъ изъ Гавельберга, имѣли здѣсь помѣстья и кастеляны малаховскіе и робольскіе, Славотѣхъ, Униславъ, Ярославъ, и сыновья двухъ послѣднихъ (Johannes filius Unislai, Priscebur et frater suus Johannes, filii domini Jeroslai dicti de Robele). Еще ок. 1335 г. въ числѣ малаховской шляхты приводится нѣсколько Пришеборовъ—одинъ даже съ славянской уменьшительной формой Пришео (Pruscseke),—Ярославъ изъ Валова; Добеславъ, Хотимиръ изъ Рѣчова. Кромѣ упомянутыхъ родовъ и лицъ—славянскія имена въ окружавшей князя верельскаго шляхтѣ встрѣчаются довольно рѣдко. Такъ до половины XIII вѣка видимъ еще Габу, Иордана, Вацка (Venciko), Требимира, Ратиша, Оттона Сулешка (Suleske, Сулиславъ); вообще до тринадцати лицъ, которыя

еще сохраняли хотя формально славянский характер; между тѣмъ, верельскихъ шляхтичей нѣмецкихъ или, пожалуй, и онѣмеченныхъ славянскихъ — до половины XIII вѣка — можно насчитать до тридцати (Grubo, Baroldus, Joh. de Crupelin, Robert de Bralin, de Wientorp, de Seonewolde, de Snakenburg, Henr. de Ziagnyn, Otto Bawarus, Joh. Danus etc.). Въ послѣдующей за тѣмъ второй половинѣ XIII вѣка шляхтичи, которые назывались еще по славянски, исчезаютъ въ огромной массѣ нѣмецкой или онѣмеченной шляхты; такіе были на пр. Тѣшимиръ, Вартиславъ, Ратиславъ Stagge (Stange) и Ратиславъ Запѣцъ (Zayenz, de Zance), послѣдній впрочемъ изъ Поморья, и нѣсколько членовъ родовъ Пришеборовъ, изъ Рѣчова, изъ Роболь¹⁾.

Города верельскіе наполнялись Нѣмцами, по большей части — судя по жалованному имъ звѣринскому праву — изъ сосѣднихъ саксонскихъ земель. Кромѣ Густрова возникли здѣсь, до половины XIII вѣка, нѣмецкіе города *Малаховъ*, *Малахинъ*, *Пениминъ*, позже *Роболь*, *Лавы* (Лаге), *Тетеровъ*. О Славянахъ въ тѣхъ городахъ не знаемъ ничего. Малаховскій *визъ* (1287 г.) вѣроятно указываетъ на славянское населеніе; названіе Wende одного малахинскаго мѣщанина (Marquardus filius Wendes Johannis, 1331) можетъ быть только простымъ прозвищемъ. Нетерпимость Нѣмцевъ въ отношеніи Славянъ породила и здѣсь печальное явленіе исключенія Славянъ изъ цеховъ. Мы видѣли, что въ Ростовахъ славянскіе мясники составляли особую корпорацію. Въ городѣ Роболахъ суконщики требовали отъ вновь принимаемаго члена (1463 г.), чтобы онъ былъ человѣкъ неопороченнаго происхожденія, и по всѣмъ предкамъ не Славянинъ (schal he van unberuchteghen, êrliken, frâmen luden.. unde ghebaren van alle synen veranen, de nicht Wende sunt ghewesen). О другихъ городахъ не имѣемъ такихъ прямыхъ свидѣтельствъ по этому предмету; но еще въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Мелленбургѣ требовали отъ принимаемаго въ цехъ такого свидѣтельства, что онъ происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго. Национальная нѣмецкая исключительность вообще проявлялась въ разныхъ сторонахъ жизни, и еще въ началѣ XVIII

¹⁾ Вотъ наприм. болѣе знаменитые шляхтичи верельскіе 1274 г.: Barolt, Berchane, de Britzekowe, de Belin, de Bruseviz, Brusehaur, de Cene, Coz, de Duxyn, Hane, de Hagen, de Hagenowe, de Hakenstede, Kabolt, Ketelhut, de Lesten, Luch, Nordmann, de Stocvlete, de Vlotowe и др.; одинъ только Raz-lanus Stagge носить еще славянское имя.

вѣка въ Мекленбургѣ говорилось о своенравныхъ, упрямыхъ людяхъ, что у нихъ въ шеѣ славянская жила (eine wendische ader im nacken ¹).

Въ сельскомъ народонаселеніи Славяне встрѣчаются рѣдко. Въ новой колонизаціи страны славянскіе колонисты тоже участвовали рядомъ съ нѣмцами; такъ на пр. въ юговосточномъ углу княжества, въ землѣ туренской, въ имѣніи добрянскаго монастыря Чехелинѣ, селились люди какаго-бы то ни было племени (homines cujuscunqve gentis et cujuscunqve sint artis, 1243); и тамошніе Іоанниты мировскіе имѣли до самаго начала XIV вѣка право селить на своихъ земляхъ Славянъ и Нѣмцевъ (locandi Sclavos et Teutonicos). Въ селѣ Репенте (Репалты?) у Чехелина, на самой границѣ брижанской земли, жили Славяне еще во второй половинѣ XIII вѣка. Въ старой землѣ доленской, въ округѣ фогта пенцлинскаго, около монастыря бродскаго, одна монастырская усадьба (curia Jazeke) была еще въ 1330 г. въ рукахъ славянскихъ владѣльцевъ (Slavi de Jazeke, videlicet Janekinus longus, Nicolaus longus, Lemmekinus et Hincekinus, Thydericus Jermiz in Vriderp, Tessekinus Kucker). Случалось тоже раздѣленіе общины на нѣмецкую и на славянскую, какъ видно изъ названія села Вилема (Vilem slavicum et teutonicum 1263), и села Wentorpe, которое встрѣчается только съ начала XIV вѣка, и возникло вѣроятно только тогда около Фридорпа. Село Варгатино у Малахина, лежащее на рѣкѣ Пѣнѣ, раздѣлилось такимъ образомъ, что нѣмецкая община осталась на правомъ берегу, а славянская (Wendisch — W.) переселилась на лѣвый.

Если соберемъ вкратцѣ все сказанное о германизациі мекленбургскихъ княженій, то увидимъ, что до конца XIII и до начала XIV вѣка отчина Никлотовичей была почти вся онѣмечена; Славянъ оставалось тогда очень немного. Все усиливавшійся напоръ германизациі коснулся, разумѣется, и всего государственнаго и общественнаго строя страны. Славянское государственное право уступило нѣмецкому, славянскія учрежденія замѣнены нѣмецкими; нѣмецкій языкъ считается общеупотребительнымъ (vulgo, usua-

¹) Westphalen: Monumenta inedita (1739, I. p. 120), Franck: Alt u. neues Mecklenburg (1753, III. buch, p. 86). — Эта «wendische ader» мекленбургскихъ Нѣмцевъ соотвѣтствуетъ бранному «böhmischer dickschädel», какъ честать Нѣмцы Чеховъ.

liter). Древнеславянское городское устройство сильно потрясено многочисленными привилегіями, жалованными духовнымъ корпораціямъ, основаніемъ новыхъ городовъ, и пр.; кастеляновъ замѣняютъ фогты (advocati), которые являются въ первой половинѣ XIII в. въ земляхъ и городахъ мекленбургскихъ, въ Иловѣ, Густровѣ, Гнойнѣ, Роболахъ и др. Земское право, основанное на нѣмецкихъ началахъ, называлось landrecht (jus vel iudicium terrae quod landrecht usualiter nominatur); подлѣ него было то же jus vassallorum—lenrecht, jus civitatisium—statrecht; княжескій земскій судъ называли landding (iudicium quod vulgo landding dicitur), всеобщія повинности земской обороны, починки замковъ, мостовъ—lanthwere, burgwerk, bruckewerk ¹⁾; сельскіе суды ding, то же landding (iudicia popularia quae landding theutonico vocabulo nuncupantur ²⁾). Прививались разные нѣмецкіе юридическіе термины: servitium—unpflicht, casus inopinati—ungherad, expectatio—anwarde, proprietates—egendhum и пр.; разные названія въ сельскомъ быту, agrorum superfluitas—overslach (überschlag), mansi—hegerbuven, mensura—matta, chorus—wischcepel, captura anguillarum—aluanc (aalfang), worpnette, were, landmolen и пр., названія урочищъ: ralus-rorbruck, pons—berkenbrugge и пр. Въ городахъ нѣмецкій языкъ господствовалъ съ самаго ихъ основанія.

Изъ славянскихъ учрежденій, или скорѣе изъ учрежденій, которыя касались Славянъ, сохранилась войводница и подача до второй половины XII вѣка, и бископница до второй половины XIII вѣка; наконецъ остатки славянскаго обычнаго права кое-гдѣ въ селахъ до начала XIV вѣка. На сколько замѣтны слѣды славянскихъ учрежденій въ позднѣйшихъ мекленбургско-нѣмецкихъ,—ближе опредѣлить не можемъ ³⁾.

¹⁾ Burgwerk, bruckewerk встрѣчается уже въ 1222 г.: въ тѣмъ повинностямъ были обязаны жители округа города Мекленбурга (circulus urbis Magnopolis). Тѣ же слова употребляютъ мекленбургскіе князья 1227 г. (въ Густровѣ), жалуя Мировъ въ туренской землѣ Иоаннитамъ.

²⁾ Въ Польшѣ тѣе суды, княжескій и сельскій, назывались *wieca* (wiesca). Срв. ниже.

³⁾ Знатоки мекленбургскаго права указываютъ между прочимъ на мекленбургское феодальное право, которое отличается отъ общаго феодальнаго права нѣмецкаго. По мекленбургск. праву давались лены въ наследственное владѣніе, съ правомъ ихъ продавать и обременять долгами. Срв. Jahrbücher für mecklenburg. geschichte III. 164. Если приведенные здѣсь лены пожалованы

Славянскій элементъ въ Мекленбургѣ сохранился дольше всего въ полабской землѣ ябельской (Jabelheide). Здѣсь жили Славяне, — въ сосѣдствѣ люнебургскихъ Славянъ, — еще въ началѣ XVI вѣка. Одинъ мекленбургскій ученый того времени, Николай Маршалекъ, называетъ ихъ и по обычаямъ и по языку Славянами, и говоритъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ ихъ обычаяхъ. Ябельскіе Славяне еще тогда, въ началѣ XVI вѣка, провожали покойника съ пѣснями, и выливали въ могилу напитки; дѣтвомъ они ходили по полямъ, распѣвая пѣсни, и ударяя въ барабаны, чтобъ отворотить молнію и дождь; во главѣ ихъ шествовалъ „жрецъ“, знающій древніе обычаи славянскіе ¹⁾. Изъ этихъ ябельскихъ Славянъ вѣроятно происходили

за известныя службы, то они бы соответствовали древнечешскимъ и древнепольскимъ *выслушамъ*, *мнѣніямъ* *выслуженнымъ*.

¹⁾ Приведемъ здѣсь любопытный рассказъ Маршалка (Nic. Marescalcus Thurius) по латински (Vitae Obetritarum) и въ немецкихъ речахъ (Chronicon rythmicum de regibus Obotritarum).

Qui *Gabellarum* saltus incolunt, tam re quam sermone adhuc *Sarmatae*, nihil de moribus mutavere, et per priscam superstitionem mortuos adhuc cantu et choreis prosequuntur poculaque invicem exhibent, jam tumulatis sepulchro infundentes, solemnique tripudiatione statuto tempore fruges lustrant, ex passo canis tergore buccam clangentes et resonantes, sacrificulumque, quem eligunt, ritus veteris peritum, sequentes cursitant, ita demum fulgurum ac himbrium nocentium damna deprecari se posse putantes.

Parchim stösset an die thür den *Gabelheiten* wird ihr leben führ, die sind allein der sprache nach *Wenden*, die verstreuet zu manchen enden. Dieselhige haben gewohnheit alt, wenn jemand ward vom tode kalt, sie folgen ihn mit gesange zu graben, zuletzt muss er einen ehrentrunk haben, den giessen sie ihm wohl in die gruben. Im sommer laufen sie um ihre huben, wohl über ihr feld mit 'grossem sange, ihr pucken sie schlan mit einer stange, die pucken von einer hundshaut zwar, sie machen sie zu mit haut und haar, und meinen so weit die laut erklingt, ihr regen und donner nicht schaden bringt. Ihr priester ist der erste in reihen, der tritt ihm vor dem tanz in Meyen, *wendischer sitt* ist ihm bekannt, jetzo ist er *slavasco* genannt.

(Westphalen: Monumenta inedita II. 1510, I. cap. 574). Что значить слово *slavasco*, трудно рѣшить; можетъ быть — *славонецъ* (человѣчекъ, срв. *славакъ* — человекъ люнебургск. Славянъ). — Въ концѣ XVII вѣка (1696) въ Jabelheide была села: Jabel, Bentz, Volsrade, Jesenitz, Trebse, Ramme, Veltsche, Redefin.

тѣ служившіе при дворѣ мекленбургскомъ барабанщики, которые упоминаются здѣсь еще въ началѣ XVI вѣка (1512—1515): *junge der die tromme sleit der Wende, der Wendt trumsleger*.

Теперь въ Мекленбургѣ память Славянъ сохраняютъ — кромѣ географическихъ названій и очень немногихъ словъ (см. ниже) — лишь славянскія городища (валы) и „славянскія кладбища“ (*Wendenkirchhof*). Да впрочемъ такимъ „славянскимъ кладбищемъ“ можно считать весь Мекленбургъ, всю отчину Никлота.

Х.

Р а н а ¹⁾.

Ранскіе князья распространили въ теченіи второй половины XII вѣка свое владѣтельство на сосѣдній материкъ, на земли между рѣками Рекницей, Треболой и Пѣной, но не успѣли ихъ за собой удержать въ цѣлости. Въ концѣ XII вѣка составляла здѣсь — вообще говоря — рѣчка Рѣка или Гяльда границу между княжествами поморскимъ и ранскимъ; къ послѣднему принадлежали города и земли Бартъ, Требожесь, Крестово и Острожна (Вострожна). Въ первой половинѣ XIV вѣка — послѣ прекращенія ранскаго княжескаго рода (1325 г.) — ранское княжество присоединено къ поморскому.

Съ паденіемъ язычества и независимости Раны (1168 г.), это васальное княжество датское вошло въ кругъ христіанско-германскихъ государствъ, и раскрылось, равнымъ образомъ какъ и остальные балтійскія земли, нѣмецкому элементу и нѣмецкой колонизаціи.

Старинный *княжескій родъ*, вѣроятно рода Крутова, одинъ изъ самыхъ упорныхъ защитниковъ старины, сдѣлался — послѣ погоре-

¹⁾ Fabricius: *Urkunden zur geschichte des fürstenthums Rügen* (до 1325 г., Stralsund u. Berlin 1843—1869, 4 bde). Срв. тоже источники исторіи Поморья. Что касается формы «Рана», то указываемъ на слова норвейскаго монаха Вябальда (1149 г.): *regio quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rana dicitur*. Адамъ брем. пишетъ *Rani vel Runi*, Гельмольдъ *Rani sive Ruiani, Rugini*, обыкновенно *Rani*. Форма Рана исчезаетъ уже въ XII в., а вѣето нея употребляется обыкновенно *Ruia, Ruiani*, теперь *Roien, Rōjen*. Польскій лѣтописецъ половины XIII вѣка, Богухвагъ, знаетъ еще форму Рана, и производитъ ее — по своему — отъ слова «ранить»: *Rani seu Rana dicuntur ex eo, quia semper in conflictu hostium vociferare solebant: rani, rani! id est vulnera, vulnera!* (Bielowski: *Monum. Polon. histor.* II, 469, 479).

нія и крещенія Раны—однимъ изъ главныхъ виновниковъ и поддержателей германизации своего княжества. Еще въ XII вѣкѣ ранскіе князья храбро защищаютъ свободу своего народа противъ притязаній Датчанъ и Нѣмцевъ, поддерживаютъ бодритскихъ князей въ послѣдней ихъ борьбѣ съ этими заклятыми врагами балтійскихъ Славянъ. Но съ конца XII вѣка образъ дѣйствій ранскихъ князей измѣняется. Паденіе Сватовита въ Арконѣ значило не только торжество новой религіи, христіанства, но было также предвѣстникомъ побѣды нѣмецкой и паденія славянской народности на Ранѣ. Связи съ окрестными государями, датскимъ королемъ и онѣмеченными князьями мекленбургскими и поморскими, брачные союзы съ этими родами ¹⁾, все усиливающееся число нѣмецкихъ священниковъ и дворянъ при княжескомъ дворѣ—все это значительно повліяло на князей, и произвело рѣшительный переворотъ въ ихъ взглядахъ на столь ненавистныхъ прежде Нѣмцевъ. Съ начала, князья сознаютъ себя еще государями славянскими, и не выдѣляются изъ массы своихъ подданныхъ; они считаютъ разныя славянскія учрежденія своими, славянскими, въ отличіе отъ нѣмецкихъ и датскихъ (*more gentis nostrae sive Teutonicorum aut Danorum*, какъ выражается князь Яроміръ 1209 г.), называютъ славянскій языкъ своимъ роднымъ (*lingua patria*, князь Вышеславъ 1247 г.). За тѣмъ князья, желая умножить свои доходы, начинаютъ призывать *нѣмецкихъ колонистовъ*, и эти финансовыя соображенія не мало способствуютъ постепенному притупленію въ князьяхъ національнаго чувства. Уже спустя полъ вѣка послѣ покоренія Раны, князь Виславъ (Вышеславъ), дѣлая подробныя распоряженія о нѣмецкой колонизаціи въ землѣ требожеской (1221 г.), называетъ ея возвратъ къ прежнему состоянію,—т. е. если бѣ нѣмецкіе колонисты были прогнаны и земля досталась бы опять Славянамъ,—„несчастіемъ, которое да предотвратитъ самъ богъ“ (*si vero sinistro succedente casu, quod deus avertat, terra in pristinum fuerit statum reversa, ita, quod Teutonicis expulsis, recolare terram Sclavi incipient*) ²⁾. Другой князь ранскій, Яроміръ, заселяя одно славян-

¹⁾ Дочь Яроміра II., Маргарита, вышла за герцога ютландскаго; жена Вислава II., Агнеса, была княгиня брауншвейгъ-люнебургская, и ихъ дочери вышли за князей поморскаго и мекленбургскаго и за короля норвежскаго.

²⁾ *Slavi* въ жалованной грамотѣ Вышеслава Любечанамъ (1224 г.), означаютъ вѣроятно не Ранѣ, а скорее Поморянъ или подданныхъ мекленбург-

ское село нѣмецкими колонистами, прямо запрещаетъ поселеніе въ этомъ селѣ другихъ Славянъ (*plures Sclavi in eadem villa non sunt locandi, quam locati sunt*). Только иврѣдка пробивается у ранскихъ князей сознание, что вѣдь эти исчезающіе Славяне — ихъ собственная кровь, и князья, какъ бы задумываясь, еще въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, — именно Виславъ въ своемъ завѣщаніи (1302), — оказываютъ тѣмъ остаткамъ своего народа нѣкоторое покровительство, и предоставляютъ имъ пользоваться всѣми прежними угодьями и льготами (*ut Slavi nostri pacis ad usus suos pacifice et quiete ac jugiter perfruantur; ut Slavi mei eandam libertatem habeant in omnibus, quam meo tempore habuerunt*). Но такія мѣры были, такъ сказать, уже лишними: въ началѣ XIV вѣка въ ранскомъ княжествѣ оставались очень немногіе Славяне, и самъ княжескій родъ совсѣмъ онѣмечился; князья ранскіе пишутъ уже не только на общеевропейскомъ языкѣ латинскомъ, но издаютъ и нѣмецкія грамоты ¹⁾; они окружаютъ себя — по примѣру, нѣмецкихъ князей — разными придворными сановниками, маршаломъ, труксесомъ, коморникомъ, чашникомъ, и пр. Послѣдній членъ княжескаго рода, Виславъ (1302—1325), сдѣлался даже нѣмецкимъ поэтомъ, и входитъ — наравнѣ съ чешскимъ Премысловичемъ Вячеславомъ и польскимъ Пястовичемъ Генрихомъ — въ ряды нѣмецкихъ миннезингеровъ ²⁾.

Одно только напоминало славянское происхожденіе онѣмеченныхъ потомковъ Крута и Тетислава: это славянскія имена, которыя употреблялись въ княжескомъ родѣ ранскомъ до самаго его прекращенія (1325 г.). Члены его, и его линій — врестовской (Gristow) и подбузской (Putbus), носятъ имена Тетиславъ, Стойславъ, Яроміръ, Барнута, Вышеславъ (Виславъ), Сватополкъ, Борѣта, Придборъ, Добеславъ, Ярославъ, Бориславъ, Самборъ, Тетислава, Тѣша; изъ христіанскихъ и нѣмецкихъ именъ встрѣчаемъ имена Исакій, Иоанъ и Геннеке (Henneke), Петръ, Николай, Вареоломей, Рейнбернъ, Маргарита, Елена и Ефимія.

скихъ; по крайней мѣрѣ князь отличаетъ «Славянъ» отъ «своихъ поданныхъ» (*Slavi et homines nostri*).

¹⁾ Вотъ на пр. начало первой нѣмецкой грамоты ранскихъ князей (1304 г.): *Wye Wizslau vnde Zambur, von der gnade ghodes vorsten van Rugen, bekennet vnde tughet an dessen ieghenwardeghen breue, etc.*

²⁾ Hagen: *Minnesinger* (Leipzig 1838, III, 78, IV, 717).

Равнымъ образомъ, какъ княжескій родъ, вела себя и *ранская шляхта*. Шляхта въ княжествѣ ранскомъ, на островѣ и на материкѣ, была довольно многочисленна, и вначалѣ исключительно славянская. До половины XIII вѣка, во время княженія Яромира I и Вышеслава I, ранская шляхта носитъ чисто славянскій характеръ; она не употребляетъ еще равныхъ предикатовъ, а называется просто по именамъ, по большей части славянскимъ, рѣже христіанско-германскимъ; у лицъ носившихъ послѣднія имена, конечно, нельзя еще, только по этой причинѣ, отрицать славянскаго происхожденія, и напр. встрѣчающіеся въ 1193 г. около князя Яромира Carolus villicus и Raalf могли быть Нѣмецъ и Датчанинъ, но они могли быть и Славянс, принявшіе въ крещеніи эти имена. Ранскіе шляхтичи употребляли, кромѣ своихъ именъ, также и отчество, часто—даже въ латинскихъ грамотахъ—въ славянскои формѣ, называя себя напр. Николай сынъ Прибислава (Nicolaus filius P.), Прибиславъ Тѣшимѣричъ (Pribizlaus Tessimeritz), Николай Волковичъ (Nicolaus Wolkowiz), и пр. У нѣкоторыхъ родовъ является еще общее владѣніе ихъ дѣдинами; такъ напр. въ первой половинѣ XIII вѣка на маломъ островѣ Костиѣ (на югъ отъ острова Рани) родъ Тѣшимѣричей владѣлъ лугами, которые онъ позже уступилъ монастырю Гилдѣ, съ общаго согласія всѣхъ членовъ рода, именно братьевъ Славка и Плетена, сыновей Прибислава Тѣшимѣрича, Недамира, Вадемира и Сулислава, сыновей Гостислава Тѣшимѣрича, ихъ женъ, дѣтей и другихъ родичей и дѣдичей (pomme suo uxorumque et liberorum suorum nec non omnium aliorum propinquorum et heredum suorum). Подобно этому и родъ Подбузскій, состоящій изъ братьевъ, жена и племянника, сообща уступаетъ тому же самому монастырю землю радовичскую. До 1240 г. въ рядахъ ранской шляхты являются очень немногіе пришельцы нѣмецкіе; съ этого времени однако, особенно же въ теченіи второй половины XIII вѣка, число нѣмецкихъ дворянъ все увеличивается. До того года ранскихъ князей окружаютъ почти исключительно славянскіе шляхтичи: Повѣдъ, Прибиславъ, Тѣшимірь, Брекошъ, Прусь, Попель, Славощъ, Предмірь, Униславъ, Гориславъ, Дуникъ, Гнѣвомірь, Витомірь, Стрезимірь, Унимисль, Добеславъ, Стрезиборъ, Тѣгомірь, Гостиславъ, Хотанъ, Прибиславъ и Николай Волковичи, Тѣшимірь Лестиковичъ (Лестьковичъ), вышеупомянутые Тѣшиміровичи или Тѣшимѣричи, Николай сынъ Прибислава, Иванъ, Кличъ, Кличаревичъ, Брабъ, Держекъ, Сумъ, Рад-

славъ, Николай Требеславичъ, Мыслимиръ, Радомиръ, и др. Между тѣмъ изъ нѣмецкихъ дворянъ въ тотъ періодъ являются — кромѣ вышеупомянутыхъ Карла и Ральфа — только Wegnerus, Johannes Bere, Hugoldus. Съ 1240 года до начала XIV вѣка являются въ ранскомъ княжествѣ члены разныхъ родовъ изъ Мекленбурга, Гольштейна, Саксоніи, изъ рейнскихъ земель и пр., Bere, Berkhan, Blidersdorp, Kabolt, Eksen, Hakenstede, Platen, Osten, Erteneburg, Dotemberg, Keding, Bohlen, Hagen, Wolde, и др. Этотъ все усиливающийся приливъ нѣмецкой шляхты, конечно, не остался безъ вліянія на славянскую шляхту. Она — по примѣру нѣмецкой — дѣлалась васалами князя, принимала имѣнія по феодальному праву (*jure feodali, jure homagii*), которое уже въ половинѣ XIII вѣка было въ княжествѣ общеупотребительнымъ ¹⁾. Въ рядахъ ранской шляхты являются рыцари (*milites, ridders*, напр. *Borant miles* 1231 г., а еще въ 1225 г. *Boranthe nobilis Slaviae*), кнаны (*armigeri, knapen*) и кнехты (*famuli, servi, knechte*); шляхта стала принимать по своимъ имѣніямъ новыя названія, предикаты. Такъ какъ многіе нѣмецкіе шляхтичи стали называться по приобретаемымъ ими имѣніямъ въ ранскомъ княжествѣ, стало быть принимали славянскія фамиліи, то со второй половины XIII вѣка трудно, даже невозможно уже строго отличить старинную шляхту славянскую отъ вновь прибывающей нѣмецкой. Эти затрудненія умножаются еще тѣмъ, что — съ одной стороны — нѣмецкіе шляхтичи, вслѣдствіе совмѣстнаго жительства и браковъ съ славянскими родами, стали принимать славянскія имена, а съ другой стороны, что старинная шляхта славянская до начала XIV вѣка принимала нѣмецкій языкъ, и не смотря на свои славянскія имена, дѣлалась нѣмецкой. Такимъ образомъ эти оба элемента слились окончательно, но такъ, что восторжествовала нѣмецкая народность, присвоивъ себѣ всю старинную ранско-славянскую шляхту.

Славянская шляхта принимала предикаты обыкновенно по своимъ имѣніямъ, называясь напр. изъ Лѣки (*de Lanka*), изъ Обелитъ и пр. Въ нѣкоторыхъ родахъ сдѣлалось простое имя или отчество родовымъ названіемъ; такъ напр. Сумъ, Гориславъ, Стойгнѣвъ,

¹⁾ Въ 1253 году продалъ *Richardus de Tribuses sex mansos sitos in villa Grancin* — новокампскому монастырю; князь Яроміръ отказывается, *quicquid nobis de eisdem mansis jure feodali debuit provenire sive hominii sive servicii*. Паны Подбузскіе приняли свои имѣнія въ ленъ только во время поморскаго владычества.

Славковичъ, Краковичъ и др. Въ нѣкоторыхъ родахъ остался старинный обычай, называться просто по имени или съ прибавленіемъ отчества; такъ напр. встрѣчаемъ во второй половинѣ XIII вѣка и въ XIV вѣкѣ фогта Добромира (владѣльца поземельныхъ участковъ у Мысликова 1285), Добромысла (владѣльца села Тѣходаржичъ 1296), Домаслава, Славоту, Тѣшмира, Яна сына Мирослава (domipus Johannes Miritzlavi), и др.

До первой половины XIV вѣка въ ранскомъ княжествѣ можно насчитать до 275 шляхетскихъ родовъ¹⁾. Въ этомъ числѣ можно отыскать уже только около 40 славянскихъ родовъ; всѣ остальные нѣмецкаго, а немногіе сомнительнаго происхожденія. Славянскаго происхожденія были обѣ линіи княжескаго рода, назвавшіяся *Подбузскими* или изъ *Подбузя* (de Putbus, также de Vilmeniz, Borapenhagen), и изъ *Крестова* (Gristow); эти „вельможи славянской земли“ (nobiles, barones Slaviae) происходили: первая линія—отъ Стойслава родственника князя Яромира I, другая—отъ Барнута Яромировича. Отъ вышеупомянутаго рода *Тѣшимирчей* происходят вѣроятно шляхтичи, назвавшіеся потомъ (ок. 1280 г.), по селу—изъ *Лѣкы* (de Lanke, Lancken), и *Славковичи* (Slaveke, Schlawkewitz). Первые происходят вѣроятно отъ Сулислава Гостимировича, и въ ихъ родѣ еще до XV вѣка были въ употребленіи имена Прѣдборъ, Сулиславъ, Недаміръ, Тѣшиміръ, Гримиславъ, Приба, Даржикъ. Праотецъ Славковичей вѣроятно—Славекъ сынъ Прибислава Тѣшимірча; Славковичи назывались Славекъ, Косень, Гостилавъ, Тѣшиміръ, Добромиръ, Тѣшиславъ; они съ конца XIV вѣка стали употреблять предивать de Stangenberg. Третья линія Тѣшимировичей называлась—по имени—*Косени* или *Косани*, и два Прибислава, отецъ и сынъ (Kosen Prybbezlaf, Kosenson Prybbozlaf), упоминаются еще въ началѣ XIV вѣка. *Сумы* происходят отъ шляхтича Сума (1237 г.); это имя осталось въ родѣ какъ фамилія, и въ началѣ XIV вѣка извѣстны Сумы (изъ Витова), Гостиславы, отецъ и сынъ, и другіе „Сумовичи“ (Sumouitz, Sumovisc), Сулиміръ, Рацлавъ и Іоаннъ. *Краковичи* (Krakevitz), вѣроятно потомки шляхтича Крака (ок. 1236 г.), основателя села Кракова (villa Craconis) у Требожезя; позже Краковичи переселились на

¹⁾ Множество матеріаловъ о ранской шляхтѣ сообщили Klempin u. Kratz: Matrikeln u. verzeichnisse der pommer. ritterschaft vom 14 bis in das 19 jhdt. (Berlin 1863), Bohlen: Geschichte des geschlechtes von Krassow (Berlin 1853, II. theil: Urkundenbuch).

островъ, и основали здѣсь дворъ Краковичи. Родъ существуетъ до сихъ поръ въ Мекленбургѣ. *Ралики* или *Раликовичи* (Ralic, Raleke, Ralekeuitz), *Радоміры* (Redemer, были еще въ началѣ XVI вѣка), *Гориславы* (Görslaf), вѣроятно потомки кастеляна требожевскаго Горислава (1221—1231), позже родъ патриційскій въ Грейфсвальдѣ, *Стойнъны* (Stogenewa, прекратились въ нач. XVII вѣка), *Славоши* (Zlaws, Slavus), вѣроятно потомки шляхтича Славоша (1207), *Вушки* (Wusseken), *Волчковичи* (Woltzekevitze, позже Volzeke, Fulzeke), *Радоши* (Radas, Rados), и др.—сохранили, какъ видно, старинныя, въ родѣ употребляемыя имена, какъ названія родовныя. Другіе роды назывались по своимъ селамъ, усадьбамъ, изъ *Обеличь* (Гостиславъ), *Свѣценовичъ* (Мыслимиръ), *Трѣбичъ* (Trambitz, Даргославъ, Радославъ), *Начевичъ* (Natzevitz, Хотанъ, Сулиславъ, Прибиславъ), *Смѣтевичъ* (Smantewizze, Пустъ, Добеславъ), и др. ⁴⁾. Нѣкоторые роды прибыли изъ сосѣдняго Поморья, напр. шляхтичи изъ *Узюма* (Usedom), изъ *Поздиволка* (Pozdevolk), *Жабичи* (Sabititz, Zabetzitz), и др. Назонецъ и въ нѣкоторыхъ родахъ, носившихъ нѣмецкій предикатъ, встрѣчаются славянскія имена; трудно рѣшить, были-ли то Нѣмцы или Славяне. Такъ напр., члены рода *Mortiberger* до самого его прекращенія (1892) носятъ имена Хотанъ (его жена Даргослава), Тѣшиславъ, сыновья Хотана—Лудольфъ и Тѣша (Tetze), сыновья Лудольфа—Добеславъ, Хотанъ, Рацлавъ въ родѣ *Norman* имена Тѣшидаргъ и Тѣшиміръ (ок. 1306), въ родѣ *Rodemunt* Придборъ (1316, 1395) и пр. Славянскія имена сохранились вообще во многихъ родахъ ранскихъ, уже давно онѣмеченныхъ, и въ послѣдующихъ вѣкахъ, хотя въ довольно испорченномъ видѣ (напр. Dubbeschlafl, Verdeschlafl, Jerschlafl, Dubberger, Steyschlafl, Gützlaff, и пр.).

Приведемъ здѣсь довольно полный перечень ранскихъ шляхтичей (рыцарей и кнаповъ), изъ грамоты 1316 г., писанной по нѣмцки. Въ этомъ любопытномъ памятникѣ замѣтны еще слѣды борьбы славянскаго элемента съ нѣмецкимъ, хотя въ формальномъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ родахъ сохранились еще старинныя славянскія отчества (Ralekeuitz, Sumouitz, Zlawcouitz), но у большинства преобладаетъ уже нѣмецкое—son (Pribenson, Zlawsson, Raduskenson). Интересно, что на нѣкоторыхъ печатяхъ сохрани-

⁴⁾ Ради удобства употребляемъ вездѣ русскую форму—ичи, вмѣсто западославянской—ичи, —иче.

лась старѣйшая форма лучше, чѣмъ въ самомъ текстѣ грамоты; такъ напр. Razlaf Zlawsson, Teschitz Raduskenson употребляли печати съ надписью: sigillum Rasslai Slavus (т. е. Славомъ), а. Thecen filius Radus. Въ грамотѣ приводятся рыцари: van der Vilmenitz Prydbor, van Pudbutzk Stoyzlaf, mit der Plathe Hinrik u. Thomas, van Karowe Udo, van Wittowe Sum, van Poretz Sambor, van Reetz Hinrik, Badde Egghehard, Brunswic Johan, Viriz Joh., van der Lancken Prydbor. Дальше множество княповъ (кнапен van wapen), числомъ 117; оставляя въ сторонѣ княповъ съ нѣмецкими фамиліями и именами, приведемъ только тѣхъ княповъ, которые, по фамиліямъ и именамъ, оказываются славянскаго происхожденія, или у которыхъ, хотя отчасти, замѣтно вліяніе славянское. Приводятся роды: Crakeuitz (Johan, Heneke, Thessemer), Swetzenouitz (Moylemer), van der Lancken (Prydbor, Stoizlaf, Thessemer, Grymezlaf, Mathies), lutteke (малый) Thessemer, Wocek (Claws), Vyriz (Heneke, Thessemer), Rodemunt (Peter, Prydbor), Ralekeuitz (Ralic, Godeschalk), Zytzebor, Pribenson (Wilke, Thezlaf), Gawarn (Pribe), Mortberner (Gote), Sum (Guzlaf), Sumouitz (Tzelmer, Razlaf, Johan), Zabecyzt (Jacob), Wyske, Bisteruelt (Thezlaf), Kosen (Prybbezlaf), Kosenson (Prybozlaf), Zlawcouitz (Thezlaf), Puzdeuolk (Claws, Thesdarc, Peter), Woltzekevitz (Vartyz), Kooth (Razlaf); Zlawsson (Razlaf), Raduskenson (Theschitz), Starkewolt (Thessemer), Clementeuitz (Razlaf), van Natzeuitz (Gothan, Hinceke), Norman (Thesdarc); Trambitz (Darghezlaf, Hinrik), Grote (Ghothen, Guslaf), Redemersson (Zlaweke), van Uzenym (Thezlaf), Wanghelin (Thezlaf), Prybe, Darisit, Meritz, Tzantheuitz (de Smantevize Pust), Kotzeuitz (Thessemer).

Кромѣ шляхты, сдѣлавшейся васалами князя и вообще принявшей нѣмецкіе порядки, осталась на Рани еще мелкая шляхта, которая находилась въ князю въ другихъ отношеніяхъ. Это такъ называемые *княжичи* (knesitz, knesuczzen, domicelli dicti knesitzen, иногда knes, knetz), которые сохранили это славянское названіе до XV вѣка, даже позже, до времени, когда они давно уже оиѣмечились. Съ конца XIII до конца XIV вѣка, отчасти и въ XV в. княжичи упоминаются въ разныхъ земляхъ Раны, въ селахъ Тѣходаржичахъ, Княжичахъ (Gnysitze, Gnesitze), Пяскахъ, Эрмбичахъ, Лмѣхъ, Добреховичахъ, Кубичахъ, Даргеничахъ, около Горы, и пр. „По праву княжичей“ (secundum jus knesitzen, jus knetzorum, sicut juris est knesitzen, prout jus knesizorum in terra exigit et requirit, velut jus knesitzen in terra Ruge dictat et requirit, to knezytzen

rechte) владѣли на Ранѣ многіе шляхтичи имѣніями, на пр. Добромисль въ Тѣходаржичахъ (1296), Андрей изъ Кубичъ въ Добреховичахъ (1346), Робекины въ Кубичахъ (1362), Влацковичи въ Полповичахъ (1362 — 1369), Шереры въ Кубичахъ (1396), и пр. Княжичи платили князю извѣстную подать, деньгами и натурой, которая называется иногда *vlycghelt* (*pflichtgeld*); такъ на пр. въ началѣ XIV вѣка платили, одинъ княжичъ въ Пяскахъ—2 гривны, другой только 12 денегъ (*solidos*), 24 княжича въ рѣбинской землѣ—18 гривенъ, княжичи въ Бѣшинѣ—3 гр., въ Начевичахъ—8 гр., два княжича въ Лѣжѣ—1 гр., одинъ княжичъ въ той же самой Лѣжѣ—1 фунтъ воску, и пр. Князь иногда дарилъ эти платы другимъ, на пр. въ 1439 г. плату одного „князя“ (*knetz*) въ Даргеничахъ подъягловскому монастырю; а въ 1338 г. передавъ и судъ высшій и низшій надъ княжичами горскому монастырю. Княжичи были, по всей вѣроятности, ранскіе шляхтичи, которые не приняли своихъ имѣній отъ князя въ ленъ, а— вмѣсто личныхъ службъ— были обязаны къ извѣстной платѣ; они, какъ не-васалы, не имѣли права высшаго суда, а только низшаго; это послѣднее называется еще въ XV вѣкѣ (1467, 1488) *knetsen-recht*, противоположность феодальнаго права (*mann-recht*). Въ XVI вѣкѣ однако на Ранѣ за-были уже шляхетское происхождение княжичей, и поморскій гѣтописецъ Канцовъ называетъ „князьями“ (*knesen*) дѣтей бѣднаго дворянина и богатой крестьянки. Послѣдній слѣдъ княжичей исчезаетъ въ началѣ XVII вѣка (*knesen-hof Lybitze*, 1611 г.)¹⁾.

¹⁾ О княжичахъ срв. *Vohlen: Geschichte des geschlechtes Krassow* (II. 115). Слово «княжичъ» показываетъ, что шляхта у балтійскихъ Славянъ называлась вообще «князь» (срв. сербск. «властелинъ» и «властелиничъ», русск. «бояринъ» и «сынъ боярскій»). Если «княжичъ» = *domicellus*, *junker* (*jungherr*), то князь = *dominus*, *herr*, и слова *nobiles*, *primores*, *domini*, *optimates*, *principes* у балтійскихъ Славянъ, можно лучше переводить словомъ «князь», равнымъ образомъ какъ и *dominus*, *princeps*, въ смыслѣ князя—государя. Люнебургскіе Славяне еще въ концѣ XVII вѣка не отличали князя—государя отъ князей—дворянъ, называя такъ короли и дворянъ. Пеефингеръ и Генингъ объясняютъ: *un rou*—*tschenangz* (т. е. *кѣнѣзъ*), *un gentilhomme*—*tschenangz*; *les Vandales* (т. е. Славяне) *tiennent leurs gentilshommes pour leurs roys*; *könig*—*tyenangs*, bedeutet eigentlich etwas fürnehmes, auch einen edelmann, weil die Wenden fast nichts höheres gekannt; *tgenangtgeinia*, т. е. *кѣнѣжанна*—*edelfrau*. У лужицкихъ Сербовъ князь (*knjez*) означаетъ вообще господина (*herr*), преимущественно помѣщика (*guthsherr*), князекъ (*knjezk*, *knjezyk*, *knječk*, *knježik*)—*junker*, *guthsherr*, *rittergutsbesitzer*. Форма княжичъ извѣстна и другимъ Славянамъ, русскимъ (княжичъ) и чешскимъ (*knězic*)—молодой

Въ церковномъ отношеніи ранское княжество подчинено двумъ епископамъ, островъ — датскому епископу roskildeскому, материкъ—звѣринскому. Христіанское духовенство было по большей части нѣмецкое; но встрѣчаются также духовныя лица славянскаго происхожденія, судя по именамъ; такъ въ первой половинѣ XIII вѣка въ духовномъ званіи встрѣчаемъ Ярослава, сына князя Вышеслава I., трехъ членовъ рода Кличаревичей, Мартина (два) и Янива, священниковъ Добеслава (въ Перонѣ), Ратислава. По этому можно заключить, что и въ числѣ другихъ священниковъ, носившихъ имена христіанско-германскія, были Славяне. Славянскія имена ранскихъ священниковъ болѣе позднихъ временъ (на пр. Гостиславъ пробылъ въ Горѣ 1289 г., Гостиславъ священникъ въ Витовѣ 1294 г.), разумѣется, уже нельзя принимать какъ знакъ славянскаго происхожденія, равнымъ образомъ, какъ и шляхты того времени, носившей славянскія имена, нельзя уже считать славянской. *Монастыри* наполнялись, по всей вѣроятности, исключительно Нѣмцами; они, какъ вездѣ, играютъ важную роль въ колонизаціи страны. Монастыри, цистерціанскіе, были въ *Горѣ* на островѣ (основ. 1193 года), въ *Гильдѣ* (основ. до 1207 г.) и въ *Новомъ Камтѣ* (Novus Campus, можетъ быть *Новая Кѣпа*, срв. польск. кѣра, 1231 г.) на материкѣ.

На мѣстѣ старинныхъ городовъ славянскихъ или на новыхъ мѣстахъ, возникали *города* новой нѣмецкой формаціи. Самый важный городъ ранскаго княжества былъ вновь построенный *Стръловъ* или *Штральзундъ*, основанный до 1229 г., у морскаго пролива на мѣстѣ села близъ острова Стрълы, и пожалованный любецкимъ правомъ, какимъ пользовались сосѣднія Ровтоки. Мѣщане, всѣ Нѣмцы, были изъ разныхъ странъ княжества, изъ Поморья, мекленбургскихъ владѣній и изъ другихъ нѣмецкихъ земель (Didrich de Demin, Heinr. de Ratzeburg, Heinr. de Vesel, etc). Получали-ли въ Штральзундѣ и Славяне права мѣщанъ или они были прямо включаемы—какъ это постановлено о Фризахъ (1282 г.)—не знаемъ; по крайней мѣрѣ извѣстны намъ названія штральзундскихъ мѣщанъ, во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, указываютъ

князь, и польскимъ (księzyc, принявшее уже другое значеніе). Чешское и польское kniže, książę означаетъ не только князь—государя, но вообще какого-бы то ни было начальника. Слово мѣ «княжичъ» можно переводить титулы балтійскихъ князей — juncherre (напр. Nicolaus juncherre van Werle 1292) и domicellus (Pribico domicellus de Wollin 1276, domicellus Zamborus 1302).

на нѣмецкое происхождение. Славянь упоминается въ городѣ очень немного, на пр. Golowe Slavus, портной Hinricus Slavus, Тѣшикъ (Tessike Slavus), дѣти котораго имѣли какое-то имѣние въ городѣ, Thide Slavus, Милларгъ (quidam Slavus Mildarch); другіе въ Штральзундѣ и его округѣ проживавшіе Славяне были вѣроятно только временные его жители, какъ видно изъ прозвищъ „Славянинъ“ изъ такого-то села (Slavus de Sarracin, quidam Slavus in Nipriz) ¹⁾. О Славянахъ въ городѣ, называемомъ *Дябья гора* (Damgor, Damgarten)—основаннаго на мѣстѣ села въ 1258 г.—не знаемъ почти ничего; въ началѣ XIV вѣка въ числѣ сѣмщивовъ городскихъ садовъ былъ и „Іоаннъ называемый Славянинъ“ (Johannes dictus Slavus). Древнеславянскій городъ *Бартъ* существовалъ до половины XIII вѣка, управляемый княжескими вассалами или, какъ они уже назывались по нѣмцѣи, бургграфами (Петръ, Ратиславъ, Гостиславъ). Но до 1255 г. Бартъ переименъ въ новый городъ по праву любецкому или ростозькому. При этой переимѣнѣ славянскіе жители перешли въ особое предмѣстье или *викъ*; здѣсь они упоминаются еще въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка (Slavi in vico juxta civitatem Bard personaliter residentes, 1290, Slavi in vico apud Bard, 1302); имъ предоставлялъ князь свободныя пашбища на одномъ городскомъ лугу сосѣднаго острова Цингста. Когда этотъ *викъ* присоединенъ въ городу, не знаемъ; на него указываетъ улица, называемая Wyk-strasse (platea vici). Урочища около города носятъ уже во второй половинѣ XIII вѣка (1278) нѣмецкія названія: rosenvort, barenbrugh (palus), hermenshager vort. Подобно Барту переименъ и древнеславянскій городъ *Требожесъ* (Triboses, Tribses) въ нѣмецкую общину, съ правомъ любецко-ростозькимъ (1285). Славяне помѣстились вѣроятно тоже въ особомъ предмѣстьѣ или *викѣ*, хотя они здѣсь прямо не упоминаются; этотъ *викъ* позже, вмѣстѣ съ городищемъ, переданъ городу (villa quae wick dicitur, locus castris dictus borchwall) ²⁾. Другіе города и мѣстечки въ ран-

¹⁾ Кроме дипломатарія Фабриціуса, и журн. Baltische studien (XI, XII), срв. Das älteste Stralsundische stadtbuch (1270—1310, ed. Fabricius, Berlin 1872). Были-ли въ 1310 г. упоминаемые Boytin filius Boytin et suus socius dictus *Went* — Славяне, не знаемъ. Мещанинъ Славекъ изъ Забродья (Slaweke de Scarroden 1311—1313) былъ вѣроятно шляхтичь рода Славковичей.

²⁾ На островъ Раниъ, въ землѣ арконской или витовской, находится село *Викъ*, вѣроятно *викъ* Арконы, упоминаемый въ разсказѣ Knytlinga-saga о походѣхъ Вальдемара.

скомъ княжествѣ были *Лосичи* (*Лосиче, Lositz, Loitz*), пожалованная правомъ любецкимъ (1242 г.), *Грименъ*, и *Гарцъ* на островѣ.

Взаимныхъ отношеній нѣмецкаго и славянскаго народонаселенія въ ранскихъ городахъ ближе не знаемъ. Но что и въ нихъ—подобно тому, какъ и въ другихъ балтійско-полабскихъ странахъ,—обнаружилась извѣстная нетерпимость нѣмецкихъ ремесленниковъ по отношенію къ Славянамъ, видно изъ того, что въ двухъ городахъ встрѣчаются особые „славянскіе мясники“ (*Wendschlächter*). Названіе „*Wendschlächter*“ осталось и въ послѣдующихъ вѣкахъ, когда—при совершенномъ оцѣмеченіи тамошнихъ странъ—мѣсто первоначальныхъ славянскихъ мясниковъ давно уже заняли нѣмецкіе мастеровые. Такіе нѣмецкіе „*Wendschlächter*“ были въ *Штральзундѣ* еще въ XVI и XVII вѣкахъ; они продавали мясо (*Wendefleisch*) на особомъ славянскомъ базарѣ „*Wendemarkt*“. Въ *Бартѣ* было нѣсколько „*Wendschlächter*“ еще въ половинѣ XVIII вѣка.¹⁾

Рядомъ съ германизаціей высшихъ сословій, княжескаго рода, шляхты, духовенства и городовъ, шло оцѣмеченіе *сельскаго народонаселенія* посредствомъ *нѣмецкой колонизаціи*; колонизація *датская* была, въ сравненіи съ нѣмецкой, незначительна. Колонизація въ Равѣ относилась прежде всего къ землямъ незанатымъ, незаселеннымъ и необработаннымъ, покрытымъ лѣсами, къ пустынямъ, которыя надо было расчистить и распахать въ поля (*agri inculti, mansi non extirpati, mansi extirpandi; si silvae et locus vastae solitudinis, ubi prius nulla villa sita fuit, praecisis arboribus atque rubetis extirpatis, ad agriculturam deventae fuerint etc.*). Вмѣстѣ съ такою колонизаціей нѣмецкіе колонисты поселялись также въ существующихъ уже селахъ славянскихъ; Славяне должны были уступить свои земли новымъ колонистамъ,—вѣроятно за извѣстное вознагражденіе,—или оставались подлѣ новыхъ колонистовъ на извѣстныхъ условіяхъ. Покинувшіе свое село Славяне основывали новое село, отличавшееся отъ стараго прозвищемъ „славянское.“ Иногда заселенныя Славянами новыя села получали нѣмецкое названіе, напр. *Michelstorp*. Славяне, оставшіеся въ нѣмецкихъ селахъ, должны были, съ нѣкоторыми исключеніями, подчиниться новымъ поряд-

¹⁾ Berckmanns Stralsund. chronik (первой полов. XVI в., ed. Mohnike et Zober, Stralsund 1833, p. 121); Fock: Rügensch-pommer. geschichten (Leipzig 1861, IV. p. 12); Franck: Alt u. neues Mecklenburg (Güstrow u. Leipzig 1753, III. buch, p. 86).

камъ, праву нѣмецкому относительно свѣтскихъ и духовныхъ властей; послѣдней, именно епископу звѣринскому, они должны были тогда платить не извѣстную славянскую подать, бископовницу, а десятину, наравнѣ съ нѣмецкими колонистами. Правда, постановленія о совмѣстномъ жительствѣ Славянъ, Датчанъ и Нѣмцевъ касались и двухъ послѣднихъ народовъ, т. е. Нѣмцы и Датчане, поселившіеся въ славянскихъ селахъ, должны были подчиниться господствовавшему въ нихъ праву славянскому; но такихъ случаевъ было по всей вѣроятности немного. Иногда Славянамъ—въ случаѣ отдачи ихъ села новымъ колонистамъ—отводились особые поземельные участки, да и тѣ только живущимъ еще въ селѣ Славянамъ; другимъ Славянамъ не позволялось уже селиться въ томъ селѣ, которое такимъ образомъ, съ вымираніемъ славянскихъ жителей, дѣлалось совсѣмъ нѣмецкимъ.

Въ славянскихъ селахъ господствовало, какъ уже сказано, „право славянское“ (*omnis consuetudo quae jus slavicum publice appellatur*, а. 1249). Жители такихъ селъ обязаны были отправлять разныя земскія и придворныя повинности, именно подвергались всеобщему ополченію—эта повинность называется прямо „славянской“ (*expeditio gentis slavicae*),—строили и поправляли города, мосты, дороги, доставляли подводы и др., наконецъ платили извѣстную подать съ рала (*uncus*). Князья, жалую монастыри селами, освобождали ихъ жителей отъ такихъ повинностей и работъ, и такимъ образомъ создавали привилегированныя мѣста, изъятія изъ подъ всеобщаго права. Эти освобожденія относились, разумѣется, ко всѣмъ подданнымъ монастырей, были-ли они вновь приглашенные колонисты нѣмецкіе и датскіе, или коренные Славяне или даже славянскіе колонисты; ибо Славяне не были исключаемы изъ новой колонизаціи, а монастырямъ позволялось заселять пожалованныя имѣнія людьми какаго-бы то ни было племени, Датчанами, Нѣмцами и Славянами (*collocare cujuscunqve gentis homines, Dacos, Teutonicos, Slavos*); соотвѣтственно этому, монастырямъ дозволялось учреждать и корчмы—важныя мѣста сбора княжескихъ доходовъ, родъ касъ—по обычаю славянскому, нѣмецкому и датскому (*tabernas more gentis nostrae, sive Teutonicorum aut Danorum*). Въ церковномъ отношеніи Славяне платили извѣстную въ звѣринской епархіи бископовницу. Селенія по нѣмецкому праву основывались извѣстнымъ

образомъ, посредствомъ шульцовъ или гагемейстеровъ, которые заселяли села или гагены, и пр.¹⁾

Такимъ образомъ, еще въ половинѣ XIII вѣка, господствовало въ селеніяхъ ранскаго княжества двойное право, славянское и нѣмецкое (*consuetudo quae jus slavicum vel theotonicum appellatur, consuetudo quae in Theotonia seu Slavia pro lege consueverat observari*). Но съ половины XIII вѣка славянское право исчезаетъ,— послѣдній разъ оно упоминается въ началѣ XIV вѣка на островѣ Ранѣ,—и новые порядки нѣмецкіе распространяются во всемъ княжествѣ. Въ ранскихъ грамотахъ не находимъ прямыхъ свидѣтельствъ о пожалованіи нѣмецкаго права славянскимъ селамъ, какъ на пр. въ сосѣднихъ поморскихъ и бодричскихъ земляхъ; но за то встрѣчаемъ въ селахъ съ славянскими названіями, стало быть первоначально славянскихъ, учрежденія нѣмецкаго права. На ранскомъ материкѣ уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка въ селахъ встрѣчаются вездѣ гуфы (*mansi, houen*) вмѣсто древнеславянскихъ ралъ; послѣднія употреблялись еще въ концѣ XII вѣка въ земляхъ требожеской, бартской, остроженской и др., позже только въ одномъ „славянскомъ“ селѣ, въ началѣ XIV вѣка²⁾. На островѣ сохранились рала и впослѣдствіи, даже во время полного торжества германизации. Обыкновенная въ нѣмецкихъ селахъ наслѣдственная аренда встрѣчается также въ селахъ съ славянскими названіями, гдѣ по всей вѣроятности оставались еще хотя отчасти славянскіе жители. Такъ на пр. на островѣ князь Вышеславъ продаетъ (1290) село Бѣлдерикъ двумъ поселянамъ, Сулиміру и Домаміру, въ наслѣдственную аренду, выговаривая себѣ извѣстную ежегодную плату; книгиня Агнеса продаетъ (1297 г.) село Донековичи въ наслѣдственную аренду, Петру Гнѣвику (*Gneweken*) и Петру и Николаю сыну Войміра (*Wumar*), съ тѣмъ, чтобъ они платили извѣстную

¹⁾ Срв. стр. 135. *Magistri villarum* упоминаются около Требожеза въ 1221 г. (*buremester* въ 1320 г. на Ранѣ); *magister indaginis* ок. Барта въ 1242 г.; *besettinge* ок. Требожеза въ 1278 г., и пр.

²⁾ *In provinciis Ostrusna, Tribuses, Bart etc. de quolibet aratro (вѣроятно рало) modius frumenti (1193); in terra Tribuses de omnibus mansis decima (1221); mansi in Gusdin (t. Tribuses, 1237); mansi indaginum (t. Bard, 1242); mansi in villa Prethutzeve (in t. Tribuses et Losize 1242).* Дальше во 2. полов. XIII в. *mansi in villis Grancin, Pogelictz, Croneuiz, Perun, Gloviz, Kusterow etc.* О «славянскомъ» селѣ см. ниже.

плату въ годъ; князь Вышеславъ продаетъ (1300 г.) жителямъ селъ Широшевичъ и Дуничичъ въ наслѣдственную аренду прилежащія поземельные участки, требуя извѣстной ежегодной платы деньгами и натурой, и пр.

Благодаря вліянію чужого, нѣмецкаго элемента, старинные порядки вообще мало по малу исчезали или измѣнялись, или наконецъ совсѣмъ уступали новымъ. Съ постепеннымъ усиленіемъ нѣмецкаго языка въ высшихъ, правительственныхъ сферахъ, нѣкоторыя древнеславянскія учрежденія уже рано принимаютъ нѣмецкія названія. Повинность строить и поправлять города и мосты называется уже въ 1225 г. *burgwerk*, *bruckenwerk*; общая воинская повинность, оборона земли и ополченіе „славянскаго народа“ принимаетъ около половины XIII вѣка названіе *landwere* (*defensio terrae generalis, quae vulgariter landwere dicitur* 1282); вмѣсто кастеляновъ являются бургграфы (*burgavius*), такъ на пр. въ Бартѣ (1225) и въ Требожезѣ (1231). Старинное городское устройство упало вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Многочисленными привилегіями освобождались подданные княжескіе, монастырскіе и шляхетскіе, отъ общихъ земскихъ повинностей, отъ общаго суда; новыя феодальныя порядки измѣнили характеръ общей воинской повинности, которая легла главнымъ образомъ на васаловъ; оборона старыхъ и новыхъ городовъ или скорѣе замковъ, крѣпостей, поручена особымъ бургграфамъ и манамъ, васаламъ. Образованіе новыхъ общественныхъ формаций, церквей, васаловъ, городовъ и селъ съ нѣмецкимъ правомъ—измѣнило господствовавшее до тѣхъ поръ право, право славянское, которое уступило праву новому, нѣмецкому, оставивъ по себѣ только незначительныя слѣды. Вмѣсто стариннаго общаго права, относившагося безъ различія ко всѣмъ жителямъ, является въ ранскомъ княжествѣ,—какъ вездѣ въ балтійскихъ странахъ,—кромѣ права церковнаго, каноническаго, особое земское право—*lantrecht*, особое феодальное право—*manrecht*, особое городское право—*statrecht*, именно города Любека. Пренныхъ кастеляновъ замѣнили фогты (*advocatus, vogt, и subadvocatus*), главнымъ образомъ судьи; были судьи княжескіе,—которые на Ранѣ сохранили до позднѣйшихъ временъ полуславянское названіе *gardvogt* т. е. городской судья, — судьи въ имѣніяхъ шляхты и духовенства. Низшимъ, сельскимъ судомъ завѣдывали сельскіе старосты, шульцы или гагемейстеры.

Все здѣсь въ общихъ чертахъ сказанное попробуемъ подробнѣе

прослѣдить, на сколько возможно, по отдѣльнымъ землямъ ранскаго княжества.

На материкѣ недалеко отъ устья рѣчки Гильды или Рѣки (Hilda, Reka), на самой границѣ поморскаго княжества, основанъ въ началѣ XIII вѣка цистерціанскій монастырь *Гильда* (Ilda, Hilda, Eldena ¹⁾). Пожалованныя ему въ земляхъ *крестовской, остроженской* и *юстковской* села и ихъ урочища, носятъ еще до половины XIII в. славянскія названія; такъ на пр. села Радошовичи, Даржымъ, Квиздовъ, Меротичи, Держковъ, Малешичи, Будимъ и пр., рѣчки и потоки Свинка, Липица, Каменица, Квицій бродъ или Квиздовская струга (Quezsibrod sive Guizdovesca struga, срв. чеш. Kvíc), городище называемое такъ по славянски „гардище“ (antiquum castrum gardist), и пр. ²⁾. Монастырю позволялось заселять его села Датчанами, Нѣмцами и Славянами, поселянами и ремесленниками (collocare Dacos, Teutonicos, Sclavos). Этимъ позволеніемъ воспользовались монахи, и еще до половины XIII вѣка расчищены были лѣса, и основано нѣсколько гагеновъ (hagen), Frederikeshagen, Reimberneshagen, Johanneshagen, Bernardeshagen, Bartholomeushagen, Henrikeshagen, Boltshagen и др., названіе такъ, какъ видно, по основателямъ. Въ монастырскихъ имѣніяхъ были уже тогда въ употребленіи mansi indaginarii, jugera indaginaria. Селеній съ нѣмецкими названіями является вполнѣ всѣ больше (Rosendal, Vogelsanc, Nienkerken, Statingehof и др.). Въ разноплеменныхъ монастырскихъ селеніяхъ господствовало до половины XIII в. разное право (cunctis hominibus et colonis in claustris possessionibus locandis sive etiam locatis concedimus jure proprio se tueri), въ славянскихъ — славянское, въ нѣмецкихъ — нѣмецкое (consuetudo quae jus slavicum vel theotonicum appellatur; consuetudo quae in Theotonia seu Slavia pro lege consueverat observari); монастырю предоставлялось учреждать въ селахъ корчмы по обычаю славян-

¹⁾ Такъ какъ имѣнія монастыря находились не только въ княжествѣ ранскомъ, но также въ сосѣднемъ поморскомъ, именно въ землѣ гостковской, то воспользуемся также пожалованными грамотами поморскихъ князей. Около годов. XIII в. монастырь владѣлъ 22 селами и мельницами съ названіями славянскими, а 10 селами съ назв. нѣмецкими (почти всѣ — hagen). Значеніе названія рѣчки и мѣста Ilda темны; срв. названіе рѣки Elda въ полабской землѣ.

²⁾ Крѣпость на сосѣднемъ островкѣ Костиѣ называлась еще позже «гардъ» (castrum quod ghart dicitur, а. 1275).

скому, нѣмецкому или датскому (*tabernas more gentis nostrae sive Teutonicorum aut Danorum*). Датскіе и славянскіе колонисты заняли особые *вики* близъ монастыря (*vicus ante claustrum*, 1248); датскій *викъ* (*Densche wic*, *vicus danicus*) упоминается до начала XIV в. (1306), славянскій *викъ* (*Wendesche wic*) до конца XIII в. (1290). Кромѣ этого славянскаго *вика* въ числѣ монастырскихъ селеній были также особыя „славянскія“ села. Одно было у Даржима въ остроженской землѣ (*grangia Darsim cum villa slavicali* 1280); другое „славянское село“ (*slavica villa*) упоминается въ началѣ XIV в. (1306), но безъ болѣе точнаго опредѣленія; не знаемъ, было-ли это то село что у Даржима или другое, или наконецъ выше упомянутый славянскій *викъ* ¹⁾. Но кромѣ чисто нѣмецкихъ, датскихъ и славянскихъ селъ, въ числѣ монастырскихъ селеній, были— по крайней мѣрѣ до половины XIII вѣка—и села съ смѣшаннымъ населеніемъ, т. е. въ нѣмецкихъ селахъ находились также Славяне и Датчане, и на оборотъ въ славянскихъ селахъ Нѣмцы и Датчане. О такихъ селахъ поморскій князь Вартиславъ еще въ половинѣ XIII вѣка (1248 г.) постановилъ, чтобъ отдѣльныя лица подчинялись господствующему въ селеніи праву (*si quis vero in villis gentis nationis alterius, ut verbi gratia Danus vel Slavus inter Theutonicos, et e converso, elegerit habitare, volumus, ut illorum jure utatur, quorum contubernium approbavit, nisi forte abbas aliter inter eos duxerit ordinandum*). Позже такихъ постановленій не встрѣчаемъ, равнымъ образомъ какъ не встрѣчаемъ уже и славянскаго права и Славянъ въ тѣхъ странахъ; тамошнія села—кромѣ выше приведеннаго „славянскаго“ у Гильды—въ теченіи второй половины XIII вѣка онѣмечились, принявъ и право и народность нѣмецкую.

Въ *требожеской землѣ*, лежавшей на границѣ мекленбургскихъ владѣній, началась нѣмецкая колонизація, стараніемъ князя Вислава и епископа звѣринскаго, довольно рано, уже въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка. Въ 1221 году въ этой землѣ было уже значительное число нѣмецкихъ колонистовъ (*theutonici coloni*), подъ управленіемъ своихъ шуйцовъ (*magistri villarum*); эти колонисты платили епископу извѣстную десятину по нѣмецкому обы-

¹⁾ Датскій *викъ* называется также селомъ (*villa Denschewic* 1304). *Vicus* упоминается (1249 г.) у села *Wamrand* (*W. et vicus Lathebo*, но годъ тому назадъ, 1248, только *Lathebo*).

чаю (decimam theuthonico more). Но кромѣ этихъ уже поселившихся колонистовъ, имѣлась въ виду и дальнѣйшая колонизація, съ помощью расчистки лѣсовъ и пустынь, воздѣлываніемъ ихъ и перемѣной въ поля; а также имѣлось въ виду основаніе другихъ селъ (si silvae et locus vastae solitudinis, ubi prius nulla villa sita fuit, precisis arboribus atque rubetis extirpatis, ad agriculturam deventae fuerint). Кромѣ нѣмецкихъ колонистовъ были здѣсь и Славяне; одни славянскіе поселяне, уступивъ свои поля нѣмецкимъ колонистамъ, переселились на другую сторону города (Slavi qui Theutonicis agros illos colentibus cesserunt, ex alia parte castris Tribuzes), другіе—остались и жили сообща съ нѣмецкими пришельцами (Slavi qui adhuc cum Theutonicis resident); первые, не смѣшанные съ Нѣмцами, продолжали платить епископу обыкновенную въ балтійскихъ епархіяхъ *бископовинцу* (collectura Slavorum quae biscopovinizha dicitur); другіе Славяне, которые остались жить съ Нѣмцами, должны были, наравнѣ съ ними, платить уже десятину. Относительно этихъ доходовъ, десятины, бископовинцы и судебныхъ платъ, князь и епископъ сдѣлали другъ съ другомъ подробныя распоряженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опасались тогда еще реакціи со стороны вытѣсняемыхъ Славянъ. Князь боялся, какъ бы требожескіе Славяне не прогнали Нѣмцевъ и не заняли прежнихъ своихъ жилищъ (si vero sinistro succedente casu, quod deus avertat, terra in pristinum fuerit statum reversa, ita quod Theutonicis expulsis, recolare terram Sclavi incipiant); въ такомъ случаѣ князь лишился бы многихъ доходовъ, и опасенія матеріальныхъ убытковъ заставили славянскаго князя желать установленія *новыхъ* порядковъ, благоприятствующихъ нѣмецкой народности и вмѣстѣ съ тѣмъ княжеской казнѣ, но гибельныхъ народности славянской. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого достопамятнаго договора между княземъ ранскимъ и епископомъ звѣринскимъ, основанъ въ требожеской землѣ цистерціанскій монастырь *новокамскій* (Novus Camprus). Въ числѣ пожалованныхъ монастырю селъ было нѣсколько нѣмецкихъ (Richeberg, villa Ratwardi, villa Wulferi, molendinum Richolfi); монастырю пожалованъ тоже лѣсъ для обработки (trescentos mansos nemoris extirpandos), и позволено приглашать на его земли колонистовъ и ремесленниковъ какого бы то ни было народа (cuuscunque gentis et cuuscunque artis homines), кромѣ поданныхъ княжескихъ. Селеній съ нѣмецкими названіями—приобрѣтаемыхъ монастыремъ въ тѣхъ странахъ—все больше прибываетъ;

встрѣчаются разныя — dorp (Vlemingesdorp, Langendorp, Barne-slawendorp, Lambrechtesdorp, и др.);—hagen (Papenhagen, Gherbo-den-hagen, Lendereshagen, Conradeshagen и пр.) и др. Славянскихъ сель упоминается во второй половинѣ XIII вѣка (1282 г.)—только два, славянское Барнеково (Wendesche Barnekowe) и славянское село у Тѣхелина (villa slavicalis juxta Tschelin); здѣсь, стало быть, произошло раздѣленіе села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую. Тоже самое случилось и въ селахъ Wendisch-Baggendorf и Wendisch-Langendorf, которыя сохранили свои прозвища до сихъ поръ. Славянами заселенъ былъ по всей вѣроятности и вѣтъ у Требожеза. Въ сѣверовосточной части требожезской земли основанъ выше упомянутый городъ Стрѣловъ или Штральзундъ.

Сѣверную приморскую часть ранскаго материка занимала земля *бартская*. И въ этой землѣ нѣмецкая колонизація началась еще въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ сѣверозападномъ углу на граничѣ мекленбургскихъ владѣній, у села Дѣбогоры, было село Путьчи или Путничу (Putiz, Putniz), гдѣ уже въ 1225 г. считали по нѣмецкимъ моргамъ (jugera quod vulgo dicitur morgen), и опредѣляли направление своихъ земельныхъ границъ между прочимъ и по нѣмцамъ (directe quod vulgo dicitur gaceth). Въ 1242 году князь Вышеславъ продалъ гагемейстеру Ивану (magistro Ywano), четыре села, Старковъ со всѣми принадлежностями, полями, лугами, пастбищами, водами, и съ мельницей, Ратиборичи, Чернинъ, Вилегощъ (Велегощъ) до рѣчки Бартика; кромѣ того и за рѣчкой тридцать не расчищенныхъ гагергуфъ (mansî indaginum). Всѣ эти имѣнія князь продалъ Ивану и его наследникамъ, по праву феодальному и наследственному (feodali et hereditario jure), освободилъ ихъ отъ земскихъ повинностей и отъ земскаго суда — кромѣ уголовныхъ дѣлъ, — и предоставилъ Ивану и его наследникамъ третью часть судебныхъ денежныхъ штрафовъ. Въ этомъ договорѣ не говорится прямо о нѣмецкой колонизаціи этихъ четырехъ славянскихъ сель; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что села куплены Иваномъ для колонизаціи существовавшихъ уже селеній славянскихъ ¹⁾. Яснѣе является нѣмецкая колонизація въ селѣ *Чарниковичахъ* (Sarnekevitz) у Барта. Князь Яромиръ продалъ въ 1256 г. это село съ округомъ жителямъ села, уже Нѣмцамъ (Mag-

¹⁾ Этого Ивана (magister Ywanus) едва ли можно смѣшивать съ современнымъ ему рыцаремъ Иваномъ (dominus Iwanus, miles, Iwanus de Bliderstorp).

quardus мельникъ изъ Вобелкова, Lubbertus filius Adolphi, Joh. Obulus, Joh. Crantz, Adolphus, Sygfridus de Rubz, Jordanus Rubz, Gerherdus de Rubz, Reimarus de Kenitze, Thidericus parvus, Friedericus Stedingus, Willeke de Sarnekevitz, Wicherus de Stralesund, Hinricus et Joh. Semmelow, Hillewardus, Rosenwater). Село продано жителямъ и ихъ наслѣдникамъ, со всѣми полями, пастбищами и лѣсами; его границы подробно опредѣлены разными урочищами, которыя носятъ уже нѣмецкія названія, на пр. *via quae dicitur rosen-vorde*, *palus quae dicitur palus ursi* (двадцать лѣтъ спустя по нѣмцу *barenbrugh*), *monticuli schedehop* (*scheidehaufen*) *appellati, hoc ra-rechte* (т. е. прямо) *quod vulgariter dicitur*. Какъ видно, нѣмецкіе колонисты позаботились о повальномъ онѣмеченіи окружающихъ это древнеславянское село урочищъ. Но въ Чарниковичахъ осталось еще нѣсколько старинныхъ жителей изъ Славянъ; за ними князь закрѣпляетъ занимаемыя ими мѣста, но не дозволяетъ пользоваться полями, а только лѣсами и пастбищами, стало быть, дѣлаетъ изъ хлѣбопашцевъ и земледѣльцевъ только лѣсныхъ промышленниковъ и пастуховъ, скотоводовъ (*Slavi seu solani ponendi sunt, ubi nunc positi sunt, et non tenentur agris uti, sed tantum lignis et pasuis*¹⁾). Но эта льгота позволена только живущему еще поколѣнію; ибо князь прямо запрещаетъ дальнѣйшее поселеніе Славянъ въ этомъ селѣ, которое такимъ образомъ обречено къ полной германизации (*plures Slavi seu solani in eadem villa non sunt locandi, quam locati sunt*). Когда въ 1316 году князь Виславъ пожаловалъ это село городу Барту, то въ немъ Славяне уже не упоминаются. Послѣдніе Славяне въ бартской землѣ были, кажется, жители выше упомянутаго бартскаго вика, гдѣ они жили еще въ началѣ XIV вѣка, пользуясь пастбищами на островѣ Цингстѣ. Кромѣ Славянъ бартскаго вика, упоминаются въ это время Славяне еще въ двухъ селахъ *лосичской земли*—между тѣмъ присоединенной къ ранскому княжеству (1275 г.),—именно въ селахъ *Bretwisch* и *Michelstorp*. Объ этихъ остаткахъ Славянъ князь Вышеславъ вспомнилъ еще въ своемъ завѣщаніи (1302 г.). Завѣщаніе разныя имѣнія и вещи своей женѣ, сыновьямъ и дочерямъ, родственникамъ, своей дворнѣ, монастырямъ, церквамъ и пр., князь въ началѣ своего завѣщанія—послѣ завѣщаемыхъ женѣ, сыновьямъ,

¹⁾ Темное слово «solani» имѣетъ вѣроятно связь съ *solum*, *solapum*—почва, земля.

монастырю горскому и одному госпиталю вещей — распоряжается насчетъ „своихъ Славянъ“ въ бартскомъ вѣкѣ и въ обоихъ селахъ, и требуетъ отъ своихъ наслѣдниковъ, чтобъ эти Славяне пользовались всѣми прежними льготами (*volo et mando heredibus meis, quod Slavi mei in Michelstorp et Bresechevis ac in vico apud Bard eandem libertatem habeant in omnibus, quam meo tempore habuerunt*). Не знаемъ, соблюдали-ли преемники Вышеслава его волю, пользовались-ли именно бартскіе Славяне спокойно пастбищами на городскомъ лугу сосѣдняго острова Цингста, предоставленному имъ по приказанію того же самого князя Вышеслава еще двѣнадцать лѣтъ назадъ (1290 г.); но когда по смерти Вышеслава сынъ и преемникъ его, князь Вышеславъ III, продаетъ этотъ островъ недавно основанному въ Гиденсе (*Hyddense*) монастырю, то о бартскихъ Славянахъ нѣтъ уже никакого помину.

Кромѣ того Славяне жили въ началѣ XIV в. (1306) еще въ одномъ селѣ монастыря Гильды, который тогда лежалъ уже въ поморскомъ княжествѣ; это село называется прямо „славянскимъ“ (*slavica villa*). Въ селѣ употребляли еще старинную славянскую мѣру, рало (*uncus*), между тѣмъ какъ въ остальныхъ селахъ ранскаго материка вездѣ существовала уже нѣмецкая гуфа (*mansus*). Въ числѣ поселенъ были *Nicolaus dictus Wessel*, *Nicolaus Vitzeke*, *Hinricus dictus Syneken*; они давали монастырю десятину, и съ каждаго рала извѣстную подать натурой, между прочимъ и двѣ связки льна; связка называется уже по нѣмецки *top*. Наконецъ нѣкоторые Славяне проживали тогда, какъ уже выше сказано, въ Штральзундѣ и его окрестностяхъ; они были уроженцы окрестныхъ селъ (*Slavus de Sargacin, quidam Slavus in Nirgriz*).

Нѣмецкая колонизація на материкѣ ранскаго княжества, сдѣлала въ теченіи второй половины XIII вѣка огромные успѣхи; въ началѣ XIV вѣка славянскій элементъ считалъ уже очень немногихъ представителей; съ ихъ же кончиной — онъ исчезаетъ совсѣмъ. Если соберемъ названія селъ въ ранскомъ материкѣ (вмѣстѣ съ лосичской землей), встрѣчающіяся въ грамотахъ до 1302 года (т. е. до кончины князя Вышеслава II.), то оказывается слѣдующее. До 1260 г. (годъ смерти князя Яроміра II, и воцаренія Вышеслава II) упоминается всего ок. 78 селъ, въ томъ числѣ 60 съ славянскими названіями ($\frac{3}{4}$), 18 же съ нѣмецкими ($\frac{1}{4}$); къ первымъ причислены „славянское село“ у Дьбогоры, и „славянскій вѣкъ“ у Гильды, къ другимъ „датскій вѣкъ“ тамъ же. Нѣмецкія

названія новыхъ селъ начинаются уже съ 1221 года, особенно же съ 1240 года, и взяты по большей части отъ именъ основателей (—dorp, —hagen); ихъ основали напр. епископъ (Biscopsdorp), попъ (Parenhagen, indago sacerdotis), фортъ (Vogedehagen), Боръта, Янекъ, Сумекъ, Ратвардъ, Вульферь и др. (Borantehagen, Janekendorp, Sumekendorp, villa Ratwardi, v. Wulferi), слѣдовательно германизующіеся Славяне и Нѣмцы. До 1302 г. упоминается—виѣсть съ предыдущими—ок. 160 селеній, въ томъ числѣ 95 съ славянскими названіями, 65 же съ нѣмецкими, послѣднихъ стало быть уже $\frac{3}{5}$. Названія послѣднихъ происходятъ по большей части отъ именъ основателей, на пр. Barneslawendorp, Lambrechtisdorp, Dethmerestorp, Luderhagen, Gerbodenhagen, Thessekehagen и пр. Всѣхъ вообще названій съ окончаніемъ—dorp (villa) встрѣчаемъ (до 1302 года) 21,—hagen (indago) 24. Другія взяты отъ мѣстоположенія или по другимъ обстоятельствамъ (Houet, Rosendal, Rostenberg, Vogelsang и пр.). Мы уже часто замѣчали, что славянскія названія представляютъ—вообще говоря—первоначальную славянскую колонизацію, нѣмецкія же—послѣдовавшую за ней новую колонизацію. Нѣкоторыя села съ славянскими названіями построены уже позже, во время происходившей нѣмецкой колонизаціи; такъ напр. село Дябье (Dahme), принадлежавшее гильдскому монастырю, встрѣчается только около половины XIII вѣка, когда монастырь сталъ обрабатывать и заселять пожалованныя ему земли. Съ другой стороны Славяне заселяли не только новыя села съ славянскими названіями и означаемыя какъ „славянскія“, но и новыя села, называемыя по нѣмецки, какъ напр. вышеупомянутое Michelstorp. Но такая новая славянская колонизація, которая происходила рядомъ съ нѣмецкой, была въ сравненіи съ послѣдней незначительна. Мы видѣли, что нѣмецкіе колонисты селились не только въ новыхъ, но также и въ старыхъ селеніяхъ; тамошніе Славяне должны были или выселиться и образовать новое селеніе „славянское“, или жили еще нѣкоторое время совмѣстно съ новыми колонистами, до своей кончины или до своего оѣмеченія. Всего этого процесса во всей его полнотѣ мы—за неимѣніемъ болѣе подробныхъ данныхъ—подробно прослѣдить не можемъ; но и приведенные выше примѣры постепенной германизаціи земли требожезской и села Чарниковичъ—представляютъ довольно ясную картину такой германизаціи. Славяне или уступаютъ новымъ нѣмецкимъ колонистамъ свои села и поля, переселяются въ другое мѣсто, или остаются между но-

выми колонистами. Но они не поддерживаются нѣмь, ни духовной ни свѣтской властью, ни шляхтой — всѣ эти сословія скоро онѣмечились, — новаго прилива со стороны соплеменниковъ нѣтъ, такъ какъ имъ даже запрещается поселяться въ германизирующихся селеніяхъ. Вслѣдствіе этого славянскій элементъ или асимилируется съ окружающимъ его элементомъ нѣмецкимъ или вымираетъ. Нѣсколько дольше сохраняются Славяне въ своихъ отдѣльныхъ селеніяхъ; но и тѣ, въ началѣ XIV вѣка, раздѣляютъ участь остальныхъ своихъ братьевъ, принимаютъ нѣмецкую народность или вымираютъ. По крайней мѣрѣ со второго десятилѣтія XIV вѣка Славяне на материкѣ ранскаго княжества уже не упоминаются.

Повальное онѣмеченіе этой части ранскаго княжества видно и по разнымъ примѣтамъ, въ сельскихъ учрежденіяхъ, въ названіяхъ урочищъ и пр. О распространеніи нѣмецкихъ гуфъ (и besettinge) въ славянскихъ селахъ мы говорили уже выше. Мѣры употреблявшіяся въ селахъ — нѣмецкія (tremodium—drömt, modius), а о славянскомъ корцѣ нѣтъ уже и помину. Нѣмецкія названія носятъ и разные мѣры, вещи, орудія и др. (terra—overslach, semita dura—hartanger, platea—vestrate, casa—katen, agger seu dam, cotlant, и пр.), мельничныя и рыболовныя (dych, stowinge, gruntwerk, sluse, worpnette, stockenette, waden), и пр. Урочища около селъ принимаютъ нѣмецкія названія или онѣмеченныя формы, напр. rivus—Simerstorperbeke, palus — mur, palus Venekenbroke, Dambroch, stagnum Bandin—Peninrese, pons—Bolbruchge, и пр. Къ этимъ нѣмецкимъ названіямъ обыкновенно прибавляется, что они общеупотребительны (quod vulgo, vulgariter dicitur). Вся эта разнообразная нѣмецкая терминологія встрѣчается не только въ селеніяхъ съ нѣмецкими названіями, — стало быть въ селеніяхъ новой колонизации, — но также и въ селеніяхъ называемыхъ по славянски. Такъ напр. около выше упомянутаго села Чарниковичъ были холмики называемые schedehor, дорога—rosenvorde (1256); около села Езерья (Jesere) близъ Крестова было болото—elrebrooc, лугъ—reedwisch (1276); у села Трибома близъ новокампскаго монастыря была мельница, называемая Bertrammesmolen или Monekemolen, и ея принадлежности—vrigothe sive sluse (1288); лежація у селъ Пѣнина и Путна (близъ новокампскаго монастыря) озерца называются уже по нѣмецки — see (Bandinrese sive Peninrese, Putthenerse); рыба ловилась здѣсь сѣтями, называемыми worpnette, stockenette, vloten (1287); въ селѣ Гостинѣ извѣстныя поземельныя участки называются cotlant (1289);

на островѣ Цингстѣ была дорожка называемая hartanger (1290); въ вышеупомянутомъ селѣ Вилегошѣ извѣстная мѣра называлась hofslach, и одинъ тамошній житель, вѣроятно шульцъ, назывался Grammerstorpe (1302), и пр. Всѣ эти и имъ подобныя слова, встрѣчающіяся въ грамотахъ второй половины XIII вѣка, нельзя, разумѣется, уже приписывать составителямъ грамотъ, обыкновенно нѣмецкимъ священникамъ, а надо ихъ считать взятыми прямо изъ устъ народа, Нѣмцевъ или онѣмеченныхъ Славянъ.

На *островѣ Ранъ* славянской элементъ сохранился немножко дольше. Прямыхъ извѣстій о славянскомъ населеніи острова въ XIII и XIV вв., имѣется однако очень мало, меньше, чѣмъ на ранскомъ материкѣ. Островъ Рана былъ уже въ XII в. густо населенъ. Въ послѣдней борьбѣ Ранъ за независимость (1168 г.) стояло только въ одномъ городѣ, Каренцѣ ¹⁾, 6000 вооруженныхъ человѣкъ, другое войско, вѣроятно не меньшее, защищало Аркону. На густое населеніе указываетъ тоже значительное число заселенныхъ мѣстъ (до 500) въ началѣ XIV вѣка ²⁾. Селенія носятъ, съ немногими исключеніями, славянскія названія, принадлежать слѣдовательно къ первоначальной славянской колонизаціи; ихъ названія доказываютъ древнее ихъ происхожденіе, доходящее до времени исключительнаго господства славянскаго элемента. Большая половина—названія родовъ, съ патронимическимъ окончаніемъ—*ичи* (—*иче*), напр. Лутковичи, Чеховичи, Страхотичи, Любановичи, Лобковичи, Домашевичи, Тѣходаржичи, Попеловичи, Вуретичи, Блудославичи, Кравовичи, Гостирадичи, Варшиковичи, Далимѣричи, Хотѣмичи, Славковичи, Прусиновичи, и др. Другія названія разнообразны; они взяты отъ основателей (Прѣмышль, Быдгощъ, Любинъ, Хотѣминъ, Карово, Мысликово, и др.), отъ мѣстоположенія (Гора, Забродье, Заезерье, Подгардье, Гардище, Лазы, Бреги, и пр.), отъ качества почвы (Пяски, Сушица, Солинъ, Полица, Лѣка, Кѣпа, Бризанги, Дѣбаны, Борово, Восѣчье, и пр.), отъ занятій жителей

¹⁾ Sagenia (у Саксона), Charenz (въ грамотахъ XIII в.), потомъ Garz. Срв. польск. Karnice. Въ началѣ XIV в. упоминаются на Ранѣ села Karnice, Charense.

²⁾ См. подробный перечень княжескихъ доходовъ съ острова Раны 1314 г. (Fabricius IV. 2. p. 36), и Registrum reddituum ad episcopum Roskildensem pertinentium (с. 1320): terra Ruye (Dähnert: Pommersche bibliothek IV. 45, Langebek: Scriptores rerum danicarum VII. 133). Статьи Болена (Bohlen: Der bischofsroggen auf Rügen) ближе не знаемъ.

(Ковале, Доморады), отъ разныхъ случайностей (Дривошки, Преставолки, Конетоны, Лопата, Мельно, Таргово, Медово, Святгора, и пр.). Уже изъ этого разнообразія мѣстныхъ названій видно, на сколько глубокіе корни пустила на островѣ славянская колонизація; однихъ родовыхъ названій, свидѣтельствующихъ о самой древней колонизаціи, насчитывается больше двухъ сотъ. Нѣмецкая колонизація на островѣ коснулась по большей части заселенныхъ уже мѣстъ; и дѣйствительно, вновь построенныхъ селеній съ нѣмецкими названіями, встрѣчается еще въ началѣ XIV в. очень мало. Находимъ нѣсколько—hagen (Verchoslaveshagen, Wislaueshagen, Rouenhagen, Budenhagen, Sumeshagen, Smitershagen и пр.), нѣсколько—dorp (Niendorpe, Slauestorpe, Bartstorpe, Tvargelstorpe, Strucemansdorpe и пр.), названныхъ, какъ видно, по основателямъ; названіе села Sasitze указываетъ либо на основателя Саса, либо на „Сасичей“ т. е. сасскихъ (саксонскихъ) колонистовъ. Вслѣдствіе нѣмецкой колонизаціи, нѣкоторыя селенія раздѣлились на два, на большое или нѣмецкое, и малое или славянское, именно Karowe slavicum et aliud (Wendesche, Dudesche Karow), Cituvice (Cucovicz) parvum et magnum, Lesten parvum et magnum (въ 1302 г. только одно село этого имени: villa Lesten et omnia bona ad eam pertinentia), Lopkeuitze parva et magna, Glove et G. novum, Gartz slavicum et teutonicum, ambae Grabow, ambae Zayezere, Kampa antiqua et nova; названія Kuscel parva, Swertzin antiqua, Ecclesia antiqua (Oldenkerke), предполагаютъ и другія селенія этого имени; наконецъ встрѣчается тоже особое село славянское—Wentdorp (въ гардской землѣ). Въ началѣ XIV вѣка было вообще на островѣ Ранѣ:

въ землѣхъ (terra, advocacia)	всѣхъ селеній (villae) (кромя дворовъ—curiae)	селеній съ названіями славянскими	нѣмецкими
Витова	48	43	5
Пяски	47	45	2
Гора	41	38	3
Gartz	97	85	12
Рѣбинь	52	45	7
Guxst	41	38	3
Забродье	29	24	5
Ясмѣдь	59	51	8
Стрые	50	46	4
Всего	464	415	49 ¹⁾ .

¹⁾ Къ нѣмецкимъ причислены выше приведенныя села съ прозвищемъ

На островках Умансь и Гиденсе (Hythis, Hiddense) упоминается около того времени 8 селъ, въ томъ числѣ 2 съ нѣмецкими названіями.

Въ теченіи всей второй половины XIII в., славянскій элементъ на островѣ уступалъ нѣмецкому, такъ что въ началѣ XIV вѣка островъ Рана, равнымъ образомъ какъ и материкъ княжества ранскаго, былъ по большей части уже онѣмеченъ; Славяне были здѣсь рѣдкимъ исключеніемъ ¹⁾. Но весь этотъ процессъ онѣмеченія острова Раны, мы, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, не можемъ прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ. На основаніи вышеприведенныхъ топографическихъ и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, и по примѣру такого же процесса на материкѣ, можемъ предполагать, что и на островъ Рану прибыли нѣмецкіе колонисты, которымъ Славяне должны были уступить—отчасти или совсѣмъ,—и отъ которыхъ они, наконецъ, приняли языкъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь на островѣ монастыри поддерживали нѣмецкую колонизацію въ своихъ помѣстьяхъ. Такъ именно поступилъ монастырь Гильда, въ ранской землѣ радовичской, прибрѣтенной имъ въ половинѣ XIII вѣка (1252 г.). Монастырю позволялось строить здѣсь села и дворы (*villas et curias*), разрушать ихъ, перемѣнять дворы въ села и наоборотъ, и пр.; поселенные въ монастырскихъ имѣніяхъ подданные (*coloni seu homines, coloni et villani*) освобождены отъ разныхъ земскихъ повинностей. Постепенное распространеніе нѣмецкаго элемента въ радовичской землѣ видно по названіямъ урочищъ. Еще въ 1276 г. нѣмецкія названія здѣсь почти не встрѣчаются; границы земли заключались между старымъ ровомъ (*veteri fossato*), моремъ, потокомъ Сикерницей и урочищами: Горной, Лобемъ и *Redevizhovet*, т. е. радовичскій носъ (*terminus qui Gorna vocatur, t. Lobbe, t. qui R. appellatur*). Но уже черезъ два десятилѣтія (1295 г.) упомянутый ровъ назывался *landwere* (*fossatum quod vulgariter nun-*

teutonicum, magnum etc., въ славянскимъ *Wentdorp*. Теперь на Ранѣ (18 □ м.) ок. 46,000 жителей въ 547 мѣстахъ.

¹⁾ Слова грамоты 1193 г.: *mansio quae lingua sclavica dicitur Gargolizi* (на островѣ), надо, разумѣется, приписать составителю грамоты, нѣмецкому или датскому священнику; также и слова грамоты 1252 г.: *terrula quae Redeviz slavice appellatur* (въ 1249, 1276, 1295 гг. только *terra quae Redeviz appellatur*). Но слова грамоты 1306 г.: *villa quae sclavica lingua Cyzeradicz nuncupatur*, имѣютъ уже свое значеніе; надо было уже противопоставить языкъ «славянскій» — нѣмецкому.

cupatur l.); здѣсь были Zelineschebeke (т. е. Желинскій потокъ), и Redeuzewuk (радовичская губа) подлѣ Redeuzehouet ¹⁾. Подобныя этому явленія, встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ острова. Такъ напр. въ началѣ XIV вѣка около Горы, Карова и Загардья, народъ называлъ насыпи уже по нѣмецки, *dam* или *wal* (*agger vulgo en dam, agger—vulgariter wal, fossatum dictum wal*), на Витовѣ у села Сварбна кораблекрушеніе—*schipbrok* или *gruntroringhe* (*nafragium quod dicitur s. sive g.*), около Забродья, поставленное у берега моря основаніе маяка—*bulwirke* (*bollwerk*), въ стрѣйской землѣ корчма стояла *in der heide*, и пр.

Съ усиленіемъ нѣмецкаго элемента, географическія названія стали отчасти измѣнять свои формы, передѣлываться на нѣмецкій ладъ. Такъ напр. село и монастырь Гора носятъ это свое славянское названіе до половины XIII вѣка (*monasterium s. virginis Mariae de Gora* 1250, *villa Gora* 1296), хотя иногда переводится уже по латински *Mons* или *Montes*; во второй половинѣ XIII вѣка входитъ въ употребленіе нѣмецкое названіе *Berghe*, хотя славянское Гора не предается еще окончательному забвенію; но съ начала XIV вѣка восторжествовало нѣмецкое названіе (*coenobium Berghe* 1278, *monasterium Gora sive Mons* 1289, *claustrum Berghen* 1306). Вышековичи переименованы въ *Neuhof* (*Wusseghochuitze quae nunc dicitur Nyghehof* 1320); Медовъ назывался также *викъ* (*Meadow sive Wyk* 1320). Проливъ между материкомъ и островкомъ Гиденсе называется еще въ первой половинѣ XIII вѣка Еленино (*Jelenine*); но это названіе скоро измѣняется въ *Gelende*, *Yelland*, *Jaeland*. Вышеупомянутый полуостровъ Радовичи (—це), принадлежавшій монахамъ, сталъ называться *Mönchgut*, и только одна его коса сохранила древнее названіе до сихъ поръ. Островокъ близъ Гильды называется еще въ первой половинѣ XIII в. *Костенъ* (*insula quae Chosten, Costen lingua patria appellatur, потомъ Cost, Cuzsze, Choz, теперь Koos*). Пяски измѣнились въ *Patzig*, Сушина въ *Zissen*, Босковичи въ *Buschwitz*, Гаварны въ *Gawern*, потомъ *Gageren*, и пр.

Съ конца XIII вѣка на островѣ Ранѣ Славянъ упоминается очень мало, да и то о славянскомъ происхожденіи этихъ нѣкоторыхъ нешляхетскихъ лицъ можно догадываться только лишь по

¹⁾ Wik означалъ тоже морскую губу; срв. *brachium maris - vulgariter wyc* (у Гильды 1306 г.).

ихъ славянскимъ именамъ, которыхъ нѣмецкіе колонисты не употребляли. Такъ напр. въ концѣ XIII вѣка (1290 г.) двое братьевъ Сулиміръ и Домаміръ изъ села Журковичъ, ясмѣдскіе поселяне, купили отъ князя село Бѣлдерикъ (Zulimarug et Domamarug de Zurkiviz, coloni in Jazmundia, villam Bealderik, Baldereke); въ началѣ XIV в. въ селѣ Raleswiik въ числѣ крестьянъ (inquillini homines dicti koteren) былъ поселянинъ Мирославъ, въ Клокошевичахъ Милошъ (Milasze), въ Негацахъ Утѣша (Utessen), въ разныхъ мѣстахъ корчмари (tabernatores) Миликинъ, Ближацъ (Blisatzen), Сумъ (Zume); въ селѣ Подгардѣ на Витовѣ, принадлежавшемъ Сумовичамъ, были въ 1335 г. поселяне: Joh. Machenhagen, Thesmarug Tenke, Laugencius Celiknese, Koltzeke vidua Rademari, Grubiz, Gulekin, Jordan, Tvargel, Greue, Myldesstrey (— стрый?), судя по именамъ, Славяне и Нѣмцы ¹⁾. О судьбахъ вымирающихъ остатковъ славянскихъ на Ранѣ въ XIV в. не знаемъ ничего болѣе подробнаго. Въ концѣ этого вѣка люди знавшіе еще славянскій языкъ, составляли большую рѣдкость, и кончина послѣднихъ двухъ Славянъ ранскихъ записана даже въ поморско-ранской лѣтописи. „Въ началѣ XV вѣка“, рассказываетъ поморскій лѣтописецъ первой половины XVI в., *Канцовъ*, „около 1404 г. умерла на Ранѣ въ Ясмѣдѣ старуха по имени Голицына; она и ея мужъ были послѣдніе, которые на Ранѣ умѣли говорить по славянски“ ²⁾.

Славяне оставили на островѣ замѣтные слѣды не только въ географическихъ названіяхъ, но и въ разныхъ учрежденіяхъ. Мы уже выше видѣли, что еще въ половинѣ XIII вѣка *славянское право* извѣстно было въ княжествахъ ранскомъ и поморскомъ рядомъ съ правомъ нѣмецкимъ. Такимъ славянскимъ правомъ пользовалось на островѣ напр. село Гадимовичи у Пясковъ (omnis consuetudo, quae jus sclavicum publice appellatur), до тѣхъ поръ, пока село

¹⁾ Съ названіями этихъ селъ срв. чешск. и польск. Surchów, Żurczyn, Białotarsk, Bałdrzychów, Kłokoszyn, Kłokočov, Nehasice, Něhoňovice, Niegocin, Niegosiawice. Славянскія имена въ средѣ ранскихъ крестьянъ встрѣчаются и позже; такъ напр. въ началѣ XVI вѣка жили крестьяне Dűbschlaff (Добеславъ), Claus Stanicke, Hinrich Chamcken, въ концѣ XVI в. (1592) Marten Uteschen.

²⁾ Umb diese zeit (1404) sol eine alte fraw im lant zu Rhügen auff Jasmunde, Gultizin geheissen, gestorben sein, welche sampt irem mane die letzten weren, die im lande zu Rhügen wendisch khonten reden. (Kantzow's Pomerania, ed. Kosegarten, Greifswald 1816, I. 436). Въ 1487 г. въ Хотѣмичахъ у Рѣбина упоминается Matthias Went; последнее — вѣроятно только прозвище.

это не пожаловано княземъ монастырю Горѣ (1249). Славянское право было извѣстно на Рани еще въ началѣ XIV вѣка, именно въ имѣнiяхъ рода Подбувскихъ; отъ такого „славянскаго права“ (*jus slaviale, jus slavicum*) въ селахъ Натличахъ и Долгомостѣ отъѣзывается Придборъ изъ Вилменичъ (1310 г.)¹⁾. Нѣкоторыя древнеславянскія учрежденiя сохранились на островѣ Рани дольше, чѣмъ на материкѣ и въ Поморьѣ. Такъ напр. древнеславянская *подача*, т. е. извѣстная, до рабства доходившая зависимость несостоятельныхъ должниковъ отъ заимодавцевъ, встрѣчается на материкѣ только въ нач. XIII в. (*coloni ecclesiae Ildensi podatzam habentes*, 1207 г.); на островѣ этотъ печальный обычай подачи (*usuragium iusticiae poddas vulgariter appellant*) оставался дольше; противъ него ратовали духовенство и даже самъ папа (1239). Славянское названiе извѣстнаго рода подданныхъ людей, *десяти* (*homines qui dessilli pomipantur*, 1232 г.), исчезаетъ въ первой половинѣ XIII в.; славянское названiе мелкой шляхты, *княжичи* (*knesitzen*), сохранилось, какъ уже выше сказано, до XV вѣка, да и дольше. Княжескiе судьи или фогты и ихъ судебные округа сохранили до XVI вѣка отчасти славянское названiе: *gard-vaget, gard-vaagd*, т. е. городской фогтъ, его округъ — *gard-vagedij* ((*gard-vogtei*; такихъ городскихъ округовъ было на островѣ семь); *gard* — судъ (*gericht edder gard*)²⁾.

¹⁾ *Damus et resignamus omne jus slaviale, precariam, denarios monetales, angarias, perangarias et alia servicia, cum omni proprietate, sicut habuimus a nostris heredibus; in silva juxta Dolghemast sita... renunciamus... omni consuetudini, quae jus slavicum vel omagium... Было-ли выше упомянутое «право княжичей» — частью этого славянскаго права?*

²⁾ О гардахъ и гардеогтахъ часто говорится въ ранскомъ уложении, составленномъ земскимъ фогтомъ Матвѣемъ Норманомъ ок. 1530 г., и въ городской книгѣ гарцехой (Pommer. u. rügische geschichtsdenkmalen, ed. Kosegarten, I. 271). Тоже самое значенiе слова городъ т. е. значенiе суда, осталось и у люнебургск. Славянъ до начала XVIII в.; Геннингъ объясняетъ: *gard* — *gericht, amt, pride skordom* (предъ городомъ) — *vor's amt, ja skorde* (на городѣ) — *auf dem amte*. Польское *prody* (*castrum*) означало томо судъ (*judicium castri*), именно судъ кастеляна. — Общая повинность угощать судей (*advocatus et subadvocatus*) называлась на Рани *gustinge* (*vesturae, visitationes gustinge vulgariter nuncupatae 1290, liberi ab omni minori justitia in serviciis et gustinghe 1297, advocato dabunt de quolibet nunc unum coretz siliginis, subadvocato unum coretz avenae pro gustinge 1300*). Не знаемъ, чисто-ли вѣдское это слово; въ Поморьѣ существовала подобная этому повинность, *gostimica* (*gostitna, gazitna, 1176*), и срв. выше (стр. 47) слова Паруна Шульца о *gostimica* у люнебургск. Славянъ.

На Ранѣ встрѣчается еще въ началѣ XIV вѣка *приставъ* (*nuncius qui pristaw dicitur*, 1307), именно у пановъ Подбузскихъ; между тѣмъ въ другихъ памятникахъ ранскихъ этотъ чиновникъ называется латинизованной формой *pristallus* (1221, 1252).

О слѣдахъ славянскаго права въ господствовавшемъ послѣдствіи на Ранѣ правѣ нѣмецко-саксонскомъ трудно пока сказать что-нибудь болѣе опредѣленнаго. Древнеславянская круговая порука, т. е. ответственность всѣхъ членовъ рода, въ послѣдствіи общины, округа (польск. *ополя*), за всѣ совершившіяся въ его предѣлахъ преступленія и несчастія, господствовала въ ранскомъ княжествѣ до начала XIV вѣка, и только тогда (1301 г.) князь Вышеславъ, въ слѣдствіе прошенія всѣхъ васаловъ, отмѣнилъ эту тяжелую повинность. Слѣды этой круговой поруки замѣтны однако еще въ XVI вѣкѣ ¹⁾. Въ ранскомъ уложеніи 1530 г. встрѣчается тоже слово *sewör*, т. е. общее имѣніе супруговъ, и составитель уложенія, М. Норманъ, самъ называетъ это слово славянскимъ (*idt hedde up wendisch ein sewör geheten*), т. е. *своръ* (чеш.) или *свора* (польск.), связь, союзъ, пара ²⁾.

¹⁾ Васалы просятъ князя, *ut omnes excessus provenientes ab eventu infortunii, ut puta ab animalibus quadrupedibus, ledentibus homines, seu a lignis edificialibus, aut a casibus arborum opprimentium homines, aut a molendinis, et si aliquis hominum, eques aut pedes, in itinere inopinate moreretur, aut aliquod membrum aliqua lesione minueretur, aut qualicumquomodo proveniret aliqua lesio, a successibus indignis, et generaliter ab omni malo eventu, qui ungherađ vulgariter appellatur, nostris fidelibus vasallis et villanis, qui agricolae dicuntur, donare et remittere curagemus, etc.* Отъ послѣдствій такого *ungherađ* освобождаетъ подданныхъ даргунскаго монастыря розтоцкій князь Николай (1297), и графы звѣринскіе своихъ васаловъ (1279). Подобное этому постановленіе встрѣчается въ статутъ вельцкомъ § LVII. (Helcel: Pomniki I. 94, срв. II. 18). — Канцовъ (Pomerania II. 240) приводитъ слѣдующій обычай господствовавшій въ его время на Ранѣ: *Im wendischen landrecht ist's, wan einer erslagen und viel frome lewte in derselbigen staube u. zeche weren, die doch nichts darzu tetten, u. der tetter entkhumpt, so gibt des tothen freuntschaft denselben den tothen, als hetten sie jne erslagen, u. das heissen sie die unreine gunst.* Это напоминаетъ отчасти древнерусскую «дикую виру», платимую вервью.

²⁾ Это слово приводятъ издатели *Cod. diplom. Pomeraniae* (p. 593), ссылаясь на неизвестное намъ изданіе ранскаго уложенія 1777 г. (Greifswald). Въ изданіи 1760 г. (Dreyer: Monumenta anecdota, Lubecae, I. p. 229) мы этого мѣста отыскать не могли. Въ уложеніи нѣсколько разъ упоминается о разныхъ учрежденіяхъ «*vorgöbe wendisch rechte*», «*na wendischen gebrucke*»; интересно было бы узнать, действительно-ли тутъ сохранились «славянскія» учрежденія.

На островѣ сохранились и нѣкоторыя славянскія мѣры дольше, чѣмъ на материкѣ. Такъ на пр. общеупотребительной мѣрой полей осталось древнеславянское рало (uncus), которое съ конца XIII вѣка принимаетъ нѣмецкое названіе *haka, haken* (una haka in Renciz, unus haken in Rentzitze 1302, unci dicti haken 1320). По такимъ раламъ платились подати, и по выше приведенному перечню селеній ранскихъ 1314 г. видно, что съ каждаго рала взималось 12 денегъ, въ землѣ витовской только 8 (precasaria de quolibet unco 12, 8 solidi). Гуфы (mansii) встрѣчаются на островѣ очень рѣдко, да можетъ быть, что здѣсь слово mansus употреблялось въ смыслѣ полевой мѣры вообще; такъ на пр. въ селахъ Тѣходаржичахъ, Сирошевичахъ, Дуничичахъ и Щедрѣ въ землѣ горской, приводятся въ 1305 г. гуфы (houen), а въ 1314 г. въ тѣхъ селахъ рала (unci); въ 1300 году въ селахъ Сирошевичахъ и Дуничичахъ подать судьямъ распредѣлялась по раламъ (de quolibet unco); тоже самое видимъ въ селахъ Выреяхъ, Попеловичахъ, Горѣ и др. Только въ селѣ Rodenkerken встрѣчаются вмѣстѣ рала и гуфы (unci et mansii 1306, но въ 1314 г. только unci), вѣроятно остатки смѣшаннаго населенія, славянскаго и нѣмецкаго. Другимъ остаткомъ древнеславянскихъ мѣръ является извѣстный у всѣхъ балтійскихъ и вообще западныхъ Славянъ, *корецъ*, который употребляли на Ранѣ еще въ XIV вѣкѣ рядомъ съ новыми, нѣмецкими мѣрами, tremodium (dremit, drömt), modius, last. Такъ, по корцамъ считали въ Пяскахъ (de quolibet unco mensuram siliginis, m. avenae, quae mensura vulgariter dicitur coretz, 1297), въ Сирошевичахъ и Дуничичахъ (de quolibet unco unum coretz siliginis, unum coretz avenae, 1300), въ Рѣбжѣ (Rambz, срв. польск. Rąbież) и Любичахъ (de quolibet unco duo koriz siliginis 1307), и въ нѣкоторыхъ другихъ селахъ ¹⁾. Изъ другихъ славянскихъ словъ, уцѣлѣвшихъ на Ранѣ до XVI вѣка и дольше, знаемъ, кромѣ упомянутыхъ *гардь, своръ, княжичи*, слово *дворница* (dorntz, dörnz), т. е. комната ²⁾.

¹⁾ Въ роскильдскомъ регистрѣ (1320 г.) приводятся напр. села: Sigghermeiwe 5 modii et 1 kurtze, Onasitze 2 modii et dimidium kurtze, Lauenitze et Parva Kuscel 3 modii minus dimidio kurtze, Samotiste 3 modii et dimid. kurtze, 1 tremodium minus dimid. kurtze, Kraditze 1 kurtze, Smachte 3 chori dicti kurtze, Motran 16 kurtze, Rätzevine 1 chorus dictus kurtze.

²⁾ Arndt (Versuch einer geschichte der leibeigenschaft in Pommern u. Rügen, Berlin 1803) упоминаетъ мимоходомъ (р. 118), что на Ранѣ кое-гдѣ говорятъ по нѣмецки такъ, какъ Кашубы, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышимъ

Въ заключеніе приводимъ интересную характеристику ранскаго народа первой половины XVI вѣка, сдѣланную историкомъ Канцовымъ ¹⁾: „Жители Раны—это очень сварливые забіяки, подтверждающая латинскую пословицу *omnes insulares mali*—всѣ островитяне люди злые. Нигдѣ во всемъ Поморьѣ не убивается въ годъ столько шляхтичей и другихъ людей, сколько на этомъ маломъ островѣ; и ранскій народъ ведетъ столько тяжбъ, сколько половина поморской земли. Каждую субботу земскій судья (*landvogt*), вмѣстѣ съ старшинами всей шляхты, чинить въ Горѣ (*Bergen*) судъ и расправу; дѣлъ у него съ самаго утра до вечера вдоволь, и онъ даже не любитъ прекращать дѣлопроизводства ради обѣда; ибо если онъ позволить имъ уйдти съ тѣмъ, чтобъ они явились опять послѣ обѣда, то они или напьются или поднимутъ новую драку, или вернувшись начнутъ предъ судомъ такъ буйствовать, что земскій судья не знаетъ, что съ ними дѣлать. По тому онъ засѣдаетъ въ судѣ до самаго конца, и рѣшаетъ дѣло окончательно, или отсрочиваетъ его до слѣдующаго суда. Самый послѣдній шляхтичъ или крестьянинъ знаетъ общее земское право и защищаетъ свои дѣла самъ. При такой самонадѣянности никто не хочетъ другому уступить, и отъ того происходитъ много ссоръ и убійствъ. Особенно легко спорятся въ корчмахъ, и если кто-нибудь скажетъ „пустъ рѣшаетъ богъ и холодное желѣзо“ (*dat walde gott, und een kolt isen*), то надо хорошо смотрѣть за его кулаками, а не на ротъ, ибо онъ скоро упадетъ на противника. Въ корчмахъ же происходитъ столько дракъ и другихъ беззаконій, что часто шляхтичъ—владѣлецъ корчмы получаетъ столько штрафныхъ денегъ, сколько можетъ получать ихъ съ половины или съ цѣлаго села. Ране, куда бы ни шли или путешествовали, носятъ съ собой всегда копье или ножъ ¹⁾; если идутъ въ церковь, ставятъ копыя у церковныхъ дверей или берутъ ихъ съ собой; часто при выходѣ изъ церкви поднимается крикъ. Если идутъ въ церковь, то они вооружены, если идутъ на свадьбу—вооружены, если хоронятъ покойника—вооружены, однимъ словомъ, они вездѣ являются съ оружіемъ въ рукахъ. Если они эту свою необузданность, какою они показываютъ другъ противъ друга, по-

«manche worte wendischen ursprungs, die in dem übrigen Pommern u. Rügen nicht verstanden werden»; но къ сожалѣнію, не приводитъ ихъ.

¹⁾ Pomerania II. 433.

²⁾ Въ XII вѣкѣ каждый Поморянинъ, горожанинъ или селянинъ, являлся на сходки съ копьемъ въ рукахъ.

казываютъ и на войнѣ противъ враговъ, то изъ нихъ выходитъ храброе войско“.

Какое сходство характера между этими опѣмеченными Ранами XVI вѣка и между старыми буйными Лютичами и сварливой польской шляхтой позднѣйшихъ временъ!

XI.

Поморяне¹⁾.

Поморянами назывались Славяне, занимавшіе земли по морю балтійскому между нижней Одрой и Вислой, Вартой и Нотецью. Поморяне, послѣ столѣтней войны, должны были наконецъ, въ началѣ XII в. признать верховную власть польскихъ князей и принять христіанство. Съ тѣхъ поръ восточное или *заднее Поморье* осталось частью Польши, развиваясь, подобно Польшѣ, на основѣ національно-славянской; въ немъ началась германизация позже, со временъ господства нѣмецкихъ крестоносцевъ. Западное или *переднее Поморье* не долго сохранило связь съ польскими соплеменниками, и еще во второй половинѣ XII вѣка должно было примкнуть къ Германіи; его князь сдѣлался герцогомъ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ васаломъ Даніи (1181, 1185), а равно васаломъ маркграфа бранденбургскаго (1199—1211). Такимъ образомъ западная половина Поморянъ очутилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ были Рана и мекленбургскія земли, и предоставлена, подобно тѣмъ странамъ, напору германизации²⁾.

¹⁾ Грамоты (до 1253 г.) издали Hasselbach et Kosegarten: Codex Pomeraniae diplomaticus (Greifswald 1862), дополненія и поправки къ нимъ Klempin: Pommersches urkundenbuch (Stettin 1868). Въ сожальнію, продолженіе этихъ важныхъ дипломатарій до сихъ поръ не издается, такъ что для позднѣйшихъ временъ мы могли пользоваться только дипломатаріемъ Дрегерера (Cod. dipl. Pomer., Stettin 1748, грамоты до 1269 г.), и дипломатаріями ранскими, мекленбургскими и бранденбургскими. Срв. журналъ Baltische studien (Stettin съ 1832 г.), Barthold: Geschichte von Rügen u. Pommern (Hamburg 1839—1845, 5 bde), Fock: Rügensch-pommer. geschichten (Leipzig 1861—1872, 6 bde), Kratz: Die städte der provinz Pommern (Berlin 1865), и др.

²⁾ Отчужденіе обвѣхъ половинъ Поморья, гданскаго и щетинскаго, характеризуетъ поморскій историкъ первой половины XVI вѣка, *Ланцовъ*, слѣдующими словами: «Die Sachsen haben die Wende sehr geringe geachtet u. unterdrückt. So sint dieszer viel zu den Hinterpomern geflogen, u. haben inen ir leidt geklagt, die es einen mitleiden gehapt, u. derhalben den Vorpommerschen sehr feindt geworden sein, u. hernachmalsz weingt gunst u. freundschaft haben

Въ началѣ XII в. (ок. 1119 г.) князь западно-поморскій Вартиславъ распространилъ свое владычество на лѣвый берегъ Одры до рѣки Пѣны, а его преемники—еще дальше на западъ за Пѣну до рѣкъ Ревницы, Невели и до верхней Гаволы. Такимъ образомъ во второй половинѣ XII в. поморское княжество обнимало—кромѣ собственнаго Поморья между Одрой и Персантой—почти всѣ земли сѣверо-восточныхъ Лютичей, земли племенъ Чрезпѣвнѣвъ, Доленчанъ, Ратарей и Украинъ, острова Узноимъ и Волинъ; сѣверная граница противъ материка ранскаго княжества шла по рѣкамъ Треболъ и Рѣкъ (Гильдѣ). По этому поводу поморскіе князья назывались не только славянскими (duces Slavorum), поморскими (Pomoranorum, Romoranorum), но и лютичскими (Liuticiorum, Leuticiorum, Leuticiae, еще 1215 г.). Со временемъ, однако, поморско-лютичскіе князья потеряли—какъ уже выше сказано—большую часть этихъ лютичскихъ земель: земли чрезпѣвская и доленская отчасти—достались мекленбургскимъ князьямъ (послѣ 1230 г., городъ Stavenbagen 1282 г.); земли ратарская и укерская и нѣкоторыя поморскія земли между Одрой и Вартой (Nova Marchia)—бранденбургскимъ маркграфамъ (съ 1236 г. до конца XIII в.). На востокъ отъ Колоберга и горы Холма ¹⁾ образовалось—во второй половинѣ XII в.—особое княженіе *Ратиборовичей*, потомковъ князя Ратибора († 1155—56), брата и преемника выше упомянутаго князя Вартислава. Это княжество обнимало земли между Холмомъ, верхней Персантой и Лебой; главные города здѣсь были Словно или Славно,—по которому князья, какъ уже выше сказано, назывались „словенскими“,—Стольцъ и Бѣлгардъ на Персантѣ ²⁾. Послѣ превращенія Ратиборовичей (1223—27), ихъ княжество досталось Свѣтополку, князю задняго, гданскаго Поморья. Стремленіе поморскихъ князей распространить свое владычество на востокъ за Холмъ,

halten wollen, u. haben von dieser zeit an die Pomern nur Teutsche u. Sachsen gebeissen, und haben sie für ihre landsleute nicht mehr halten wollen; daraus auch hernach gekhomen, do ire rechte herschafft losz starb, das sie viel lieber einen Polen annahmen, wan ire erbherschaft, die hertzogen in Pomern. (Pomerania I. 217, cf. 233). «По поморски говорятъ» (pro pomorzku movic) значить у потомковъ восточныхъ Поморянъ (Кашубовъ) «по нѣмцамъ».

¹⁾ Это славянское названіе нын. горы Gollenberg у Кошалина (Köslin) встрѣчается въ грамотахъ (juxta Cholm 1214 г., вѣроятно им. Cholm, in Cholme 1278 г.); еще Канцовъ (XVI в.) пишетъ Cholmberg.

²⁾ Срв. стр. 32. Другая боковая линія поморскихъ князей были *Свѣтоборичи*, осѣдлые около Госткова, Щетина и Колбаса.

имѣло въ XIII в. лишь мимолетные успѣхи. Только въ началѣ XIV вѣка (ок. 1317 г.) удалось имъ присоединить къ своему княжеству часть Поморья отъ Холма до Лебы, такъ назыв. *Кашубію*, съ городами Рюгенвальде, Словномъ и Столпомъ; землю бѣлгардскую на верхней Персантѣ приобрѣли они еще раньше, во второй половинѣ XIII вѣка. Съ 1253 года поморскіе князья называются тоже князьями славянскими и кашубскими (*duces Slavorum et Cassubiae*).

Такимъ образомъ около половины XIII в. въ поморскому княжеству принадлежали слѣдующія земли, называемыя по большей части по городамъ. По рѣкѣ Пѣнѣ на лѣвомъ берегу—*Лосичи* (*Лосице*), *Гостковъ*, *Щитно*, *Льшане*, *Вологущь*, на правомъ—поморская часть *доленской* земли (между Пѣной и Доленцой), *Дыминъ* (гдѣ прежде были земли *Плотъ* и *Мезертъче*), *Грозвинъ* (позже *Анкламъ*); *Роховъ* при устьѣ Укры; острова *Узноимъ* и *Воланъ* (*Влциславъ*); по Одрѣ *Полица*, *Пякумъ* (*Pinkup*, срв. польск. *Pieńków*, *Rekowo*), *Щетинъ*, *Хиничи*, *Цетень*, *Витковъ*, *Банинъ*, *Колбасъ*; по Плонѣ и Инѣ *Пырица*, *Старгардъ*, *Новгардъ*, *Машовъ*; по морю *Камень*, *Требетово*, *Колоберъ* и *Кошалинъ*.

Княжескій родъ поморскій сохранилъ до первыхъ двухъ десятилѣтій XIII вѣка свое славянское сознание вполне. Князья Казимиры и Богуславы не только по названію были „князьями славянскими,“ но и на дѣлѣ; окруженные славянскими вельможами, они считаютъ господствующее въ ихъ славянско-лютичско-поморскомъ княжествѣ право—правомъ и обычаемъ „своего народа“ (*mos gentis nostrae*). Браки заключали они съ начала съ княжнами польскими и заднепоморскими; такъ на пр. Богуславъ I († 1187) былъ женатъ на Анастасѣ польской, Богуславъ II († 1220) на Мирославѣ поморской; жена Казимира II († 1219) была уже датская княжна Ингардисъ; ихъ сынъ Вартиславъ дыминскій (1220—1264) женился на Софѣ польской. Сынъ Богуслава II и Мирославы, князь Барнимъ щетинскій (1220—1278), женился на Маріанѣ изъ рода тюрингскихъ графовъ Орламюнде, родственницѣ своей и короля датскаго; папа охотно даетъ разрѣшеніе, такъ какъ—по его словамъ—ничто такъ не смягчаетъ вражды между Славянами и Датчанами, какъ браки (*cum nihil adeo ad sedandas inimicitias capitales inter Danos et Slavos exortas et reformanda inter eos pacis foedera operetur*, а. 1238). Но при послѣднихъ двухъ князьяхъ произошелъ рѣшительный поворотъ. Оба князя, Вартиславъ дыминскій и Барнимъ щетинскій, поддерживаютъ всѣми силами нѣмецкую колонизацію

въ городахъ и селахъ, и новые нѣмецкіе порядки, государственные и общественные; къ нимъ прибываетъ все больше нѣмецкихъ дворянъ, которые получаютъ отъ нихъ земли; а славянскіе шляхтичи все больше исчезаютъ, такъ что, подъ конецъ княженія обоихъ князей, они составляютъ уже рѣдкое исключеніе. Княжескій дворъ устраивается по нѣмецкимъ образцамъ съ разными придворными сановниками. Князь Барнимъ является не только усерднымъ сторонникомъ и ревнителемъ элемента нѣмецкаго, но и врагомъ своего племени, какъ выказалъ это особенно въ Щетинѣ. Понятно, что Нѣмцы Барнима любили, и что его восхваляетъ одинъ нѣмецкій поэтъ, Румеландъ,—который былъ вѣроятно и въ Щетинѣ,—„der milte vürste Barnam von Stetin.“¹⁾ Со второй половины XIII вѣка поморскій родъ княжескій можно считать уже онѣмеченнымъ, и съ тѣхъ поръ славянское его происхожденіе видно лишь въ славянскихъ именахъ, которыя онъ продолжалъ употреблять до самаго своего прекращенія (1637)²⁾.

Духовенство было по большей части нѣмецкое. Только первый поморскій епископъ, Адалбертъ, былъ Полякъ; его преемники Конрадъ I, Зигфридъ, Зигвинъ, Конрадъ II и III, Вильгельмъ и др.,— всѣ они Нѣмцы. Въ рядахъ свѣтскаго духовенства встрѣчаемъ изрѣдка и славянскія имена, которыя до первой половины XIII вѣка означаютъ еще дѣйствительныхъ Славянъ; такъ на пр. члены каменскаго капитула, Прибиславъ, Богуславъ, Ярославъ и др., священники Держиславъ, Гостимиръ, Радославъ, Вацеславъ, и др. Но съ половины XIII вѣка славянскія имена въ рядахъ духовенства представляютъ только историческія воспоминанія славянскихъ временъ, какъ это было и у князей и у шляхты поморской. Монахи и монахини были всѣ Нѣмцы, отчасти Датчане, приглашаемые въ Поморье изъ разныхъ странъ въ монастыри столпскій, гробскій, колбасскій, бѣлбожскій, и въ разные городскіе монастыри; въ ихъ рядахъ Славяне не встрѣчаются, а если они и допускались, то это были члены знатныхъ родовъ, какъ на пр. миноритъ Добеславъ изъ рода дыминскихъ Рохловичей (ок. 1247 г.). Духовен-

¹⁾ Hagen: Minnesinger III. 55.

²⁾ Вотъ напр. нѣмецкія титулатуры поморскихъ князей: Bughzlaw, Barnum, Wertzlaw, der Stettyner, der Wenden, der Cassuben vnde der Pomereaner hertoghen, vorsten tho Rughen (1339); послѣдняго Богуслава: Bogischlaff, dieses namens der vierzehende, herzog zu Stettin, Pommern, der Cassuben und Wenden, fürst zu Rügen (1633).

ство, епископъ и монастыри, производили въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ громадную нѣмецкую колонизацію; ко двору епископовъ каменскихъ, равнымъ образомъ какъ и ко двору князей, собиралось все больше нѣмецкихъ дворянъ, получая отъ нихъ земли въ лены.

Поморско-лѣвобережная *шляхта* въ XII и въ первой трети XIII в. была почти исключительно славянская. Кастаньяны колобержскіе, каменскіе, волянскіе, дыминскіе, щетинскіе, гостковскіе, поздволцкіе и др., столбники, чашники, маршалки, воеводы и др.—всѣ они носятъ славянскія имена; рядомъ съ ними встрѣчаются конечно также имена христіанскихъ святыхъ, въ томъ числѣ и нѣмцевъ. Поморско-лѣвобережные шляхтичи называются, какъ и у другихъ Славянъ, просто по своему имени: Вартиславъ, Прибиславъ, Славоміръ, Собѣборъ, Мирогнѣвъ, сокращенно: Бартошъ, Держекъ, Приба, Яникъ, съ прибавленіемъ имени отца, отчества: Пятинъ сынъ Мстислава, Одолянъ сынъ Казимира, Вартиславъ Свѣтоборичъ—Wartizlaus Szvantiboriz, Ратиславъ Скарбимѣричъ—Ratislaus Scarbimariz, Честиславъ Унимичъ—Zetizlaus Unimiz, Сулиславъ Тѣшерадовичъ—Sulizlaus Tesseradoviz, Пятинъ Стефановичъ—Pantypus Stephaniwiz, и пр. Это славянское отчество встрѣчается и въ названіяхъ дѣлныхъ родовъ, Свѣтоборичей (боковая линія княжескаго рода), Рановичей, Честиславичей, Жабиковичей, и др. ¹⁾

Нѣкоторыя такія славянскія имена сдѣлались въ послѣдствіи родовыми названіями. Такъ на пр. старинный родъ *Борковъ*, — его древность вошла даже въ пословицу (dat is so old als de Borcken und de düvel),—происходитъ отъ пана Борка (dominus Bork), который, вмѣстѣ съ своими сыновьями Ярогнѣвомъ и Прибиславомъ (filii Borconis), упоминается во второй половинѣ XII вѣка. Фамиліи *Нацмеръ*, *Тесмаръ*, *Мислафъ* (*Мицлафъ*), *Фарине*, *Убеске* и др. указываютъ на *Начежъра*, *Тышижъра*, *Мойслава*, *Варину*, *Убишу* (*Убислава*) — все это имена поморско-лѣвобережныхъ шляхтичей начала XIII вѣка. Въ послѣдствіи славянскіе шляхтичи—по примѣру нѣмецкихъ — стали называться по своимъ имѣніямъ, городамъ и

¹⁾ Срв. выше о шляхтѣ мекленбургской (стр. 152) и ранской (стр. 183). Отчество употребляла также древнепольская шляхта XII—XIII вѣковъ. Вотъ нѣкоторые примѣры изъ грамотъ XII и начала XIII вѣка: Zmil Cetechouiz, Vencezlaus Zulizlauiz, Gualis Zdeboriz, Martinus Poznanouiz, Jan Jancouich, Potrek Cesslauich, Stephanus Andreiovich, Jacobus Ratiborouic, Troin Troia-
novic, Jan Dneprouic, Voyslav Lutslauic, Mstigneus Nicolausovic, etc.

селама. Такъ на пр. шляхтичъ чрезпѣнской земли Радославъ († 1216 г.), владѣвшій нѣсколькими селами, назывался по одному изъ нихъ—изъ Скоратина (Radoslaus de Zcorentin); шляхтичъ доленской земли Яникъ изъ Верхна (Yeneke, Janic, Johannes de Virchen, in Virchina, 1228—32), шляхтичи Петръ и Николай Приборичи осѣдлые около Колбаса—изъ Ришова (de Rissio, 1220—27), Ратимиръ—изъ Гардца (de Gardiz 1236), Варооломей—изъ Полицъ (1249), роды изъ Коморова, Узноима, Вотова, Камыка, и др. Такимъ образомъ славянская шляхта, принимая родовыя названія, фамилии, подражаетъ нѣмецкой шляхтѣ, прибывающей во владѣнія поморскихъ князей, такъ что уже трудно, и даже невозможно отличить славянскаго шляхтича отъ нѣмецкаго. Какого происхожденія были на пр. Andreas de Cyrbrecin (1232), Mattheus miles de Grindiz (1234), Mathias miles in Tristensa (1243)? Они могли быть и Славяне и Нѣмцы, назвавшіеся такъ по своимъ селамъ. На славянское происхожденіе указываютъ преимущественно славянскія имена, которыя продолжали употребляться въ нѣкоторыхъ родахъ и впослѣдствіи, уже во время ихъ полнаго онѣмченія; но надо замѣтить, что со временемъ такія славянскія имена вошли въ употребленіе и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ родахъ. Имена Прибиславъ, Тѣшимиръ (Tesmer, Tessen), Гостиславъ (Guzlaff), Добеславъ, Безправъ, Славекъ, Богуславъ, Гнѣвомиръ (Gneomar); Стойславъ и др., встрѣчаемъ въ родахъ Камеке, Экстедде, Клейстъ, Остенъ, Фоссбергъ и др. до позднѣйшихъ вѣвовъ (XVI—XVII), да отчасти до сихъ поръ (на пр. Клейсты Богуславъ и Гнѣвомиръ 1862 г.). Съ половины XIII вѣка Поморье наполнялось множествомъ нѣмецкихъ дворянъ, прибывавшихъ къ поморскимъ князьямъ и епископамъ со всѣхъ сторонъ Германіи, изъ сосѣднихъ бранденбургскихъ и мекленбургскихъ владѣній, изъ Гольштейна, изъ саксонскихъ земель, Брауншвейга, Лüneбурга, Вестфалии, Магдебурга, Тюрингіи, отъ Рейна и пр. ¹⁾.

Чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе о составѣ поморско-лютичской шляхты до начала XIV вѣка, выпишемъ здѣсь имена свидѣтелей изъ нѣкоторыхъ грамотъ:

а. 1176: Barsa vir nobilis in Colberg, Zanist castellanus, Unima

¹⁾ Много матеріаловъ о поморской шляхтѣ сообщили Klempin u. Kratz: Matrikeln u. verzeichnisse der pommer. ritterschaft vom 14. bis in das 19. jhdt. (Berlin 1863).

ceterique nobiles de castro Caminensi, Priba castellanus in Cotzecowe, Dirska, Bodewi, Jerogneu, Munk (Monic), Boriz, Radoslaus, Zpol ceterique nobiles viri castri Diminensis (около князя Казимира).

- a. 1223: Rokillus castellanus Diminensis, Solizlaus Scarsewiz et filii ejus Prinsata et Sebor, Jacobus Nankowiz, Janic, Dobeslau Unidarszitz, Barnislau filius Suioitin, et alii nobiles et barones tocus Slaviae (около князя Барнима, на сеймъ въ Увермюнде).
- a. 1253: Rudolfus, Ulricus de Ost, Johannes de Walsleue, Joh. de Appeldorn, Borcho castellanus Colbergensis, Sanda, Bisprawe milites (около князей Барнима и Вартислава, въ Дыминъ).
- aa. 1273—1276: Kasimarus, Borko, Teslaus Albus, Teslaus de Cumerow, Dubislaus Prisiborizs, Gneumarus, Virchwitz, Bertoldus et Hermannus Thuringus, Conradus de Massow, Rodolfus de Nyenkerken, Gobele, Heydenricus de Clutsow, Joh. de Berlin, Frid. de Hindenborch, Joh. de Letenyn, Gherardus et Lippoldus et Harnit Ursus (Bere), Gherbertus Balke, Joh. de Scolentin, Tammo, Reybernus de Wacholt, Joh. Romele, Ulricus Saxo, Herm. de Mozstow, Ludolphus de Lassar, Olricus et Freder. de Beuenhusen, Theodericus de Weyte, milites; nobiles viri Otto comes de Euerstein, Pribico domicellus de Wollin (въ князей мекленбург.); Hinricus de Zaienzs, Luchte advocatus de Stetin (около князя Барнима въ Длбъ и Каминъ).
- a. 1319: Nicol. de Gützkow, Henning Bere, Peter de Nuwenborch, Arnold de Grambow, Thiderich Scerf, Ulrich Keding, Eghard Budde, Sifrid Lode, Gerhard de Bukhold, Henning Bork, Herm. Tylbur, Conrad Ubeske, Conr. Flemming, Thymmo de Petzow, Thezlaus de Bevenhusen (щетинскіе шляхтичи).

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какія перемѣны произошли въ рядахъ поморской шляхты въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій.

Съ постепеннымъ распространениемъ чужихъ, нѣмецкихъ порядковъ, стали измѣняться отношенія шляхты къ князю. Славянская шляхта владѣла своими дѣдинами (haereditates) по дѣдичскому, наследственному праву (jure haereditario), какъ дѣдичи (hae-

tedes), вотчинники-собственники¹⁾. Прибывающіе въ Поморье нѣмецкіе дворяне, принимали пожалованныя имъ имѣнія отъ князя въ лены, дѣлались княжескими васалами. По примѣру ихъ такъ же поступали и славянскіе шляхтичи; они принимаютъ тоже свои имѣнія въ лены по праву феодальному (*jure feodali*), дѣлаются княжескими васалами, рыцарями и бнапами (*milites, armigeri*). Рыцари и васалы славянскаго происхожденія являются въ Поморьѣ уже въ третьемъ десятилѣтіи XIII вѣка; князь Вартиславъ называетъ своими васалами въ 1227—28 г. дыминскаго кастеляна Рохла и его сына Добеслава (*homo noster Dobezlaus, filius hominis nostri Rochilli*), въ 1232 г. дыминскаго шляхтича Люборада (*fidelis homo noster*, а сынъ приводится просто какъ *Domasca filius Luberadi*), въ 1243 г. Вареломея (*homo noster*), и пр. Славянскіе „рыцари“ — рядомъ съ нѣмецкими — встрѣчаются съ 1228 г.: Яникъ изъ Верхня (*Yeneke miles dictus de Virchen*), Прибиславъ (1230), Ратимиръ (1237) и др. Славянскіе „рыцари“ встрѣчаются рядомъ съ простыми шляхтичами; такъ напр. въ 1236 г.: *Conradus, Wedgo, Lutardus, Dobezlaus, Nezul, milites, Chanzik, Dobeska, Nenzad, Slavi nostri nobiles in Dimin*; въ 1244 г.: *Sanda miles* рядомъ съ не-рыцарями *Zauist, Wiseco*. Владѣніе имѣніями по феодальному праву (*jure feodali, bona in feudum collata, villa quam tenet vasallus*) все больше распространяется²⁾, князь рѣшаетъ дѣла съ своими васалами (*sciam nobis et nostris vasallis*); князь же принимаетъ отъ каменскаго епископа десятины изъ разныхъ земель въ ленъ (*in feudum*, 1240). Феодальное право было встрѣчено однако также съ сопротивле-

¹⁾ Напр. Рановичи въ доленской землѣ (*villae omnes quae per provinciam Tolenze ad filios Ranni spectant jure haereditario*, 1191—94), Свѣтоборичи въ колбасской землѣ (*quicquid jure haereditario et paterna successione possedimus in terra Colbacensi* 1220—27), Рохловичи въ чрезпѣнской землѣ (*haereditates Rochilli villae Wigun et Clobutew, quas ab haeredibus villarum jure haereditario sibi comparaverat*, 1220—22; еще внукъ Рохла въ 1269 г. заявилъ притязанія на три села *haereditaria successione*). Слова *дюдима* и *дюдичъ* (*дюдимики*) знали балтійскіе Славяне (срв. стр. 41). Слова *haeres, haereditas, bonum haereditarium, bonum patrimoniale* — переводятъ польскіе переводчики XV вѣка: *dziedzic, dziedzina, imienie dziedziczne, imienie odczynne*. О дѣдичскомъ правѣ въ Польшѣ срв. R. Hube: *Prawo polskie w wieku XIII*. (Warszawa 1874, p. 92).

²⁾ Такъ напр. *никъ miles Ratizlaus villam Dargebant* (около Даргуни) *feodali jure* (1241, отъ пархимскаго князя Прибислава), *Sanda miles de Cholberg in feudo tenebat villam Carvov* (на Равѣ, 1255).

ніемъ; такъ напр. Борки еще въ концѣ XIII вѣка (1297) прямо говорятъ, что они владѣютъ своими землями по „дѣдичскому“ праву, и даже въ XVI вѣкѣ не придавали значенія леннымъ грамотамъ князей.

Такимъ образомъ славянская шляхта, принимая разные чужіе порядки, мало по малу стала чуждаться своихъ обычаевъ; общеніе и браки съ многочисленными родами нѣмецкими, вліяніе онѣмеченнаго княжескаго двора—все это подѣйствовало на славянскую шляхту до такой степени, что она въ теченіи второй половины XIII вѣка отказалась отъ своего родного языка и замѣнила его нѣмецкимъ. Языкъ нѣмецкій считаютъ въ началѣ XIV вѣка „своимъ“ (*nostra lingua*) даже такіе роды, какъ Камыки, жившіе въ странахъ заодрянскихъ, гдѣ славянская шляхта дольше сохранилась, чѣмъ въ лютическихъ странахъ на лѣвомъ берегу Одры.

Въ теченіи первой половины XIII вѣка, поморско-лютическіе *юрода* стали принимать совсѣмъ другой видъ. Славянскіе города—т. е. крѣпости съ подгородьями или виками—перемѣнялись въ особня городскія общины, исключенныя изъ общаго земскаго права, и пожалованныя правомъ нѣмецкихъ городовъ, именно Магдебурга и Любека. Заселеніе такихъ новыхъ общинъ поручено извѣстнымъ лицамъ, Нѣмцамъ, которые призвали въ устраиваемые города Нѣмцевъ изъ разныхъ странъ, и пользовались потому въ городѣ разными выгодами. Такая новая городская община пользовалась обширной автономіей и своимъ судомъ; отношенія ея къ князю были конечно уже другія, чѣмъ отношенія древнихъ славянскихъ городовъ. Въ Поморьѣ устройство нѣмецкихъ городовъ началъ князь Барнимъ, „въ виду своихъ выгодъ и по примѣру другихъ странъ“, какъ онъ самъ выражается (1235). Въ ряды нѣмецкихъ мѣщанъ вступили вѣроятно и нѣкоторые знатные Славяне, хотя мѣщанъ славянскаго происхожденія было очень мало—мы можемъ указать только на Колобергъ—; они скоро исчезаютъ совсѣмъ. Оставшееся славянское населеніе, подлежащее суду князя, оставалось обыкновенно въ предмѣстьѣ или вискѣ, или занимало какую нибудь отдаленную улицу, „славянскую“, гдѣ впрочемъ также скоро исчезаетъ. Съ половины XIV вѣка Славяне въ поморскихъ городахъ уже не встрѣчаются. Исключительность нѣмецкихъ мѣщанъ заявила себя въ Поморьѣ, какъ и вездѣ въ полабско-балтійскихъ странахъ,—тѣмъ, что они исключали Славянъ изъ цеховъ, требуя отъ при-

нимаемых доказательства, что они происхожденія нѣмецкаго а не славянскаго ¹⁾).

Тоже самое, что въ городахъ, происходило и въ *селахъ*. Духовныя корпораціи стремились во первыхъ къ тому, чтобъ ихъ подданные служили только имъ, и были освобождены совсѣмъ или отчасти отъ княжескаго суда, отъ общей подати (порального), отъ разныхъ земскихъ и придворныхъ повинностей, отъ общаго ополченія, постройки и поправки городовъ, дорогъ, мостовъ, отъ гоститвы, осепа, наръза, превода, и пр., вратцѣ отъ земскаго „права славянскаго“ (*jus slavicum*). Духовенство и шляхта стали потомъ призывать въ свои имѣнія нѣмецкихъ колонистовъ, которые поселились либо во вновь основанныхъ селахъ, либо заняли существовавшія уже села славянскія. Колонизація селъ и гагеновъ происходила извѣстнымъ образомъ, при посредничествѣ шульцовъ и гагемейстеровъ ²⁾. Такимъ образомъ водворилось въ Поморьѣ и въ селахъ „право нѣмецкое“ (*jus teutonicum*) ³⁾. Славяне не были исклю-

¹⁾ Поморскій историкъ Канцовъ первой пол. XVI в. пишетъ (I. 211): «Die Sachsen haben die stette in eine besser gestalt u. höfflichkeit gebracht, u. haben die Wende so gar verachtet, dasz sie sie neben sich nicht haben leiden wollen, auch in keyne gilde oder wercke gestatten. Darum sind sie aus den stetten bald ausgerottet, u. nur in den dörrfern geplieben, da man sie ein zeitlangk zu bawung des lands gelidden, aber die lenge auch in Vorpomern ganz u. gar ausgerottet hat». Тоже самое рассказываетъ современникъ Канцова, Кранцъ: «Omne nomen (wandalicum, т. е. славянское) ita habuerunt advenae Saxones exozum, ut non paterentur, in suis collegiis et societatibus quemvis esse, qui non sit ortus parentibus teutonicis, idque sacramentis extorquent ab his, quos suscipiunt. Magna gentis injuria, quae patrio solo exturbata in ipsis suis nativis sedibus non sinitur habitare et vivere, etc. (Wandalia, lib. VII. c. 10).

²⁾ См. стр. 135. Гагены встрѣчаются преимущественно въ западномъ Поморьѣ (до 140), ок. Штральзунда, Барта, Францбурга, Гримена, Грейфсвальда (по большой части быв. раннее княжество); рѣже на Равъ и въ округахъ дыминскомъ и анкламскомъ; на Волынѣ и Узномъ ихъ нѣтъ; дальше встрѣчаются въ округѣ рандовскомъ; въ заднемъ восточномъ Поморьѣ больше всего отъ Требетова до Рюгенвальде, нѣкоторые около Столпа. Извѣстные намъ сельскіе старосты носятъ нѣмецкія имена; наследственный шульцъ села Шиллерсдорфа (Scyldersdorp у Грейфенгагена) назывался Іоаннъ Приславъ (Pryszlaw, 1327 г.), Немецъ или оиъмеченный Сланяинъ?

³⁾ О распространеніи нѣмецкаго права въ Силезіи и въ Польшѣ, срв. Tzschoppe u. Stenzel: *Urkundensammlung zur geschichte des ursprungs der städte u. der einführung u. verbreitung deutscher colonisten u. rechte in Schlesien u. der Ober-Lausitz* (Hamburg 1832), и Владимірскаго — Буданова: *Нѣмецкое*

чаемъ изъ этой новой колонизаціи, и монастырямъ предоставлялось заселять свои земли людьми разныхъ народностей (*libertas vocandi et collocandi, ubicunque voluerint, Teutonicos, Danos, Slavos vel cujuscunque gentis homines*); всѣ такіе колонисты освобождались или вполне или отчасти отъ земскихъ повинностей. Этими разноплеменнымъ колонистамъ предоставлялось жить всякому по своему праву (*jure proprio, more gentis slavicae sive teutonicae sive danicae*); только о смѣшанномъ поселеніи постановлялось, что меньшинство должно приравниваться къ большинству; если напр. Славянинъ поселялся въ селѣ нѣмецкомъ, то онъ пользовался правомъ нѣмецкимъ, а на оборотъ, если Нѣмецъ поселялся между Славянами, то онъ пользовался славянскимъ правомъ. Такъ именно было въ имѣніяхъ монастыря Гильды¹⁾. Но если славянскіе подданные не были прямо освобождены отъ разныхъ повинностей, то они должны были отправлять ихъ и впредь, и такимъ образомъ не могли приносить своимъ господамъ большой пользы. Такъ напр. любецкіе каноники получили отъ князя Богуслава село Пречено въ мезерѣчской землѣ, но вѣроятно безъ болѣе точнаго опредѣленія льготъ; съ подданныхъ, Славянъ, продолжали требовать отправленія разныхъ повинностей (*verum quia villa a Slaviv inhabitata ad libertatem ecclesiae et canonicorum utilitatem sine gravibus expensis et perpetua multorum nobilium persecutione nequaquam poterat expediri*). По этому князь Барнимъ замѣнилъ это село двумя другими, освободивъ ихъ отъ всѣхъ повинностей (1228). Чтобы освободиться отъ разныхъ притязаній княжескихъ чиновниковъ, монахи колбасскіе выхлопотали у князя (1247 г.), чтобы и ихъ славянскимъ подданнымъ дано было нѣмецкое право (*et Slaviv eorum jus teutonicum in perpetuum dare*).

И такъ въ Поморьѣ рядомъ съ стариннымъ правомъ славянскимъ существовало и новое право нѣмецкое (*omnis consuetudo quae jus slavicum vel theutonicum appellatur, consuetudo quae pro jure in Theutonia sive Slavia servatur, 1248—49 гг.*). Это славянское право, обязывавшее всѣхъ славянскихъ поселянъ, которымъ не пожаловано право нѣмецкое или по крайней мѣрѣ извѣстныя льготы, существовало въ Поморьѣ, на сколько намъ извѣстно, до конца

право въ Польшѣ и Литвѣ (С.-Петербург. 1868, срв. критику А. Павинскаго въ отчетѣ о 13. присужденіи наградъ гр. Уварова).

¹⁾ См. стр. 196.

XIII вѣка; еще въ 1272 г. князь Барнимъ, позволяя своимъ и своимъ васаловъ подданнымъ переселяться въ имѣнія колбаскаго монастыря, заявляетъ, что они свободны отъ разныхъ повинностей, кромѣ тѣхъ, которые они должны нести по общему праву славянскому (*ultra communem omnium Slavorum in terra nostra manentium justitiam*). Этого „права славянскаго“ въ Поморьѣ конца XIII вѣка точнѣе опредѣлить нельзя ¹⁾. Въ то время повинности поселянъ, пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ, уже значительно увеличились; поселяне, кромѣ разныхъ податей князю и господамъ, были обложены и многими натуральными повинностями, такъ что требованія по нѣмецкому праву сливались съ требованіями по праву славянскому ²⁾. Разница между поселянами нѣмецкими и славянскими замѣтна въ восточномъ Поморьѣ, въ земляхъ каменской и колобрежской, еще во второй половинѣ XIII вѣка (1273 г.) и въ церковномъ отношеніи, т. е. относительно десятинъ. Съ земель, занятыхъ Нѣмцами взымались десятины, которыя однако часто уступались въ ленъ князю и шляхтѣ, именно такимъ образомъ, что Нѣмцы обязаны были платить извѣстную сумму денегъ съ гуфы (*Theutonici.. de quolibet manso*); Славяне же платили епископу и каноникамъ—вмѣсто десятины натурой—извѣстную сумму денегъ съ каждаго рала (*Slavi... de ipso*), стало быть родъ бископовницы, какъ это было и въ другихъ балтійскихъ и польскихъ странахъ ³⁾.

Нѣмецкая колонизація въ самомъ обширномъ смыслѣ, — т. е. наплывъ Нѣмцевъ во всѣ сословія, — произвела рѣшительный пере-

¹⁾ Это «славянское право» въ Поморьѣ и вообще въ балтійско-славянскихъ странахъ, можно ближе опредѣлить съ помощью «польскаго права» (*ius polonicale, polonicum*), какъ оно является въ грамотахъ и другихъ памятникахъ, особенно же въ важной книгѣ обычнаго права польскаго, составленной на нѣмецкомъ языкѣ въ XIII вѣкѣ. (Helcel: *Pomniki II*. Срв. тоже вышеприведенное сочиненіе Tzschoppe u. Stenzel, и R. Hube: *Prawo polskie w wieku XIII.*, Warszawa 1874).

²⁾ Срв. слова князя Оттона въ грам. 1328 г.; князь даетъ Щетину *villam Podjuch cum aliis exactionibus, precariis, servitiis rusticalibus et urbanis, et angariis quibuscunque etiam nomine censeantur, liberam et exemptam*. Трудно рѣшить, говорится-ли здѣсь о славянскомъ правѣ, или уже объ общемъ тогда правѣ поморско-нѣмецкомъ. Остатки «славянскаго права» сохранились въ разныхъ странахъ балтійскихъ до XIV вѣка. См. выше, стр. 41, 94, 162, 208.

³⁾ О бископовницѣ у Бодричей и Лютичей см. выше, стр. 134, 159, 197. Въ смежной съ Поморьемъ польской епархіи владиславской *habitatores in Pomerania solvunt domino episcopo Wladislaviensi de manso unum medium fertonem bonae monetae pro decimis* (ок. 1258 г.).

воротъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ Поморья. Мы видѣли, что славянская шляхта, принимая свои земли отъ князя въ лены, дѣлалась, наравнѣ съ вновь прибывающей нѣмецкой шляхтой, васалами или манами князя, епископа, монастырей и вельможъ, и такимъ образомъ очутилась въ другихъ, новыхъ отношеніяхъ къ своимъ верховнымъ господамъ; старинное право дѣдичское (*jus haereditarium*) замѣнило право феодальное (*jus feudale*). Новые города, пользуясь своимъ нѣмецкимъ правомъ, исключались изъ общаго права земскаго. Тоже самое было въ многочисленныхъ имѣніяхъ, пожалованныхъ духовнымъ корпораціямъ и шляхтѣ; сидѣвшіе на нихъ колонисты освобождались по большей части отъ княжескаго суда, и отъ разныхъ земскихъ и придворныхъ повинностей. Вслѣдствіе такихъ исключеній изъ земскаго права распаталось мало по малу старинное устройство гардвое (городовое). Поморье, равнымъ образомъ какъ и другія балтійско-славянскія земли, раздѣлялось на извѣстные округа, земли, средоточіемъ которыхъ было укрѣпленное мѣсто—*гардъ* (городъ); здѣсь жилъ кастелянъ, трибунъ, коморникъ и другіе земскіе сановники. Гардъ былъ средоточіемъ окрестнаго народонаселенія, обремененнаго разными тяжелыми повинностями, особенно относительно города. Еще во время существованія этого древнеславянскаго устройства замѣтно формальное вліяніе нѣмецкаго элемента въ разныхъ названіяхъ. Уже во второй половинѣ XII вѣка (1175 г.) земли гостевская называется по нѣмцки—*burgwardium*. Кастеляны принимаютъ позже нѣмецкое названіе бургграфовъ, трибуны—герграфовъ; такъ напр. дыминскій кастелянъ Рохель († ок. 1227 г.) называется (вскорѣ послѣ смерти) *borgravius*, дыминскій трибунъ Андрей—*heregravius* (1232 г.)¹⁾. Но скоро устройство это падаетъ,

¹⁾ Слово *жуна* въ смыслѣ округа у балтійскихъ Славянъ, равно какъ и у польскихъ, не встрѣчается. Округъ принадлежавшій къ городу (*castrum, castellum, urbs*), называется обыкновенно *terra, territorium, provincia*, что соответствуетъ древнепольскому дѣленію на *земли*; иногда земля называется *burgwardium*, или просто *castrum* (наприм. *nobiles viri castri Diminensis, villa in Colberg, villa in Pyritz*); слова «*circulus urbis Magnopolis*» (1222) хорошо объясняютъ округъ города. *Гардъ* означаетъ еще въ XVI—XVII вв., на Равнѣ и у люнебургскихъ Славянъ—какъ и въ Польшѣ *судъ*—судъ, судебный округъ (см. стр. 208). Слово *жуна* встрѣчается въ Поморьѣ только одинъ разъ, въ одной грамотѣ 1187 г., изданной однако не въ Поморьѣ, а въ Вамбергѣ, архимандритомъ монастыря св. Михаила: *princeps dominus Boguzlaus consensu fere omnium baronum et supranotum suorum* (въ другихъ по-

въ западномъ Поморѣ раньше, чѣмъ въ восточномъ, заодрянскомъ; въ Волегощѣ, Гостковѣ, Дыминѣ, кастеляны являются послѣдній разъ въ 1230, 1234, 1235 гг., въ Камнѣ въ 1244 г., въ Колобергѣ въ 1255 г. Мѣсто кастеляновъ занимаютъ фогты (*advocati*), высшіе судьи завѣдывающіе высшимъ судомъ (*judicium majus*) — съ участіемъ присяжныхъ изъ васаловъ — на такъ называемомъ *landding* (*commune placitum*). Старинное ополченіе славянскаго народа (*expeditio gentis slavicae*) встрѣчается еще въ 1219 г. въ землѣ гостковской, и въ 1229 г. около Гильды; позже является вмѣсто него простое ополченіе *expeditio, lanthwere, jus quod herschild dicitur* (послѣднее въ 1240 г. въ колбасской землѣ). Стереженіе городовъ или лучше княжескихъ замковъ, поручено княжескимъ манамъ или васаламъ, которымъ пожалованы принадлежавшіе къ замку лены. Въ селахъ, устраиваемыхъ по праву нѣмецкому, шульцы (въ имѣніяхъ колбасскихъ они являются съ 1220 года) завѣдывали, съ участіемъ другихъ судей (*scabini, schöffen*), низшимъ судомъ (*minor justitia, judicium minus*), а изрѣдка — съ позволеніемъ князя — и высшимъ судомъ, какъ это было въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ монастырей ¹⁾.

морскихъ грамотахъ: *optimates, principes terrae, 1187—1191, principes et barones terrae, nobiles et barones terrae, 1223—1224*). Жупаны здѣсь означаютъ вѣроятно вообще шляхту, а не однихъ только градоначальниковъ, которые всегда называются *castellani*, иногда *praefecti*. *Barones, comites* были въ Поморѣ вообще высшіе сановники, земскіе и придворные; напр. *comes Jacobus (1224—1242)* встрѣчается какъ *dapifer de Camin, nobilis de Camin, comes Warghina (1224—1235) — pincerna, castellanus de Camin*. Поморскіе *supani, comites, barones* напоминаютъ польскихъ *supani* (наприм. въ любушской землѣ, см. стр. 110), *comites* (кметы?), *barones, чешскихъ жупановъ и кметей* (Сбор. Česk. Mus. 1875, 62), югославянскихъ кметей (кметы угорскіе, въ хорват. и серб. грамотахъ XV вѣка, = *barones regni Hungariae*); все это были земскіе и придворные сановники вообще. Выше мы высказали мнѣніе, что у балтійскихъ Славянъ шляхта называлась вообще князьими (князь и княжичъ); были-ли имъ извѣстны и слова *шляхта, панъ, влодыка* (какъ Полякамъ и Чехамъ), не знаемъ. — По нѣмецкому названію трибуна — *heergravi* (*heergraf*) можно предполагать, что этотъ сановникъ нѣзывался *войвода, воевода*; это слово знали балтійскіе Славяне, какъ видно по словамъ *войводича, воувото* (у Бодричей, см. стр. 152), *вовода* (у люнебургск. Славянъ — *un prince*). Польскій *tribunus* переводится *войскій*, а *воевода* — *palatinus*.

¹⁾ Въ Польшѣ сельскій судъ въ селахъ, пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ (судомъ завѣдывали тоже *scultetus et scabini*), продолжалъ называться стариннымъ славянскимъ словомъ *вѣче* (*wiece, gajone wiece, zagajone wiece* — нѣмецк. *ding, gehegtes ding*). Срв. наприм. земскія книги костянскія 1402—30 гг.,

Изъ славянскихъ учреждений встрѣчаются *подача*, т. е. известная зависимость должниковъ отъ заимодавца, еще въ 1212 г. въ колбасской землѣ (pro centum marcarum rodaciis), *наръзъ* и *осеть* въ 1229 г. въ землѣ старгардской.

Этотъ постепенный переворотъ замѣтенъ тоже въ грамотахъ; еще въ первой половинѣ XIII вѣка встрѣчаются въ нихъ разныя слова славянскія (могилы, дупная могила, тригорки, лугъ, гардище и др.), которые потомъ уступаютъ нѣмецкимъ (stenbedde—sepulcrum gigantis т. е. нын. hünengrab, mug—moog, borchwall и др.). Нѣмецкій языкъ сдѣлался общепотребительнымъ (quod vulgariter dicitur).

Постепенное распространение нѣмецкаго элемента въ поморско-лютичскомъ княжествѣ прослѣдимъ подробнѣе по отдѣльнымъ землямъ, раздѣливъ послѣднія на нѣсколько группъ, на группу земель по лѣвому берегу Пѣны, на правомъ б. Пѣны, на лѣвомъ берегу нижней Одры, острова, земли на правомъ берегу Одры, приморскія земли отъ Одры за Персанту.

1. Заттискія земли.

На лѣвомъ берегу Пѣны на сѣверъ до рѣки Гильды (Рѣки), отъ устья Треболы на востокъ до моря, были, какъ выше сказано, земли лосичская, гостювская, щитенская, лѣшанская, буковская, волегощская, остроженская, послѣдняя прежде принадлежавшая къ Ранѣ.

Лосичская земля досталась—вмѣстѣ съ другими смежными, именно съ чрезпѣнской и доленской, ок. 1230—36 гг. князьямъ мекленбургскимъ, но не на долго; уже черезъ нѣсколько лѣтъ въ ней господствуетъ опять поморскій князь Вартиславъ. Еще во время мекленбургскаго владѣчества лосичскую землю получилъ какъ поморскій лень мекленбургскій вельможа, рыцарь *Тетлевъ изъ Гадебуша* (Tethlevus miles dictus de Godebuz, dominus terrae Lositz). Въ 1242 г. онъ пожаловалъ Лосичи (Лосице, срв. польск. Losice). нѣмецкимъ, любецкимъ правомъ, и вообще поддерживалъ германизацию своей земли. Уже въ этомъ году въ окрестностяхъ города одинъ мостъ называется по нѣмецки bolbruske, одно старое

познанскія 1429—37 гг., акты капитула гнѣзнен. 1590 года, и пр. Известно, что и выспій, княжескій, позже королевскій судъ—въ которомъ заседали король и земскіе сановники (barones)—назывался *великое* или *посполитое съѣче* (colloquium generale).

городище.—oldenborchwal, одно село—Janekendorp. Название села Приточина (Pritochine, Pretuzhine), как оно называется еще в 1232 г., передѣлано у Нѣмцевъ уже черезъ десять лѣтъ въ Pretwisch, Bretwisch; рапскій князь называетъ его еще по славянски Prethützeve. Сосѣднее село Раковъ раздѣлилось уже до 1232 года на два, большее и меньшее, по всей вѣроятности—какъ и въ другихъ странахъ—нѣмецкое и славянское. Кромѣ рыцаря Тетлева, прибыли въ лосичскую землю и другіе мекленбургскіе и вообще нѣмецкіе шляхтичи—васалы; въ 1242—1249 гг. были тамъ именно Johannes et Bertholdus Thuringus, Ludeke et Bolto de Slaukesdorpe, Egbertus de Baggendorpe, Borcardus Wine, Ludico Duser, Reymborn, Sifridus Lode, Brunwardus de Lositz и др. Лосичская земля находилась въ владѣніи рода Тетлева, именно двухъ его сыновей, Вернера и Генриха, до 1275 г., гдѣ досталась ранскому княжеству, почти уже совсѣмъ онѣмеченная; по крайней мѣрѣ въ началѣ XIV вѣка упоминаются Славяне только въ двухъ селахъ, Bregeschevis (ст. Приточино) и Michelstorp ¹⁾).

На востокъ отъ Лосичъ лежали земли и города *Волегощъ*, *Буково*, *Лышане*, *Щитно*, и *Гостковъ*. Изъ кастеляновъ волегощскихъ знаемъ Сулистрѣга и Недамира (во второй пол. XII в.), Мирослава, Прещу (Прега 1230, вѣроятно сокрац. Преславъ); изъ кастеляновъ гостковскихъ—Ярогѣва и Прибу (XII в.), Бартоша, Требомира, Станка, Працу (Prentza 1234, срв. польск. Prząclaw, Prząslawice).

Изъ шляхты здѣшнихъ странъ извѣстны до первой половины XIII в. по именамъ, Никлонъ, Радошъ, Генрихъ, Виславъ Немстичъ, Свирчъ (1231 ок. Щитна). Около Госткова имѣли помѣстья Свѣтоборичи, боковая линия княжеская, именно *Вартиславъ* (dominus Wartislaus de Choskoue, 1219 — 1233). Вдова его, Доброслава, вышла за прибывшаго въ Поморье изъ Старой Марки фогта Яца изъ Зальцведеля (Jaszo advocatus de Saltwedele), отъ котораго происходитъ родъ назвавшійся изъ *Госткова* (de Cotscowe, de Gutzkowa, von Gützkow). Нѣмецкихъ дворянъ стало вообще прибывать сюда все больше; такъ между Гостковымъ и Гильдой имѣли ок. 1249 г. села—кромѣ пановъ изъ Госткова—и члены родовъ Бере (Ursi), Osten, Schwerin и др.

Въ этихъ земляхъ между Пѣной и Рѣкой поддерживалъ герма-

¹⁾ См. стр. 199.

низацію особенно вышеупомянутой монастырь *Гильда* ¹⁾. Съ половины XIII вѣка являются здѣсь нѣмецкіе города *Грейфсвальдъ*, *Волеюцъ*, *Линшане*. Самый важный городъ въ тѣхъ странахъ былъ *Грейфсвальдъ* ¹⁾. Еще въ 1248 г. это было мѣстечко (*oppidum*) монастыря гильдскаго; черезъ два года оно пожаловано любецкимъ правомъ. Гильдскіе монахи позаботились также объ оуѣмеченіи этихъ странъ; въ то время около возникающаго города былъ потокъ *Eschenbech*, мѣсто *Darsimhoued* (т. е. даржимскій носъ); причисленная къ городу земля мѣрилась по такъ наз. гагергуфамъ (*mansi qui haghenhof dicuntur*). Имена мѣщанъ—нѣмецкія, и указываютъ на ихъ происхождение изъ Люнебурга, Висмара, Густрова, Требетова, Розтокъ, Ракова, *Cosuelde* и пр. (1250 — 1258). Въ числѣ грейфсвальдскихъ патриціевъ былъ въ концѣ XIII вѣка родъ *Гориславы* (*Gorislav, Görslaf, de Gorislav*), неизвѣстно только славянскаго-ли происхожденія (срв. Горислава кастеляна требожскаго).

О существованіи славянскаго народонаселенія между Рѣкой и Пѣной исчезаютъ—съ пол. XIII в.—почти всѣ слѣды. Въ имѣніяхъ монастыря гильдскаго господствовало еще около половины XIII вѣка „право нѣмецкое“ и „право славянское;“ но послѣднее исчезаетъ съ половины этого столѣтія. Въ 1228 г. любецкіе каноники получили въ землѣ гостювской два села, Карбово и Печково, въ замѣнъ села Пречена въ мезеръчской землѣ. Жители этихъ селъ были тогда еще Славяне; но около половины XIII вѣка оба села являются уже нѣмцами; ихъ урочища называются по нѣмцамъ: *stagnum—Seblecke, rivus—Lutzowerbeke, campus—stritkampe, palus—rusgensole, montes qui Circumspice te sive Se thic umme nominantur, stenbedde* (могила обложенная камнями). Нѣсколько славянскихъ рыбацкихъ селъ находилось еще въ 1270 г. около устья Пѣны (*exceptis Slavis de villis circumjacentibus, qui cum instrumento, quod nuncupatur stafwede, et non aliter piscandi liberam potestatem in aqua memorata habeant*). Позже, въ 1284 г., приводится у Грейфсвальда „славянское село Честелинъ“ (*villa slavicalis Sestelin, Cestelin*); но уже въ 1300 г. въ этомъ селѣ встрѣчается наследственный шульцъ

¹⁾ См. стр. 195.

²⁾ Въ 1249 г. князь Вартиславъ говоритъ: *oppidum quod Gripeswald lingua theotonica appellatur, а епископъ каменскій Вильгельмъ: о. q. G. lingua patria appellatur*. О городѣ Гр. срв. *Dähnert: Pommer. bibliothek: V. 130, Kosegarten: Pommer. u. Rüg. geschichtsdenkmäler I. 42.*

Ertmarus, владѣвшій свободными ралами (quantum uno unco et dimidio, quod vulgo anderhalf hake puncupatur), и завѣдывавшій судомъ—heghetdinch. „Рала“ были тогда уже единственной памятью славянскаго населенія этого мѣста. Съ исчезновеніемъ славянскаго элемента многія географическія названія стали замѣняться новыми искаженными формами, иногда и переводами. Такъ Гостковъ перемѣнился въ Gutzkow, Щитно съ Zieten, Острожна или Вострожна въ Wusterhusen, и пр. Лежащій вблизи послѣдней земли островокъ называется въ 1282 г. Свѣтлый востровъ (insula quae dicitur Swantewostroe), черезъ нѣсколько лѣтъ (1291) Szwantewuzterhusen, а въ началѣ XIV вѣка уже по нѣмецки Ое (нын. Oi, т. е. островъ). Эти измѣненія географическихъ названій происходили въ теченіи XIII вѣка повсемѣстно, и уже въ 1281 г. князь Богуславъ, подтверждая Гильдѣ всѣ жалованныя грамоты, могъ сказать, что монастырскія имѣнія когда-то назывались по славянски иначе (possessiones in privilegiis notatae quondam idiomate slavico nominibus aliis pronuciari solebant).

2. Предпъискія земли.

При впаденіи Доленцы и Треболы въ Пѣну стоялъ старинный городъ *Дыминъ*. Онъ съ распространіемъ поморскаго владычества на западъ сдѣлался средоточіемъ окрестныхъ земель расположенныхъ по верхней Пѣнѣ и по Доленцѣ около него полу-кругомъ, именно земель чрезпѣнской, доленской, старинной плотской и мезерѣчской. Дыминъ былъ потомъ столицей князя западнаго Поморья, *Вартислава* (1220—1264), который часто назывался также княземъ дыминскимъ (dux Diminensium, Diminensis, de Dimin). При этомъ князѣ Поморье потеряло однако большую часть лютичскихъ земель, „Лютичии,“ именно землю чрезпѣнскую и часть земли доленской, которыя — какъ уже сказано — присоединены къ сосѣднимъ землямъ мекленбургскимъ (ок. 1230—1236) ¹⁾.

Дыминская шляхта, т. е. вообще шляхта, поселившаяся въ выше означенныхъ земляхъ, была довольно многочисленна. Къ ней принадлежалъ и знатный родъ *Рановичей* (Ranovits), обитавшій въ доленской землѣ около Требетова на Доленцѣ; сыновья Рана, Ген-

¹⁾ Чтобы не слишкомъ дробить нашего очерка, рассмотримъ процессъ германизации въ этихъ поморско-мекленбургскихъ странахъ разомъ теперь же, тѣмъ болѣе, что процессъ тотъ происходилъ въ обычѣ странахъ одинаково.

рихъ и Борешъ (Borts, Boriz, Buric), жившіе во второй половинѣ XII вѣка (1176—1194), занимали первое мѣсто въ доленской землѣ; они происходили отъ „славнаго рода лютичскаго“ (filii Ranni, H. et V. illustri Luticiorum prozaria ceteros antecellentes), вѣроятно княжескаго. Въ чрезпѣнской землѣ около стариннаго города, позже монастыря, Даргуня былъ родъ Мирогнѣва (1173); вѣроятно его сынъ былъ часто впоследствии упоминаемый (1194—1226) Рохель¹⁾. Въ ряды этой старинной славянской шляхты мало по малу стали прибывать и нѣмецкіе шляхтичи. Этотъ дуализмъ дыминской шляхты является все больше и больше, и въ 1236 г. князь Вартиславъ отличаетъ уже своихъ славянскихъ шляхтичей (Slavi nostri nobiles in Dimin) отъ нѣмецкихъ. Во второй половинѣ XII вѣка (1150—1200) извѣстны слѣдующіе дыминскіе шляхтичи: Пятинъ сынъ Мстислава, Домаславъ, Николай, Будивой, Субиміръ Стодоровичъ, Держекъ (кастелянъ), Мирогнѣвъ, Моникъ, Хотиміръ, Бѣдекъ, Добеславъ, Праусъ, Запаха, Голдонъ, Сулиміръ Тѣшиміричъ, Генрихъ Пюхиміричъ, Одолянъ сынъ Казимира (de Linticia), Іоаннъ или Яникъ Держковичъ (кастелянъ), Боркъ и его сыновья Прибиславъ и Ярогнѣвъ, Ранъ и его сыновья Генрихъ и Борешъ, Славоміръ и др. Въ это время извѣстенъ былъ около Дымина только одинъ нѣмецкій шляхтичъ, Hermannus Teutonicus (1175). Въ 1200—1236 гг.: Рохель (кастелянъ), и его сыновья Сулиславъ и Добеславъ (коморникъ), Добеміръ (коморникъ), Ратиславъ (Радославъ) Скарбиміричъ, называвшійся по своей усадьбѣ „изъ Своратина“, и его сынъ Душиль, Андрей Приборовичъ (воевода), Начеміръ (кастелянъ), Камыль (Chemko, Chemeso), Держекъ, Барнимъ, Валикъ, Доброміръ, Живко, Мирославъ (кастелянъ), Тѣшиміръ (каст.), Яникъ изъ Верхна, Люборадъ (каст.), Яковъ Жабочичъ (каст. грозвинскій), Нисулъ (каст. 1235), Домаша сынъ Люборада. Наконецъ въ 1236 г. приводится еще нѣсколько „славянскихъ шляхтичей дыминскихъ“ (Slavi nostri nobiles in Dimin) Добеша, Chanzik (Камчикъ?), Nen-zad. Изъ нѣмецкихъ дворянъ были въ 1232—1236 гг. въ дыминскихъ земляхъ Walterus comes de Goia (вѣроятно изъ Вестфалии), Sifridus, Andreas de Cyrbrezin (Славянинъ или Нѣмецъ?), Helboldus, Wedgo, Luttardus.

¹⁾ Славянская форма этого имени (Rokil, Rochil, Rokel) видна изъ чешскихъ названій Rochlice, Rochlov. Въ полов. XII в. упоминается и въ Вагріи князь Рохель (см. стр. 122).

Слова князя Вартислава (1236 г.) „наши славянскіе шляхтичи въ Дыминѣ“ имѣютъ свое значеніе: съ того года исчезаютъ славянскіе шляхтичи въ дыминскихъ странахъ почти совсѣмъ, и въ старинныхъ земляхъ чрезгѣвской, доленской, плотской, мезерѣчской и гроввинской — шляхта — землевладѣльцы почти исключительно Нѣмцы изъ мекленбургскихъ, саксонскихъ и др. странъ ¹⁾. Встрѣчаются здѣсь члены родовъ Badelaken, Sconevelde, Bruseviz, Cule, Bere, Berghe, Angeren, Reineulde, Sconewalde, Blixino, Thuring, Malsan, Apeldorn, Penz, Vitzen, Ertheneborch, Walsleue, Wachholte, Suerin, Munt, Stolteuot, Voss, Bune, Warborch, Brusehauer, Stokwlotе, Molteke, Manduvel (Manteuffel), и др. Славянской шляхты встрѣчается со второй половины XIII вѣка очень мало; она, дѣлаясь васалами князей и принимая новые предикаты, исчезала въ рядахъ новой шляхты нѣмецкой. Около столпскаго монастыря въ гроввинской землѣ жилъ въ 1243 г. Яковъ Жабочичъ въ Танглимѣ (но не какъ кастелянъ, такъ какъ здѣсь былъ уже фогтъ); вмѣстѣ съ нимъ упоминаются землевладѣльцы гроввинскіе, Hermannus Szowa et Dhegenhardus—владѣльцы села Восѣка, и рыцарь (miles) Матвѣй въ селѣ Терстеницѣ, о которыхъ трудно рѣшить, кто они были, Славяне или Нѣмцы. Около Даргуны, встрѣчаются Ратиславъ, владѣлецъ села Даргобѣдъ (1241), Конрадъ „Славянинъ“ (Slavus) близъ Иванокъ (1252), Рохель сынъ Лобеслава (1269)—претендентъ на три села (Кѣтимъ, Даргобѣды, Варлжинъ),—и его родственники и сосѣди, Гнѣвоміръ, Тарнигъ изъ Волчина или Вольшина, Cignid de Grambove, Тѣшиславъ, Добеславъ. Изъ-за села Кѣтимя былъ еще въ 1287 г. споръ между монастыремъ даргунскимъ и „Славяниномъ Дѣдикомъ“ (quendam Slavum, virum honestum, nomine Dedic), вѣроятно изъ рода Рохловичей; Дѣдикъ, съ согласія своего сына Якова и другихъ дѣдичей, отказался отъ своихъ правъ на это село. Были ли упоминаемые съ Дѣдикомъ рыцари Видантъ, Униславъ (Vinslawus longus) и Бархилъ помѣщики странъ тамошнихъ или другихъ (именно узноимскіе), не знаемъ. Славянскій родъ *Zayencow* (Zayenz, Zagenetz, Zapse, во второй полов. XIII в. упоминается часто Генрихъ, маршалъ князя Барнима), владѣвшій помѣстьями между Анклямомъ, Поздиволкомъ и Укермонде, перевелъ вполнѣдствіи

¹⁾ На прибытіе разныхъ васаловъ въ чрезгѣвско-гноенскую землю указываютъ слова мекленбургск. князей въ грамотѣ 1276 г.: ...vasallos nostros bona sua possidere cum tali jure, sicut a nobis a novella plantatione sub feodo susceperunt.

свое имя по нѣмцки *Naasen*. Дальше о славянской шляхтѣ въ попѣвскихъ земляхъ нѣтъ слѣдовъ.

Въ самомъ восточномъ углу чрезвѣнской земли основанъ въ 1172 г. поморскимъ княземъ Казиміромъ цистерціанскій монастырь у стариннаго города *Даруна*, и сюда призваны монахи, съ начала датскіе (изъ эромскаго монастыря на Зеландѣ), а впослѣдствіи нѣмецкіе изъ мекленбургскихъ Добрянъ. Монастырь основанъ, разумѣется, въ странѣ чисто славянской, и всѣ въ земляхъ чрезвѣнской и доленской пожалованныя ему села и угодья и ихъ урочища носятъ чисто славянскія названія; здѣсь были села Выгонъ, Гнѣвотино, Топорище, Добемышль или Добромышль, Требимъбрь, Собѣдарги, Домагнѣвъ и пр., луга Глѣбокій, Долгій, и Широкій, урочища могила, тригорки, вилій дѣбъ, княжья граница, и пр. ¹⁾ Князь поморскій позволяетъ монахамъ заселять ихъ имѣнія Нѣмцами, Датчанами и Славянами, которымъ всѣмъ предоставлено жить по своимъ обычаямъ, именно что касается корчемъ (*vocandi et collocandi Teutonicos, Danos, Slavos, et tabernam habendi sive velint more gentis nostrae, sive teutonicae et danicae*). Это позволеніе повторяется нѣсколько разъ и впослѣдствіи, и еще въ 1229 г. монастырю позволено основывать въ пустыхъ мѣстахъ села нѣмецкія или славянскія (*ponere villas teutonicales vel slavicales*) ²⁾. Датской колонизаціи не знаемъ ближе; если она и была, то скоро исчезла въ колонизаціи нѣмецкой. Послѣдняя съ начала, по всей вѣроятности, не была значительна; по крайней мѣрѣ села и урочища продолжаютъ называться по славянски еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка, и составители жалованныхъ грамотъ, Нѣмцы, приводя названія урочищъ, не разъ прибавляютъ, что такъ ихъ называютъ Славяне; такъ напр. около села Пинова и сосѣдней пустыни Голишова (въ доленской землѣ) былъ камень, который Славяне называли Добришь камы, т. е. камень Добриха (*lapis quem Slavi Doberissecame vocant, 1226*), около села Дукова (въ той же доленской землѣ) родникъ и озеро—называемыя по славянски Гидамъбрь и Мирчино (*fons qui slavice Gidamer vocatur, stagnum q. slavice Mirtsino v., 1229*), и пр. Только съ половины XIII вѣка встрѣчаются въ числѣ монастырскихъ селъ и угодій нѣкоторые

¹⁾ Срв. стр. 29.

²⁾ Ок. 1230 г. основаны въ двухъ пустыняхъ, Голишовъ и Скарбишовъ, два села съ тѣми же самыми названіями. Были-ли эти села славянскія или нѣмецкія, не извѣстно.

съ нѣмецкими названіями, напр. Wittenwerder, Bokholt, Rucenwerder, Ganzekendorp, Twedorp и пр. Нѣкоторыя села однако переименованы потомъ на нѣмецкій ладъ; такъ напр. уже въ 1238 г. вышеупомянутое село Добемышль или Добромышль называлось также Brodersdorп, и это двойное названіе сохранилось до второй половины XIII вѣка (Dobermoizel alio nomine Broderesdorpe, 1282); село Тѣшиково переименовано въ Nova Villa, Niendorp (villa Tessekowe alio nomine Nova Villa 1282), и это нѣмецкое названіе приобрѣло себѣ потомъ исключительное господство (Niendorp quae quondam Tessekow vocabatur ¹⁾). О постепенной германизациі монастырскихъ селъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она происходила такимъ же образомъ, какъ въ сосѣднихъ странахъ мекленбургскихъ, ранскихъ и въ остальномъ Поморьѣ. Села заселяли шульцы нѣмецкими колонистами; Славяне или уходили въ новыя селенія, или, оставшись посреди новыхъ пришельцевъ, со временемъ принимали съ нѣмецкимъ правомъ и нѣмецкую народность. Село Дреновица (Dreneuiz, Droneviz) приводится во второй половинѣ XIII в. (еще 1253 г.) въ числѣ остальныхъ селъ подъ этимъ простымъ названіемъ; но уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1264 г.) приводится и „славянское“ село того имени (slavicalis villa Droneviz), стало быть, въ отличіе отъ другихъ, неславянскихъ ²⁾. Уже въ первой половинѣ XIII в. въ монастырскихъ селахъ встрѣчается нѣмецкое устройство, которое сдѣлалось въ нихъ впоследствии господствующимъ. Въ селахъ встрѣчаются гуфы, десятины, шульцы (villici), завѣдывавшіе сель-

¹⁾ Въ 1266 г. монастырю принадлежали слѣдующія мѣста, всецѣло или отчасти: Dargun, Rokeniz, Kussitz, Kalen, Damnio, Glasowe, Polchowe, Gerssowe vel Cowale, Pennesowe, Pinnowe, Golessowe, Ducowe, Scarpessowe, Pribignewe, Batenowe, Jarezowe, Chilowe, Muzeliz, Benziz, Bralin, Caulin, Cantim, Dargebant, Slutowe, Zarnecowe, Warensin, Dreneuiz, slavicalis villa Droneuiz, Startzowe, Nuzcowe, Bresen, Cusserowe, Vsatlin, Zagenzcowe, Bronsowe, Tusin, Plozek, Siuuolk, Sarowe, Luchowe, Tescowe, Leuin, Madesin, Clohessowe, Wigun, Dolgolin, Warsowe, Dargelin, Ganzekendorp, Twedorp, Broderestorp, Wittenwerdere, Bokholte; на островѣ Узноннѣ села Gardiz (Garz), Karsibor. Всего 49 селъ съ слав. назв., а только 5 съ нѣмецк. названіями.

²⁾ Въ числѣ монаст. селъ приводятся два села Cuzis (срв. польск. Kucice): Cuzis et altera Cuzis, Cusitz et iterum Cusitz. Но такъ какъ оба эти села существовали уже во время основанія монастыря (уже въ 1173 г.), то едва ли можно считать ихъ одно—славянскимъ, а другое—нѣмецкимъ. Срв. древнечешск. Мосгорпу et alia Мосгорпу (1233).

Стефанъ и его сыновья Пятинъ и Гнѣвоміръ, Прибиславъ (изъ Поздвола), Сулиславъ (изъ Премыслава), эти три вѣроятно кастеляны; въ Щетинѣ былъ тогда кастеляномъ Вартиславъ Свѣтоборичъ изъ боковой линіи княжеской, которая владѣла дѣдинами около Щетина. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIII в. (1200 — 1235) извѣстенъ въ Укрѣ Тома изъ Лохницы, вѣроятно кастелянъ; въ щетинской землѣ Розваръ (кастелянъ), Вартиславъ (сынъ Вартислава Свѣтоборича), Присноборъ (коморникъ и кастелянъ), Яковъ (воевода), братья Далимѣръ и Москотъ, Прибина и Лаврентій, Стефанъ и Сулиславъ Розваровичи, Ярославъ Присноборичъ (позже 1267—1276, другіе два сына Приснобора, Прибиславъ и Добеславъ; послѣдній употребляетъ еще отчество „Присноборичъ“); Войславъ, Ратимѣръ, Миловикъ, Сулиславъ Тѣшерадовичъ. Въ 1235 — 1250 кромѣ нѣкоторыхъ вышеупомянутыхъ: Ратимѣръ изъ Гардца, Пятинъ Стефановичъ, Униславъ, Яковъ Свойтиновичъ, Вареломей изъ Полицъ, Самборъ. За то въ послѣдній періодъ появляется въ земляхъ укерской и щетинской все больше нѣмецкихъ шляхтичей изъ разныхъ странъ: Rimbold dapifer (1235), Goswin, Godefridus, Conradus de Pozowalk, Heinr. Westual, Vrowin de Drensen, Arnold de Valkenrede, Swaneberch, Insleve, Naugarden, Brelin, Boizenburg, Albrechtshusen, Bertikow, Vunka, Ochtenhagen, Gartov, Smogerove (у Пажуна), Jagow, Boldensele, Listen, Bassedow, Kotene, и пр.

Въ *города* сталъ прибывать нѣмецкій элементъ—вмѣстѣ съ христіанствомъ,—еще въ XII вѣкѣ, привлекаемый преимущественно торговлей; такъ напр. уже въ XI вѣкѣ Нѣмцы (Саксы) находились въ Волинѣ. Во второй половинѣ XII вѣка было много Нѣмцевъ въ самомъ важномъ городѣ поморскомъ, *Щетинѣ*. Одинъ изъ этихъ щетинскихъ Нѣмцевъ, Берингеръ изъ Бамберга, долго проживавшій въ томъ поморскомъ городѣ и владѣвшій здѣсь поземельной собственностью, построилъ въ подгородѣ (extra castellum) церковь св. Якова. Эта церковь открыта въ 1187 г. въ присутствіи поморскаго епископа Зигфрида, княгини—вдовы и временнаго правителя, князя Вартислава, шляхты и многихъ Нѣмцевъ и Славянъ (multo populo Theutonicorum et Sclavorum coram posito); новая церковь назначена, по распоряженію епископа, именно для Нѣмцевъ (ut ecclesia Theutonicorum appellaretur). Наплывъ Нѣмцевъ въ Щетинѣ все больше усиливался, и очень можетъ быть, что не безъ ихъ участія совершилось завоеванія Щетина ихъ же соотечественниками Бранденбургцами въ 1214 году. Черезъ полстолѣтія послѣ откры-

тія церкви св. Якова Нѣмцы находились въ Щетинѣ уже въ большинствѣ. По этому поводу князь Барнимъ въ самомъ концѣ 1237 года сдѣлалъ важное распоряженіе о мѣстномъ судѣ, который до тѣхъ поръ находился во власти Славянъ; князь отнялъ судъ у Славянъ и передалъ его Нѣмцамъ. Вѣстѣ съ тѣмъ, посовѣтовавшись съ епископомъ Конрадомъ и своими васалами (въ ихъ числѣ и славянской панъ Ратимиръ), позаботился и о духовныхъ нуждахъ щетинскихъ Нѣмцевъ и Славянъ, которые вѣроятно жили другъ съ другомъ не въ особенной дружбѣ; обоимъ назначены особыя загородныя церкви, Нѣмцамъ — церковь св. Якова, Славянамъ — церковь св. Петра. Что касается славянскаго народонаселенія въ окрестныхъ селахъ, то села лежавшія по лѣвой сторонѣ главной дороги въ Премыславъ, причислены къ нѣмецкой церкви св. Якова, по правой же — къ церкви св. Петра. Все это сдѣлано „во избѣжаніе раздоровъ и для усиленія единодушія“. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Барнимъ, „князь славянской“, который еще недавно (1223 г.) хорошо помнилъ то время, когда его столица завоевана была (1214 г.) другими Нѣмцами, Бранденбургцами (*cum Stetin a Theutonicis invasa fuisset et obsessa*) ¹⁾.

¹⁾ Важную грамоту 1237 г. приведемъ здѣсь вполнѣ: 1237, 28 dec. *Ad evitandum discordiae malum et promovendum concordiae bonum. Ego Barnym, dei gratia dux et princeps Sclavorum, notum esse cupio omnibus hanc paginam inspicientibus. Cum sedisset animo nostro, ut oppidum nostrum Stetin, cujus jurisdictionem hactenus habuerunt Sclavi, ad jurisdictionem transferremus Teutonicorum, sic de consilio domini Conradi vener. Camin. episcopi et vasallorum nostrorum ordinavimus, volentes haec perpetuis temporibus immutabiliter observari. Volumus, ut omnes Teutonici infra munitionem et vallum commorantes, una cum capellis jam aedificatis et in futurum aedificandis ad ecclesiam s. Jacobi extra ipsum oppidum sitam pertineant, ibi ecclesiastica beneficia requirendo. Sclavi vero infra munitionem positi ecclesiastica beneficia requirant ad ecclesiam s. Petri, quae sita est extra munitionem. Omnes etiam villae, quae sunt slavicae in rure positae, et quae sunt ad laevam manum regiae viae versus Premizlawe, ad s. Jacobum pertineant, et quae ad dexteram, ad s. Petrum. Ne autem aliquis hanc nostram ordinationem praesumat immutare vel infringere, praesentem paginam conscribi et sigillo nostro jussimus communiri. Huic ordinationi interfuerunt et testes sunt Conradus episc. Caminensis, Johannes plebanus in Grindiz, Conradus dapifer, Gozwinus, Nicolaus, Ratmarus et alii quam plures. — Поморскіе князья въ своей антинаціональной дѣятельности не стояли особнякомъ; такъ дѣйствовали и ранскіе Крутовичи (срв. вышестр. 197 замѣчательныя слова князя Вышеслава), и силезскіе Пястовичи и чешскіе Премысловичи. Срв. наприм. жалобы чешскихъ летописцевъ на короля Премысла Отакара II, который *reputit Bohemos de suburbio pragensi et locavit alienigenas*, и передалъ нѣкоторые окранны*

Такимъ образомъ щетинскіе Славяне очутились въ меньшинствѣ и въ зависимости отъ размножившихся въ „матери поморскихъ городовъ“ Нѣмцевъ, и отъ городского шульца (scultetus, praefectus), каковымъ былъ тогда (1242—43) Вернеръ. Формальное введеніе нѣмецкаго права въ Щетинѣ было только вопросомъ времени. Это случилось черезъ нѣсколько лѣтъ; въ 1243 г. пожаловано городу Щетину право магдебургское. Изъ этой пожалованной грамоты узнаемъ тоже имена нѣсколькихъ мѣщанъ щетинскихъ: Stephanus Sagittarius (т. е. Schütt), Johannes Span, Albertus de Brandenburg, Heidenricus de Magdeburch, Lambertus de Sandow, Albertus de Sparrenelde, Heinricus de Gubin, Gerardus institor, Gerardus de Domiz. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1249) разрушенъ и старинный княжескій замокъ, а мѣсто дано общинѣ. Разумѣется, что въ Щетинѣ, вмѣстѣ съ разными нѣмецкими порядками, нѣмецкій языкъ приобрѣлъ себѣ господство, сдѣлался общеупотребительнымъ (vulgaris).

Но Щетинъ не былъ—по времени—первымъ нѣмецкимъ городомъ въ Поморѣ, т. е. особой общиной пожалованной нѣмецкимъ правомъ. Его опередилъ нѣсколькими годами главный городъ въ укерской землѣ—тогда еще поморской—*Премыславъ*, который пожалованъ магдебургскимъ правомъ уже въ 1235 году ¹⁾. Князь Барнимъ, устраивая этотъ первый нѣмецкій городъ въ своемъ государствѣ, прямо объявляетъ, что онъ въ виду своихъ выгодъ и по примѣру другихъ, т. е. нѣмецкихъ странъ, задумалъ основать и въ своей землѣ свободные города (nostris volentes utilitatibus et commodis providere, nos nihilominus aliarum provinciarum consuetudinibus conformantes, in terra nostra civitates liberas decrevimus instaurare). Для этой цѣли онъ подарилъ новому городу земли, и поручилъ его постройку и устройство нѣсколькимъ лицамъ, вѣроятно купцамъ изъ Штендаля (Waltero, Jordano, Willikino cum Езуко, Henrico cum Helya, et Paulo de Stendal), выговоривъ для себя известную подать. Кромѣ Премыслава и Щетина князь пожаловалъ магдебургскимъ правомъ также *Гардець* (Garz, 1249); въ теченіи второй половины XIII. вѣка сдѣлались нѣмецкими городами *Плхунъ* (Пин-

чешскія Teutonicis, suos postergando, и пр. — О древнемъ городѣ Щетинѣ срв. особенно Геринга (Hering) въ журналѣ Baltische studien (X. I), и Бергауза (Berghaus: Geschichte der stad Stettin, Berlin u. Wriezen 1875, I.).

¹⁾ См. стр. 105.

куя), *Помица, Укермюнде*. Что касается славянскаго населенія въ этихъ городахъ, то мы имѣемъ объ немъ извѣстія только относительно одного Щетина. Въ этомъ городѣ было предмѣстье *викъ*, упоминаемый уже въ 1240 г. (*vicus*) и раздѣлившійся на верхній и нижній (*Oberwiek, Unterwiek*); судъ здѣсь принадлежалъ князю, и только въ 1319 г. *викъ* вмѣстѣ съ судомъ проданъ щетинской общинѣ. Въ верхнемъ *викѣ* уцѣлѣли Славяне еще въ первой половинѣ XIV вѣка; они жили именно въ такъ называемой шульцовской улицѣ, которая принадлежала княжескому шульцу Бернгарду Шиле (1321 — 1334, *quam plateam B. Schile cum Slavis in eadem morantibus platea quiete habuit et possedit*). Были ли Славяне принимаемы также и въ ряды щетинскихъ мѣщанъ и цеховъ, не знаемъ; имена мѣщанъ *Dabbergale, Triglaw, Swantes, Bobbelin, Kloxin, Trettin* и др.—не доказываютъ еще ихъ славянскаго происхожденія, а они взяты отъ мѣстъ. Въ другихъ городахъ только *викъ* (*vicus*) указываетъ, можетъ быть, на славянское народонаселеніе; такіе *вики* были въ 1240 г. въ Премыславѣ и въ (тогда еще славянскомъ) Плкунѣ; сюда надо отнести и подгородье въ Гардцѣ, которое вмѣстѣ съ городищемъ пожаловано новому городу (*locus in quo castrum G. steterat cum loco suburbii, 1259*).

О германизациі *сельскаго народонаселенія* между Укрой и Одрой есть очень мало прямыхъ свидѣтельствъ. Мы видѣли, что ок. 1237 г. на дорогѣ изъ Щетина въ Премыславъ упоминаются „славянскія села“. Около этого времени (1240 г.) между Укрой и Одрой, въ земляхъ премыславской, плкунской и щетинской, въ числѣ селъ принадлежавшихъ каменскому епископу, находилось нѣсколько пустынь; но ихъ заселеніе имѣлось въ виду (*villae longo tempore desertae, quae de novo excoltae fuerint a colonis*). Въ нѣкоторыхъ селахъ щетинской земли, принадлежавшихъ монастырю щетинскому, именно въ Грабовѣ, Дретовѣ, Болбасковѣ, Каменцѣ, Помелѣ, Устовѣ, Барниславѣ, Голашинѣ, Лодатинѣ, были тогда (1243 г.) уже шульцы (*sculteti*), завѣдывавшіе низшимъ судомъ (*minora iudicia*); эти села были, стало быть, устроены уже по нѣмецки. Вездѣ считали здѣсь по гуфамъ и платили десятину ¹⁾. Раздѣленіе селъ на нѣмецкую и славянскую общину встрѣчается и въ тѣхъ странахъ; такъ на

¹⁾ Въ полицкой землѣ поручилъ рыцарь Гербордъ изъ Кетена тремъ гагемейстерамъ заселить *indaginem Holtshagen* (1262 г.). Изъ этой грамоты узнаются нѣкоторыя подробности колонизациі *jure indaginario*.

пр. въ 1289 г. около Пинкуна упоминаются два села *Blomenberch, teutonice et slavice*. Также встрѣчается переимѣна славянскаго названія въ нѣмецкое (*villa olim dicta Nembuszone nunc vero Zabelsdorf* а. 1267). Славянское населеніе сохранилось дольше при устьяхъ Одры, при такъ назыв. *Frische Haff* (гесепъ шаге уже ок. половины XIII в.); здѣсь между Укермюнде и Полицами, островокъ въ губѣ варбеньской называется еще во второй половинѣ XIII в. по славянски *востровъ* (*insula quae sclavice Wosttro dicitur, 1252*), нын. *Werder*. Интересно, что нѣмецкое названіе *Uscamund*, т. е. устье Укры, встрѣчается уже въ первой половинѣ XIII вѣка (1222); но это былъ тогда просто переводъ составителя грамоты, равнымъ образомъ какъ столѣтія тому назадъ (1178 г.) это мѣсто называется по латински *introitus fluminis Uscensis*. Какое было славянское имя, неизвѣстно; можетъ быть Укра или Усть-Укрѣ (срв. Усть-Урьѣ, *Ust-Uire*, при впаденіи Оры или Уры въ Лабу). Окрестности устья Укры, въ землѣ роховской, были въ первой пол. XIII в. еще славянскія, какъ видно на пр. изъ названій урочищъ (1216 г.), мость Неклоншица (*Neklon-siza mozt*), Лысая Гора (*Liza gôga*), и пр.

4. Острова.

Узноимъ (*Usedom*). Изъ узноимской шляхты во второй половинѣ XII в. (1150—1200) извѣстны по именамъ: Острободъ, Гостиславъ, Повой (всѣ - кастеляны), Домаславъ. Съ 1200 г. до второй половины XIII в. Генрихъ (кастелянъ), позже (1224—28) называвшійся по своимъ имѣніямъ на островѣ, *de Chnez, de Bukowe*, оба его сына Іоаннъ и Добипа, Прибиславъ, Собѣборъ, братья Варбель и Ненадѣй, Хотимиръ Держличъ, Сулиславъ (каст.), Тѣшиславъ (воевода), Вышеславъ Вотиничъ, братья Жабикъ и Розваръ, Яковъ Жабочичъ, Михаилъ и Добромиръ *Coniquiz* (можетъ быть сыновья выше упомянутаго дыминскаго шляхтича *Chemeco-Камька*). Въ началѣ XIII в. въ числѣ землевладѣльцевъ на Узноимѣ, были и „Славяне“ *Васошевичъ* и *Злутевичъ* въ селѣ *Врещевичахъ*, *Радощъ Голѣбевичъ*, *Терникъ*, и *Вовитикъ* въ *Цервницѣ*; неизвѣстно, шляхтичи или поселяне ⁴⁾. Около половины XIII вѣка являются на Узноимѣ и нѣмецкіе шляхтичи, на пр. рыцари *Fridericus de Ram-*

⁴⁾ *Villa Vresteniz cum alia terra quorundam Sclavorum* (1178, 1194); *V. cum alia terra quorundam Sclavorum Vanzaseuiz et Sluteuiz* (1216); *heredes agrorum in loco Tsirkewist: Rados Golambewic, Tirnik, Wouitic* (1218).

stede, Rodolfus et Heinricus Munt, Gherardus Lepel, три брата de Suerin, Heinricus Luker и его сыновья Herbordus et Heinricus, рыцарь Richardus назвавшийся по лену Горкѣ de Gorke (1267 sqq.), и др. Подобно этимъ нѣмецкимъ шляхтичамъ и славянскіе стали принимать особые предикаты: сыновья выше упомянутого Вислава Вотинича, Милошъ и Вацекъ, стали называться изъ Узноима (de Uznam 1249); ихъ потомки переселились потомъ на Рану, и отъ нихъ происходитъ нынѣшній родъ von Usedom. Послѣ прекращенія рода Coniquiz его имѣнія достались каменско-колобрежскому Безправу; его сынъ Петръ сталъ называться изъ Камыка (Kameke). Потомки Жабика назывались еще во второй половинѣ XIII в. по славянски Жабиковичи (Barchil et Johannes fratres dicti Sabekëuiz, 1282); оба брата владѣли своимъ имѣніемъ сообща вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Городъ *Узноимъ* пожалованъ любецкимъ правомъ въ 1296 году.

Германизацию Узноима поддерживалъ премонстрат. монастырь, основанный послѣ 1150 г. въ *Гробъ*, позже перенесенный ближе къ городу Узноиму, и въ началѣ XIV в. въ Подъяглавы (Pudaglave Pudagla). Пожалованныя монастырю села носятъ всѣ — славянскіи названія, какъ и вообще почти всѣ села на островѣ до сихъ поръ, кромѣ очень немногихъ — *dorf*, — *hof*. На Узноимѣ имѣлъ также даргунскій монастырь три села (два села Гардець и Каршиборъ); и князь позволялъ поселять въ нихъ Нѣмцевъ и Славянъ (Teutonicos sive Sclavos, 1242). Около пол. XIII в. на островѣ появляются нѣмецкія названія урочищъ; уже въ 1246 г. одна гора носитъ двойное названіе, славянское Бѣлая гора (Belgor, Bealgor) и нѣмецкое переводное (Wittenberg); черезъ десять лѣтъ — сосѣднія деревья называются *hagenboken*. Протожъ, соединяющій узноимское озеро съ Пѣной, называется еще во второй половинѣ XIII в. по славянски: жерло, жредло (*ostium in vulgari Zrield*, 1267), позже, въ началѣ XIV в., уже по нѣмецки — *Kele* (1315). Во второй половинѣ XIII в. (1270) на такъ назыв. *Frische Haff* (*recens mare quod haf dicitur*) рыбаки употребляли суда, называемыя *vulgariter hafkane*; здѣсь платились *sauperpenninge*.

Какъ скоро забыли на островѣ время господства славянскаго элемента, видно тоже изъ нѣкоторыхъ подложныхъ грамотъ монастыря подъяглавскаго. Монахи, поддѣлывая въ концѣ XIV в. грамоты будто первой половины XIII в., называютъ въ нихъ наивно разныя урочища уже по нѣмецки, т. е. такъ какъ они назывались

въ концѣ XIV вѣка. Такъ на пр. они предполагали, что уже въ 1238—1244 гг. на Узномѣ находились: *via vulgariter Catzecowerwech, insula vulgariter eyn werder, antiqua domus—aldehusen, aqua—kele*; что здѣсь были *koten* (хаты), что употреблялись мѣра—*top* (связка) и сѣти—*grote garne*, что близъ Укермюнде былъ лѣсъ *Moppekebode* (встрѣчается только въ 1300 г.), и пр.

Отъ славянскихъ временъ уцѣлѣли и впоследствии рала (*uncsi, hakenhufen*), встрѣчающіяся подлѣ гуфъ (*mansi, landhufen*). Говорятъ, что жители такъ называемаго липскаго угла (*Lieper winkel*) сохранили до сихъ поръ нѣкоторыя славянскія особенности; мы ихъ ближе не знаемъ.

Волинь. Изъ волинской шляхты извѣстны—съ половины XII до пол. XIII вѣка—Недаміръ, Вацеславъ (каст.), Сулистригъ и Добеславъ (вѣроятно кастелины), Всемиръ, Убиславъ, Вышеславъ (каст.), Славекъ, Прибиславъ, и его сыновья Добеславъ и Тѣшиславъ (Теславъ 1277—79); послѣдній и его сыновья, Прибиславъ, и Ратиславъ, употребляли прозвище *Albus* (бѣлый) или—съ XIV вѣка—по нѣмецки *Witte*. Нѣмецкій городъ Волинь является ок. 1279 года; у города былъ еще въ XVI в. *викъ* рыбаковъ, можетъ быть первоначально славянскихъ ¹⁾. Географическія названія на Волинь до сихъ поръ почти всѣ славянскія; одно мѣсто при заливѣ (*Haff*), гдѣ могутъ безопасно стоять суда, называется до сихъ поръ *glambok* (т. е. глѣбокъ), то, что въ другихъ мѣстахъ *dier* (*tiefe*). Славянскія рала сохранились подлѣ гуфъ и на Волинь; и въ XVI в. встрѣчается въ одномъ селѣ слово *лиши*, въ смыслѣ сельскихъ хозяйствъ (*drei wirthe hissche* ²⁾).

5. Заodrянскія земли.

На правомъ берегу Одры, по Плонѣ и Инѣ, были земли *цетенская* (отошедшая впоследствии къ Новой Маркѣ), *банинская*, *витковская*, *колбаская*, *пыршикая*, *старгардская*.

Первое мѣсто между шляхтой этихъ странъ, занимали *Свѣтоторичи* (*Suantoboriz*), боковая линія поморскихъ князей. Оба Свѣтоторича Вартиславы, отецъ и сынъ, были въ концѣ XII и въ началѣ XIII в. кастелянами въ Щетинѣ; Варооломей, Свѣтоторъ и

¹⁾ *Vicus piscatorius quem incolae wick appellant.* (Bugenhagen: Pomerania 21).

²⁾ *Raumer: Die insel Wollin und das seebad Misdroy, eine histor. skizze* (Berlin 1851).

Казиміръ (васт. колобрежскій до 1255 г.), жили въ теченіи первой половины и до второй половины XIII вѣка. Имѣнія Свѣтоборичей лежали преимущественно около монастыря колбаскаго. Остальная шляхта до 1235 г. почти исключительно славянская. Извѣстны именно Славотѣхъ, Гостиславъ (оба изъ Цетня), Walterus, владѣлецъ села Брода у Пырицы (1186), Павелъ и его сыновья Войславъ, Унимка, Прибинка, Лаврентій (старгардскіе); Барниславъ, Вогардъ, Свойтинъ, Войтѣхъ, Притѣхъ (Wocesek, Pricesk), Тѣши-міръ Прибовичъ (filius Pribonis), Николай Предборовичъ, Честиславъ Унимичъ, Надѣй, Доброгость, Славиборъ, Хотиміръ, Безмѣстъ (Bismast), и два члена рода назвавшіеся по селу „изъ Ришова“ — Петръ и Николай Приборичъ (1220—1227). Ок. 1234 г. въ земляхъ банинской и старгардской жили шляхтичи Барниславъ и Свойтинъ, сыновья Свойтина, Яковъ, Вацеславъ, Гостиславъ, Симеонъ, Мирославъ, Николай, Ярогнѣвъ, Lenardus, рыцарь Mattheus de Grindiz (Градце, село у медуйскаго озера, срв. польск. Grędzice). Былъ-ли послѣдній, равнымъ образомъ какъ и выше приведенный Вальтеръ, — Нѣмцы, нельзя рѣшить. Съ 1235 г. славянскіе шляхтичи въ тѣхъ странахъ упоминаются рѣдко; такъ Приборъ и Свѣтошъ, владѣльцы четырехъ селъ около Пырицы (1240). Въмѣсто нихъ являются шляхтичи нѣмецкіе, называющіеся либо по прежнимъ, либо по вновь приобрѣтеннымъ жилищамъ; были здѣсь члены родовъ Ramstede, Pyritz, Welewanz, Clest, Osten, Jerichow, Regedantz, Blankenburg, Gransoye, Koten, Riden, Hindenburg, Wederinge, Misner, Bavarus, Massow, Luchte, и др.

Нѣмецкіе города (по праву магдебург.) въ этихъ странахъ стали возникать около половины XIII вѣка, по большей части на мѣстѣ старыхъ городовъ славянскихъ. Возникли здѣсь города *Дѣбъ* (Damm), *Грейфенгагенъ* (устройство поручено Рудольфу изъ Белекова и его сыновьямъ Рудольфу и Герарду), *Ванингъ* (Bahn), *Пырица*, *Старгардъ*, потомъ *Голноу* (Golnow), *Машовъ*, *Витковъ* (Fiddichow). О Славянахъ въ этихъ городахъ знаемъ мало. Въ Грейфенгагенѣ жили Славяне въ предмѣстьѣ (wyk) еще въ началѣ XIV вѣка (1309), и въ Витковѣ—въ хвѣ—въ половинѣ XIV вѣка (de Wende up dem kuese); въ Витковѣ имъ позволено было пользоваться дровами въ сосѣднихъ лѣсахъ; память о нихъ сохранила до XVII вѣка одна роща у города (ein holzlein, die Wendenberge genandt, 1545—1609). Въ Дѣбѣ былъ въ началѣ XIV вѣка „старый виць“ (antiquus vicus), можетъ быть заселенный Славянами.

Нѣмецкую колонизацію этихъ странъ поддерживало духовенство. Въ земляхъ цетенской и пырицкой были ок. 1240 г. пустыя села, колонизація которыхъ имѣлась въ виду (*villae longo tempore desertae, quae de novo excoltae fuerint a colonis*). Въ цетенской землѣ получилъ поземельный участокъ бранденбургскій монастырь *ленинскій* (1248), который здѣсь позже основалъ Godekendorp и Woltop (упоин. 1270 г.). Въ пожалованной въ 1234 г. *Тамплиерамъ* землѣ банинской встрѣчаются уже тогда урочища, называемыя по нѣмецки, напр. мостъ *Zichelesbrukke*, лѣсъ—*bochwalt*, мѣсто—*siluerenmos*, дорога—*lotstich, stenwer*. Видно, что уже тогда происходила въ этой землѣ нѣмецкая колонизація; землевладѣльцы (*heredes dictae terrae et villarum in ea sitarum*) однако носятъ почти всѣ еще простыя славянскія имена, Барниславъ, Свойтинъ, Влацеславъ, Гостиславъ, Яргнѣвъ, Symon, Jacobus, Nicolaus, Lenardus. Тамплиеры приобрѣли имѣнія также въ сосѣднихъ земляхъ хиничской и (поздн.) кѣнигсбергской; въ первой—село Даргомьшль по праву нѣмецкому (*cum jure teutonicali*, 1234), въ другой—*Königkesberge* и *Nahusen* (1244). Въ этихъ странахъ около Кѣнигсберга основанъ женскій монастырь *Sconenbeke* (*Schönbeck*), который приобрѣлъ (1248) отъ епископа каменскаго известные доходы изъ селъ Рожнова (*Rosnowe*), *Vrowenmarkt*, *Sconenvlete*, *Sconenvelde*. Старгардъ съ двѣнадцатью селами—называемыми по славянски—пожалованъ *Иоаннитамъ* (1229), съ правомъ заселить ихъ по нѣмецкому праву (*ut possint hospites qualescunque jure teutonicali in omnibus villis suis collocare*). Около этого времени (1233) Иоанниты получили отъ польскаго князя Владислава земли между Иной и Дравой, съ правомъ заселять ихъ Нѣвцами по нѣмецкому праву (*locandi Teutonicos jure teutonico*).

Нѣмецкую колонизацію по рѣвамъ Плонѣ и Инѣ поддерживалъ особенно цистерц. монастырь *колбасскій* ¹⁾, основанный въ 1173 г. Вартиславомъ Свѣтоборичемъ на рѣвѣ Плонѣ между озерами медуйскимъ и дѣбскимъ, въ колбасской землѣ. Первые монахи были Датчане, потомъ Нѣмцы. Уже въ годъ основанія монастыря въ числѣ пожалованныхъ ему селъ упоминается одно „село нѣмецкое“ (*villa Theutunicorum*), которое впоследствии называется Кругъ (*villa Theutonicorum quae Chrogh dicitur* 1242); одновременно съ этимъ

¹⁾ Colbaz; Колбась или Колбасы. Срв. польск. мѣста *Kiełbasa, Kiełbaska, Kiełbaski*, у Словаковъ *Klobásov* (по мадыарск. *Kolbászo*).

село упоминается и село Schoneuelt (1179—1181), которое однако носило—еще въ началѣ XIII вѣка—и другое, славянское названіе Обрыта (Obrita, Wobrita, срв. польск. Obrute, чеш. Obrit'). Но другія пожалованныя монастырю села и окрестныя урочища—всѣ носятъ славянскія названія до самой половины XIII вѣка, и славянскія формы этихъ названій проглядываютъ въ латинскихъ грамотахъ почти до половины XIII вѣка, напр. *monticuli Suineromogula* (на Инѣ 1233 г.), *monticuli Brodegore*, *mons Wolsigore*, *fagetum Borimske*, *niger fluvius qui dicitur Ziarna Ztrug* (ок. 1242 г.), и пр. Колонизація монастырскихъ имѣній началась рано; уже въ 1176 г. князь Казиміръ, жалуетъ монастырю село Прилѣпъ, имѣеть въ виду его колонизацію (*colonos quotcumque ibi posuerint*). Жители монастырскихъ селъ жили—смотря по своему происхожденію—по праву славянскому или по праву нѣмецкому; послѣднее было въ употребленіи также въ нѣкоторыхъ селахъ съ славянскими названіями, именно въ тѣхъ, въ которыхъ встрѣчаются шульцы (1242 г. *Simon scultetus de Woltyn*, *Theodericus s. de Broda*, *Thomas s. de Croch*, и такъ вѣроятно и *Hinricus de Gardna*, *Michael de Cleboh*, *Baldewinus de Cilizlaf*). Уже около этого времени нѣкоторыя села являются раздѣленными на два, одно вѣроятно славянское, а другое нѣмецкое; такъ въ 1240 г. были *utraque villa Smirdeniz*, *utraque villa Cilizlawe*; село Schoneuelt (Schönfeld) раздѣлилось на *Gross-Sch.* и *Klein-Sch.* (послѣднее, можетъ быть, тождественно съ упоминаемымъ въ 1234 г. *Kicowe*); въ предѣлахъ села Смердницы основано село *Bucholt* (*in cujus villae terminis sita est villa B.*, 1274), а названіе Смердница уступило потомъ нѣмецкому *Molenbeke*.

Наконецъ, чтобъ освободить монастырскихъ подданныхъ (*homines et colonos*) отъ разныхъ притязаній княжескихъ чиновниковъ, князь Барнимъ порѣшилъ (1247 г.) пожаловать и славянскимъ подданнымъ навсегда право нѣмецкое (*Slavis eorum jus teuthonicum in perpetuum dare*). Черезъ нѣсколько лѣтъ (1254) монастырскіе подданные, Нѣмцы и Славяне (*Teutonici Sclavique*), освобождены отъ известной подати (*denarii qui vulgariter pantpennink dicuntur*). Въ монастырскія имѣнія переселялись Славяне изъ княжескихъ и шляхетскихъ селъ въ теченіи второй половины XIII вѣка; князь Барнимъ освободилъ (1272) такихъ, въ монастырскихъ имѣніяхъ жившихъ Славянъ, отъ разныхъ земскихъ повинностей (*ut Slavi in dominio nostro constituti sive in nostris sive in vasallorum nostrorum*

villis manentes, si ad abbatem et conventum causa manendi in villis eorum transferre se voluerint, liberi sint etc.), такъ что съ нихъ нельзя было взыскивать ничего, кромѣ того, что постановляетъ общее *славянское право* земское (nulli cuiquam aliquid servicii aut emolumenti debentes ultra communem omnium Slavorum in terra nostra manentium justitiam). Это уравненіе Нѣмцевъ и Славянъ въ ихъ правахъ содѣйствовало со временемъ полному онѣмеченію монастырскихъ имѣній. Дольше сохранились Славяне въ нѣкоторыхъ особыхъ „славянскихъ“ селеніяхъ, напр. въ „славянскомъ селѣ“ у Шёнвердера и Сѣдова (curia monachorum de Colbatz cum villa slavicali adjacente, 1278), и въ Славянскомъ Мельнѣ (Slavicalis Melne), которое такъ называется еще въ половинѣ XIV вѣка (1345). Въ теченіи второй половины XIII вѣка на монастырскихъ земляхъ, между Колбасомъ и Пприцей, построено много новыхъ селъ, названныхъ по нѣмцамъ (—hagen, —dorp, —berch, —wolde, —werder); ок. 1282 г. въ числѣ 48-и монастырскихъ селъ было 12 съ такими нѣмецкими названіями. Но нѣмецкія названія придавались также нѣкоторымъ уже существовавшимъ селамъ съ славянскими названіями. Выше сказано, что еще въ началѣ XIII вѣка село Schonepelt называлось по славянски Обрыта; послѣднее названіе однако скоро исчезаетъ. Другія такія измѣненія имѣлись въ виду уже въ первой половинѣ XIII вѣка, и епископъ каменскій Конрадъ, жалую монастырю свои десятины изъ монастырскихъ селъ (1235), прямо указываетъ не только на предстоящую новую колонизацію въ монастырскихъ имѣніяхъ, но и на измѣненіе названій существовавшихъ тогда селъ (si dictas possessiones quandocunque aliis nominibus olim vel novis de futuro fortassis appellari contigerit, vel in silvis possessionibus antedictis attinentibus villae de novo aedificatae fuerint cum novis vocabulis). Это дѣйствительно и случилось. Уже около этого времени замѣтна постепенная замѣна нѣкоторыхъ славянскихъ названій нѣмецкими; послѣднія, послѣ нѣкоторой борьбы, наконецъ прибрѣтаютъ исключительное господство. Съ половины XIII вѣка село Черновъ принимаетъ названіе Nienmarkt (N. quae antea vocabulum habuit Curnowe 1255, Curnowe quae nunc N. dicitur 1295—1313), село Хабово — названіе Valkenberg (1255, Cabowe quae nunc V. dicitur 1274), Себеразъ—Woltersdorp (еще 1243 locus slavico vocabulo Zibberose nuncupatur, a 1249—1313 Zibberose quae nunc W. dicitur), Смердница — Molenbeke (Smirdeniz quae

nunc M. dicitur 1295—1313), Парсовъ—Wardenberg (1274) и пр. ¹⁾ Остальныя славянскія названія, разумѣется, значительно искажены; такъ напр. ок. 1242 г. названіе Чарной струги передано хорошо: niger fluvius qui dicitur Ziarna Ztrug; но черезъ сорокъ лѣтъ (1282) уже искажено n. g. q. d. Zuarnaztrow. Интересно, что еще въ началѣ XIV вѣка колбаскіе монахи помнили нѣкоторыя старинныя славянскія названія; вромѣ названій приведенныхъ селъ, сохранилось тогда и славянское названіе одного рва „вѣжій доль“ т. е. доль змѣй (ужей) (польск. węży dol), которое переведено по нѣмецки wormgrave т. е. wurmgraben (fossatum Yenzidulgh, Yenzidol, quod vulgo Wormgraue dicitur, въ двухъ подложныхъ грамотахъ ок. 1323 г.).

Въ старгардской землѣ между Иной и Плоной, гдѣ въ 1240—1248 гг. владѣлъ епископъ каменскій, географическія названія еще въ половинѣ XIII вѣка остаются почти исключительно славянскія; по славянски называются села, рѣки (между ними одна Суха рѣка—Zuchagesha), озера, болота, лѣса и пр.; нѣмецкія названія имѣютъ одно только село (Seuelde) и болото (Mosbrock), благодаря вѣроятно колонизаціи епископа и старгардской шляхты, въ числѣ которой уже тогда были рыцари и князья Fred. de Osten dictus de Woldenborch, Bolte dictus Block, Hinricus de Jerichow, Burchardus et Ludewicus fratres dicti Regedantz, и др. Въ 1248 г. основанъ въ старгардской землѣ цистерц. женскій монастырь *Мариенфлисъ* (apud rivulum S. Mariae), и подданные его (homines et coloni) освобождены отъ разныхъ земскихъ повинностей, и подчинены суду монастырскихъ фогтовъ и шульцовъ (advocatorum et scultetorum); они, слѣдовательно, пользовались нѣмецкимъ правомъ.

На сѣверѣ отъ старгардской земли находились мало заселенныя земли, позже, во второй половинѣ XIII вѣка, названныя *голиножская, машовская и новгардская*. Голиногъ ²⁾ еще до второй половины XIII вѣка была пустыня (solitudo, desertum, 1255). Въ 1268 г. Голиногъ называется еще новымъ городомъ (по магдебург. праву); старинное славянское названіе желали тогда переимѣнить въ нѣмецкое (novella civitas Gollenog, quae nunc Vredeheyde appellatur), которое однако не привилось; осталось славянское Golnow. *Новгардъ*

¹⁾ Встрѣчается также замѣна славянскаго названія другимъ славянскимъ (Niznaw quae nunc Belcow dicitur 1274—1313).

²⁾ Древнѣйшая форма Golinog (1220 г.), потомъ Golnowe (1248). Срв. польск. Gołonóg.

(castrum et oppidum) съ 700 гуфъ далѣ епископъ Германъ своему дядѣ Отгону de Everstein (1274). Нѣкоторыя славянскія названія урочищъ удѣляли—подлѣ нѣмецкихъ—еще до второй половины XIII, да отчасти до начала XIV вѣка. Такъ напр. между Дѣбомъ (Dam) и Голиногомъ былъ лѣсъ называемый Бяжъ дѣброва (nemus quod vulgariter Spasidamberowe vocatur, 1283), часть степи Запчій лугъ (merica Sagenzghelugh 1299—1324); другая дубрава у Голиного называлась уже по нѣмцу (quercina quae teutonice eckfir dicitur, 1268). На границѣ земель гольновской, машовской, новгардской и старгардской былъ ок. 1269 г. камень мостъ (samemust, sammemust), Сухава рѣка (Zuschauigeka), болота Премьскія и Бѣлня (Premuzekeblita, Bialeblita), Крижанскія лѣки (Crisanskelanken), и пр. Память Славянъ въ тѣхъ странахъ, именно около Пырицы, сохранили малыя гуфы (ст. рала), по которымъ взималась подать еще въ XVII вѣкѣ, и которыя замѣнены обыкновенными гуфами (landhufen) только въ началѣ XVIII вѣка.

6. Приморскія земли.

По морю лежали земли *каменская, требетовская, колобрежская, кушаминская*; за ними же выше упомянутая *Кашубія*.

Изъ шляхты земель каменской и требетовской извѣстны до 1200 года: Завиша (каст. кам.), Унима Жарнославичъ (каст. кам.), Чеславъ, Вышеславъ, Скарбишъ (каст. треб.), Барсъ, Творишъ, Завиша (всѣ трое кастеляны колобр.). Въ XIII вѣкѣ: Варгина (каст. кам.), Честиславъ и его родъ Честиславичи въ Камнѣ (heredes qui vocantur Zetizlaucici), именно сынъ Честислава Стойславъ (каст. кам. еще 1242 г.); Яковъ (стольникъ кам.), Иоаннъ Нантвовичъ, Собѣмыслъ, Прибиславъ, Янигъ, Войтѣхъ (Woyseh, Albertus), Бартошъ, Прибиславъ (праотецъ выше упомянутаго рода Albus—Witte), Вышекъ, Домаславъ. Кастеляны колобрежскіе: Добеславъ, Чернигъ, Боргъ и Казиміръ Свѣтоборичъ, эти два — послѣдніе кастеляны (до 1255 г.); Здиславъ (воевода), Всемиръ, Чеславъ, Стойславъ, Сѣда, Вѣцекъ, Военъ, Славоміръ, Вышекъ, Томекъ, Свѣтошъ, Добеславъ (de Wotuch, вѣроятно праотецъ рода Woedtke), Домаславъ, Безправъ (вѣроятно праотецъ родовъ Камыковъ - Камеке и Бонинновъ ¹⁾), братья Радоміръ, Гнѣвоміръ и Тѣшиславъ изъ Коморова,

¹⁾ Это имя было извѣстно и у другихъ Славянъ, на прим. у Водричей (шляхтичъ Б.), и у Чеховъ, какъ видно изъ названія мѣста Bezpravovice.

братья Чижигъ и Тѣшимиръ, Тѣшиславъ и его сынъ Верхута, Павелъ сынъ Бартоша, Бориславъ; Добешичи Гостиславъ и Гнѣвомиръ (внуки узноимскаго кастеляна Генриха); одинъ сынъ Гнѣвомира назывался еще Начемиръ Добешичъ (ок. 1300 г.), а правнукъ принялъ имя Начемиръ какъ фамилію (Johannes dictus Natzemer 1330). Нѣмецкіе дворяне встрѣчаются въ этихъ странахъ очень поздно, рыцарь Johannes Cule въ 1264 г., позже роды Bevenhusen, Everstein, Thuring, Hane, Ketelhut, Wolde, Rode (Rufus) и др.

Въ теченіи второй половины XIII вѣка славянская шляхта все больше и больше германизовалась, такъ что „Славянинъ“ въ ихъ рядахъ становился какою-то рѣдкостью; такъ на пр. въ концѣ XIII вѣка (1296 г.) владѣлецъ села Баца (Bast между Колобругомъ и Кушалиномъ) Милота, сынъ Радоши, прямо называется „Славяниномъ“ (quidam Slavus nomine Milota filius Radossu). Въ началѣ же XIV вѣка (1301 г.) Камыки называютъ уже нѣмецкій языкъ—своимъ (quod in nostra idiomatis lingua *vorlanden* appellatur). На славянское происхожденіе Воиновъ, Камыковъ и другихъ родовъ указываютъ впоследствии лишь славянскія имена, на пр. (1315—1336 гг.) de Bonup Tesmarus et Swantus, de Kamik Tessen et Swantus, de Strachemyn Byspraus et Swantus et Tessen, de Necene Thezlaus, и др.

Нѣмецкіе города по праву любецкому въ приморскихъ земляхъ возникли—на мѣстѣ старинныхъ славянскихъ городовъ—въ теченіи второй половины XIII вѣка, *Колобругъ* или *Колобергъ*, *Камень*, *Требетовъ* (на Рѣкѣ), *Плате*, *Грейфенбергъ*, *Кошалинъ* или *Кушалинъ*, *Бьмардъ*. Первый устроенный по нѣмецкіи городъ—это старинный *Колобергъ*¹⁾. Въ 1255 г. князь Варτισлавъ и епископъ каменскій Германъ подарили городъ Нѣмцамъ по праву любецкому (civitatem nostram Gholberch Theutonicis jure lubecensi donavimus), какъ оно было въ употребленіи въ Грейфсвальдѣ. Первые мѣщане прибыли сюда изъ разныхъ странъ, изъ Любека, Виттенбурга, Гюйна, Вербна, Дортмунда, Узермюнде, Волыня, и пр. (1255—1260). Въ ихъ ряды вошли и нѣкоторые знатные Славяне, какъ видно изъ названий двухъ мѣщанъ перваго десятилѣтія существованія города: Nu-

¹⁾ Т. е. городъ построенный *около берега*. Въ стар. памятникахъ Cholberg, Choleberch, Coluberch, Colbiarg, также Colubrech, Colubriech. Изъ этого видно, что поморскіе Славяне говорили уже въ XII вѣкѣ *бергъ* и *бретъ*. Объ исторіи Колоберга срв. Riemann: Gesch. d. stad̄ Colberg (Colberg 1873).

nestin Nastawiz (Naslawiz, срв. польск. Nasławice), Henricus filius Juttae, который употреблялъ также славянское отчество Henricus Juttiz. Но позже въ Колобергѣ мѣщане славянскаго происхожденія уже не упоминаются; жили здѣсь только презрѣнные остатки славянскаго населенія того мѣста, въ особой отдаленной улицѣ близъ лобнаго мѣста, въ улицѣ „славянской“ (platea Slavorum, до сихъ поръ Wenden-strasse), равнымъ образомъ какъ жили здѣсь и Жиды въ особой улицѣ жидовской. Кромѣ того Славяне жили еще въ другомъ мѣстѣ у Колоберга (locus Rosglem — habitatio Slavorum, 1300). Но и въ этой славянской улицѣ Славяне скоро исчезаютъ, и ихъ земли покупаютъ Нѣмцы (Slavus vendidit agrum а. 1303, 1313, записано въ городской книгѣ), такъ что во второй половинѣ XIV вѣка жители „славянской улицы“ всѣ уже Нѣмцы или носятъ нѣмецкiя названiя. *Кошалитъ* ¹⁾ пожалованъ нѣмецкимъ правомъ въ 1266 г. Епископъ каменскiй передалъ его тогда Мареварту и Герману „ad possidendam“, т. е. для нѣмецкой колонизацiи. *Грейфенбергъ* является городомъ 1262 г., *Требетовъ* 1277 г. (possessio civitatis T. cum Teutonicis et jure teutonicali), *Камень* 1274 г., и мѣщане пожалованы поземельной собственностью, которая принадлежала городу еще во времена Славянъ (Slavorum tempore), *Плате* основанъ 1277 г. Добеславомъ изъ Вотова (Wotuch), *Бьмардъ* 1299 г. О Славянахъ въ этихъ городахъ не знаемъ ничего. Исключенiе Славянъ изъ цеховъ господствовало по всей вѣроятности и во всѣхъ этихъ городахъ. Въ *Колобертѣ* въ 1539 г. дума подтвердила цехамъ ихъ старинный обычай, по которому они не позволяли ни одному Славянину вступить въ цехъ, и ни одного славянскаго ученика не брать въ ученiе; а въ 1562 г. постановляютъ волобрежскiе кузнецы, что кузнецъ не долженъ быть славянскаго происхожденiя (nicht wendischer art u. zunge).

Нѣмецкую колонизацiю этихъ приморскихъ земель поддерживалъ, кромѣ свѣтскихъ вельможъ, епископъ каменскiй и премонтратскiй *монастырь* у Требетова. Послѣднiй основанъ ок. 1180 г. и занятъ монахами изъ Данiи; монастырю пожаловано одинадцать селъ, впрочемъ по большей части пустыхъ (incultae); только одно, *Глбинъ*, было воздѣлано (quae sola culta est). Монахи однако скоро разошлись, и монастырь возобновленъ только въ началѣ XIII в.

¹⁾ Cossalitz villa (1212), позже Cussalin (1266), нын. Cöslin, у Кашубовъ Кошалено. И въ Вагринъ была Кушалина (Cuzalina).

(1208 г.), и занять монахами изъ Фрисланда. Монастырь основанъ въ *Бѣлбогѣ* ¹⁾, переименованномъ въ „городъ св. Петра“ (locus quondam Belbus, nunc sancti Petri castrum dictus). Позже основанъ вблизи другой, женскій монастырь. И тогда еще изъ пожалованныхъ бѣлбожскому монастырю одиннадцати селъ только одно село Гѣбинъ было заселено и воздѣлано. Но остальные села скоро заселились. Монастырь въ своихъ имѣнiяхъ, лежавшихъ въ очень плодородной странѣ, „текущей медомъ и млекоомъ“ — какъ выражались тогда библейскимъ языкомъ — производилъ нѣмецкую колонизацію. Такъ напр. пожалованное монастырю село Кошаличи (Cossalitz, позже городъ Cussalin) князь Богуславъ позволяетъ заселить иностранцами (quoscunque homines non pertinentes ad dominium nostrum vel fratris nostri Kazimari, ad eandam villam indukerit possidendam, 1214); подобная этому колонизація имѣлась въ виду въ пожалованномъ монастырю селѣ Карвовѣ на Рѣкѣ (cum villa possessa fuerit seu locata a colonis, 1255). Монастырь давалъ свои имѣнiя и въ ленъ окрестнымъ шляхтичамъ, Нѣмцамъ или овѣмеченнымъ Славянамъ ²⁾.

Такая же нѣмецкая колонизація происходила въ этихъ земляхъ въ теченiи всего XIII вѣка. Еще во второй его половинѣ (1273 г.), въ виду колонизаціи пустыхъ участковъ (deserta) каменской земли, заключенъ между княземъ и епископомъ и капитулами каменскимъ и колобрежскимъ, договоръ относительно уступленныхъ князю десятиныхъ въ селахъ земель каменской и колобрежской. По этому договору нѣмецкіе жители вновь строящихся селъ, какого бы ни были сословія, рыцари, кнапы или поселане (theutonici incolae villarum cujuscunque fuerint condicionis, milites, armigeri sive coloni)

¹⁾ Belbus, Belbuk, Belbuch, Belbug, Belbog, Belboch, Bealbug. Это любопытное названіе встрѣчается и въ Чехiи (Бѣлбожице) и въ Лужицѣ (гора Бѣлбогъ подлѣ горы Чернобогъ, т. е. если названiя этихъ горъ не новѣйшаго происхожденiя).

²⁾ Вотъ наприм. васалы бѣлбожскаго монастыря 1282—1339 гг.: Wulphard Caghe, Wildekin de Belicow, Wilhelm de Jerichow, Gerhard de Levisow, Thitbold de Broitze, Bernhard Gurickow, Siegfried de Levisow, Radatz, Thidrich et Conrad de Streckentin, Conrad de Treptow, Joh. de Broitze, Wildekin et Sabell de Gumtow, Ganskin de Cirkewitze, Gerhard de Gützelvitz, Heinrich et Henning de Wacholt, Conrad de Mandüuel, и др. — На значительную колонизацію нѣмецкую въ бѣлбожскихъ имѣнiяхъ указываетъ и то, что въ XVI вѣкѣ встрѣчаются здѣсь только такъ назыв. hegerhufen и landhufen, а уже не hakenhufen (славянск. рала).

должны были платить — при посредствѣ шульцовъ — каменскому епископу и капитулу известную сумму съ каждой гуфы (*de quolibet manso culto sive inculto per villarum villicos*). Въ селахъ, въ которыхъ капитуламъ принадлежали полныя десятины, было иначе. Если тамошніе владѣльцы желали заселять свои земли Нѣмцами, то они должны были брать для этого по крайней мѣрѣ двѣ трети Нѣмцевъ (*si qui villas habentes volentes eas cum Teutonicis possidere, quas ad minimum partes Teutonicorum, si plures haberi non poterint, in locacione habebunt*); но не смотря на это, владѣлецъ получалъ въ ленъ изъ десятинъ только половину, а не двѣ трети. Наконецъ о десятинахъ сель, которыя были бы заселены Славянами (*de decimis villarum quae cum Slavis fuerint possessae*), постановлено, что съ cadaго рала (*de unco*) епископу и капитуламъ слѣдуетъ по шести динариевъ и по одному солиду. И такъ видимъ, что еще во второй половинѣ XIII в. въ землѣ каменской были нѣмецкія и славянскія селенія, отличавшіяся другъ отъ друга своимъ устройствомъ. Собственно славянское названіе тогда не указывало уже на славянское населеніе; такъ напр. въ селѣ Башѣ (между Колобредомъ и Кошалиномъ), въ которомъ жилъ вышеупомянутый Славанинъ Милота Радошевичъ, болото называлось уже по нѣмецки — *moer* (*palus quae vulgo moer dicitur, 1288*).

Подобныя этому отношенія были также въ такъ называемой *Кашуби*, т. е. въ земляхъ бѣлгардской, словенской и столпской, которыя, какъ уже выше сказано, достались поморскимъ князьямъ окончательно только въ началѣ XIV вѣка. Въ землѣ словенской княжилъ нѣкоторое время и ранскій князь Виславъ (1270—77); память о ранскомъ владѣствѣ сохранилась въ названіи города *Rügenwalde* (*Ruyenwalde*), основаннаго около стараго славянскаго города Дерлова (1270). Въ окрестностяхъ этого города основанъ княземъ Святополкомъ (1248 г.) цистерц. монастырь въ *Буковѣ*, и переданъ монахамъ даргунскимъ. Монахамъ дозволено князьями Святополкомъ, Барнимомъ и Вартиславомъ, заселять имѣнія Нѣмцами, Славянами и Датчанами, которые могли жить всякій по своему обычаю (*collocare Theutonicos, Slavos seu cujuscunque gentis homines 1252 г., collocare Teutonicos, Danos, Slavos vel cujuscunque gentis homines, tabernam habere more gentis teutonicae vel Slavorum, 1253 года*). Это право свободной колонизаціи жаловалось и впоследствии; такъ напримѣръ князь Виславъ, жалуетъ монастырю село Словинъ (1270 г.), освобождаетъ будущихъ его

жителей отъ разныхъ земскихъ повинностей (*homines quos in dictis bonis locaverint*). Буковскіе монахи воспользовались этимъ, и вводили въ пожалованныя имъ села нѣмецкихъ колонистовъ и нѣмецкіе порядки. Всѣ монастырскія села носятъ славянскія названія ¹⁾). Если князь Виславъ, жалую монастырю село Парпарино, говоритъ, „которое называется такъ на славянскомъ языкѣ“ (*villa quae lingua slavicali P. dicitur 1271*), то это понятно: князь, наравнѣ съ монахами не считалъ себя уже Славяниномъ. Въ монастырскихъ селахъ встрѣчаемъ шульцовъ (напр. *villicus in Bobelin 1296*), и гуфы (*mansi*); однако рядомъ съ гуфами встрѣчаемъ въ тамошнихъ селахъ еще древнеславянскія рала; такъ именно въ селахъ Нѣмцахъ (*Nemitz*), Бартолинѣ, *Solchowe*, *Lechowe*, *Borghowe*, *Sugacowe*, *Cusitz*, *Pankonin*; жители должны были платить священнику въ Нѣмцахъ съ каждаго рала по два корца ржи и овса (*de quolibet unco duas mensuras quae porhowe (sic) dicuntur slavice, 1267*) ²⁾). Нѣкоторыя урочища въ окрестностяхъ Букова носятъ еще въ началѣ XIV вѣка (1306) славянскія названія: рѣчки Воллова струга и Грабова струга (*Wolowastrugo, Grabowastrugo*), гора Ястребова, которая однако имѣла также нѣмецкое названіе *Hauekesberch (mons qui dicitur Jastremowa gora sive H.)*, и пр.

О земляхъ на верхней Персантѣ, Рѣкѣ и Дравѣ, знаемъ мало. *Бьмардская* земля еще въ началѣ XIV вѣка была мало заселена. Въ странахъ на верхней Дравѣ пожалованы въ 1254 г. бѣлбожскому монастырю земли, раздѣленныя на нѣмецкія гуфы (*mansi teutonicales*). Урочища однако называются по славянски: болота Ресница (*paludes Resnitzta blota*), Словино, каменный холмъ называемый по славянски дупная могила (*mons lapideus dupna muggula slavicali more sic nominatus*), и пр.

¹⁾ По подтвердительной грамотѣ 1277 г. монастырю принадлежали: *villae Bobolin, Poretz, Pomelowe, Bonsowe, Peristowe, Guritz, Pankomin, Damerowe, Carnsvitz, Pappart, Malchowe*; *loca villarum Wuch, Slouin, Pintzmechowe, Glesenowe, Bolechowe*; *patronatus ecclesiae in Nemitz cum 4 mansis et decima, et cum decima villae Bartholin.*

²⁾ Въ другихъ грамотахъ (1250, 1277) въ Нѣмцахъ приводятся *mansi*; не знаемъ, значить-ли здѣсь *mansi* вообще великую гуфу, или можно здѣсь различать *mansi* и *unco*. Слово *porhowe* вѣроятно опечатка Дрегеря, вмѣсто *sortzowe*, и едва-ли тождественно съ приводимымъ у Дрегеря *porrump*, т. е. подать хлѣбомъ около Столпа въ XVIII вѣкѣ.

Съ XIV вѣка Славяне въ Поморьѣ исчезаютъ; жалкіе остатки ихъ доживали свое время въ нѣкоторыхъ хизахъ, викахъ и селахъ. Это постепенное исчезаніе Славянъ въ Поморьѣ мы прослѣдили, на сколько возможно, до конца XIII вѣва; дальше за нимъ слѣдить не позволяетъ намъ недостатокъ извѣстій изъ позднѣйшихъ временъ.

Память Славянъ въ древней землѣ лютичско-поморской сохранили лишь географическія названія, древности, нѣсколько словъ и кое-гдѣ такъ называемая *hakenhufe*, т. е. славянское рало. Интересно, что національный дуализмъ нынѣшняго населенія Помераніи, коренныхъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Славянъ, проявился между прочимъ и въ народной философіи. Съ одной стороны простой Померанецъ называетъ презираемыхъ имъ чужеземцевъ „*Un-düdsche*“ т. е. Не-Нѣмцы, и словомъ „*uekerwendsk*“ (т. е. укро-славянскій) означаетъ странныя, непонятныя для него слова. Съ другой стороны въ Помераніи придумали для *дьявола* странное прозвище „*Düdscher—Нѣмецъ*“, говоря—въ родѣ русскаго „чортъ тебя возьми“ — „Нѣмецъ тебя возьми — *Di schall de Düdscher up den kopp faren! Dat di de Düdscher!*“¹⁾.

Остатки поморскихъ Славянъ сохранились только въ сѣверо-восточномъ углу Поморья, въ такъ называемой Кашубіи, на границѣ польскаго Поморья или, какъ оно позже называлось, королевской Пруссіи (нын. *West-Preussen*). Въ началѣ XVI вѣва—по свидѣтельствамъ поморскихъ историковъ того времени, *Буецагена* и *Камцова*—эти остатки Славянъ (*Slavi, Wende und Caszuben*) жили въ заднемъ Поморьѣ по селамъ, замкнутые, недоувѣрчивые къ Нѣмцамъ, которые насмѣхались надъ ними, презирали ихъ, и изъ названія Славянинъ сдѣлали бранное слово (*itzund ist des Wenden nahme u. geschlecht bey uns so verachtet, dasz man einen zum schimpfe einen Wend oder Slafen nennet*). Противъ такого презрѣнія Славянъ со стороны Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Славянъ вооружаются оба названные нами историка, говоря, что не слѣдуетъ

¹⁾ Dähnert: *Plattdeutsches wörterbuch nach der alten u. neuen pommer. u. rügischen mundart* (Stralsund 1781): «*Düdscher — Deutscher, ein versteckter namen des teufels*». Въ сожальнію авторъ не говоритъ, гдѣ именно онъ слышалъ такіа слова. Тоже самое явленіе встрѣчается и въ Гольштейнѣ (см. выше стр. 128, и срв. 109). — Известно, что и польскіе простолюдины представляютъ себя чорта въ *нѣмецкомъ* платьѣ.

стыдиться своего происхожденія отъ Славянъ, которые основали столько государствъ, Чехію, Польшу, Русь, Сербію и др.; скорѣе надо этихъ Славянъ уважать какъ остатки своего племени (*potius ut nostrorum reliquias veneraremur*)¹⁾.

Эти остатки Славянъ сохранились въ нынѣшней Помераніи до сихъ поръ, числомъ ок. 3,000 душъ. Они живутъ въ округахъ бытовскомъ и лаунбургскомъ, на границахъ Западной Пруссіи, и на берегу моря на западъ до гардскаго озера. Восточная часть этихъ Славянъ называется—какъ и въ Пруссіи—*Кашубы* и *Кабатки* (по платю), жители же двадцати двухъ селъ на берегу морскомъ, между озерами гардскимъ и лебскимъ, сохранили еще старинное племенное названіе, и именуютъ себя *Словинцами*, а свой языкъ—*словинскимъ*, *словенскимъ*. Но вскорѣ, вѣроятно, исчезнуть и эти остатки поморскихъ Славянъ; надъ ихъ германизациею трудятся правительство, церковь и школа; славянской языкъ болѣе извѣстенъ только старикамъ. Читая записки А. Ф. Гильфердинга²⁾, — путешествовавшаго между этими Словинцами и Кашубами,—по неволѣ сравниваешь слова этого русскаго ученаго съ записками востровскаго священника Геннига о люнебургскихъ Славянахъ; то, что два столѣтія тому назадъ происходило въ самомъ западномъ углу балтійско-полабской Славянщины, въ люнебургскомъ Вендландѣ, тоже самое повторяется теперь въ самомъ восточномъ ея углу, въ славянской Кашубіи. Словинцы и Кашубы сами сознаютъ, что они теперь должны всё сдѣлаться Нѣмцами, а славяно-польскія книги и стариковъ надо положить „въ гробъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти старики, сѣтуя на убіеніе славянскаго языка, сказали русскому ученому: „Какъ бы насъ взяли въ Россію, какъ всѣхъ польскихъ!“

¹⁾ Bugenhagen (исп. 1518 г.): Pomerania (Greifswald 1728, p. 21, 49, additam. p. 3), Kantzow: Pomerania (I. 1, II. 404). Срв. тоже Krantz: Wandalia I. c. 6, VII. 10. Бандовъ жалветъ о гибели поморскихъ Славянъ, которыхъ (испеге армен Wenden) истребили Нѣмцы, призванные княземъ Богуславомъ. Онъ отчасти знаетъ славянской языкъ, объясняя наприм. имена Bugslaff—gots wort, Dobrislafa—gut wort, Miroslafa—wort des friedes, Caszemur—friedbrecher, Schwantepolek—heilig land; производятъ имя Богдановъ (Bugdan) въ Волянъ отъ словъ сказанныхъ однимъ Поморяниномъ Оттоу бамбергскому: Bog dal ize sien nie zabil.

²⁾ Остатки Славянъ на южномъ берегу балтійскаго моря (Этнограф. Сборникъ, т. V., 1862).

Слѣды Славянства въ нижненѣмецкомъ нароdonаселеніи.

Главнымъ и едва ли не единственнымъ остаткомъ погибшихъ полабско-балтійскихъ Славянъ являются географическія названія, которыя, не смотря на всѣ перемѣны, сохранились до нашего времени. Затѣмъ кромѣ географическихъ названій осталось очень мало такого, что бы напоминало о существованіи Славянъ въ балтійскихъ странахъ. Не имѣя возможности изслѣдовать данный предметъ на мѣстѣ, и будучи лишены многихъ весьма существенныхъ пособій, мы не можемъ здѣсь подробно разсматривать этотъ вопросъ, а можемъ указать только на очень немногіе слѣды Славянства въ народонаселеніи сѣверной Германіи.

Мѣсто славянскаго языка занялъ здѣсь вездѣ языкъ нѣмецкій, именно нарѣчіе такъ называемое „сасское“; его принесли съ собою нѣмецкіе колонисты, его же приняли и Славяне. Примѣръ такой постепенной замѣны родного языка нѣмецкимъ мы представили выше, говоря о германизациі люнебургскихъ Славянъ; мы видѣли, какъ у залабскихъ Славянъ, вслѣдствіе вѣкового давленія высшихъ слоевъ, славянскій языкъ мало по малу уступалъ нѣмецкому, какъ Славяне принимали въ свой языкъ все больше и больше нѣмецкихъ словъ, пока наконецъ нѣмецкій говоръ не вытѣснилъ совсѣмъ старинный языкъ отцовъ. То, что мы могли прослѣдить у залабскихъ Славянъ, происходило и у остальныхъ Славянъ въ Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Поморьѣ и Ранѣ, то происходитъ и у послѣднихъ жалкихъ остатковъ балтійской Славянщины, у Словинцевъ и Кашубовъ.

Съ своей стороны исчезающіе Славяне внесли очень немногое во входящій въ общее употребленіе въ сѣверо-восточной Германіи нижненѣмецкій языкъ—нѣсколько словъ, уцѣлѣвшихъ въ древнихъ памятникахъ и отчасти въ устахъ народа до сихъ поръ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ извѣстныхъ намъ словъ, ¹⁾ славянское про-

¹⁾ Эти немногія слова собраны изъ разныхъ вышеупомянутыхъ словарей (Haltaus, Schütze, Dähnert, Danneil), изъ грамотъ, лѣтописей и др. памятниковъ. Слова, встрѣчающіяся только въ древнихъ памятникахъ, означены звѣздочкой *. Жаль, что прекраснѣйшій словарь нижненѣмецкаго языка Ковегартена (Wörterbuch der niederdeutschen sprache, Greifswald 1856—1860) прекратился въ самомъ началѣ; словарь, который издаютъ Schiller u. Lübben:

исхожденіе вторыхъ болѣе или менѣе ясно; у нѣкоторыхъ оно сомнительно. Вообще мы не беремъ на себя окончательнаго опредѣленія каждаго слова, предоставляя это лучшимъ знатокамъ обонхъ языковъ. — **Bardesniker*, бартники. См. стр. 97. — *Batschen, batsen* (помор.), бить, толкать; срв. слав. бацать. — **Chues* (мекленб.), спальни (*verschlossene bettschar oder schlafstelle, Franck*); срв. ключъ. — **Cewör* (древнерюг.), сворь, союзъ; срв. стр. 209. — *Dörntse, dörens, dönsse, dönn, dönsse* (у Древлянъ *дварница*, у Кашубовъ *дворница*) — во всей сѣверо-восточной Германіи комната съ печкой; *spinnhörntse-sjinnstube*. Въ звѣринскомъ замкѣ были въ XVI вѣкѣ *hof-dornits* (*hofsaal*) и *dorntsen* (*zimmer*). Нѣкоторые примѣры см. въ словарѣ Шиллера и Люббена. — **Gard*, на Ранѣ до XVI вѣка судъ, судебный округъ, городъ. Срв. выше, стр. 208. — *Glupesck* — лукавый, коварный, неожиданный (глупъ?). — *Gnêw, gnêwig* (въ Ст. Маркѣ) — въ дурномъ расположеніи духа; *gnêw* (subst); слав. гнѣвъ. — *Hisch* см. *Kiets*. — *Chalupp*, въ Поморѣ у Стола, халуца, хата. — **Chimmeke*, привидѣніе; *ein poltergeist, den die unseren Chimmeken (der Chimmeke) pennen*, шипеть Канцовъ въ XVI вѣкѣ; срв. латыш. *kēms* — привидѣніе, *kobold*, русск. *хихимора*. — *Katen, kote*, называются въ сѣверо-восточной Германіи домики поденьщиковъ, батраковъ (*katenleute, köter*). Считаеиъ это слово славянскимъ, *хата*. Кашубы тоже знаютъ это слово *kota, ката*, что означаетъ больше чѣмъ *bуди* (рыбарска буда, паньска ката). Уже въ древнихъ памятникахъ XIII в. встрѣчаеиъ это слово: *cota, kathen, coten, choten, chothere, cotere, domunculae quae choten vulgariter appellantur, mansiones chothere vulgariter appellatae* (1254). Собственникъ ваты или хаты *köter* — вѣроятно *хатарь*, какъ отъ хнза — хнзарь, отъ домка — домварь, отъ хѣжки — хѣжкаръ. Отъ слова *kote* происходитъ также извѣстное въ сѣверо-восточной Германіи слово *kossate* — мелкій крестьянинъ (*viertelhüfner*), въ стар. памятникахъ — *cotere, cotarius, cotsatus (casarii qui vulgariter dicuntur kotere)*; бранденбургская земская книга 1375 г. объясняетъ: *cossati proprie de kotseter* (т. е. *kotsitzer*). См. въ словарѣ Шиллера и Люббена *kote, koterer, kotsete, kotstede* etc. Въ нѣкоторыхъ странахъ употребляется форма *kussa, kotse, kotzen*, срв. слав. *хижа*, кашуб. *хича* — изба, *хече* — жилой домъ. Въ Ольденбургѣ слово *kitsen, ketzen* значило при-

стройку (*nebenwohnung*, Schiller и Lübben).— *Kamp, kempе*, поземельный участокъ (поле, лугъ, роща), обведенный заборомъ или рвомъ. Срв. польск. *кера*, малорусск. *купина*, и чешск. *Капра* (название острова въ Прагѣ). Шиллеръ и Люббенъ не рѣшаются объяснить это слово (*ableitung unsicher*).— *Kiets, hisch, kietsер*— хывъ, хыва, хыва, хыварь. См. выше, стр. 87.— *Kläöw* (въ Ст. Маркѣ), печенье изъ пшеничной муки, круглое или въ видѣ полумѣсяца, которое прежде пекли въ Рождеству. **Kleve* (мекленб.), родъ хлѣба, *eine art von brod* (Франск). Срв. слав. хлѣбъ. Другое тому подобное печенье называютъ „Венди“ въ Старой Маркѣ и въ Люнебургѣ—*rageleit* (см. стр. 65).— **Knese, knesis*— князь, княжичъ, слова извѣстныя въ Мекленбургѣ до XIV, на Ранѣ до XVII вѣка. Срв. выше, стр. 151 и 187. Въ Гюстровѣ варилось крѣпкое пиво *knisenak*; это названіе производятъ отъ слав. князь (*knise*)—господское пиво (*hergenbier*). V. Schiller u. Lübben.— **Korets*, корецъ, на Ранѣ еще въ XIV в. См. стр. 210.— **Kreitzmer* (у Канцова), корчма.— *Kulprasse* (помор.), волбаса.— *Luch, luh, lauch, leuch, luge*— лугъ (*bruch, sumpf*). Въ Поморѣ у Щетина находится *das grosse gelüche*, въ Бранденбургѣ *Rhinluch* (у рѣки Рына), *Havelländisches luch*. Это слово встрѣчается часто въ грамотахъ, на пр. *der Radenschlewische lug* (бранденб. 1530), *werder, weidbruch* и *lauch* (мекленб. 1580). Мекленбургскій ученый Кляндрианъ объясняетъ одну латин. грамоту: *die helffte des morasses oder luhes* (1603). Переимѣна кореннаго *у* въ *eu, ay* замѣтна уже въ XII вѣкѣ (*loug*, срв. стр. 29).— *Mäd* (Ст. Марка), напитокъ изъ *меду* и воды; литер.-нѣм. *meth*.— *Mare* (помор.), *Mortrieden* (мекл.), кошмаръ (*alp, alpdücken*); срв. слав. мора.— *Mogillen, mogrillen*, въ восточной Помераніи, около Новаго Щетина и Бѣлгарда—могилы (*heidengräber*).— **Niwade, nyewede*, неводъ. См. стр. 103, 113.— *Pietsche* (мекл.), бичъ, слово принятое и въ литер. языкъ нѣмецкій, *peitsche*.— *Pätsch* (въ Ст. Маркѣ), широкое весло; срв. чеш. *орабіна*.— *Plümen, plümn*, дохмотья; срв. слав. плены, пелены.— *Pracher*, въ сѣв. Германіи—нищій; срв. древян. *прісѣтъ*—просить милостыни, *прісаръ*—нищій.— **Pretzen* (помор.), браслетъ; срв. слав. перстень.— *Pülle* (помор.)—сосудъ для питья (въ Берлигѣ *pulla-bouteille?*), *püllen*—напиваться, *pillkroog*—корчма. (Слав. пить?).— *Quad*, злой, скверный; срв. слав. худъ, древян. *хеуды* (*schlecht, böse*).— *Quast*, метелка изъ ситника, волосъ или щетины. (*Quaste* или слав. хвостъ? Срв. древян. *хјістъ*—помело, чеш. *chvoště*—метла).— **Rattagger* (помор.), ратай (пахарь); древян.

ратой — pflüger, häcker. — *Schummern*, слав. сумерки? — *Slave* (помор., гольштейн.), каторжникъ, *slaven* — исполнять каторжную работу, *slaverij* — тяжелая, каторжная работа. Въ Поморьѣ и др. названіе „Славянинъ“ приняло такое же постыдное значеніе, какъ во всей Германіи и вообще у всѣхъ германскихъ и романскихъ народовъ (*sklave*). Но въ Мекленбургѣ слово *slaw* (по свидѣтельству Музеуса) означаетъ большого человѣка, нѣчто въ родѣ извѣстнаго *hüne* (исполнѣнъ). — *Slodikk* (помор.), родъ яблока; срв. польск. *ślodki*. — **Temniſe*, темница, тюрьма (въ Ростовѣхъ 1471 г.). Это слово было извѣстно до XVI вѣка и въ полабско-сербскихъ странахъ, на пр. въ Галле, Лейпцигѣ, Эрфуртѣ, Наумбургѣ. (*Halt-aus*). — *Tollatschen* (на Ранѣ), пироги съ начинкой, колачи. Это слово знали еще въ XVI вѣкѣ въ Мишнѣ (Meissen) — *kolitsch*, *kalatsch*, и оно до сихъ поръ извѣстно Нѣмцамъ въ Чехіи (*böhmische kolatschen*). — *Waddik*, *watk*, *watke*, сыворожка, сыроватка (слав.?). — *Wetik*, *veitken*, селезень, утки (слав.?). — *Wört*, *würt*, *wühd*, малое поле, садъ или пастбище; *wortzins* — *sensus de areis*. Слово славянское или германское? Срв. слав. ворать (орать, пахать), и англосакс. *wurdh*—*areis*, *wyrdhland*—пашня. — **Wuttschken*, свободные крестьяне. См. стр. 71. — *Zeeze* (пом.), сѣть. — **Zube* (пом.), длиннополое платье, особенно женское, опушенное мѣхомъ, шуба. У Словинцевъ и Кашубовъ *шуба* значитъ всякое длиннополое платье. — Что касается слова *jodute*, *tojoduthe* — крикъ нападаемыхъ (срв. Grimm's *rechtsalterth.* 877, *Meklenburg. jahrb.* VI. 190, *Forschungen zur deutschen geschichte* 1866, VI. 225), — то оно не славянское (Мацѣвскій *Hist. praw. słow.* III. 281, сравниваетъ его съ „идите“), а нѣмецкое; оно уже въ 1287 г. въ Висмарѣ переводится *tojoduthe*—*trahite foras* (т. е. *ziehet aus*).

Наконецъ нѣкоторые славянскія слова перешли въ балтійскія страны уже позже, изъ Руси, вслѣдствіе торговыхъ сношеній ганзейскихъ городовъ съ Русью; на пр. *gridemisse* (гридница), *kopken*, *kopeken* (копѣйки), *lasten*, *lasteken*, *laschizen* (ласицы, мѣха).

Нѣтъ сомнѣнія, что близкій наблюдатель и знатокъ быта простаго народа въ Мекленбургѣ, Помераніи и Бранденбургѣ съ одной стороны и быта западныхъ Славянъ съ другой, найдетъ въ обычаяхъ, преданіяхъ и пр. сѣверовосточной Германіи кое-какіе слѣды Славянства. Больше всего сохранилась старина между оубеченными потомками люнебургскихъ „Вендовъ“.

Нѣмецкій элементъ въ своемъ стремленіи на востокъ не оставился на границахъ Польши. Съ одной стороны онъ сталъ проникать въ Силезію и вскорѣ завоевалъ себѣ здѣсь высшія сословія, а отчасти и сельское народонаселеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ провинія и въ собственную Польшу, и водворился особенно въ ея городахъ. Съ другой стороны вѣдрились нѣмецкіе крестоносцы и на сѣверной границѣ Польши, въ землѣ Прусовъ, покорили и истребили это литовское племя, и наконецъ оторвали отъ Польши восточное Поморье, а также нѣкоторыя ея сѣверныя полосы. Только съ напряженіемъ всѣхъ силъ удалась Польшѣ поразить этихъ опасныхъ враговъ, и возобновить свое владычество на балтійскомъ приморьѣ. Но Польша, оставивъ въ Пруссіи князя, хотя и васала польскаго, и допустивъ соединеніе Пруссіи съ вѣковымъ врагомъ всей полабско-балтійской Славянщины, съ Бранденбургомъ, сдѣлала роковую ошибку. Бранденбургскіе курфюрсты провозгласили себя королями прусскими, приобрѣли давно овѣченную землю Пастовичей, Силезію, и стремились къ соединенію главной части своего государства между Лабой и Одрой, съ завислянскою Пруссіей, отдѣленной отъ него польскими владѣніями. Это имъ и удалось въ теченіи второй половины XVIII вѣка: восточное Поморье, Великая Польша и Мазовія сдѣлались прусскими провинціями West-Preussen, Süd-Preussen, Neu-Ost-Preussen. Но на этотъ разъ преемникамъ Альбрехта Медвѣди еще не удалось удержать въ своихъ рукахъ всю захваченную добычу; только восточное Поморье (West-Preussen) и часть Великой Польши (provinz Posen) остались за Пруссіей; остальное присоединено къ Россіи, и сдѣлалось частью царства Польскаго.

Такимъ образомъ ляхское племя, живущее въ восточныхъ окраинахъ Германіи, Кашубы, Поморяне, Мазуры, Поляне, Слззаны, представлены вѣковому давленію нѣмецкому. Ихъ вожди и представители, изнемогая въ неравной борьбѣ, озираются все больше на востокъ, на великое славянское государство, искренно-ли или помимо воли, не беремъ рѣшать. Какъ бы то ни было, но намъ кажется, будто мы слышимъ извѣстное въ древнеримскомъ циркѣ привѣтствіе: Ave, Caesar, morituri Te salutant!

